

61:04-7/82-3

**Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
ДВО РАН**

На правах рукописи

Трёхсвятский Анатолий Владимирович

**Сахалин в системе русско-японских отношений
в XIX в.**

Специальность 07.00.02: отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель:
д.и.н., профессор
А.Т.Мандрик**

Владивосток - 2003

Содержание

Введение. Источниковедение и историография вопроса 4

Глава I. Геополитическое положение Сахалина к началу XIX в. Политика Китая, Японии и России. Начало хозяйственного освоения

1.1 Взаимоотношения коренного населения Сахалина с Юаньской и Минской династиями	27
1.2 Борьба России и Цин за Приамурье в XVII в.	40
1.3 Цинская империя и народы Нижнего Амура и Сахалина в XVIII - начале XIX вв.	55
1.4 Международная посредническая «сантан-торговля» в XVIII – XIX вв.	68
1.5 Исследование Сахалина японцами в XVII – XVIII вв. и их административно - хозяйственная деятельность на юге острова в первой половине XIX в.	76
1.6 Сахалин в планах России в первой половине XIX в.	98

Глава II. Исторические предпосылки возникновения сахалинского вопроса и процесс его разрешения

2.1 Амурский вопрос и превентивное занятие Сахалина в сентябре 1853 г.	121
2.2 Сахалинский вопрос и первая попытка русско-японского территориального разграничения на острове	152
2.3 Крымская война и наращивание русско-японского присутствия на Сахалине	171

Глава III. Сахалин в совместном владении России и Японии. Окончательное решение сахалинского вопроса

3.1 Решение амурского вопроса и дипломатическая борьба за Сахалин	201
3.2 «Временное соглашение об острове Сахалин» и политика нового правительства Мэйдзи в сахалинском вопросе	227
3.3 Хозяйственная деятельность русских и японцев на юге Сахалина в конце 1860-х – начале 1870-х гг.	255
3.4 Дипломатическая миссия Эномото Такэаки и заключение Петербургского договора	270
3.5 Юг Сахалина в составе Российской империи (1875 – 1905 гг.)..	288
Заключение	320
Список использованных источников и литературы	331
Приложение 1. Тексты китайских и японских источников с расставленными знаками пунктуации и переводом на русский язык	344
Приложение 2. Карты и рисунки	359
Приложение 3. Документы на русском языке по Сахалину, хранящиеся в библиотеке университета Хоккайдо	379
Приложение 4. Таблицы	389

Введение. Источниковедение и историография вопроса

Актуальность темы исследования. В настоящее время на Дальнем Востоке России сохраняется сложная geopolитическая, экономическая и демографическая ситуация, на фоне которой продолжается спад торгово-экономических отношений региона с Японией. В этих условиях часть политиков, ученых и общественных деятелей видят причину создавшегося положения в отношениях с соседней страной в наличии территориальной проблемы между Россией и Японией, скорейшее решение которой, по их мнению, привлечет японские инвестиции в экономику региона и будет способствовать прорыву в российско-японских отношениях в целом. В то же время, подобная ситуация породила у части японских политиков и общественности эйфорию по поводу скорейшего решения проблемы по японскому сценарию, предусматривающему передачу южнокурильских островов Японии. Внешнеполитическое ведомство Японии, органы местного самоуправления Хоккайдо прилагают усилия к доведению японского видения проблемы до жителей дальневосточного региона. В связи с этим особую актуальность приобретает объективное понимание администрацией и жителями краев и областей дальневосточного региона России событий, имевших место в российско-японских отношениях в процессе территориального размежевания в XIX в. и осознания места и роли, которую они играли в историческом процессе на Дальнем Востоке.

В последние годы в историографии русско-японских отношений заметна тенденция, которая проявилась в стремлении к переосмыслению ключевых аспектов их развития, к выяснению факторов, оказавших влияние на эти отношения на разных исторических этапах. Одним из таких факторов является наличие территориальной проблемы между Россией и Японией, на протяжении значительного периода существенно осложнявшей двусторонние отношения. Особую актуальность исследованию придает наличие причинно-следственных связей и определенных исторических параллелей между « сахалинским вопросом » и территориальной проблемой второй половины XX в. – начала XXI в. – « проблемой северных территорий », не решенной до настоящего времени и существенно тормозящей поступательный характер российско-японских отношений на современном этапе. Несмотря на различия в подходе сторон к решению сахалинского вопроса – преимущественно военно-политический характер с

российской стороны и экономический с японской, – он был решен исключительно дипломатическими средствами, в чем заключается его историческая актуальность. В то же время необходимо отметить, что «сахалинский вопрос» в определенной степени является производным от «амурского вопроса», существовавшего в русско-китайских отношениях в XVII – XIX вв.

Настоящая работа является одной из первых попыток специального изучения проблемы на новом этапе развития российско-японских отношений, когда перед исследователями стоит задача объективной оценки событий и процессов, имевших место в истории отношений между двумя странами. Все вышесказанное говорит об актуальности избранной для исследования темы. Объективность отражения фактов и событий прошлого, критический анализ утвердившихся точек зрения на проблему связан также с такими важнейшими факторами, как введение в научный оборот новых исторических источников (российских, японских и китайских), методика исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Историографию сахалинского вопроса можно условно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский.

Специальных работ, посвященных рассмотрению процесса территориального размежевания между Россией и Японией на Сахалине в XIX в., в отечественной историографии не имеется, тема изучалась в основном в контексте истории русско-японских отношений, истории дальневосточного региона России и истории международных отношений.

В дореволюционный период вышло значительное количество работ, авторы которых уделили внимание рассмотрению амурского вопроса. В середине XIX в. в России происходит возрастание интереса интеллигентской общественности страны к дальневосточной политике и в том числе к амурскому вопросу. Представители научной и радикальной общественности (Миддендорф, Баласогло и др.), обеспокоенные изменениями в geopolитической ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе, связанными с увеличением активности европейских держав, с одной стороны, и ослаблением Китая, с другой, в своих трудах призывают правительство к проведению более активной политики, усматривая в этом возможность реализации в жизнь концепции цивилизаторской миссии России в Азии. Так, в своем фундаментальном труде А.Ф. Миддендорф¹ подчеркивает значимость Амура для развития всей Сибири; А.П.Баласогло² в меморандуме, составленном для генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьева,

рассмотрев в исторической ретроспективе освоение Восточной Сибири и амурский вопрос, делает вывод о важности Амура с точки зрения геополитического положения России в азиатско-тихоокеанском регионе.

Во второй половине XIX в. в свет выходит ряд работ, авторами которых являлись не профессиональные историки, а непосредственные участники присоединения Приамурья к России и занятия Сахалина, а также военные, инженеры, врачи и ученые, чья деятельность на острове пришлась на период «совместного проживания» с японцами. В частности, ценные сведения о процессе территориального размежевания в Приамурье и на Сахалине, о взаимоотношениях русских, японцев и айнов на острове содержатся в трудах и дневниковых записях Е. В. Путятиной, В.А. Римского-Корсакова, Г.И.Невельского, Н.В. Рудановского, Н.В.Буссе и других³. Большую ценность для исследователей амурского и сахалинского вопроса с точки зрения широкого круга привлеченных источников представляет труд И.П.Барсукова⁴, систематизировавшего официальную и неофициальную переписку, письма и другие документы по истории освоения Приамурья и Сахалина генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьева. Ценные сведения по истории Российско-Американской компании и организованных под ее эгидой экспедиций в Японию, на Сахалин и Курильские острова приводятся в фундаментальном труде историка РАК П.А.Тихменева⁵. Перспективы освоения природных богатств Сахалина, в частности, залежей каменного угля, рассматриваются в работе надворного советника Я.Н.Бутковского⁶, впоследствии предпринявшего попытку претворить в жизнь свой проект и взявшего в арендное содержание Дуйские каменноугольные копи. В труде М.И.Венюкова⁷ содержится оценка стратегического положения острова, состояния русской и японской колонизации; в частности, автор совершенно справедливо обращает внимание на политический характер японской колонизации, предпринятой новым японским правительством.

Подробному описанию положения коренных народов Сахалина посвящены труды Т.М.Августиновича, Ф.М.Депрерадовича, Б.О.Пилсудского⁸. Описанию сахалинской каторги и положению ссыльно-каторжных посвящены труды А.П.Чехова и В.Дорошевича⁹. В работе П.Ю.Шмидта¹⁰ содержится критический анализ состояния различных отраслей хозяйства Сахалина, на основании которого ученый приходит к выводу, что только полное упразднение каторги является «наиболее рациональным, но, разумеется, и наиболее трудным способом

вдохнуть в остров новую жизнь». Состоянию рыбных промыслов Сахалина и положению, занимаемому на них японскими рыбопромышленниками, посвящены публикации Г.А.Крамаренко и Н.В.Кирилова¹¹. По мнению Крамаренко, который сам был рыбопромышленником, русские рыбопромышленники нуждались во всесторонней поддержке государства; с ним не согласен Кирилов, который считал, что государственный интерес в деле рыбных промыслов на Сахалине должен был состоять в привлечении к ним не только весьма немногочисленных рыбопромышленников, но и широких слоев русского населения острова и организации системы рыбаков – кустарей.

По широкому кругу вводимых в научный оборот японских источников по истории русско-японских отношений в целом и процесса территориального размежевания между Россией и Японией на Сахалине и Курильских островах не имеет себе равных фундаментальный труд Д.А.Позднеева¹². В ней содержатся подробные материалы по истории исследования и освоения японцами Хоккайдо, юга Сахалина и южных Курил, приводятся сведения о ранних российско-японских контактах и различных аспектах российско-японских отношений до середины XIX в. По мнению автора, задача, стоящая перед исследователями российско-японских отношений, состоит не только в изучении фактической стороны, но и в изучении японской историографии этих отношений. Значительный интерес представляет труд С.И.Новаковского¹³, являющийся одной из первых работ, в которой предпринята попытка систематизации истории русско-японских отношений. В работе, вышедшей в Японии, где ее автор оказался после революции, рассматриваются история продвижения русских к Тихому океану, первые контакты японцев и русских, русские миссии в Японию в первой половине XIX в., вплоть до миссии Н.Н.Муравьева в Эдо в 1859 г.

Работы вышеуказанных и других дореволюционных авторов особенно ценные тем, что они свободны от идеологических штампов, натяжек, а зачастую и прямой фальсификации исторических фактов, иногда встречающейся в трудах некоторых советских историков послевоенного периода.

Подробный анализ советской историографии истории открытия и исследования Сахалина и Курильских островов был выполнен сахалинским историком М.С.Высоковым¹⁴. Со второй половины 1920-х гг. до середины 1950-х гг. вопрос открытия и исследования Сахалина в той или иной степени затрагивался в ряде научно-популярных и публицистических книг, в

частности, в работах В.Е.Глуздовского, С.Знаменского, Ю.Жукова, А.Н.Рыжкова и др.¹⁵ Как подчеркивал Высоков, для большинства работ того периода характерно отсутствие критического подхода к использованию литературных источников, большое количество фактических ошибок и изрядная доля вымысла. В послевоенные годы после включения Южного Сахалина вместе с Курильскими островами в состав СССР в силу господствовавших в то время идеологических установок перед исследователями была поставлена задача по разоблачению фальсификаций идеологов империализма и обоснованию неотъемлемых исторических прав на Сахалин и Курильские острова. Характерной особенностью работ советских историков тех лет, в которых в той или иной степени затрагивался сахалинский вопрос, было игнорирование роли Японии в сахалинской истории. Это, в частности, характерно для работ А.И.Алексеева¹⁶. Совершенно бездоказательно о проникновении на Сахалин русских в первой половине XVII в. и о возникновении там в XVIII в. постоянных русских поселений писал И.А.Семченко¹⁷. Русский приоритет в открытии Сахалина подчеркивал в своем труде Б.П.Полевой¹⁸. Ценным источником по истории открытия Сахалина русскими являются труды А.В.Ефимова и Б.О.Долгих¹⁹.

В рассматриваемый период происходит также значительное усиление интереса к амурскому вопросу в общем контексте русско-китайских отношений; выходит в свет работа П.И.Кабанова, публикуются труды Г.И.Мелихова, Е.Л.Беспозванных, В.С.Мясникова, отличающиеся многогранным и взвешенным подходом к проблеме, а также фундаментальный коллективный труд «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма»²⁰. В историографии русско-японских отношений советского периода и поныне не потеряли свою актуальность труды Э.Я.Файнберг и Л.Н.Кутакова, не имеющие себе равных по вводу в научный оборот исторических источников российской стороны²¹. Труды содержат ценнейший фактический материал по истории зарождения русско-японских отношений и возникновения сахалинского вопроса, а также дипломатических переговоров по территориальному размежеванию на Сахалине вплоть до 1875 г. Вместе с тем, вызывает возражение поверхностная оценка авторами масштабов японского присутствия на юге Сахалина, сводимого ими только к японским рыбакам. В действительности крайний юг Сахалина находился под административным контролем бакуфу и княжества Мацумаз с начала XIX в. Работам присуща также негативная оценка в рамках идеологических установок того периода

результатов территориального размежевания между Россией и Японией и переоценка влияния «третьих стран» - Голландии, Великобритании и США, не заинтересованных в поступательном развитии этих отношений. По нашему мнению, не соответствует действительности отрицательная оценка Л.Н.Кутаковым Петербургского договора как навязанного Японией России; недостаточно убедительными выглядят такие доводы, как постоянная «занятость» России в европейских делах, что мешало ей сосредоточиться на решении сахалинского вопроса.

Постсоветский период изучения проблемы начался в конце 80-х – начале 90-х гг. В этот период идет смена методологических ориентиров; для него характерно также возрастание интереса дальневосточных исследователей к широкому спектру проблем, связанных с открытием и началом присоединения Забайкалья и Приамурья к России и пограничным размежеванием с Китаем; в частности, данную проблематику разрабатывали в своих трудах такие исследователи, как А.Р.Артемьев, А.С.Мамай, В.С.Мясников, Б.П.Полевой, В.А.Тураев и др.²² Экономическую и социальную историю Сахалина второй половины XIX – начала XX вв. в данный период рассматривали в своих публикациях сахалинские исследователи – М.С.Высоков, А.И.Костанов, И.А.Самарин и др.²³ В 90-х гг. был опубликован труд А.Т.Мандрика по истории рыбной промышленности Дальнего Востока, в котором подробно рассматривается состояние рыбных промыслов на Сахалине во второй половине XIX – начале XX вв.²⁴

Среди работ, вышедших в последние годы, интересным фактографическим исследованием по истории зарождения русско-японских отношений, «свободным от политических пристрастий», как заявлено в аннотации, является монография К.Е.Черевко²⁵. В работе широко представлены не публиковавшиеся до этого архивные исторические материалы российской стороны. В то же время достойно сожаления некритическое восприятие автором сведений, приведенных ранее Э.Я.Файнберг в ее монографии, о существовании мифической русской колонии в заливе Анива. Требуют критического восприятия и приведенные автором сведения о контактах антисёгунской оппозиции в Нагасаки с находившейся там миссией Резанова.

Значительное внимание сахалинскому вопросу и процессу территориального размежевания между Россией и Японией уделяла зарубежная историография, в частности, японская. Подробный анализ достаточно обширной исторической литературы, посвященной истории русско-японских отношений, был выполнен учеными Института истории, археологии и

этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и обобщен в соответствующем сборнике²⁶.

Большинство довоенных японских авторов подходило к освещению истории Сахалина и вопросу территориального размежевания на острове с националистически - патриотических позиций, подчеркивая экспансионистский характер российской внешней политики на Дальнем Востоке, с одной стороны, и наличие с древнейших времен тесных исторических связей айнов Сахалина и Курил с Японией, с другой²⁷. В работах того периода русские научные источники практически не упоминались, а существование северной части острова просто игнорировалось; характерной их особенностью являлось также наличие обязательных идеологических штампов того времени (например, освоение русскими Дальнего Востока обозначается словом «синряку» - агрессия). В этот период взаимоотношения народов Приамурья и Сахалина с Китаем в средние века по китайским историческим источникам исследовали Сиратори Куракити, Тории Рюдзо, Вада Сэй, Найто Конан (Торадзиро)²⁸.

Несмотря на то, что после войны и возвращения южной части Сахалина СССР интерес к изучению истории Сахалина в Японии резко упал, в послевоенной историографии тему культурного взаимодействия народов Приамурья и Сахалина с китайской цивилизацией продолжали исследовать Вада Сэй, Хора Томио, Икэгами Дэиро²⁹. В 90-х гг. тему культурных контактов народов Северо-Восточной Азии, взаимосвязи народов Сахалина с Китаем и Японией и истории айнской культуры разрабатывали Кикути Тосихико, Сасаки Сиро, Эмори Сусуму, Накамура Кадзуруки и др.³⁰

К историографии проблемы в определенной степени имеют также отношение работы Исии Ко и Ясуока Акио, посвященные изучению дипломатии правительства Мэйдзи³¹. Значительное внимание механизму управления землями Эдзо в эпоху бакумацу, а также влиянию, которое оказал сахалинский вопрос на формирование внешней политики нового правительства Мэйдзи, удалено в работах Фумото Синъити³². Особый интерес представляет его анализ расстановки политических сил в правительстве Мэйдзи по сахалинскому вопросу. Истории картографии Северо - Восточной Азии, а также исследованию Сахалина японцами в XVII – XVIII вв. и их административно - хозяйственной деятельности на юге острова, процессу территориального размежевания на острове между Россией и Японией посвящены труды Акидзуки Тосиюки³³. В «Японо-российских отношениях и острове Сахалине» г-н Акидзуки обобщил итоги многолетних исследований архивных материалов княжества Мацумаз, бакуфу, губернаторства Хакодатэ и

Колонизационного бюро. Сопоставляя японские материалы с источниками на русском языке, автор подробно анализирует историю возникновения сахалинского вопроса и причины возникновения страха японцев перед территориальной экспансией России. В монографии подробно разбираются ход и итоги всех русско-японских дипломатических переговоров, на которых в той или иной степени затрагивалась тема Сахалина. Хронологически работа очерчивается рамками 1875 г., когда Россия и Япония, заключив Петербургский договор, подвели черту под сахалинским вопросом середины XIX в. Проанализировав дальнейший ход событий, связанных с Сахалином, автор приходит к выводу, что «проблема северных территорий» второй половины XX в. является в определенной степени продолжением «сахалинского вопроса» середины XIX в. В работе широко представлены ценные, нигде ранее не публиковавшиеся исторические источники; в силу того, что в японской историографии работа не имеет себе равных в освещении данного аспекта русско-японских отношений, нами был осуществлен ее перевод и публикация на русском языке³⁴.

В англоязычной историографии существует лишь небольшое количество работ, посвященных истории русско-японских отношений и Сахалину. В частности, ценные свидетельства о пребывании русской эскадры в Японии и путевые заметки о Приамурье оставил английский путешественник Генри Тилли, сопровождавший миссию Н.Н. Муравьева в Эдо³⁵. Подробное описание присоединения Приамурья к России и освоения этого края можно найти у Е. Равенштейна, а также в монографии Гольдера³⁶. Проблема русско-японского территориального разграничения на Сахалине рассматривается Гаррисоном в его монографии³⁷. Самый фундаментальный труд, написанный англоязычным автором об истории русско-японских отношений – это «Русские открывают Японию» Георга Ленсена³⁸; автор подробно анализирует русские и японские источники и рассматривает сахалинский вопрос середины XIX в. в контексте политики ведущих европейских держав и США в отношении Японии. Подчеркивая мирный характер российской дипломатии, автор отмечает, что для правильной оценки ее действий необходимо учитывать всесторонние аспекты отношений России не только с Японией, но и с ведущими европейскими странами. По мнению автора, активизация азиатской политики России в середине XIX в. напрямую связана с поражением политики на Балканах. В последние годы вышла в свет монография Дж. Эванса, посвященная амурскому вопросу³⁹. По мнению автора, Муравьев преувеличивал угрозу Приамурью со

стороны Англии, так как в действительности Северо-Восточная Азия в целом и дельта Амура в частности были далеки от основного направления британских интересов в Азии. Марк Бассин в своей работе предпринял интересную попытку «культурной конструкции географического пространства» на примере Приамурья⁴⁰. В труде подробно рассматривается изменение представлений российской общественности об Амуре на протяжении разных исторических эпох: от представлений о Приамурье в XVII в. как естественно-пространственном регионе с богатым продовольственным потенциалом до представлений в XIX в. об Амуре как стратегической транспортной артерии, связывавшей Сибирь с тихоокеанским регионом. По мнению автора, уже в 1840-х гг. присоединение Приамурья рассматривалось российской научной и радикальной общественностью как важное средство преодоления сверхконсервативного застоя режима Николая I; Амур стал примером оптимистических ожиданий русской интелигенции по поводу цивилизационной миссии России в Азии. Истории Сахалина посвящена работа Дж. Стефана⁴¹. Труд интересен тем, что является практически единственной работой, в которой была предпринята попытка «склеить» японские и русские отрезки в истории Южного Сахалина. Автор опирается не только на японские и русские материалы, но и использует исторические источники других стран, в том числе неопубликованные. Автор отмечает, что Петербургский договор 1875 г. являлся реалистичным разрешением проблемы для обеих сторон, так как к 1875 г. Россия фактически владела островом, располагая несомненным превосходством и по числу поселенцев, и по военной мощи. К сожалению, и в этой работе сахалинский вопрос середины XIX в. затрагивается лишь в самом кратком виде; в ряде мест заметно также влияние тенденциозных вторичных источников обеих сторон.

Из представленного выше обзора историографии можно сделать вывод о том, что в отечественной и зарубежной историографии накоплен большой фактический и научный материал. В то же время необходимо отметить, что многие труды отечественных и зарубежных историков принадлежат к двум обособленным направлениям в историографии проблемы, практически не имеющим точек соприкосновения, вследствие чего нередко абсолютно противоположная трактовка одних и тех же событий и явлений. Среди причин можно назвать не только необходимость придерживаться жестких рамок идеологических установок своего государства, как это было в недавнем историческом прошлом, но также и

необходимость сравнительного изучения исторических источников России и Японии; трудность состоит не только в языковом барьере, но и в необходимости розыска и введения в научный оборот исторических документов в обеих странах. В связи с этим, несмотря на определенную степень изученности сахалинского вопроса в отечественной и зарубежной историографии, существует необходимость его специального самостоятельного исследования.

Цель и задачи исследования.

Целью исследования является изучение процесса территориального размежевания между Россией и Японией на Сахалине в XIX в.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть геополитическое положение Сахалина к началу XIX в. и отношение к нему Китая, Японии и России.
- осветить исторические предпосылки возникновения сахалинского вопроса, для чего рассмотреть амурский вопрос середины XIX вв., процесс присоединения к России Приамурья в 1850-х гг., превентивное занятие Сахалина в сентябре 1853 г. и влияние, которое оказала Крымская война на дальнейший ход русско-японского территориального разграничения на острове.
- рассмотреть и проанализировать политику России и Японии в сахалинском вопросе, в том числе двусторонние договоры, регулирующие правовой статус Сахалина, а также влияние «третьих стран» на политику двух государств в данном вопросе.
- проследить результаты хозяйственной деятельности русских и японцев на юге Сахалина в конце 1850-х – начале 1870-х гг. в период «совместного проживания», а также после заключения Петербургского договора, в частности, деятельность японских рыбопромышленников на острове в 1875 – 1905 гг.

Источниковая база исследования. Основу исследования составили отечественные и зарубежные опубликованные и неопубликованные источники, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые.

Отечественные источники:

Группа опубликованных источников представлена нормативно-правовыми актами, правительственные постановлениями, инструкциями ведомств и учреждений, статистическими сборниками, материалами периодической печати.

Нормативно – правовые акты, в частности, двусторонние русско-японские договоры, регулирующие правовой статус Сахалина, русско-китайские договоры по территориальному разграничению в Приамурье, правительственные постановления и инструкции главам дипломатических миссий и местных администраций были помергнуты в сборниках «Договоры России с Востоком, политические и торговые», «Дополнения к актам историческим», «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год», «Русско-китайские отношения в XVII веке», «Русско-китайские отношения в XVIII веке», «Русско-китайские отношения в XIX веке» и ряде других.

Определенное место в комплексе опубликованных источников занимают статистические сборники, в частности, «Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1851 год», «Сахалинский календарь на 1898 г.». Содержательными источниками являются также опубликованные в середине XIX – начале XX вв. дневниковые записи и труды побывавших или служивших на Сахалине военных, чиновников и ученых. Были также использованы материалы газеты «Владивосток».

Приоритетное место как основной компонент источников базы при исследовании истории сахалинского вопроса занимают архивные документы. Автором изучены и обобщены материалы двух архивов - Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) и Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ).

Значительной документальной базой по теме исследования располагает Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). В фондах Главного Управления Восточной Сибири (ф.701) содержатся документы «Дела о передаче Курильских и Командорских островов в управление начальства Приморской области» (ф.701, оп.1, д. 12), «Переписки с Министерством внутренних дел о переселении Курильцев на русскую территорию» (ф.701, оп.1, д. 35), «Дела о переоселении инородцев с Курильских островов на русскую территорию» (ф.701, оп.1, д. 45), представляющие большой интерес для исследования. Ценные источники, повествующие о масштабах японских промыслов на Сахалине после 1875 г. и о правовом положении японских рыбопромышленников, содержатся в «Докладе и переписке с военным губернатором о правах японцев на лов рыбы у берегов Сахалина» (ф.701, оп.1, д. 54). Важные для исследования данные содержатся в документах образованного при МВД Комитета по вопросу об организации каторжных работ на Сахалине и о передаче Дуйских

каменно-угольных копей в арендное содержание надворному советнику Бутковскому, заседание которого проходило 10 – 12 марта 1876 г. (ф.701, оп.1, д. 245).

В фондах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), в частности, Канцелярии Морского министерства (ф. 410), содержится ценная информация о решении амурского вопроса и территориальном размежевании на Сахалине. Автором были изучены и использованы в работе документы, содержащиеся в переписке великого князя Константина Николаевича и генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьева, отчеты и рапорты Г.И.Невельского и других участников Амурской экспедиции, в том числе о занятии Сахалина, о нападении англо-французского флота в августе 1854 г. на Петропавловск - Камчатский и организации его обороны под руководством В.С.Завойко и другие ценные документы.

Зарубежные источники:

Группа японских опубликованных источников представлена нормативно-правовыми актами, постановлениями и инструкциями ведомств и учреждений Токугавского сегуната и правительства Мэйдзи, сводками и отчетами местных властей Сахалина и Хоккайдо, статистическими сборниками, материалами периодической печати.

Нормативно – правовые акты, в частности, двусторонние договоры, заключенные с иностранными государствами, в том числе с Россией в XIX в., были почерпнуты в сборнике «Тэймэй каккоку дзёяку исан» (Сборник договоров, заключенных с зарубежными странами), правительственные постановления, инструкции, сводки и отчеты – в сборнике исторических материалов Исторического архива Токийского университета «Исторические документы Великой Японии – Документы об отношениях с иностранными государствами в эпоху бакумацу» (ДайНиппон сирё - Бакумацу гайкоку канкэй мондзё), выпуск которого начался в 1912 г. и продолжается по настоящее время. Материалы, представленные в сборнике, систематизированы по странам и охватывают период с 1854 по 1861 гг. Особое значение для анализа политики правительства Мэйдзи в сахалинском вопросе имеют материалы сборника «ДайНиппон гайкомондзё» (Дипломатические документы Великой Японии), выпускаемого с 1936 г. архивным отделом МИД Японии (впоследствии Дипломатическим архивом МИД Японии). Особый интерес представляют документы томов 1-8, имеющие непосредственное отношение к сахалинскому вопросу и содержащие отчеты японских дипломатических миссий, а

также чиновников с Сахалина.

Частично материалы о русско-японских дипломатических переговорах по сахалинскому вопросу были зачерпнуты из обширнейшей ксилографической серии «Цусин дзэнран» (Общий сборник дипломатической переписки), содержащей дипломатические документы бакуфу за 1859 – 1869 гг. Переписка, договорные, торговые и прочие документы с 1861 по 1868 гг., т.е. за последние годы существования бакуфу, содержатся в ксилографической серии «Дзоку Цусин дзэнран» (Продолжение общего сборника дипломатической переписки). Часть источников, в которых освещаются основные направления внешней политики правительства Мэйдзи, была опубликована в серии «Бакумацу Исин гайко сирё сюсэй» (Сборник дипломатических документов эпохи бакуматсу и исин).

Содержательными источниками также являются дневниковые записи, путевые заметки и отчеты чиновников бакуфу и Колонизационного бюро правительства Мэйдзи, служивших на Сахалине или посещавших его, в частности, Мамия Риндро, Мацуура Такэсиро и ряда других. Источниковая база была также дополнена японской периодической печатью второй половины XIX в.: были использованы материалы таких газет, как «Асано симбун», «Хакодатэ симбун», «Отару симбун».

Из опубликованных зарубежных источников особое значение при изучении вопроса об исторической взаимосвязи коренных народов Сахалина с китайскими династиями имеют китайские источники, в частности, изданные ксилографическим способом в КНР и на Тайване династийные хроники «Тун Дянь», (периода Тан (766 – 801 г.)), «Юань ши» (составлена в 1369 г.), «Цинши Даден сойлу» (составлена в 1331 г.). Основными письменными источниками Минского Китая, в которых упоминается о народах Приамурья и Сахалина, являются главная историческая хроника Минской династии «Мин ши лу», в частности, периодов правления императоров Чжу Юнвэя (1399 – 1403 г.) «Мин Тай цзун шилу», Чжу Ди (1403-1424 г.) «Мин Сюань цзун шилу», Чжу Каочжи (1425 – 1426 г.) «Мин Ин цзун шилу», а также «Дамин хуй ден» (1502 г.). Также в качестве источника были использованы географическое описание Минской империи (1461 г.) – «Дамин итунъжи» и географический сборник «Лядунъжи».

Источниковая база исследования была существенно дополнена японскими архивными документами, впервые введенными в научный оборот. Автором были изучены и обобщены материалы ряда японских архивов – Дипломатического архива МИД Японии (Гаймусё

гайкосирёкан), Исторического архива Токийского университета (Токё дайгаку сирё хэнсансё), Северного архива библиотеки университета Хоккайдо, отдела рукописей библиотеки Хоккайдо и отдела рукописей городской библиотеки Хакодатэ.

Значительной документальной базой по теме исследования располагает Дипломатический архив МИД Японии, организованный в 1971 г. на базе архивного отдела министерства. Большая часть оригиналов исторических документов, включая Симодский трактат, была утеряна при неоднократных пожарах, в том числе во время Второй мировой войны; документы были восстановлены по рукописным спискам, сохранившимся в других ведомствах и учреждениях. Всего в Дипломатическом архиве в 8-и фондах имеется 48 тысяч единиц хранения; исторические материалы, имеющие отношение к рассматриваемому в данной работе периоду и частично использованные в исследовании, хранятся в фондах 1 (Политика), 3 (Торговля), 7 (Дипломатическая переписка), отдельном фонде R №6, содержащем оригинальные документы Петербургского договора и Приложения. В фонде 1 содержатся материалы комиссии уполномоченных по передаче Сахалина и Северных Курил (ф. 1, оп. 4/1, д. 3). В фонде 3 находятся материалы дела «Рококурё Сагарэнто гёё хококу» (Отчет о рыбных промыслах на российском Сахалине), содержащего ежегодные отчеты консульства в Корсакове о японском рыболовстве на Сахалине (ф. 3, оп. 5 д. 8, док. 19). Фонд 7 - дело «Рококу райожан» (Дипломатическая переписка с дипломатической миссией России) - содержит дипломатическую переписку российской миссии в Японии с МИД Японии, в том числе по сахалинскому вопросу. (ф. 7, оп. 1/3, д. 36-11).

Ряд неопубликованных источников был изучен также в фондах Исторического архива Токийского университета. В частности, большая часть документов, хранящихся в отдельном фонде «Гаймусё хикицути сёруй» (Документы, переданные из МИДа), в основном объединяющим исторические документы, переданные из различных ведомств и организаций, в том числе МИД Японии, после Второй мировой войны, а также в фонде «Гайхэн» (Дипломатический фонд), относится к периоду бакумацу и охватывает различные аспекты международной политики бакуфу в 1850-1860-е гг. Автором были изучены также отчеты местных губернаторств в Эдо, в том числе чиновников Хакодатского губернаторства (Хакодатэ бутё) о своей административной деятельности на Сахалине и взаимоотношениях с русскими.

Важнейшим источником исследования стали архивные учреждения Хоккайдо, в частности,

«Хоппо сирёсицу» (Северный архив) библиотеки университета Хоккайдо, отдел рукописей библиотеки Хоккайдо, отдел рукописей городской библиотеки Хакодатэ и др. В Северном архиве содержится более 4 500 единиц хранения оригинальных документов и их копий по истории Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов периода Эдо и Мэйдзи, в том числе дневниковые записи чиновников и путешественников, посещавших Сахалин, отчеты и прочая документация Колонизационного бюро. Отдельный картографический фонд архива содержит примерно 5 тысяч карт земель Эдо, включая Сахалин и Курилы. Особую историческую ценность представляют 179 раритетных документов конца XVIII - середины XIX вв. по Сахалину, в том числе письма на маньчжурском и китайском языках от официальных представителей Цин, хранившиеся в доме айнского старейшины Наёро. Большое количество документов относится к периоду совместного проживания японцев и русских на острове и содержит описание конфликтных ситуаций и происшествий. Особый интерес для исследователей истории Сахалина представляет фонд «Мэйдзи сёнэн Карафuto канкэй росиаго мондзё» (Документы на русском языке по Сахалину первых лет Мэйдзи), в котором содержится более 200 официальных документов, направленных командованием Сахалинского отряда местным японским чиновникам; основная часть переписки посвящена конфликтам, возникшим между обеими сторонами в ходе совместного проживания и очень ярко передает атмосферу, сложившуюся на острове в конце 1860-х – начале 1870-х гг.. Часть наиболее характерных документов, использовавшихся при написании данной работы, транслитерирована и помещена в Приложение 3. В отдельном фонде 920 – Коj хранится личный архив Кодзима Куратаро, дневниковые записи которого – «Мэйдзи дзюситинэн рокугацу Тисима рёкоки» (Путешествие на Курильские острова в июне 17 года Мэйдзи) - представляют несомненный интерес для исследователей курильских айнов.

Интересные источники по истории японского освоения Хоккайдо, Южного Сахалина и Южных Курил, а также начального периода русско-японских связей и периода совместного проживания на Сахалине хранятся в архивном отделе городской библиотеки Хакодатэ. В частности, в библиотеке хранится архив известного историка княжества Мацумазэ - Мацумазэ Хиронага, - в целом 19 трудов, включая «Мацумазси» (Описание Мацумазэ) (годы Тэммэй), а также Мацумайский архив, состоящий из 109 единиц хранения и содержащий подробные отчеты мацумайских чиновников, а также копии отчетов чиновников бакуфу по переговорам с

Лаксманом, Резановым, о нападении судов РАК на японские селения в заливе Анива на Сахалине и на Итурупе, включая копию одного из посланий Хвостова на французском языке. Есть материалы о пленении Головнина, а также о переговорах с Путятиным. В архиве хранятся также рукописные копии дневниковых записей Кондо Дзюдзо, отчета Мацуда Дэндзюро и Мамия Риндзо и отчеты других путешественников и чиновников о поездках на Сахалин; 10 единиц хранения, содержащих материалы по переговорам по территориальному разграничению на Сахалине миссий Такэноути и Исикава, в частности, дело «Карафуто кёкай данхан симацу» (Переговоры о границе на Карафуто) (ф. 00250, оп.310, д.3001). В отдельном фонде содержится 226 единиц хранения материалов по Сахалину, включая материалы по японскому рыболовству, а также самые разнообразные статистические данные губернаторства Карафуто. При работе с неопубликованными источниками, хранящимися в японских архивных учреждениях, автор столкнулся с рядом трудностей, среди которых можно назвать прежде всего необходимость поиска и перевода рукописных документов, написанных на древнекитайском и старояпонском языках, имеющих отношение к теме исследования. Многие источники плохо сохранились, идентификация некоторых затруднена, так как отсутствуют необходимые установочные данные. В силу специфики фонетического строя японского языка зачастую непросто установить фамилии и имена представителей российской стороны, упоминаемых в документах. В целом представленный круг источников содержит достаточно обширный фактический материал, позволяющий выполнить поставленные в исследовании задачи.

Объектом исследования является история русско-японских отношений.

Предметом исследования является процесс территориального размежевания между Россией и Японией на Сахалине в XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1853 г. до 1875 г. В сентябре 1853 г. произошло превентивное занятие Сахалина русскими и был основан Муравьевский пост в заливе Анива. Тем самым возник сахалинский вопрос, процесс решения которого длился более 20 лет. В 1875 г. был заключен Петербургский договор, в соответствии с которым Япония уступала России свои права на Южный Сахалин в обмен на Курильские острова севернее Итурупа. Таким образом, период с 1853 г. до 1875 г. может рассматриваться как самостоятельный этап в процессе территориального размежевания между Россией и Японией.

Вместе с тем, при рассмотрении геополитического положения Сахалина во вступительной главе работы был охвачен период с середины XIII в., когда народы Сахалина вошли в число «периферийных» народов Юаньской империи, до начала XIX в., когда юг острова стал объектом административно-хозяйственной деятельности японцев. В заключительной части хронологические рамки были расширены до 1905 г., времени оккупации Сахалина японскими войсками в период русско-японской войны.

Территориальные рамки исследования охватывают остров Сахалин, Приамурье, Курильские острова и Хоккайдо.

Методологическая основа исследования. При проведении исследования автор диссертации использовал такие методологические принципы, как историзм и объективность исторического исследования. При работе над диссертацией использовался метод сопоставительного рассмотрения исторических фактов и их интерпретаций, проблемно-хронологический подход, приемы сравнительного анализа с использованием различных источников и литературы, посвященных данной теме.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в дальневосточной историографии делается попытка осветить геополитическое положение Сахалина к началу XIX в., опираясь на впервые вводимые в научный оборот китайские и японские исторические источники, и в том числе рассмотреть историческую взаимосвязь коренных народов острова с Китаем и Японией через систему «номинального вассалитета»; показать с использованием японских исторических источников, что стремление России в рамках окончательного решения амурского вопроса взять под свой военно-стратегический контроль остров Сахалин привело к активизации политики бакуфу, а затем и нового правительства Мэйдзи, направленной на колонизацию Сахалина; показать, что процесс территориального размежевания на Сахалине, длившийся 20 лет, осуществлялся исключительно мирными, дипломатическими средствами, и что заключенный между обеими странами Петербургский договор 1875 г., окончательно решивший сахалинский вопрос, носил равноправный характер.

Практическая значимость работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть применены при подготовке обобщающих работ по истории Дальнего Востока и Сахалинской области, создании учебных пособий и подготовке лекционных курсов по истории международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе и истории русско-

японских отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в публикациях, прошли апробацию и докладывались на международных научных симпозиумах и конференциях: японо-российской научно-практической конференции историков русской эмиграции (г.Хакодатэ, Япония, 7.06.2002 г.), международном историческом симпозиуме Тохоку-Хоккайдо (г.Хакодатэ, Япония, 27.07.2002 г.), японо-российской научно-практической конференции, посвященной 200-летию МИД России (г.Хакодатэ, Япония, 9.11.2002 г.). Полученные научные результаты, а также собранные в ходе исследования материалы были использованы в преподавании курса истории России в темах, связанных с присоединением и освоением дальневосточного региона, а также внешней политики Российской империи в азиатско-тихоокеанском регионе, при написании учебного пособия «История России с древнейших времен до Русской революции 1917 г.», а также легли в основу курса «История русско-японских отношений», который автор преподавал в филиале ДВГУ в г.Хакодатэ и Хакодатском университете (Япония).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Примечания:

- ¹ Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч.1.– СПб: типография Императорской Академии Наук, 1860
- ² Баласоглу А.П. Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина//Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1875. – Кн. 2
- ³ Путятин Е. В. Всеподданнейший отчет генерал - адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай, 1852 - 1855 год//Морской сборник. -1856. - №10. Римский-Корсаков В.А. Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток»//Морской сборник. – 1858. – Т.35. - №5. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849-1855 гг.. – М.: ОГИЗ, 1947. Рудановский Н.В. По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об Острове Сахалине и экспедиции 1853 года//Вестник Европы. - СПб, 1872. - Кн.8. Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853 - 54 гг. - СПб, 1872 и др.

- ⁴ Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. – М., 1891
- ⁵ Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании и действий ея до настоящего времени.- СПб, 1861
- ⁶ Бутковский Я.Н. Сахалин и его значение. – СПб, 1873
- ⁷ Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб, 1873
- ⁸ Августинович Т.М. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине//Всемирный путешественник. – Февраль 1874. Ф.М. Депрерадович (Депрерадович Ф.М. Этнографический очерк Южного Сахалина//Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. – СПб, 1875. – Т.II, выпуск 1. Пилсудский Б.О. Аборигены о.Сахалина//Живая старина. - С.-Петербург, 1909. - Выпуски II-III
- ⁹ Чехов А.П. Остров Сахалин. Собрание Сочинений, т.10. - М., 1956. Дорошевич В. Сахалин (каталог). – Южно-Сахалинск объединение «ЛИК», Сахалинское отделение ВФК, 1991
- ¹⁰ Шмидт П.Ю. Остров Сахалин//Русское богатство. - СПб, 1905. - №4
- ¹¹ Крамаренко Г.А. О рыбном промысле на р.Амур и о.Сахалин//Вестник рыбопромышленности. – СПб, 1898. - № 10. Кирилов Н.В. Морские промыслы Южного Сахалина//Отчет Общества изучения Амурского края за 1898 г. – Владивосток типография Н.В.Ремезова, 1899
- ¹² Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к материку Азии и России. - Иокогама, 1909
- ¹³ Новаковский С.И. Япония и Россия. - Токио, 1918
- ¹⁴ Высоков М.С. Советская историография истории открытия и исследования Сахалина и Курильских островов. - Южно-Сахалинск, 1984. Препринт
- ¹⁵ Глуздовский В.Е. Советский Сахалин. – Владивосток, 1926. С. Знаменский. В поисках Японии. - Благовещенск, 1929. Жуков Ю. Русские и Япония. – М., 1945. Рыжков А.Н. Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах. - Южно-Сахалинск, 1955 и др.
- ¹⁶ Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849-1855 гг. – М.: Мысль, 1974. Он же. Освоение русскими Дальнего Востока и Российской Америки. – М., 1982. Он же. Геннадий Иванович Невельской. – М.: Наука, 1984
- ¹⁷ Сенченко И.А. Первоначальные этапы освоения острова Сахалина Россией (XVIII - начало

XX в.)// Сборник статей по истории Дальнего Востока. – М., 1958

¹⁸ Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. - Южно-Сахалинск, 1959

¹⁹ Ефимов А.В. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII - XVIII вв. – М., 1964. Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам/сб. статей по истории Дальнего Востока. – М.: изд. АН СССР, 1958

²⁰ Кабанов П.И. Амурский вопрос. – Благовещенск, 1959. Мелихов Г.И. Маньчжуры на Северо-Востоке» (XVII в.). – М.: «Наука», 1974. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в.- Хабаровск Хабаровское книжное издательство, 1986. Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII в. – М.: «Наука», 1980. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. - М.: «Наука», 1991

²¹ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения, 1697 – 1875. – М., 1960. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. – М., 1988

²² Артемьев А.Р. История и археология Албазинского острога/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1995. – Т.2. Он же. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII века/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН, 1998. – Т.3. Он же. Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г./Межвузовский сборник научных трудов «Сибирь в XVII – XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999-2000 гг.». – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2002. Мамай А.С. Споры в русском правительстве по амурскому вопросу (1848-1854 г.)//Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 1996. - №3. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.- М., 1996. Полевой Б.П. Известная членская С.В.Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1995. – Т.2. Тураев В.А. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. //Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1995. – Т.2 и др.

²³ Высоков М.С. Проблема открытия Сахалина в советской исторической

литературе//Проблемы выявления и сохранения памятников истории освоения Сахалина и Курильских островов: Тез.докл. и сообщ.- Ю.-Сахалинск, 1989. Костанов А.И. Освоение Сахалина русскими людьми. – Ю.-Сахалинск Дальневосточное книжное издательство, Сахалинское отделение, 1991. История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней.- Ю.-Сахалинск, 1995. Самарин И.А. Где и когда был поставлен Ильинский пост на Сахалине?//Краеведческий бюллетень. – Ю.-Сахалинск, 2001. - №3. Базалийская О.Т. Из истории заселения о.Сахалин во второй половине XIX века//Краеведческий бюллетень. - Ю.-Сахалинск, 1994. - №2. Шаброва Н.И.Такойские крестьяне//Вестник Сахалинского музея. - Ю.-Сахалинск, 2001. - №8 и др.

- ²⁴ Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. – Владивосток: «Дальнаука», 1994
- ²⁵ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений XVII-XIX века. - М.: «Наука», 1999
- ²⁶ Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке/ сб. научн. трудов под ред. А.И. Крушанова. - Владивосток, 1986
- ²⁷ Тории Рюдзо. Тисима айну (Курильские айны). – Токио: «Ёсикава кобункан», 1903. Карафуто сисэй энкаку (История административного управления Карафуто).- Т.2. – Карафуто: издание Вакита Ёсити, 1912. Хираока Масахидэ. Нитиро косёсива (История японо-русских переговоров). – Токио: Тикума сёбо, 1944. Като Цүёси. Карафуто то гёё (Карафуто и рыбная промышленность). – Хакодатэ: Ассоциация рыбных промыслов ставными неводами Карафуто, 1931 и др.
- ²⁸ Сиратори Куракити. Тодзизай-но карафутото-ни цуйте (Об острове Сахалин в эпоху Тан)/сб.соч. Сиратори Куракити. – Токио: издательство «Иванами сётэн», 1970. Тории Рюдзо. Нурукантосико (Размышления о правительственном посте Нургань), полн. собр. соч. Тории Рюдзо. - Токио: издательство Асахи симбунся, 1976. - Т. 6. Вада Сэй. Сина-но кисай-ни араварэрю Кокурюко карюки-но гэндзюмин (Коренные народы Нижнего Амура в китайских источниках) Тоаси ронсо (Сборник по истории Восточной Азии). – Токио: издательство «Сэйкацуся», 1942. Найто Конан (Торадзиро). Полн. собр. соч. – Токио: издательство «Тикума сёбо», 1970. - Т.7 и др.
- ²⁹ Вада Сэй. Тодай-но тохокуадзиасёку (Страны Северо-Восточной Азии в эпоху Тан/Тоаси

кэнкю (Мансюхэн) (Исследования по истории Восточной Азии, маньчжурская часть). – Токио: издательство «Тоё бунко», 1955. Он же. Минсё-но Мансю кэйряку (Управление Маньчжурией в начальный период Мин)/Тоаси кэнкю (Мансюхэн) (Исследования по истории Восточной Азии, маньчжурская часть). – Токио: издательство «Тоё бунко», 1955. Хора Томио. Карафутоси кэнкю – карафуто то сантан (Исследования по истории Сахалина – Сахалин и Сантан). – Токио: издательство «Синдзюся», 1956. Он же. Мамия Риндзо. – Токио: «Ёсикава кобункан», 1960. Икэгами Дзиго. Карапуто-но Наёро мондё-но мансюбун (маньчжурский текст документов из Наёро)/сб. «Хоппо бунка кэнкю» (Исследования северных культур). – 1968. - №3.

³⁰ Кикути Тосихико. Хокутоадзия кодай бунка-но кэнкю (Исследования древних культур Северо-Восточной Азии). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1995. Сасаки Сиро. Хоппо кара кита коэммин (Торговый народ, пришедший с севера). – Токио: NHK books 772, 1996. Эмори Сусуму. Айну-но рэкиси (История айну)/Хоккайдо-но хитобито 2 (Люди Хоккайдо - 2). - Токио: издательство «Сансэйдо», 1987. Он же. Айны: прошлое и настоящее. Доклад на международной конференции (июнь 1996 г., Владивосток), посвященной 25-летию института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. - Перевод наш. Он же. Айну миндзоку то Андоси (Айнский народ и Андо). Сб. симп. «Цугару Андо и северные земли». – Токио: издательство «Кавадэ сёбо синся», 1995. Такакура Синъитиро. Хоккайдоси (История Хоккайдо). – Саппоро: издательско-плановый центр Хоккайдо, 1995. - Т.1. Он же. Айну сэйсакуси. Симпан (История политики в отношении айнов. Новая редакция). – Токио: «Санъити сёбо», 1972. Накамура Кадзуюки. Кита кара но моко сюрай (Монгольское нашествие с севера)/Сирой куни-но ута. - Сэндай, 2000. - №4. Он же. 13-16 сэйки-но каннихонкай тики-то айну (Регион Японского моря в 13-16 веках и айны)/Тюсэй коки-ни окэру хигаси адзия-но кокусай канкэй (Международные отношения в Восточной Азии в позднем средневековье). – Токио: издательство Ямакава, 1997. Он же. Китано «Вакотэки- дзёкё» то соно какудай (Северные «вако» (пираты) и расширение сферы их деятельности)/сб. «Китано найкай сэйкай» (Мир северного внутреннего моря). – Токио: издательство Ямакава, 1999. Он же. Айну-но тинмоку коэки-ни цуйтэ (Об айнской «молчаливой» торговле)/ Сб. 16-го симпозиума по культуре северных народов. – Абасири, 2002

- ³¹ Иси Ко. Мэйдзи сёкино нихон то хигаси адзиа (Япония и Восточная Азия в начале эпохи Мэйдзи). – Иокогама: Юриндо, 1982. Ясуока Акио. Бакумацу Исин-но рёдо-то гайко (Территория и дипломатия эпох бакумацу и исин). – Осака: Симбундо, 2002
- ³² Фумото Синъити. Бакумацу-ни окэру Эдзоти дзёти катэй-то карафуто мондай (Процесс введения в землях Эдзо прямого управления в годы бакумацу и сахалинский вопрос)//Рэксигаку кэнкю (Исторические исследования). - Токио, 1995. - № 671. Он же. Бакумацу-ни окэру Эдзоти сэйсаку-то карафуто мондай (Политика в отношении земель Эдзо в годы бакумацу и сахалинский вопрос)//Нихонси кэнкю (Исследования по истории Японии). - Токио, 1993. - №371. Он же. Исин сэйфу-но хоппо сэйсаку (Северная политика правительства Мэйдзи)//Рэксигаку кэнкю (Исторические исследования). - Токио, 1999. - № 725
- ³³ Акидзуки Тосиюки. Нитиро канэй то сахаринто (Японо-российские отношения и остров Сахалин). – Токио: издательство «Тикума сёбо», 1994. Он же. Нихон хоппэнно танкэн то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999 и др.
- ³⁴ Акидзуки Тосиюки. Японо-российские отношения и остров Сахалин. Перевод А.В. Трёхсвятского// Краеведческий бюллетень. - Ю.-Сахалинск, 2002. - №1-2
- ³⁵ Tilley Henry Arthur. Japan, the Amoor, and the Pacific; with notices of other places comprised in a voyage of circumnavigation in the Imperial Russian corvette "Rynda" in 1858-1860. - London, 1861
- ³⁶ Ravenstein E.G. The Russians on the Amur; its discovery, conquest, and colonization. - London, 1861. F.A. Golder, Russian Expansion on the Pacific, 1641 – 1850, Gloucester (Mass), 1960
- ³⁷ Harrison John A. Japan's Northern Frontier. – Gainesville: University of Florida Press, 1953
- ³⁸ Lensen George A. The Russian Push Toward Japan. - New York: Octagon books, 1971
- ³⁹ Evans John L. Russian Expansion on the Amur 1848-1860, the Push to the Pacific. - New York: The Edwin Mellen Press, 1999
- ⁴⁰ Bassin Mark. Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. - Cambridge, 1999
- ⁴¹ Stephan John J. Sakhalin: a history. - London: Oxford University Press, 1971. Стефан Дж. Сахалин. История. Пер. на русский язык Переславцева В.В./Краеведческий бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1992. - № 1 – 4

Глава I

Геополитическое положение Сахалина к началу XIX в. Политика Китая, Японии и России. Начало хозяйственного освоения

1. 1 Взаимоотношения коренного населения Сахалина с Юаньской и Минской династиями

С древних времен Сахалин наряду с Хоккайдо и Курильскими островами не только являлся одним из сухопутных мостов, по которому проходили миграции представителей палеополитических и неополитических культур Северо-Восточной Азии, но и играл роль своеобразной контактной зоны этих культур. До появления на Сахалине японцев в конце XVIII в. и русских в середине XIX в. на острове проживали представители трех основных этнических групп: нивхи (пилиаки) на севере острова, уйльта (ороки) — в центральной части, и айны (айну) — на юге. Отмечалось также небольшое количество эвенков.

Еще в эпоху Мэйдзи японскими историками была предпринята попытка идентифицировать коренные народы Сахалина, в частности, айнов по китайским историческим источникам. Так, известный историк Сиратори Куракити отождествлял страну «Люгуй» из китайской хроники периода Тан «Тун Дянь» (766 – 801 гг.) с Сахалином, а народ «люгуй» - с айнами¹. Вада Сэй, проанализировав китайские хроники «Синь Тан шу» (завершена в 1060 г.) и «Тан хуй яо», пришел к выводу, что айны в эпоху Тан населяли не только Сахалин, но и низовья Амура². Хора Томио, опираясь на китайскую хронику времен династий Сю и Син «Шань Хай цзин», в которой описывались «волосатые люди», предположил, что айны проживали на Сахалине задолго до VII в.³ В силу слабой изученности Сахалина в археологическом плане японские историки первой половины XX в. (Сиратори Куракити, Вада Сэй, Хора Томио) отождествляли описываемых в китайских хрониках эпохи Тан «люгуй» и «волосатых людей» с айнами. По нашему мнению, в «Тун Дянь», «Синь Тан шу» и других хрониках речь с высокой степенью вероятности идет о народе, населявшем Сахалин, но не об айнах, а о палеонивах. Результаты исследований российских археологов свидетельствуют о том, что на Сахалине в VII в. не существовало никаких других археологических культур, кроме охотской⁴. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «люгуй» - это носители охотской культуры, и приводимое в разделе «Люгуй» книги 200

хроники «Тун Дянь» описание страны «Люгуй» есть не что иное, как одно из самых ранних описаний Сахалина в китайских источниках⁵. Похожая информация о «люгуй» и о поездке их «принца» ко двору китайского императора содержится и в книге 220 хроники «Синь Тан шу»⁶.

Что касается айнов, то первые конкретные сведения о них на Сахалине появляются в китайских источниках только с середины XIII в. В 1250 г. в низовьях Амура в месте, где Амгунь владает в Амур, монголами была основана Восточная ставка «Дунчжэн юаньшуайфу» 東征元帥府, в последующие годы ставшая опорной точкой господства Юаньской династии над народами Нижнего Амура и Сахалина. Место, выбранное монголами, было не случайным, - здесь еще в эпоху Цзинь (Золотой империи) была восточная граница империи. Так, в 24 книге династийной хроники «Цзинь ши» (История царства Цзинь) упоминается, что империя на крайнем востоке граничит с «гилеми», «удигай» и прочими «ежэнь»⁷. Казаки-первоходцы в середине XVII в., русские и иностранные путешественники в середине XIX в. видели на Тырском утесе две стелы и две каменные колонны (стамбхи). В конце XIX в. стамбхи были разрушены; стелы были отправлены во Владивосток, где они и экспонируются в настоящее время в Приморском государственном музее имени В.К.Арсеньева⁸. Японский исследователь первой половины XX в. Тории Рюдзо, исходя из анализа оставшихся рисунков большой колонны, стоявшей на краю Тырского утеса, сделал вывод, что стамбха, хотя и подверглась большим разрушениям, идентична 8-угольным 5-ярусным стамбхам эпох Ляо и Цзинь и построена еще в домонгольский период. Так как стамбхи строились только в комплексе буддийских храмов, Тории Рюдзо выдвинул предположение, что еще в эпоху Золотой империи в Нураги находился не только пограничный пост, но и буддийский храм⁹.

Гиляки в китайских хрониках назывались «гилеми», а также «чилеми», «чилеми», причем гиляки устья Амура писались 乞列迷 (чилеми), а гиляки Сахалина - 吉里迷 (чилеми)¹⁰. В свою очередь, гиляки (совр. нивхи) и другие народы Нижнего Амура называли айнов «куги», «куе» или «куй»; в китайских летописях, начиная с "Юань ши", эти слова записывали фонетически подобранными иероглифами 骨嵬 (или наоборот), 苦兀 или 苦夷.

Свидетельством, подтверждающим то, что переселение хоккайдских айнов на Сахалин в XIII в. сопровождалось крупномасштабным конфликтом с носителями охотской культуры (палеонивхами), населявшими в то время Сахалин и низовья Амура, является зафиксированная

в китайских династийных хрониках "Цзинши Даден сюйлу" 經世大典序錄 (составлена в 1331 г.) и "Юань ши" 元史 (составлена в 1369 г.) борьба «куе» с «гилеми». Так, в 5 книге (главе) "Юань ши" за ноябрь 1264 г. содержится следующая запись:

«Покорили куе. Подчиненные нами раньше гилеми жаловались, что жившие к востоку от их страны куе и илио вторгались к ним каждый год, поэтому отправились их покорять»¹¹.

Иными словами, основатель династии Юань внук Чингисхана хан Хубилай в 1264 г. направил на Сахалин монгольские войск для того, чтобы покорить «куе» (аинов). В качестве причины приводится тот факт, что «куе» каждый год вторгаются в страну «гилеми» – гиляков, находящихся в вассальной зависимости от Монгольской империи (в 1271 г. была переименована Хубилаем в Юаньскую). Здесь следует обратить внимание на следующий момент: куе каждый год вторгаются в земли гилеми; их же земли находятся к востоку. Здесь возможны следующие трактовки: айны уже до 1264 г. находятся на Сахалине и атакуют земли гиляков (этой точки зрения придерживается Эмори Сусуму); страна гилеми – это Сахалин, а куе атакуют их с позиции Хоккайдо, т.е. аинов на Сахалине в середине XIII в. еще нет (так считает Накамура Кадзууки). Кикути Тосихико высказал гипотезу, что нельзя исключить вероятность и того, что в «Юань ши» отражено противостояние носителей охотской культуры и сацумон на Хоккайдо¹². Наряду с «куе» в хронике также упоминаются союзные айнам «илию»; речь может идти о предках сахалинских уильта или каком-либо из племен низовьев Амура. В 6 книге "Юань ши" за март 1265 г. содержится следующая запись:

«Напали куе и убили воинов гилеми. Император повелел оказать гилеми помочь продовольствием и оружием»¹³.

Набеги аинов на нивхов не прекращались и в дальнейшем, поэтому наряду с оказанием помощи продовольствием и оружием нивхам со стороны Юаньского Китая последний в 1284-1286 гг. неоднократно направлял в земли аинов экспедиционные военные отряды, в том числе в октябре (по китайскому лунному календарю) 1286 г. 10-тысячное войско на тысяче кораблей, о чем зафиксировано в "Юань ши" в книгах 13 и 14¹⁴. Все юаньские военные экспедиции на Сахалин, кроме последней, самой крупномасштабной, проводились зимой, когда становилось возможным по льду Татарского пролива перебраться с материка на остров¹⁵. В сообщениях "Юань ши" обращают на себя внимание следующие моменты: во-первых, явное несоответствие

масштабов юаньского экспедиционного корпуса (10-тысячное войско на тысяче кораблей!) и сил сопротивления сахалинских айнов. Маловероятно, что при всей относительной малочисленности в последующие века айны Сахалина во второй половине XIII – начале XIV вв. имели многотысячное хорошо организованное войско. Во-вторых, Тashiала в 1273 г. планировал военную экспедицию в земли тайин, гилеми и куе; т.е. среди племен нивхов были находившиеся с айнами в союзных отношениях. Несколько, какой народ скрывается под именем «тайин», возможно, речь идет об ороках.

В "Цзинши Даден сюйлу" приводятся также любопытные сведения о том, что в 1297 г. сахалинские айны под предводительством старейшин Уайна и Вантурэнку на судах переправлялись через Татарский пролив и воевали с юаньскими военными отрядами в окрестностях озера Кизи¹⁶. В данном сообщении "Цзинши Даден сюйлу" интерес представляет ряд следующих моментов: куе представлены в качестве разбойников, а гилеми включены в юаньскую военно-административную систему тысячедворок; основные действия разворачивались в окрестностях озера Кизи; отправной точкой куе на Сахалине являлось место «Куофуо»; для переправы на материк куе использовали лодки «фанвори», которые делали гилеми; куе собирались напасть на сокольничих. Что касается последних, то речь идет о так называемых «сибайцы» - рабах монгольского императорского двора, среди которых были и гилеми. Сокольничие хорошо снабжались товарами из Китая; по всей видимости, одной из целей пиратских рейдов было заполучить эти товары¹⁷.

Последнее упоминание в "Цзинши Даден сюйлу" об айнах датировано 1308 г.:

«В 1308 г. Киэшэкнай из стодворки гилеми передал, что вождь куе Иушенну согласен на капитуляцию и направил в Нургань своего посла Тайхоса. Прибыли гилеми Тоошзинну и Иакийну и сообщили, что Иушенну и Уайн просят о капитуляции. Они принесли мечи и доспехи, отдали их старейшине Пишэнкие и пообещали, что каждый год будут платить дань ценностями мехами...»¹⁸.

Таким образом, вооруженная борьба закончилась поражением айнов; в 1308 г. они покорились юаньской династии и обещали выплачивать ей дань. Интересно, что в юаньских письменных источниках описание карательных экспедиций правительственные войска против сахалинских айнов помещалось в раздел «Чжаобу» 招捕 «Аресты», где обычно сообщалось о

поимке морских пиратов или подавлении крестьянских выступлений; в то же время информация о двух крупномасштабных экспедициях против Японии (в 1274 и 1281 г.), а также подавлении антимонгольских выступлений в Корее помещена в раздел «Чжэнфа» 征伐, т.е. «Карательные экспедиции»¹⁹. По нашему мнению, данный факт может свидетельствовать о том, что событиям, имевшим место на северо-восточных окраинах китайской ойкумены, не придавалось большого политического значения, а также о том, что масштабы военных экспедиций против айнов официальными хрониками сильно преувеличены.

Кроме кратких упоминаний в юаньских хрониках, других свидетельств, повествующих об отношениях Юаньской империи с народами Сахалина, не обнаружено. На крайнем юге острова у мыса Крильон (Сирануси) сохранились земляные валы, которые по форме совершенно отличаются от традиционных айнских «часи» и похожи на материковые земляные укрепления. О существование земляных валов рядом с Сирануси впервые упоминают Могами Токунай и Кобаяси Гэнносукэ в 1792 г.; о городище в Сирануси упоминают Мамия Риндзо, Кондо Дзюдзо, Мацуда Дэндзюро, Мацуура Такэсиро и другие японские путешественники; осталось много описаний и зарисовок. В период японского владения Южным Сахалином японские археологи проводили там раскопки, но каких-либо находок, несущих информацию о строителях земляной крепости и периоде ее сооружения, сделано не было. Японскими историками и археологами было выдвинуто много гипотез по этому поводу; так, Огава Умпэй, а вслед за ним Ито Нобуо, Кикути Тосихико и другие ученые считали и считают, что земляная крепость Сирануси могла быть построена китайцами эпохи Юань или Мин²⁰. Накамура Кадзулуки считает, что городище в Сирануси есть не что иное, как упоминаемая в юаньских хрониках 果夥 (Куофуо) крепость, построенная монголами на южной оконечности Сахалина для того, чтобы не допустить вторжений айнов с Хоккайдо²¹. Интересно, что в отчете первой исследовательской экспедиции бакуфу во главе с Оиси Иппэй (1785-1786 г.) нами обнаружено упоминание о месте «Куи» по соседству с Сирануси, откуда эдзо (айны) переправляются в Соя на Хоккайдо²². Не исключено, что этимология «Куи» может быть связана с китайским «Куофуо».

Несмотря на более чем 200-летнюю историю изучения крепости Сирануси японскими путешественниками и учеными, российские исследователи приступили к ее исследованию только в последние годы. Научными сотрудниками Сахалинского областного краеведческого

музея и Сахалинского государственного университета И.А.Самариным, О.А.Шубиной, Н.В.Плотниковым была проведена инструментальная съемка городища, магнитная разведка. Первое в отечественной литературе описание и графическое изображение крепости-городища Сирануси по итогам обследования в 1996 г. было опубликовано И.А.Самариним и О.А.Шубиной²³.

Существовавшие в Александровске-Сахалинском и Усть-Пугачево крепостные валы схожего типа не сохранились до настоящего времени, поэтому городище Сирануси является единственным известным на сегодня на острове фортификационным сооружением материкового типа, и его дальнейшее археологическое изучение может пролить свет на взаимоотношения народов Сахалина с материком в эпоху средневековья. В 2000 г. на Сирануси начала раскопки совместная российско-японская археологическая экспедиция (А.А.Василевский из СГУ и Маэкава Канамэ из университета Тюо); по мнению Маэкава, результаты инструментальной съемки городища свидетельствуют о том, что оно построено в соответствии с крепостными стандартами, принятыми в Китае в конце эпохи Цзинь и начале Юань, т.е. в середине XIII в.²⁴

Еще одним перспективным направлением, позволяющим получить новые данные о Сахалине в эпоху средневековья, является также изучение китайских письменных источников эпохи Юань и Мин. Здесь речь может идти не только о процитированных выше официальных династийных хрониках, но также и о географических и региональных сборниках, например, «Даюань итунчики» 大元一統志 - детальном географическом описании Юаньской империи, состоящем из тысячи томов, и других. В одном из географических сборников, составленном в Пекине в XIV веке Сюн Мэнсяном 熊夢祥, – «Сицзинчики» 析津志 - содержится любопытный фрагмент, свидетельствующий о наличии торговых связей между 骨嵬 (айнами Сахалина) и 野人 «ежэнь» (варварами) в эпоху Юань. Содержание фрагмента следующее:

«(Горностай) очень ценится в Каракоруме и на севере (Китая). Он водится в горных расселинах. У детенышей мех бурый с голубым отливом; на снегу он становится белым. Особенно ценятся взрослые зверьки с чистым белым мехом; их много водится на далеком востоке в землях куз. Ежэнь устраивают на острове и в зарослях место для торговли, где меняют китайские товары; при этом куз и ежэнь непосредственно не встречаются, - таков

обычай. Зверьки по размеру неодинаковы, подбрюшье у них слепка с желтизной. ...
Больше всего ценятся зверьки, у которых кончик хвоста черного цвета»²⁵.

В китайских письменных источниках того времени иероглифами 野人 обозначали представителей тунгусо-маньчжурских народностей и племен Приамурья. Так, на тырской стеле «Юннинсы бэйцзи», надписи на которой выполнены на китайском, чжурчжэнском и монгольском языках, китайскому слову 野人 соответствует монгольское «Üdigän» и чжурчжэнское «udi-gen» (что означает «лесные люди»)²⁶. По мнению японского исследователя Накамура Кадзуюки, ведение архаичной «молчаливой» торговли можно объяснить стремлением таким образом избежать санкций и ограничений со стороны юаньских властей, ведь сахалинские айны много лет находились в состоянии вооруженного конфликта с ними. С другой стороны, сам факт упоминания в китайском письменном документе о «молчаливой» торговле между айнами и народами Приамурья говорит о том, что власти в Нургани и столице, будучи осведомлены в ведении этой торговли, не препятствовали ей, так как были сами заинтересованы в поступлении ценнего меха²⁷.

В середине XIV в. династия Юань переживает упадок, и Сахалин, а затем и низовья Амура освобождаются от ее господства. На смену Юань приходит династия Мин (1368~1662 г.), в начальный период расцвета которой китайцы восстанавливают свое влияние над низовьями Амура. Основными письменными источниками Минского Китая, в которых упоминается о народах Приамурья и Сахалина, являются главная историческая хроника Минской династии «Мин ши лу» 明史錄, в частности, периодов правления императоров Чжу Юнвэя (1399 – 1403 г.) 明太宗實錄, Чжу Ди (1403-1424 г.) 明宣宗實錄, Чжу Каочжи (1425 – 1426 г.) 明英宗實錄, а также «Дамин хуй ден» 大明会典 (1502 г.). Во время правления императора Чжу Ди (1403-1424 г.) (посмертное имя Чэнцзу) в 1409 г. на месте бывшей Восточной ставки был основано управление области Нургань (на месте нынешнего Тыра). В «Дамин хуй ден» есть краткое упоминание о том, что старейшины северо-восточных «варваров» посетили императорский двор и поднесли дань еще в первый год Юнло (1403 г.)²⁸.

Таким образом, северо-восточные «варвары» (или «дикие чжурчжэни», т.е. представители тунгусо-маньчжурских народностей и племен Приамурья) включаются в традиционную для средневекового Китая систему дани, лежавшую, по выражению Г.В.Мелихова, в основе

концепции об универсальном характере власти китайского императора над соседними народами – «хуа и», т.е. собственно Китая и своеобразной «варварской» периферии²⁹.

Первое упоминание о придании Нургани статуса сторожевого поста встречается в хронике «Мин шилу» за февраль 2-го года Юнло (1404 г.):

«С данью ко двору императора из места Хуцывэн появился старейшина нучжэнь ежэнь по имени Бацыдаха; было решено основать в Нургани сторожевой пост и назначить туда четырех человек - Бацыдаху, Ецысуна и других управляющими. Гулуй и другие были назначены управлять тысячедворкой. Им всем соответственно рангу были пожалованы печати, короны, пояса, парадные халаты и деньги»³⁰.

«Нучжэнь ежэнь» - это «дикие чжурчжэни»; место Хуцывэн – это район нынешнего Харбина³¹. Таким образом, включение народов Нижнего Амура в систему дани было поручено старейшинам чжурчжэней бассейна реки Сунгари, ранее подчинившимся минской династии; именно они были назначены «туземными чиновниками» Нурганьского сторожевого поста.

В записях последующих лет упоминается об учреждении новых сторожевых постов в бассейне Амура, а также о выплате дани старейшинами бассейна Нижнего Амура³². Но, пожалуй, самое важное событие с точки зрения дальнейших взаимоотношений Мин с народами Приамурья, а также Сахалина произошло в дополнительном апреле 7-го года Юнло (1409 г.), когда сторожевой пост в Нургани был преобразован в управление области Нургань 奴兒干都司 (Нургань дусы):

«Основано управление области Нургань дусы. Когда с данью ко двору императора появлялся старейшина Хуцьдунну, он докладывал императору, что Нургань занимает стратегическое положение, и здесь должна быть Ставка. Именно поэтому здесь основали дусы. Управляющим дусы был назначен Кан Ван, до этого бывший начальником сторожевого поста Дуннин; начальник тысячедворки Ван Чжаочкоу был назначен советником; им было поручено управлять народом этой местности. Ежегодно они должны делать подношения соколами и другими вещами, создать ямскую службу на собачьих упряжках и отправлять подношения»³³.

Управления 都指揮使司 (сокращенно «дусы» 都司) являлись военно-административными учреждениями, выполнявшими в Минском Китае функцию управления провинциями и

областями. Всего в Нурганьском дусы по штату должно было находиться три чиновника: наместник 都指揮使 в ранге второго главного разряда, управляющий 都指揮同知 в ранге второго вспомогательного разряда, а также советник по общим делам 都指揮僉事 в ранге третьего главного разряда, но в действительности наместника не было, а старшим был упоминаемый выше в «Мин Тай цзун шилу» управляющий Кан Ван, в подчинении у которого были советники Ван Чжаочжоу и Тондалаха (возможно также чтение Тон Дарюхан). Интересно, что Кан Ван по национальности был монголом 鞑靼人, а Тондалаха – чжурчжэнем 女真人; привлечение «национальных кадров» соответствовало традиционной китайской системе управления вассальными народами.

В сентябре 11-го года Юнло (1413 г.), через 4 года после основания Нурганьского управления, здесь также был построен храм Вечного спокойствия «Юннинсы» 永寧寺. В память о постройке храма была сооружена стела «Юннинсы бэйцзи» 永寧寺碑記. Стела высотой полтора метра выполнена из мрамора и установлена на Тырском утесе на гранитном постаменте³⁴. Надписи на стеле выполнены на китайском, чжурчжэньском и монгольском языках, что также свидетельствует о многонациональной ориентации проводимой Минской династией политики в Приамурье. На стеле есть запись о событии, не нашедшем отражения в письменных источниках того времени: о направлении в Нургань в 1411 г. минского войска численностью в тысячу человек на 25 больших судах; во главе войска был правительственный чиновник евнух Ишиха. Зимой следующего года Ишиха вместе с отрядом появился на Сахалине, раздавая продовольствие и одежду местным жителям и приводя их в вассальную зависимость от Мин.

«Весной 9-го года Юнло чрезвычайный посланник Ишиха во главе правительенного войска из тысячи человек на 25-ти кораблях прибыл в эту страну и основал Нургань дусы. ... Зимой 10-го года Ишиха всех жителей этой страны с запада от Нургани до людей куе за морем одаривал одеждой и полезными вещами, облагодетельствовал продуктами, угощал вином...»³⁵.

В «Мин Ин цзун шилу» 明英宗實錄 за декабрь 14 года Чжэнтун (1449 г.) упоминается, что Ишиха по национальности был чжурчжэнем³⁶. Военные отряды на Нижний Амур отправлялись и впоследствии. Так, в «Мин Тай цзун шилу» за 1414 г. отмечается, что в Нургань по запросу Кан Вана было направлено сначала 200, а затем 300 солдат сроком на 2 года³⁷. Таким образом,

Минский Китай путем направления военных отрядов демонстрировал свое военно-политическое присутствие в этом регионе. Именно управление области Нурагань, которому структурно подчинялись сторожевые посты 駕縻衛所, становится опорной точкой господства Минского Китая над обширным регионом, в который входило Приамурье, Приморье и Сахалин. Согласно «Мин Тай цзун шилу», в сентябре 1414 г. нурганьский наместник Кан Ван в сопровождении местных старейшин нанес визит к императорскому двору; была уплачена дань мехами, взамен им велено было выдать богатые подарки³⁸. Подобные визиты наместников Кан Ван и Ван Чжаочжоу имели место также в 1421, 1422 и 1424 гг.³⁹ После смерти императора Чжу Ди (1424 г.) в период короткого правления императора Чжу Каочки (1425 – 1426 г.) контроль центральных властей над Приамурьем ослабевает. После того, как на престол взошел император Чжу Чжанчжи (1426 – 1436 г.), принимаются меры по восстановлению контроля над народами нижнего Амура, и в январе 3-го года Сюаньдэ (1428 г.) в Нурагань направляются представители центральной власти:

«Наместникам Кан Вану, Ван Чжаочжоу и Тондалахе приказано отправиться в Нурагань и восстановить там управление области. Им вручена серебряная печать поста и серебряная печать для регистраций»⁴⁰.

Направление новым императором в качестве представителей центральной власти все тех же Кан Вана, Ван Чжаочжоу и Тондалаху свидетельствует о высоком доверии и признании их заслуг в покорении региона. В хронике прямо не говорится о том, что случилось с управлением области, но, по всей видимости, оно было разрушено. Несмотря на все предпринимаемые меры, нет оснований полагать, что народы Нижнего Приамурья с готовностью покорились Китаю. Так, в результате восстания нивхов и других народов Нижнего Приамурья Нурагань дусы снова было разрушено, и китайское правительство в 1432 г. направило туда 2-тысячное войско на 50 судах во главе с Ишихой. Ишиха к тому времени уже был «тайцзяном», т.е. главным евнухом. Нурагань дусы и храм Вечного спокойствия были отстроены заново; в память об этом событии весной 8 года Сюаньдэ (1433 г.) была воздвигнута стела «Чжунцзянь Юннинсы бэйцзи» 重建永寧寺碑記, на которой описывается военная экспедиция Ишихи: «В 7-м году (Сюаньдэ) тайцзян Ишиха во главе правительенного войска из 2-х тысяч человек на 50-ти кораблях прибыл в эту страну и восстановил храм Вечного спокойствия ...»⁴¹. В надписи на новой стеле говорится о народах,

проживающих в Приамурье: «До этой страны Нургань...пути 10 тысяч ли. Есть дикие (чжурчжэни), гилеми, куе...»⁴².

Несмотря на то, что управление области Нургань играло важную роль в распространении влияния Минской империи на народы нижнего Амура и Сахалина, оно было не единственным инструментом этого влияния. Значительную роль играли также «сторожевые посты» «вэй» 衛. В «Дамин хуй ден» за 1587 г. говорится, что в северо-восточном регионе, опорным пунктом которого являлся Нургань дусы, куда входил и Сахалин, насчитывалось 384 сторожевых поста. Роль этих постов состояла в обеспечении дани с находящихся в вассальной зависимости народов. Интересно, что сами посты учреждались, а старейшины местных народов назначались чиновниками этих постов после того, как старейшины наносили визит к императорскому двору с целью подношения дани. В отличие от командированных правительственные чиновников «люгуань» 流官 старейшины из местных народов, назначаемые на должности, именовались «тугуань» 土官, т.е. туземные чиновники⁴³. При назначении на должность старейшина получал от китайского правительства грамоту, должностную печать, а также корону, пояс и парадный халат. В отличие от чиновников метрополии, должности чиновников из местных народов были наследственными. Еще одной отличительной особенностью являлось отсутствие официального вознаграждения за службу. Только во время подношения дани (в основном мехов) они получали взамен камку и другие ткани и одежду. Таким образом, мы видим в данном случае типичное проявление системы дани – отдаивания или «номинального вассалитета», аналогичной существовавшей в XVII–XIX вв. между Цин и народами Приамурья, описанной Г.И.Мелиховым⁴⁴.

Иными словами, хотя эти сторожевые посты и имели характер официального учреждения какой-либо местности, они не были китайскими правительственными учреждениями и являлись способом господства метрополии над народом, находящимся в вассальной зависимости. Три подобных поста в начальный период эпохи Мин были учреждены на севере Сахалина. В хронике «Мин Тай цзун шилу» отмечается, что в 1410 г. в бассейне реки Тымь был учрежден пост «Улиэхэ» 元列河衛; в 1412 г. на побережье напротив устья Амура в районе Лангры – пост «Нанхару» 薫哈兒衛; в «Мин Сюань цзун шилу» говорится о том, что в 1428 г. в бассейне реки Поронай был основан пост «Полуюхэ» 波羅河衛⁴⁵. До недавнего времени среди японских специалистов по истории Сахалина было распространено мнение Вада Сэй и Хора Томио о том,

что после прихода Нургани в упадок народы Сахалина до начала Цинской династии не платили дань Китаю⁴⁶.

Действительно, из трех сахалинских постов по хронике «Мин шилу» прослеживается деятельность только двух – Улиэхэ и Полуюхэ, в том числе первого – до 5 года Тяньшунь (1461 г.). В хронике сохранились сведения о том, что в 1431 г. чиновник Ариго с Улиэхэ выплатил дань; в 1437 г. чиновники Сантиха, Чарха, Аринго (может быть, тот же самый Ариго?) с детьми (приводятся их имена – Дзёнруфу, Фэйянгу, Дахина, Фуси) выплатили дань династии⁴⁷. В это время за детьми с китайской стороны было подтверждено право наследования ими должностей отцов⁴⁸. Эмори Сусуму, опираясь на исследования китайских специалистов, пришел к выводу, что деятельность постов на Сахалине продолжалась и во второй половине XV в.⁴⁹ Информация о выплате дани и подтверждении права наследования приводится и в 1455 и 1461 г. Относительно Полуюхэ имеются только сведения о выплате дани чиновником Атонго в 1428 г., а также чиновником, имя которого неизвестно, в 1436 г. В 89-м томе «Дамин итунчжи» 大明一統志, 90-томного географического описания Минской империи (1461 г.), в разделах, в которых перечисляется дань от внешних варваров и чжурчжэней, наряду со шкурами дюгоней (в тексте – морских коров – А.Т.), тюленей и других морских животных упоминается морской котик – морское животное с ценным мехом, лежбища которого сохранились до настоящего времени на острове Тюленьем⁵⁰. По ряду свидетельств, заявки из Полуюхэ о подтверждении наследственной должности поступали даже в 1583 г.

Исходя из расселения коренных народов Сахалина в XVII- XIX вв., можно сделать предположение, что пост Улиэхэ был учрежден в месте проживания ороков (уйльта), Нанхару – гипляков (нихнов); что касается Полуюхэ, то здесь вероятно проживание и ороков, и айнов, хотя, исходя из приведенных выше имен чиновников, вероятнее орокский вариант. Тем не менее, в названии поста – Полуюхэ – вполне вероятно влияние айнского языка: река Поро – река Поро, так как «Поронай» по-айнски – это «большая река», так что исключать, что айны уже в эпоху Мин или даже раньше жили в окрестностях реки Поронай, нельзя. В том же 89-м томе «Дамин итунчжи» имеется весьма любопытная запись о сахалинских айнах:

«Кие живут к востоку от Нургани за морем. Тело их покрыто волосами, на голове они носят мех медведя, одеваются в одежду из растений. Когда умирают родители, из тела умершего

вынимают внутренности, высушив его, несут на себе; при еде обязательно поминают, через три года его выбрасывают»⁵¹.

Похожая информация содержится и в 9-м томе «Лядуньчики» 遼東志⁵². О случаях мумифицирования умерших у айнов Хоккайдо и Курильских островов ничего неизвестно. Если учесть, что текст «Лядуньчики» известен в трех редакциях: 1443, 1488 и 1529 гг., то в «Дамин итунчики» и «Лядуньчики» речь идет об обычай, укоренившемся среди сахалинских айнов во второй половине XIV – первой половине XV в.⁵³ В то же время необходимо учитывать, что запись в «Дамин итунчики» о сахалинских айнах, по утверждению японского историка Вада Сэй, является фрагментом не сохранившегося до настоящего времени географического сборника «Кайюань синьчики» 開元新志 эпохи юаньской династии; и в действительности этот обычай укоренился среди сахалинских айнов ранее – в конце XIII – первой половине XIV вв.⁵⁴

В «Лядуньчики» приводится также фрагмент из «Кайюань синьчики», повествующий о нравах и обычаях племен чилеми, т.е. гиляков и других народов Нижнего Амура⁵⁵. Похожие описания некоторых черт характера и реалий повседневной жизни народов Нижнего Амура, удививших составителя хроники, встречаются также в «Вэй ши», книга 100, а также «Чжиутан ши», книга 219⁵⁶. Обращают на себя внимание общие моменты похоронного обряда куе и чилеми: «из тела умершего вынимают внутренности» (куе); и «внутренности из тела вынимают» (чилеми), что может свидетельствовать о формировании своеобразного похоронного обряда сахалинских айнов, отличного от айнов Хоккайдо и Курил, не без определенного влияния со стороны северных соседей – чилеми (гилеми, или палеонивхов). Показательно также то, что в отличие от куе и чилеми, во фрагменте о чилеми четко говорится о выплате дани китайской империи.

Таким образом, знакомство с официальными правительственные хрониками и другими письменными источниками Минской династии позволяет сделать вывод о том, что наряду с народами Нижнего Амура народы Сахалина или их часть до середины XV в. находились в вассальной зависимости от Минской империи. Дальнейшее изучение китайских письменных источников Минской эпохи наряду с исследованием археологических памятников, и, прежде всего, городища в Сирануси, позволит создать более детальную картину культурных контактов народов Сахалина с материком в то время. На сегодня можно лишь предполагать, что, несмотря на отсутствие со второй половины XV в. письменных свидетельств вассальных

отношений, товарообмен народов Сахалина с Китаем при посредничестве народов Нижнего Амура в определенном масштабе сохранялся, так как в незначительном количестве китайские товары попадали на Хоккайдо и в Японию, о чем пойдет речь ниже.

1.2 Борьба России и Цин за Приамурье в XVII в.

Внутренние противоречия, изнурительные войны с монгольскими племенами, вторжение японских войск на Корейский полуостров и набеги японских морских пиратов на китайские прибрежные города в XVI в. привели к ослаблению Минской империи и как следствие, ее последующему завоеванию маньчжурами. Формирование маньчжурской народности происходило на территории Цзянъчжоу, в непосредственной близости от границ Минской империи на Северо-Востоке. Ядро маньчжурского племенного объединения составляли тунгусоязычные чжурчжэни Цзянъчжоу и Ханси⁵⁷. В начале XVII в. эти племена были объединены в государство Поздняя Цзинь ханом Нурхаци. Экономическую основу жизни маньчжур составляла меховая торговля с приамурскими племенами. Дело в том, что традиционно среди китайской знати повышенным спросом пользовались меха из Приамурья. Особенно ценился соболь с Нижнего Амура и частично Сахалина, чем объясняется интерес к этому региону со стороны монгольских и китайских завоевателей, стремившихся взять под свой монопольный контроль «соболиную дорогу». С ослаблением Мин и возникновением Поздней Цин маньчжуры стали играть связующую роль посредников между народами Приамурья, с одной стороны, и китайским рынком, с другой. Постепенно маньчжуры распространили свое влияние на бассейн реки Сунгари, Средний Амур, и к середине XVII в. жившие в этих местах племена дючеров, гогулей, дауров платили им дань мехами. Самые ранние свидетельства о выплате дани Нурхаци старейшинами дючеров Вангэ и Цзянгэ относятся к 1599 г.⁵⁸ Но не только мех привлекал маньчжур в этом регионе. Военные экспедиции, предпринимавшиеся маньчжурами на северо-восток, имели своей целью не только покорение родственных «диких чжурчжэней» и принуждение их к выплате дани, но и принудительную мобилизацию представителей покоренных племен для включения их в систему «знаменных» корпусов, создававшуюся с 1601 г. Наименьшей структурной единицей корпусов была «натору» (рота),

состоявшая из 300 воинов, а также мастеровых, членов семей и крепостных. По мнению Г.И.Мелихова, именно «нюру» являлась хозяйственной ячейкой административного аппарата государственной власти в Маньчжурии⁵⁹. В результате политики переселения 徙民政策 дючеров бассейна Уссури и Приморья, «знаменные» корпуса в первой половине XVII в. пополнились на несколько десятков тысяч человек, что привело к весьма значительному сокращению населения и запустению районов их традиционного проживания⁶⁰. Аналогичные меры были предприняты маньчжурским правительством позднее и в отношении даурского населения Амура. О результатах подобной переселенческой политики свидетельствуют также русские источники, относящиеся к начальному периоду колонизации Амура, такие как ясачные книги и расспросные речи Пояркова, Хабарова, Степанова и их спутников. Так, Б.О.Долгих, опираясь на ясачную книгу Онуфрия Степанова 1655-1656 гг., определил численность дючеров в низовьях Сунгари в 2 тыс. человек, а в низовьях Уссури – всего около 600 человек⁶¹.

Маньчжурское государство завоевало северный Китай, и в 1644 г. его войска вступили в Пекин. С этого времени в Китае началось правление маньчжурской династии Цин. В этот же период начинается первый этап русской колонизации Амура, связанный с именами В.Д.Пояркова, Е.П.Хабарова, О.Степанова. Впервые русские землепроходцы услышали о существовании Амура (в документах того времени верхнее и среднее течение Амура называлось Шилкой) в августе 1638 г., когда отряд томских казаков атамана Д.Е.Копылова, продвигаясь вверх по реке Алдан, основал Бутальский острог в устье реки Янды. Именно в этом остроге от эвенкийского шамана была получена информация о большой реке Чиркал, в низовьях которой находилась серебряная гора Оджал. На поиски серебряной горы был отправлен пятидесятник И.Ю.Москвитин. В 1639 г. отряд Москвитина спустился по реке Улье и впервые вышел на побережье Охотского моря. Летом следующего года москвитинцы на двух построенных ими кочах пошли на юг вдоль побережья Охотского моря, достигли устья реки Уда и направились на восток в сторону Сахалинского залива. Встретив в устье Амура скопление нивхских лодок, казаки не решились войти в него и повернули обратно⁶².

В 1643 г. первый якутский воевода П.П.Головин отправляет письменного голову В.Д.Пояркова на поиски этой реки. Отряд из 132 человек во главе с Поярковым поднимается вверх по Алдану, затем по реке Гонам, где в верховьях ставится зимовье. Оставив основную часть

продовольствия и часть людей в зимовье, Поярков вместе с 90 казаками поднимается по реке Сутам, переходит Становой хребет и спускается по реке Брянда к Зее, где у устья реки Умлекан было поставлено зимовье⁶³. На пути к Амуру паярковцы пытаются решить продовольственный вопрос грабежами и убийствами местного населения, на что оно отвечало яростным сопротивлением, и к лету 1644 г., когда отряд спустился в низовья Амура, в боях и от голода полегло более 70 человек. В мирской челобитной якутскому воеводе Головину оставшиеся в живых участники похода докладывали о произошедшей на берегах Зеи трагедии: «... и будучи Василий Поярков на государеве службе, служилых людей бил и мучил напрасно, и пограбя у них хлебные запасы, из острожку их вон выбил, а велел им итить есть убитых иноземцев, и те служилые люди, не хотя напрасною смертию помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые столоду примерли, приели человек с пятьдесят»⁶⁴. Движение отряда вниз по Амуру сопровождал слух, нагонявший ужас на амурских аборигенов, о том, что пришельцы от голода едят местных жителей и трупы своих товарищей: «... и пловучи по Зие реке того Василья с досталными служилыми людьми тамошние иноземцы к берегу не припущали, а называли их погаными людоеды»⁶⁵.

От даурских и дючерских князьков Поярковым была получена важная информация, касающаяся маньчжурского господства над приамурскими племенами: «... у хана де город рубленой, а вал круг города земляной, а бой де у хана огненной и лучной и пушек много; а ясак де дают они хану соболми, ... и он де с роду по человеку емлет в аманаты, и у него де хана сидят многих родов люди в аманатах, а что де как соберет с них ясаку соболей, и те де соболи отсылает он в Китайское государство на серебро и медь...»⁶⁶. В то же время паярковцами было установлено, что народы Нижнего Амура не находятся в вассальной зависимости от маньчжур: «...натки живут по Амуру по обе стороны улусами, а ясаку они никому не дают, ... а Гиляки сидяние живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие же Гиляцкие люди сидяние улусами, а кормятся рыбью, ясаку они гиляки хану не дают...». Зимуя в устье Амура, паярковцы взяли в аманаты трех гиляков (Сельдюгугу, Килему и Котогу Доскины) и получили ясак с их улусов: «...и с них аманатов ясаку взял 12 сороков соболей и 6 шуб собольих»⁶⁷. Это было первое письменное свидетельство о выплате дани народами Нижнего Амура после зафиксированного в «Лядуньчики» («Все чилеми в настояще

время платят дань императору»), относящегося ко второй половине XV- началу XVI вв.

Весной следующего года паярковцы, приделав к своим речным дощникам дополнительные борта, вышли в море и, поднявшись вдоль побережья Охотского моря, достигли устья Улы, откуда после зимовки летом 1646 г. вернулись в Якутск. Гиляцкие аманаты были также доставлены в Якутск. От гиляков была получена информация о Сахалине. В «скаске» паярковца Микулы Тимофеева, обнаруженной Б.П.Полевым, об острове рассказывается следующее: «Гиляки оказывали: есть де на усть Амура реки в губе де остров, а на том острову двадцать четыре улуса, а живут де гиляки ж, а в улусе де юрт есть по сту и по пятидесяти»⁶⁸.

В отчете Пояркова якутскому воеводе говорится о том, что «...те землицы людны и хлебны и соболны, и всякого зверя много, и хлеба родитца много, и те реки рыбны» и предлагается конкретный план по покорению Приамурья, предусматривающий посылку «государевых немальных служильых людей», создание сети острогов и закабаление местных народов («иноземцов под его государеву царскую высокую руку можно привесть и в вечном халопстве укрепить, острожки в тех землицах с крепостями укрепя... и ясак с них сбирать, и в том ему государю будет многая прибыль»)⁶⁹. При этом в расчет совершенно не принимается то обстоятельство, что дауры и дючеры уже находятся в вассальной зависимости от Маньчжур и в случае реализации этого плана неминуемо столкновение с Маньчжурским государством.

Слухи о богатстве разведанных Поярковым «землиц людных, хлебных и соболных» взбудоражили многих «промышленных охочих людей»; в результате чего была организована крупномасштабная военно-промышленная экспедиция – поход на Амур под руководством «старого опытника Ярка Павлова сына» Хабарова и при поддержке якутского воеводы Д.А.Францбекова в 1649 – 1653 гг. Амурский поход Е.П.Хабарова подробно описан в отечественной исторической литературе, в том числе дальневосточными историками⁷⁰. Вместе с тем, необходимо учитывать, что в советский период на протяжении многих десятилетий по причинам идеологического и политического характера военно-промышленная экспедиция Е.П.Хабарова, как и другие события, связанные с вхождением в состав России Дальнего Востока, описывалась не как военная экспедиция в населенную враждебными и оказывающими упорное сопротивление захватчикам народами, а как мирное присоединение Приамурья к Российскому государству. Публикуемые в то время исторические документы русских

землепроходцев XVII в. были подвергнуты значительным купюрам⁷¹.

Поднявшись по реке Олекме, отряд Хабарова затем перевалил Становой хребет и вышел в начале 1650 г. к Амуру. Даурские городки и улусы оказались пустыми, - местное население спасалось бегством, так как было напугано сообщением побывавшего у даурского князя Лавкяя промышленного человека Ивана Квашнина: «... Прежде вас был у нас казак Ивашко Елоимов Квашнин, и тот де нам сказал про вас, что де вас идет пятьсот человек, а после де тех людей идут иные многие люди, а хотите де всех нас побить и животы наши пограбить, а жен и детей в полон поимать...»⁷².

Впоследствие в отчете Д.А.Францбекова предпринимается попытка все неудачи военной экспедиции отнести за счет утечки информации со стороны Ивана Квашнина: «...А как бы, государь, тот Ивашко Квашнин вести им (даурам) про них (хабаровцев) не сказал, и они бы Ярко и аманатов бы изымали и ясак бы они тебе государю взяли, а ныне де Даурские люди остереглись накрепко...»⁷³.

Действительность превзошла все худшие опасения дауров, красноречивым свидетельством чему является отчет самого организатора и руководителя похода Е.П.Хабарова - «Отписка Якутскому воеводе Дмитрию Францбекову служивого челов. Ерофея Хабарова, о военных действиях его на реке Амур и о проч.»⁷⁴. Принудительный сбор ясака, реквизиции продовольствия и безжалостные убийства сопротивляющихся привели к тому, что местное население спасалось бегством, и участников похода по берегам Амура встречали безлюдные поселения. Первая попытка оказать организованное сопротивление казакам была предпринята даурами в Гуйгударовом городке; в результате ожесточенного штурма городка потери дауров составили «...больших и малых шестьсот шестдесят один человек», при этом «наших казаков убили они Дауры четырех человек, да наших же казаков переранили они Дауры тут у городка сорок пять человек, и те все от тех ран казаки оздравели...»⁷⁵. Находившийся в городке маньчкурский отряд до начала штурма покинул его («а Богдоевы люди с ними с Даурскими людми в города не засели и выехали на поле далече») и в течение всего сражения соблюдал нейтралитет: «И в кои поры у нас драка была, и те Богдоевы люди по полю все ездили, и бою нашего с Дауры смотрели и к нам казаком не стреляли...»⁷⁶. Впоследствии в ходе допроса язырей (плениных) было выяснено, что маньчкурский отряд постоянно находится у дауров:

«Живут де у нас Богдоевы люди по пятьдесят человек безпрестани для ясаку и с товары, до иных людей своих до перемены», и что маньчкуры на просьбу о помощи со стороны князя Гуйгудара ответили отказом, ссылаясь на запрет своего хана. После окончания сражения к Хабарову прибыл представитель маньчкур («тот мужик пришел к нам в город к государскому величеству честно, и стал говорить своим языком Китайским»), подтвердивший показания пленных: «...наш царь Шамшакан (по всей видимости, исаженное имя императора Шинцзу, до 1644 г. носившего имя Хонтайчики, или название девиза годов правления Сюнь Чжи (1644 – 1661 г.) - А.Т.) нам с вами дратись не велел, наш царь Шамшакан нам с вами с казаками свидеться честно.»⁷⁷. По всей видимости, в то время ни Хабаров, ни Францбеков не осознавали, что «Богдоевы люди», с которыми они вошли в непосредственный контакт, - это представители мощного Маньчурского государства, завоевавшего Китай, а не какой-нибудь кочевой Пегой орды, как именовали землепроходцы Приамурье в первых отчетах⁷⁸. Об этом свидетельствует и отчет якутского воеводы в Москву от 26 мая 1650 г., составленный на основе информации Хабарова, приехавшего за пополнением в Якутск: с одной стороны, подчеркивается, что все даурские племена находятся в вассальной зависимости от князя Богдоя (по всей видимости, исаженное монгольское слово «богдохан», т.е. священный государь – А.Т.) («...и ясак де тот князь Богдой собирает со всех Даурских князей»), и что у Богдоя есть армия («да есть де у него же у князь Богдоя огненной бой, пушки и пищали, и сабли и луки ядринские и всякое оружие навожено золотом и серебром»), с другой – предлагается организовать военную экспедицию правительственные войска для покорения князя Богдоя: «А будет изволишь ты, государь, послать на князя Богдоя своих государевых ратных людей, и надобно, государь, ратных служилых людей тысяч с шесть»⁷⁹. Не дожидаясь реакции Москвы, Францбеков дает Хабарову указание предложить князю Богдою русское подданство, обещая, что если Богдой и его люди «будут послушны и покорны, дань и ясак с себя и рода своего и со всеми улусными людьми по вся годы учнут платить, и им, князь Богдою со всеми улусными людьми, жить на прежних своих городах без боязни, и велит государь их оберегать своим государевым ратным людям»⁸⁰. Именно поэтому Хабаров, безжалостно уничтожая сотни и сотни даурцев, данников «Богдоевых людей», проявляет себя дипломатом и отпускает их посланника: «И яз Ярофейко тому Богдойскому мужику честь воздал, и подарки государевы давал и отпустил его Богдойского мужика честно в

свою Богдайскую землю»⁸¹.

Дальнейшее продвижение отряда Хабарова к низовьям Амура также, как и в районах проживания дауров, имеет характер карательной экспедиции: «... и поплыли вниз по Амуру и плыли два дни да ночь, и улусы громили, ... и тут все живут Дючеры, ... и мы их в пень рубили, а жен их и детей имали и скот...»⁸². Зиму 1651-1652 гг. казаки решили провести в Ачанском улусе (нынешнее селение Ачан (Оджал-Болонь)): «И сентябрь в 29 день наплыли улус на левой стороне, улус велик, и яз приказной Ярофейко и служилые и волные казаки посоветовали, и в том улусе усоветовали зимовать, и тут город поставили...». 8 октября на казацкий острожек напал объединенный отряд дючеров и ачанов (нанайцы, в отчете Пояркова - натки) численностью 800 человек «И втапоры, собрався, те Дючеры и Ачаны человек с тысячу октября в 8 день, на утренней зоре, на тот наш город из прикрыта напустили, со все стороны тот город зажигали, а нас втапоры в городе было сто шесть человек». Несмотря на значительный численный перевес, дючено-ачанско-войско не смогло противостоять огнестрельному оружию, военной организации и дисциплине казаков и потерпело сокрушительное поражение: «Языки нам в распросе винялись, что де собирались наша Дючерская земля и ачанская вся, а войска де нашего было восмсот, и вы де побили у нас многих людей; и мы круг города их иноверцев побитых считали, и всех их побили сто семнадцать человек, и у нас на том бою одного человека до смерти убили именем Никифора Ермолаева, а изранили нас пять человек»⁸³. По окончании сражения казаки укрепили острожек и «в том городе зимовать стали, и те иноверцы не появляются к нам. И ноября в 28 день подсмотрели холопи государевы служилые люди и волные охочие казаки иноверские дороги санные, и ездят на собаках... А кормились мы казаки во всю зиму в Ачанском городе рыбью...»⁸⁴. Упоминание об «иноверских дорогах санных» особенно интересно, так как еще в «Мин Тай цзун шилу» упоминалось о создании ямской службы на собачьих упряжках для отправки дани из правительенного поста Нургань; таким образом, зимние коммуникации по Амуру продолжали действовать, как и столетия назад.

Потерпев сокрушительное поражение от казаков, местные дючеры обратились за помощью к маньчжурам – князю Исенею из «Нюлгутского города» (Нингута) и «посаженнику» (генерал-губернатору?) царя Богдайского Шамшакана царю Учурве, по приказу которого «и велено де идти князю Исенею с товарыщи, и велено де собрать войско великое, и велел идти на вас

казаков, и вас казаков велел иных побити, а иных велел живых казаков взяти и к себе поставити в землю с оружием вашим казачьим». К маньчжурскому отряду в количестве 600 человек присоединилось не менее тысячи дючеров и представителей других народностей Приамурья; на вооружении отряда было шесть пушек, тридцать пищалей и двенадцать пинард. Рано утром 24 марта 1652 г. объединенное маньчжуро-дючерское войско напало на Ачанский городок, где находилось около 200 казаков. Завязалось ожесточенное сражение – первое вооруженное столкновение казаков с маньчжурскими войсками. Казаки значительно уступали по численности, но благодаря отчаянной храбости и превосходству в огнестрельном оружии они одержали решительную победу. Маньчжурская сторона потеряла «богдоевых людей и силы их шестьсот семидесят шесть человек наповал», хабаровцы – «десять человек, служилых двое да волных казаков восмь человек, да переранили нас казаков на той драке семидесят восмь человек, и те от ран оздравили»⁸⁵. Таким образом, казаки Хабарова одержали победу, но в определенном смысле она была «пирровой», - через год после соокрушительного поражения под Ачаном представители 432 дворов из 10 родов наток (нанайцев) отправились с мехами ко двору цинского императора и просили взять их под свое покровительство⁸⁶.

Весной 1652 г. вместе с подкреплением («казной, государевой пушкой, порохом, свинцом и людьми»), прибывшим на Амур, Хабаров получает указание Францбекова «по государеву указу и по наказной грамоте, выбрать из войска десять человек и отдать служилому человеку Третьяку Ермолину, ...велено ему Третьяку идти в Богдойскую землю в посланниках»⁸⁷. Содержание наказной грамоты якутского воеводы аналогично указанию, полученному Хабаровым от Францбекова, за исключением смены адресата – место князя Богдоя занял царь Шамшакан - в обоих случаях это одно и то же лицо – маньчжурский император. В случае отказа от выплаты дани разрешалось применить военную силу: «А буде он, царь Шамшакан, под государевою царскую рукою быть не похочет и дань с себя братъ не велит, и тебе б, Ерофею, по государеву указу над ним, царем Шамшаканом, поиск чинить, сколько милосердный бог помоши подаст»⁸⁸. После массовых убийств местного населения и сражения под Ачаном с маньчжурским военным отрядом неуспех миссии в «Богдойскую землю» был заранее предрешен. Местные жители категорически отказались провести отряд Т.Е.Чечигина в Маньчжурию: «... де земля с вами топере задраялася, и вы де многих Богдоевых людей побили,

да и поныне де к вам будет войско Богдоево большое тысяч десять и балше»⁹⁹.

В августе 1653 г. на Амур прибыл стольник Д.И. Зиновьев во главе внушительного отряда служилых людей с целью инспекции вновь освоенных Даурских земель. Однако Зиновьеву пришлось исполнять не только приятные обязанности – наградить особо отличившихся в покорении Амура; выяснилось, что реальное положение дел на Амуре выглядит иначе, чем рисовалось Хабаровым и Францбековым в отписках в Москву, и что необходимо расследование. 6 сентября Зиновьеву была подана «Известная челобитная Стеныки Полякова с товарищи», подписанная практически всеми участниками выступления казаков и промышленных людей против Хабарова в августе 1652 г.¹⁰⁰ Участники выступления, изображенные в отписке Хабарова в Якутск за август 1652 г. бунтовщиками («а которые воры, государю не радеючи и порудя крестное целование, не радели тое земли постоянство и порадели своим зипунам и нажиткам»)¹⁰¹, обвинили самого Хабарова в забвении государственных интересов («будучи на твоей государеве службе, он приказной человек Ярофей Хабаров, тебе государю не радеет и твоей государеве службе постоянства не делает», «поселенья не делает ни в Даурской земле, ни в Дючерской земле города не ставит и аманатов теряет, даурских и дючерских князец, небрежением и нерадением»), жестокости по отношению к народам Приамурья и финансовой нечистоплотности («а тебе государю большую поруху учинил в ясачнос зборе, а в земле Даурской – шатость, а твоей государственной службе непостоянство...», «а государеву казну продает»). В челобитной подчеркивается вынужденный характер выступления: «И нам, холопям твоим государевым, с ним, Ярофеем, служить стало незаможно, тебе, государю. И от таковых обит и изгони и от непостоянства ево, Ярофеева, Стеныка Васильев Поляков да Костыка Иванов с товарищи сто тридцать два человека поплыли на низ тебе, государю, служить своими головами оприченно ево, Ярофея, с травы и воды»¹⁰². Находясь на Нижнем Амуре, казаки Полякова поставили острог и стали собирать ясак с гиляков. По всей видимости, именно тогда Поляковым были получены сведения о сахалинских гиляках, впоследствии сообщенные им Слафарию и вошедшие в его «Сказание о великой реке Амуре»: «А пала река Амур в океанское море устием однем, а против того устия Амурского на море далеко остров великой, живут на нем иноземцы многие – гиляки породою. А юрты у них деревянные, а носят летом платье ис кож рыбых, а зимой носят собачьи. А ездят зимою на собаках нартами, а летом в лотках

деревянных, держат в улусах своих собак по 300 и по 400 и по 500, и больше и медведей кормленых держат, ядят они рыбу, и собак, и медведей и всякие морские звери, по правую сторону моря в губах вырос камыш великой, и тем камышом ездить нельзя в лотках»⁹³.

Зиновьев принимает решение Хабарова и других основных участников конфликта (С.В.Полякова, К.Иванова и К.Федорова) доставить в Москву для дальнейшего разбирательства. В результате следствия организаторы выступления против Хабарова были оправданы, а сам Хабаров с учетом его предыдущих заслуг был прощен, хотя и должен был выплатить даурский долг на сумму более 4 тысяч рублей⁹⁴. Таким образом, организатор и руководитель Амурского похода расстается с Амуром, оставив после себя выуженные улусы, ненависть местного населения к пришельцам и вооруженную конфронтацию с Цин. В разные исторические эпохи личность Хабарова и его деятельность на Амуре интерпретировались по-разному, в зависимости от политической конъюнктуры и идеологических установок государства. В последние годы российскими историками предпринята попытка создания реальной картины первого этапа русской колонизации Амура⁹⁵. Как отмечал Б.П.Полевой, «теперь, после тщательного изучения русских документов середины XVII в., стало очевидным, что еще в середине XVII в. судьба всего Приамурья могла бы сложиться совершенно иначе, если бы не роковые ошибки Я.Хабарова»⁹⁶.

На место Хабарова приказным человеком Зиновьев назначает Онуфрия Степанова, которому было поручено подготовить базу для дальнейшего закрепления русских на Амуре. Но выполнить это указание уже было практически невозможно, так как маньчжурская сторона, сделав надлежащие выводы из поражения под Аchanом, взяла курс на вытеснение русских с Амура военным путем. Казаки отряда Степанова столкнулись с острой проблемой нехватки продовольствия, так как реквизировать хлеб было уже не у кого; путь в богатые хлебом прибрежные районы Сунгари был прегражден маньчжурскими войсками⁹⁷. Пять лет пребывания отряда Степанова на Амуре – это серия непрекращающихся столкновений с маньчжурскими войсками и местными жителями («земля вся сколыбалась, драю стоят частые»), из которых самое крупное – это осада Комарского острога, где против примерно 500 казаков было сконцентрировано более 10 тыс. человек маньчжурского войска под командованием князя Тагудай-Ежера⁹⁸. Отписки Степанова якутскому воеводе образно и передают накалившуюся

обстановку на Амуре: «Хлебных запасов нестало нисколко, холодны и голодны и всем нужны, ... пороху и свинцу на Великой реке Амуре нет же нисколко, ... а Богдайских всяких воинских людей под нами есть много близко, ... и нам холопем государевым поселиться нигде на крепко не дадут, ... сидим в осадах, и живем побегаючи летнею порою...»⁹⁹. Год от года благодаря политике переселения приамурского населения вглубь своей территории, проводимой маньчжурскими властями, Степанов теряет подъясачное население. Тем не менее, казаки Степанова продолжают собирать ясак «с Даурских и Дючерских и Гиляцких людей». Так, за 1655 – 1656 гг. было собрано и отправлено в Москву 95 сороков 24 соболя, 62 иноземских собольих шуб, шкурки лисы, выдры и др.¹⁰⁰ Среди 17 гиляцких улусов, с которых, согласно «Ясачной книге», Онуфрий Степанов собирал ясак в 1655 г., были зафиксированы такие названия улусов, как Маганзяский, Таунский, Дутмылский. По мнению этнографа Б.О.Долгих, названия данных улусов идентичны гиляцким поселениям Мангаль, Танги, Дуи на северо-западном побережье Сахалина¹⁰¹.

Развязка наступила 30 июня 1658 г., когда в устье Сунгари основной отряд казаков был атакован и разгромлен маньчжурами; Степанов был убит в бою (по другим сведениям, Степанов в том бою не был убит, а попал в плен к маньчжурам)¹⁰². На этот раз маньчжурская сторона сделала надлежащие выводы из опыта предыдущих сражений с казаками, значительно усилив огневую мощь («с большим огненным нарядом»); в сражении по требованию цинской стороны приняли участие примерно 200 стрелков из Корейского королевства¹⁰³. Несмотря на потерю руководителя и половины состава, казаки продолжали собирать ясак с дючеров и гиляков. К осени оставшиеся в живых казаки (227 человек) собрались в Комарском остроге, но из-за нехватки продовольствия приняли решение уйти с Амура, разделившись на две группы¹⁰⁴.

Таким образом, первый этап в присоединении Приамурья, в котором превалировал военно-насильственный элемент, закончился для России неудачно. В Приамурье русские столкнулись не только с сопротивлением коренного населения, но и с находящейся на подъеме своего могущества Цинской империей; более того, если до появления русских на Амуре в середине XVII в. народы Нижнего Амура не находились в вассальной зависимости от маньчжур, то в 1653 г. натки на добровольной основе признали вассальную зависимость от Цин и приобрели статус «периферийного» народа («бианьминь» 边民).

К середине 1650-х гг. относится попытка установления Россией дипломатических и торговых отношений с Цин. Первое официальное посольство в Китай во главе с Ф.И. Байковым отправилось из Тобольска в июне 1654 г. и прибыло в Пекин в начале марта 1656 г. Выполнить возложенную на него дипломатическую миссию Байкову не удалось: с самого начала маньчжурской стороной был поставлен вопрос о несовместимости дипломатической миссии с ведением русскими военных действий в Приамурье против маньчжур и их вассалов. Несмотря на попытку Байкова объяснить это тем, что казаки – «люди вольные», маньчжурская сторона этому не поверила: «китайский де царь тому не верит, а говорит: великий де государь к нему, китайскому царю, приспал своего государева посла, а з другую де сторону посыпает воевать ево китайские земли»¹⁰⁶. Весь период пребывания в Пекине члены миссии находились в режиме строгой изоляции. В итоге, так и не передав грамоты русского царя маньчжурскому императору, миссия в сентябре была выслана из Пекина.

Повторную попытку решить амурский вопрос путем дипломатических переговоров Россия предприняла в 1658 г., направив в Китай с торговым караваном миссию И. С. Перфильева и С. Аблена. Прибыв в начале июня 1660 г. в Пекин, миссия передала в Лифаньюань (Трибунал внешних сношений) царскую грамоту с предложением установить дипломатические и торговые отношения с Русским государством. Каравану была разрешена торговля в Китае. В 1668 г. С.Аблон снова посещает Китай во главе торгового каравана. В Пекине Аблону были оказаны большие почести: он был удостоен аудиенции у нового императора Канси¹⁰⁶.

В этот же период начинается второй этап освоения Приамурья русскими (1665 – 1689 гг.), сначала носивший во многом стихийный характер. Именно тогда начинается хозяйственное освоение Верхнего Приамурья; в 1665 г. община переселенцев из казаков и крестьян во главе с Н.Р.Черниговским осваивает район Албазина, где строится острог, разрабатываются сельскохозяйственные угодья. Албазинский острог становится центром одноименного уезда, в 1682 г. выделенным в самостоятельное воеводство. В уезде находилось более 20 русских поселений с населением не менее 800 человек¹⁰⁷. В это же время между Россией и Цин разгорается конфликт, связанный с возвращением в 1667 г. из Китая эвенкийского князя Гантимура вместе со своим родом. После этого вопрос о передаче князя постоянно поднимался цинской стороной на государственном уровне. Так, когда в мае 1670 г. в Пекин было направлено

посольство во главе с казачьим десятником И.Миловановым, ему при возвращении было передано послание императора Канси (Сюань Е, 1662-1722 гг.) для русского царя, в котором условием мирных отношений между двумя странами ставилась выдача Гантимура: «И ныне, буде ты хочешь в миру жить, посытай к нам беглеца Гантимура»¹⁰⁸. Аналогичный вопрос поднимался цинской стороной и на начавшихся в мае 1676 г. в Пекине переговорах с посольством Николая Слафария (Милеску). Несмотря на неоднократные заявления Слафария, что «Гантимир никогда у них (Цин) в подданстве не был, кроме того, что приезжал к ним на время и опять возвратился в Нерчинской», цинская сторона четко дала понять, что без решения этого вопроса дальнейшее продолжение дипломатических и торговых связей с Русским государством невозможно, что фактически означало разрыв дипломатических отношений¹⁰⁹. Таким образом, переговоры закончились безрезультатно; все более становилось очевидным, что Цинская империя взяла курс на вытеснение русских с Верхнего Приамурья военным путем. Если на первом этапе маньчжуры для изгнания русских из Приамурья считали достаточным направление туда карательных экспедиций, то теперь Цин разворачивает крупномасштабное военное строительство в Маньчжурии, направленное на создание базы для войны за Приамурье. В 1682-1683 гг. маньчжурские войска уничтожают русские поселения в бассейне Зеи и Селемджи; одновременно с этим начинается подготовка нападения на Албазин. Осада острога 10-тысячной маньчжурской Хэйлунцзянской армией началась 12 июня 1685 г., ей противостояло 450 защитников Албазина во главе с воеводой А.Л.Толбузиным; после ожесточенного штурма, длившегося несколько дней, маньчжуры подожгли острог. Израсходовав все боеприпасы, защитники острога начали переговоры с цинским командованием об условиях капитуляции; выпустив русских из острога, маньчжуры отобрали у них имущество, оружие и продовольствие. Оставшиеся в живых албазинцы «нали и босы и голодны» отправились в Нерчинск¹¹⁰.

Через некоторое время нерчинский воевода направил в Албазин военный отряд А.Бейтона и отряд албазинцев и нерчинских казаков под командованием А.Л.Толбузина; острог был построен заново, в нем было сосредоточено более тысячи человек. В июле 1686 г. началось новое наступление цинских войск на Албазин. В результате многомесячной осады число защитников острога к ноябрю уменьшилось до 150 человек, а к весне следующего года – до 66

человек, включая детей. Огромные потери понесла и цинская сторона. В условиях эскалации военного конфликта с Цин правительство царевны Софьи предприняло попытку перевести его в плоскость дипломатических переговоров, направив для этого в декабре 1685 г. в Китай миссию во главе с Н.Венюковым и И.Фаворовым. Посланцы должны были известить цинское правительство о направлении в скором времени посла для мирных переговоров и добиться прекращения осады Албазина¹¹¹. В это же время в январе 1686 г. правительство назначило «Ближнего Окольничего и Наместника Брянского» Ф.А. Головина великим и полномочным послом для переговоров о мирном урегулировании с Цин. В правительственноном «Наказе», полученном Головиным при отъезде из Москвы, по поводу территориального размежевания с Цин подчеркивалось: «Учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что, кроме оной реки, издревле разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка...». В крайнем случае, в качестве максимальной уступки допускалось «А буде китайцы той границы по Амур учинить не похотят, то по последней мере учинить границу рекою Амуром по реку Быструю (Бурею) или Зею, в Амур впадающую. Буде же и в сем поупрямятся, то по самой последней мере быть границею Албазину, а промыслы иметь по реке Амуру, Быстрой и по Зее. Буде же и на сем не захотят учинить мира, то поступать им, послам, по наказу о полномочных делах то есть: военною всего сего домогаться рукою...»¹¹². В новом «Наказе», присланном Головину из Москвы в конце сентября 1687 г., наряду с подтверждением пунктов о разграничении по Амуру, подчеркивалась необходимость добиваться заключения договора мирными средствами: «...войны же и кровопролития, кроме самой явной от них недружбы и наглых поступков, не всчинять». Прибыв осенью 1687 г. в Селенгинск во главе внушительного отряда стрельцов и служилых людей, насчитывавшего около 2 тысяч человек, Головин остается в Забайкалье, чтобы противодействовать угрозе нападения со стороны монгольских ханов; в марте 1688 г. ему удается успешно отбить и разгромить нападение на Селенгинский острог монгольского войска во главе с Батуrom-хунтайджи. В июне того же года ойратский хан Галдан разгромил союзников Цин халха-монголов; объективно это укрепляло позиции России на будущих переговорах с Цин¹¹³.

После долгих двухсторонних согласований русско-цинские переговоры начались под Нерчинском 12 августа 1689 г. Подписание договора состоялось через две недели, 29 августа. С

русской стороны договор был подписан великим и полномочным послом Ф.А. Головиным, а также стольником И.О. Власовым, с цинской – великим послом придворным вельможей Сонготой и другими членами миссии. Территориальное размежевание между Россией и Цин определялось в статьях 1-й и 2-й, по которым русская сторона пошла на значительные территориальные уступки. Так, статья 1-й гласила:

«Река именем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку с левыя стороны, близ реки Черной, рубеж между обоими Государствы постановить, такожде от вершины той реки каменными горами, которая начинаются от той вершины реки и по самым тех гор вершинам, даже до моря протягненных, обоих Государств державу тако разделить, яко всем рекам малым или великим, которая с полудневныя стороны с их гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского Государства, такожде всем рекам, которая с другия стороны тех гор идут, тем быти под державою Царского Величества Российского Государства; прочия же реки, которая лежат в средине меж рекою Удью под Российского Государства владением и меж ограниченными горами, которая содержатся близ Амура владения Хинского Государства и впадают в море, и всякия земли посреди сущия меж тою вышеупомянутою рекою Удью и меж горами, которая до границы надлежат, неограничены ныне да пребывают, понеже на оныя земли заграждение великие и полномочные послы, неимеюще указу Царского Величества, отлагают неограниченье до иного благополучного времени...»¹¹⁴.

Таким образом, Цин получала все Приамурье, несмотря на то, что бассейн Нижнего Амура никогда до этого не находился под ее господством. Восточной оконечностью русско-китайской границы был избран Селемджинский хребет и его ответвления – Тайканский и Тыльский хребты; территория между ними и рекой Удой осталась неразграниченной. В качестве причины многие историки называли слабую изученность Приамурья и прилегающих к нему территорий; по мнению А.Р. Артемьева, обе стороны на переговорах четко представляли себе географические ориентиры пограничного размежевания, а неразграниченная территория тогда еще никому из сторон не принадлежала¹¹⁵.

По статье 3-й предусматривалось разрушение Албазинского острога, а 4-й – взаимная выдача перебежчиков; причем статья обратной силы не имела, т.е. проблема Гантимура -

многолетний камень преткновения между Россией и Цин - решалась в интересах российской стороны. Пойдя на территориальные уступки, Россия в то же время смогла добиться того, что являлось целью ее дипломатических усилий на протяжении ряда десятилетий - установления постоянных посольских и торговых связей с Китаем (статьи 5-я и 6-я). Таким образом, Нерчинский договор 1689 г., подводя черту под несколькими десятилетиями военного противостояния между Россией и Цин, способствовал нормализации отношений между двумя странами и установлению торговых отношений. В то же время, как отмечал В.С.Мясников, торговля с Китаем не могла компенсировать в достаточной степени ущерб, наносившийся договором русским интересам на Дальнем Востоке¹¹⁶.

1.3 Цинская империя и народы Нижнего Амура и Сахалина в XVIII – начале XIX вв.

Заключение Нерчинского договора, в соответствии с которым Цинская империя получала в свое владение Приамурье, способствовало завершению формирования системы «номинального вассалитета», по которой народы Приамурья признали вассальную зависимость от Цин и приобрели статус «периферийных» народов («бианьминь»). Дючера, у которых до этого был статус «периферийного» народа, при этом передвинулись на более высокую ступеньку и стали называться «новыми маньчжурами» («иче маньчжу») в противовес «старым маньчжурам» («фэ маньчжу»).

В 1690 г. цинские чиновники впервые появились в низовьях Амура и приняли дань с представителей «фэйяка» (нивхов), «куе» (айнов), «килэну» (амгунских тунгусов), а также «корочен» (эвенков)¹¹⁷. Первое время административным центром по управлению «периферийными» народами была Нингута, где располагались резиденции генерал-губернатора («амбань-чжангинь») и его помощника «мэйлэнь-и-чжангинь». В 1662 г. звания были переименованы на китайский манер и стали именоваться «Нингута цзянцзюнь» (Нингутский генерал-губернатор) и «фудутун» (помощник генерал-губернатора). В 1671 г. резиденция «фудутуна», а в 1676 г. и резиденция генерал-губернатора были перенесены в Гирин; после этого в 1678 г. резиденцию «фудутуна» вернули в Нингуту, где она и размещалась

до 1780 г., после чего была перенесена в Саньсин (современный Илань). Таким образом, нингутский «фудутун» практически на протяжении всего XVIII в. играл роль управляющего «периферийными» народами Приамурья.

В 1714 г. в Саньсине из бывших дючеров, ранее занимавших территорию между устьем Сунгари и устьем Уссури и ставших «новыми маньчжурами», было сформировано четыре «нюору» (роты), во главе которых был поставлен «селин», т.е. командир полка провинциального знаменного гарнизона. Основой для формирования этих «нюору» стали сунгарийские и уссурийские улусы, старейшины которых (три «халай-да» и один «гасян-да», т.е. староста) были назначены «цзолин», т.е. субалтерн-офицерами. Именно эти «цзолин» в последующем будут ответственными за административное управление Нижнего Приамурья и Сахалина, наглядно олицетворяя собой действие традиционного китайского принципа «контроля за варварами при помощи варваров». В 1731 г. нивхи и часть айнов Сахалина были внесены в подворные списки; всего было зарегистрировано 6 родов (хара), 18 улусов (гасян), 146 дворов ясачного населения. С самого начала уплата дани населением Сахалина находилась в ведении Саньсинского «фудутуна». С 1780 г., после переноса из Нингуты резиденции «фудутуна», отвечавшего за управление народами Нижнего Приамурья, Саньсин стал единственным центром административного управления народами Нижнего Приамурья и Сахалина. В 1750 г. в подворных списках народов Нижнего Приамурья и Сахалина было зарегистрировано 2 398 дворов¹¹⁸.

В «Архиве ямыня Саньсинского фудутуна» содержится интересная запись о послужном списке «сюоцисяю» (конный знаменосец, на ранг ниже «цзолин») Ибулэнэ 伊布格訥. Он начал свою служебную карьеру в восьмизнаменных войсках с писаря; еще раньше он в 1690 г. в качестве переводчика нивхского языка сопровождает Нингутского фудутуна в поездке на Нижний Амур. В последующие годы он посещает в качестве переводчика эвенкского языка земли ороченов. В 1727 г. Ибулэнэ получает звание «сюоцисяю»; в 1729 г. впервые посещает Сахалин, чтобы получить от местных жителей рыцарские доспехи, попавшие туда из страны Сишань (Японии). За какую-то провинность его временно понижают в звании, но уже в 1732 г. за успехи, достигнутые в приведении в вассальную зависимость народов Сахалина (именно Ибулэнэ составил подворные списки 6 родов (Чомин, Нэодэ, Доваха, Сюлунгуру, Ядан и То (То)) и 18 улусов местных жителей), его восстанавливают в звании «сюоцисяю». На протяжении

30 лет он 38 раз посещал Сахалин, но по достижении преклонного возраста (69 лет) и в связи с ухудшением здоровья в 1743 г. он подал прошение об отставке¹¹⁹. С учетом расстояния между Сахалином и Маньчжурией и средств передвижения того времени (лодки или собачьи упряжки) получается, что Ибугэне практически каждый год на протяжении своей служебной карьеры один или два раза посещал Сахалин.

Таким образом, из архивных документов ямыня Саньсинского фудутуна следует, что маньчжурский чиновник Ибугэне впервые побывал на Сахалине в 1729 г. Но это было не первое посещение Сахалина маньчжурскими чиновниками: еще ранее на острове побывала маньчжурская правительственная экспедиция. По указанию императора Канси в 1708-1717 гг. в Китае проводились крупномасштабные картографические работы под руководством миссионеров – иезуитов, по результатам которых была составлена первая масштабная карта Китайской империи - «Карта императора Канси». В рамках этих картографических работ в 1709 г. французские миссионеры Регис, Жарту и немецкий миссионер Фриделли провели замеры низовий Амура и получили от гиляков сведения о том, что напротив устья Амура находится остров «Сахалиэн – ула – анга – хата» (дословно: гора у устья черной реки), и что там живут народы, родственные народам Амура. Сами миссионеры на острове не были, но позднее по указанию Канси на остров была отправлена маньчжурская экспедиция. На основе отчета экспедиции миссионеры – иезуиты помешают на «Карте императора Канси» напротив устья Амура небольшой остров (См. Приложение 2. Рис.1). Это была первая китайская карта с изображением Сахалина. По мнению Акидзуки Тосиоки, с учетом того, что южная оконечность острова на карте приходится на 50° с.ш., маньчжуры не пошли южнее мест проживания гиляков. Южная оконечность западного побережья острова помечена названием «Поронгасян» (51° с.ш.), вероятнее всего, это место, которое по-айнски называлось «Пороютан» и даже в середине XIX в. являлось границей, разделяющей территории гиляков и айнов¹²⁰. По мнению Хора Томио, эта экспедиция маньчжур на Сахалин не была картографической, а носила характер военного похода для приведения населения острова в вассальную зависимость¹²¹.

Помимо архивных документов ямыня Саньсинского фудутуна ценные сведения, дополняющие картину взаимоотношений Цин и народов Сахалина, содержатся в отчетах японского исследователя Мамия Риндзо, побывавшего в северной части Сахалина в 1808 - 1809

п. Рукописные материалы исследователя, например, «Мамия Риндзо дзюцу – Мураками Тэйсукэ хэн Хокуи бункай ёва» (Рассказы о границах земель северных варваров, изложенные Мамия Риндзо и составленные Мураками Тэйсукэ), а также его устные рассказы и путевые дневники впоследствии были опубликованы в виде сборников «Тодацу тихо кико» (Путешествия по Восточной Татарии), а также «Кита Эдзо дзусэцу» (Описание Северного Эдзо) и ряда других. Информанты Мамия из числа «сумэрэнкуру» (гилляков) на его расспросы о взаимоотношениях с маньчжурями поведали следующее предание:

«В старину, еще до того, как население острова стало выплачивать дань Маньчжурии, на остров каждый год приходили суда из неизвестной варварской страны, чтобы закупать пушнину; люди с этих судов были жестоки и непрерывно воевали с островитянами. После этого однажды на остров переправился большой отряд маньчжур, который обследовал его. Многие из островитян, думая, что это опять пришли жестокие варвары, попрятались в горах. Маньчжуры подробно опросили тех, кто остался. В итоге маньчжуры на западном побережье в месте, называемом Итои, назначили человека по имени Торухэну на должность «харата», человек по имени Урутого из места Кауто тоже был назначен «харата»; после чего они пересекли остров, и на восточном побережье в 50 ли от гор Нотэто в месте Довака, также называемом Мерукоа, один человек был также выбран в качестве «харата». Затем во всех этих местах были выбраны «касинта». С тех пор ежегодно островитяне ездят в Маньчжурию платить дань, потому что маньчжуры обещали, что за одну шкурку соболя взамен будет выдаваться по рулону парчи, а также разные дешевые товары»¹²².

Несомненно, что «харата» происходит от маньчжурского «халай-да», а «касинта» - от «гасян-да». Так как в предании четко разделяются маньчжуры и люди из «неизвестной варварской страны», можно сделать вывод, что в то время, к которому относится предание, маньчжуры впервые побывали на острове. Что касается «неизвестной варварской страны», то составитель и редактор рассказов Мамия Риндзо Мураками Тэйсукэ в примечании к тексту высказывает предположение, что «может быть, это были русские, хотя аборигены говорили, что суда были небольшими». Само по себе замечание составителя рассказов Мураками с оттенком сомнения весьма любопытно – ведь в то время, когда он записывал их (1855 г.), в Японии были известны только большие русские суда, например, фрегат «Паллада», поэтому небольшой размер судов

может быть отголоском описаний казацких кочей, неизвестных Мураками. Что касается времени появления маньчжуротов на Сахалине, то Мураками предполагал, что они прибыли на остров в 1746 - 1747 гг. На самом деле, как уже отмечалось выше, Ибугэн составил подворные списки сахалинских родов и улусов значительно раньше, в 1732 г. Нельзя исключать и вероятность того, что предание относится к еще более раннему периоду - началу XVII в., когда император Канси направил на остров картографическую экспедицию. Таким образом, гипотетическое предание о выплате дани Цин, записанное Мамия, может быть отнесено к периоду 1710-1730 гг.

В «Хокуи бункай ёва» (Рассказах о границах земель северных варваров) Мамия Риндзо также сообщает, что на западном побережье Сахалина в Наёро (Пензенское) и других айнских поселениях севернее он встречал людей, которые говорили, что они «хараты» или «касинта», что они находятся в вассальной зависимости от Маньчжурии и каждый год отправляются туда, чтобы преподнести дань и получить дары. Когда Мамия посетил Наёро повторно в 1809 г., он спросил айнов преклонного возраста о причине выплаты дани маньчжуркам. По словам стариков, во времена их детства старейшиной Наёро был Яэбиракан (в ксиографической версии Яэнбиракан - А.Т.) (прадед тогдашнего старейшины Яэнкуру). Он был хитрый и коварный человек; когда к нему для торговли приехали смеренкуры и сантаны, то он убил и ограбил примерно 10 торговцев. Но были среди торговцев те, кому удалось спастись, и они пожаловались маньчжурским властям. На следующий год маньчжуры на 3 кораблях прибыли в Наёро; вместе с ними были смеренкуры и сантаны. Все причастные к преступлению были схвачены. Маньчжуры собрали всех старейшин острова Тоннай и ругали их за то, что не смогли предотвратить преступление в подвластной им местности; все они были наказаны. В итоге старейшины в знак вины заплатили выкуп своими сокровищами (широко практиковавшийся в айнском обществе обычай компенсации за преступление - Цукуной - А.Т.). Маньчжуры остались довольны выкупом и простили старейшин. Что касается Яэбиракана, то в силу тяжести его вины двое его сыновей - Кантэцurosикэ и Ёчитзайно - были взяты маньчжурями в качестве заложников. После этого было объявлено, что если все айны данной местности станут ежегодно выплачивать дань мехами, то за это они будут находиться под покровительством Маньчжурии и получать подарки. После этого маньчжуры уехали, захватив с собой выкуп и заложников. Через несколько лет сыновья вернулись с маньчжурским документом об их назначении «хараты» и

назначили других способных людей «касинта»¹²³.

Если исходить из того, что информантам Мамия было по 70 - 75 лет, инцидент имел место в 1740-х гг. Однако по архивным документам ямыня Саньсинского фудутуна за 1743 г., в которых упоминается о некоем Яэнбирину, «халай-да» рода Ядан, прослеживается уплата этим родом дани по меньшей мере с 1732 г. Нельзя исключать вероятность того, что Яэбиракан (Яэнбирину) совершил преступление, уже будучи «халай-да» рода Ядан. Явно об этом же преступлении идет речь в архивных документах ямыня Саньсинского фудутуна за 1743 г., только там отмечается, что убиты были не смеренкуры и сантаны, а представители других айнских родов¹²⁴. Ядан – это один из шести родов, упоминаемых в архивных документах ямыня (Чомин, Нэодэ, Доваха, Сюлунгуру, Ядан и То (Тао)). По мнению японского исследователя Сасаки Сиро, названия данных родов соотносятся с названиями поселений, упоминаемых Мамия, следующим образом: Чомин – это гиляцкое поселение Итои, Нэодэ – гиляцкое поселение Кауто, Доваха – это гиляцкое поселение Товага на восточном побережье, Ядан – айнское поселение Наёро, То (Тао) – айнское поселение района Тарайки, и Сюлунгуру – айнское поселение на восточном побережье Котанкэси (между Туманово и Варшушево)¹²⁵. Если предположение Сасаки верно, получается, что в цинскую систему «периферийных» народов вошла только часть сахалинских айнов; основная часть айнов, проживавшая южнее Наёро (Пензенского) по западному побережью и Котанкэси (выше Туманово) в вассальной зависимости не находилась.

Ниже хотелось бы подробнее рассмотреть структуру «халай-да» - «гасян-да» - «бо»: род – улус – двор. С учетом различий в семейном составе у разных народов очевидно, что такая единица, как «бо», носила весьма абстрактный характер. Нам неизвестно, учитывалось или нет реальное количество мужского и женского населения «бо» (двора) маньчурскими чиновниками при переписи, или «бо» представлял собой отдельный двор (семью) улуса; по крайней мере, известно, что от одного «бо» обязанность по выплате дани – одной шкурке меха - лежала только на одном представителе (взрослом мужчине). Соответственно и размер «пожалованного улинья» (ответного дара) производился в расчете на одного человека. Таким образом, в цинских документах, в которых фиксировалась выплата дани, количество дворов, количество данников, количество меховых шкурок и количество «улинья» совпадали. В первой половине XVII в. количество «бо» непрерывно увеличивалось: так, если в 1676 г. оно составляло 1 209 дворов, то

в 1722 г. – уже 1 910, а к 1750 г. возросло до 2 250 дворов и продолжало увеличиваться дальше. Как уже отмечалось выше, в 1750 г. в подворных списках народов Нижнего Приамурья и Сахалина было зарегистрировано 2 398 дворов; это было число, которым цинское правительство ограничило количество «бо»¹²⁶. Этим цинская система отличается от существовавшей в Сибири системы сбора ясака, где коренное население, платившее ясак российскому государству, в ответ «улиней» не получало, и где численность человек в семье (юрте) тяглого ясачного человека имела тенденцию к увеличению¹²⁷. Если российские исследователи, опираясь на данные ясачных книг XVII – XVIII вв., пытались определить с использованием увеличительного коэффициента общую численность коренного населения, то в случае с цинской системой учета дворов фиксированное число (2 398) никак не отражает реального количества семей в улусе или численность населения определенной местности, выражая количество шкурок, которые были обязаны уплатить «гасян-да», а также количество получаемых «гасян-да» «улиней». Вдобавок, система «халай-да» - «гасян-да» - «бо» была выработана на базе социальной структуры тунгусо-маньчжурских народов; что касается нивхов и айнов Сахалина, то нивхский род и айнские соседско-родственные общинны с советами старейшин во многом не совпадают ни с «халай-да», ни с «гасян-да», поэтому внесенные Ибугэне в подворные списки 6 родов и 18 улусов нивхов и айнов, особенно айнские рода Ядан, Тао и Сюлунгуру являются, по нашему мнению, вымыщленными маньчжурским чиновником и не имеющими никакого отношения к реальной социальной структуре сахалинских айнов. Таким образом, назначенные маньчжурями на должности «халай-да» айны не были главами какого-либо айнского рода в силу отсутствия таковых, а в лучшем случае членами совета старейшин соседско-родственной общинны, т.е. по существу ближе к «гасян-да».

Полученный от маньчжур титул «халай-да» и «гасян-да» становился наследственным. Так, вернувшийся на Сахалин Ёчитэаину передал по наследству свой титул «халай-да»; его наследники каждый год переправлялись на материк в низовья Амура, где находился маньчжурский временный правительственный пост (временный ямынь) Делен (в окрестностях нынешней Калги), для передачи дани. Когда Мамия Риндзо посетил Сахалин, старейшиной (халай-да) был только один Аэнкуру; кроме него было семь старост (гасян-да): Сиротомаайно в Наёро, Монисукотэ в Райтисике, Сэмбакуру и Иконранкэ в Усёро, Рисируайно в Найфуцу на

восточном побережье, Нисикани в Сёнкотане и Сикарикато в Фунуппу. По словам айнов, в последние годы (т.е. в начале XIX в. – А.Т.) в связи с уменьшением количества пушного зверя, они ездили на материк с данью не ежегодно, а раз в два-три года, а то и реже. Маньчжуры присыпали через сантанов напоминания об уплате дани; и так как в прошлом году (1807 г.) было много меха, то три «гасян-да» (Сэмбакуру, Сиротомаайно и Монисукотэ) ездили в Маньчжурию. Мамия встречался с ними в Нотэто и Порокотане, когда они направлялись в очередной раз туда, а затем еще раз, когда они возвращались обратно. Они рассказали Мамия, что добрались до правительского поста, во время церемонии поднесения дани поднесли соболей и выразили почтение «санкэю» (чиновнику). Айны жаловались на более холодный, чем в прежние годы, прием. Маньчжурские чиновники пристыдили их за неуплату дани в последние годы и обязали соблюдать выплату в дальнейшем. В то же время, по наблюдениям Мамия, «халай-да» и «гасян-да» не только пользовались безусловным авторитетом среди жителей своего поселения, но и обладали административными полномочиями по отношению к приезжающим в Наёро торговцам из числа смеренкуров и сантанов¹²⁸.

В доме старейшины Яэнкуру поселения Наёро Мамия увидел и скопировал рукописный документ на маньчжурском языке с печатью губернатора провинции Саньсин. Документ датирован 1775 г.; в нем правительство провинции Саньсин передает «халай-да» рода Тао на Сахалин содержание полученного генерал-губернатором Гирина императорского указа. Основное его содержание сводится к следующему:

«Среди приезжавших в столицу с данью в конце зимы – весной и возвращавшихся с подаренными женами были случаи смерти от оспы, распространявшейся в начале весны; в связи с этим указывается на необходимость сместить поездки в столицу на более ранний срок: июль – сентябрь»¹²⁹.

Из документа становится очевидным, что были те данники, которые добирались до Пекина, а также то, что «халай-да» из Наёро должен был передать этот документ «халай-де» Тао, но не сделал этого и оставил его у себя. Еще один любопытный момент, который обращает на себя внимание, – «подаренные жены». Дело в том, что одним из элементов управления Цин «периферийными» народами являлась так называемая система «сарган-чжуй» и «хочжихон» (система невест и зятьев). В целях поощрения старейшин «периферийных» народов и

стимулирования их к дальнейшей выплате дани им в жены выдавали дочерей «знаменосцев» («сарган-чжуй»). Старейшину, получившего такую жену, называли «хочихон», т.е. зятем. Человек, женатый на дочери «знаменосца», стоял на ступеньку выше обычного «халай-да»; соответственно, и «улинь» был намного богаче. Традиция берет начало еще со времени хана Нурхаци; во второй половине XVIII в. в практику вошло выдавать замуж не свою родную dochь, а приемную из простолюдинов. Для того, чтобы претендовать на роль жениха, нужно было заплатить цинскому правительству 304 соболя, 2 черных лисы, 2 шубы из 9 чернобурок, 4 шубы из 9 ряжих лисиц и т.д. Свадебная церемония проводилась в Пекине, все расходы на проезд и питание, подарки и даже сопровождение предоставлялись правительством. Несмотря на все трудности путешествия в Пекин и высокую стоимость «взноса» за невесту, среди «халай-да» и «гасян-да» Нижнего Амура и Сахалина всегда были желающие стать «хочихон»; в архивных документах ямыня Саньсинского фудутунах описано пять таких случаев¹³⁰.

Не только поездки на свадьбу в Пекин, но и ежегодные поездки с данью в Саньсин и Нинту отнимали много времени и усилий. В 1750 г. канцлер Фухэн подал императору прошение, в котором наряду с фиксацией количества дворов «периферийных» народов он предлагал для сбора дани в отдаленных местностях устраивать временные правительственные посты (временные ямыни). Одним из важнейших временных постов был пост Кизи. Благодаря своему стратегическому расположению на правом берегу Амура в месте, где река соединяется с озером Кизи, поселение Кизи издавна являлось одним из оживленных перекрестков торговых путей по Амуру и на Сахалин через Де-Кастри и морем до мыса Лах. На решение цинского правительства открыть здесь временный пост повлияло именно это удобное расположение и близость к Сахалину. В то же время необходимо отметить, что временные посты часто меняли свое расположение, закрывались в одном месте и на следующий год устраивались в совершенно другом месте Амура. Так, пост Кизи был упразднен в 1797 г.; в следующем 1798 г. временный пост устраивался в местечке Учала (предположительно в окрестностях озера Болон-Оджал), затем в 1799 г. в местечке Делен, затем в 1800 г. снова в Учала¹³¹.

Подробное описание поста Делен оставил Мамия Риндро в «Тодацу тихо кико» (Путешествии по Восточной Татарии). В конце июня 1809 г. вместе с гильцким старейшиной Кони, отправлявшимся на материк для уплаты дани и торговли с маньчжурами, Мамия переправился

на материк. Прибыв в залив Табо севернее Де-Кастри, гиляки волоком перенесли лодку и груз по проторенной дороге до реки Табамачи; спустившись вниз по реке, вышли на озеро Кизи, от которого, поднимаясь вверх по Амуру, 11 июля прибыли в маньчжурский пост Делен. Итого на путь в одну сторону с учетом ожидания погоды на мысе Лах было затрачено 16 дней. В то время там собралось 500-600 представителей коренных народов с Сахалина, а также от корейской и российской границ. Как правило, все останавливались в Делене на 5-6 дней. Мамия в «Путешествии по Восточной Татарии» приводит зарисовки с натуры церемонии уплаты дани, меновой торговли. Это очень ценные сведения, подобных которым не сохранилось даже в Цинских письменных источниках. (См. Приложение 2. Рис.2-5). При помощи иерогlyphической письменности Мамия объясняется с тремя маньчжурскими чиновниками, прибывшими в Делен на летний сезон из Саньсинского фудутуна. Как правило, деятельность маньчжурских постов на Амуре руководил «цзолин» (субалтерн-офицер), у него в подчинении находился «сяоцисяо» (конный знаменосец) и писарь. Чиновников, с которыми познакомился Мамия, звали Точжинга («цзолин»), Бархонга («сяоцисяо») и Уэлунгэ (писарь). Все трое принадлежали к Саньсинскому знаменному гарнизону и были выходцами из родов бывших дючеров, ставших саньсинскими «нюору». По наблюдениям Мамия, чиновники пользовались безусловным уважением среди собравшихся туземцев, улаживая возникающие скоры и не имея при этом оружия. Кроме этого, на посту обычно находилось около десяти человек служащих низкого ранга и несколько десятков человек команды судна, но в Делене Мамия не смог их отличить от многочисленных представителей местных народов.

Церемония подношения дани и получения «улинья» проводилась под огороженным тыном навесом внутри деревянного городка. По свидетельству Мамия, наблюдавшего сцену подношения дани, все три чиновника во время церемонии сидели на помосте под навесом; «халай-да» и «гасян-да» вызывались по одному стражником и располагались перед помостом, кланяясь чиновникам. После проверки имени и свидетельства данник передавал меха находившемуся рядом чиновнику низкого ранга, тот передавал меха чиновнику на помост, после чего мех осматривался, и делалась соответствующая запись. Только после этого вручался «улинь». «Халай-да» получал рулон парчи (длиной 7 дзин) (мера длины, 1 дзин – 180 см – А.Т.). «Гасян-да» получал рулон камки длиной 4 дзин; простолюдины – по 4 тана хлопчатобумажной

ткани (1 тан – отрез шириной примерно 34 см и длиной 10 м – А.Т.), иголки, цепочки, расчески, шелковые платки, 3 сяку (сяку – примерно 30 см – А.Т.) красного шелка. После окончания церемонии туземцы приступали к меновой торговле. Торговля проходила оживленно, иногда возникали конфликты и даже преступления, когда крали казенные товары; в таких случаях звучал гонг, ворота закрывались; схваченные преступники, как правило, наказывались на месте плетьюми. После этого все возвращались к своим занятиям, как будто ничего не произошло. Чиновники пригласили Мамия на казенное судно, на котором они не только путешествовали по реке, но и жили во время службы на посту¹³².

Пост Делен, который в 1809 г. посетил Мамия, просуществовал до 1820-х гг., после чего новый пост был открыт выше по течению, в районе Мылок, в свою очередь просуществовавший до начала 1850-х гг. Смещение временных постов с началом XIX в. вверх по Амуру свидетельствует об ослаблении влияния цинского правительства на народы Нижнего Приамурья и Сахалина.

Документальным подтверждением ослабления влияния Цин на народы Сахалина является коллекция документов из Наёро, один из которых (документ №1) был процитирован выше. До Второй мировой войны коллекция хранилась в библиотеке губернаторства Карафuto, затем была увезена в Японию и в настоящее время хранится в «Северном архиве» библиотеки Хоккайдского университета (См. Приложение 2. Рис.6). Документ №2 (письмо на маньчжурском языке), датированный 25 июня 1816 г. и заверенный «цзолин» Нэйбунгэ, свидетельствовал о пожаловании при поднесении дани внуkom старейшины Ёчитзайно по имени Сиротомаайну звания «халай-да». В начале XIX в. айные поселения на юге Сахалина уже находились под непосредственным управлением бакуфу, которое контролировало и сантан-торговлю, в связи с чем чиновники бакуфу запрещали непосредственную торговлю айнов с торговцами с материка. Документ свидетельствует о своеобразном японско-маньчжурском «двоевластии» в айных поселениях на западном побережье Сахалина. В письме на китайском языке от 1818 г. (документ №3) отмечается, что:

«В соответствии с повелением императора цзолин Фулэйгунь и другие прибыли в Делен, приняли подношения и раздали улинь всем халай-да и гасян-да, которые сами прибыли с подношениями. В последние годы только халай-да рода Тао сам не приезжает с

подношением дани, а пытается получить улинъ по свидетельству на маньчурском языке. Это нарушение установленных правил. До нас дошли сведения, что большая страна «Сисан» поддерживает отношения с Тао. Просим вас убедить Тао, чтобы сам «халай-да» явился с подношением дани на следующий год в середине июня. В случае неявки он будет навечно исключен из списков на получение улинъя»¹³³.

Страна «Сисан», упоминаемая в документе, несомненно, Япония. В айнской транскрипции Япония произносится как «Сисам». Старейшина рода Тао с побережья Тарайки послал в Делен своего представителя с документом «халай-да» на маньчурском языке. Подлог в итоге был обнаружен. Маньчурские чиновники, постепенно утрачивая влияние на айнов юга Сахалина и не имея реальных возможностей воздействовать на «отступника», прибегли к грозным письменным увещеваниям. Документ был передан через старейшину Наёро, сохранявшего отношения с маньчуками.

В «коллекции из Наёро» сохранился и ответ старейшины Тао (документ №4) на плохом китайском языке, по всей видимости; написанный при помощи какого-либо маньчкура, посещавшего Сахалин:

«Касательно наших сношений с Японией, о которых Вы пишете, сообщаю, что все это неправда. Мне об этом ничего неизвестно. Я еще не получал от Великой Цин никаких подарков и никогда не был на аудиенциях у цинских чиновников. Если Вы посетите остров, то сможете в этом убедиться сами»¹³⁴.

Все документы из «коллекции Наёро» хранились у старейшины айнского поселения Наёро. Так как сын старейшины Ёчитэаино ряд лет находился в заложниках в Маньчжурии, нельзя полностью исключать возможность того, что он в определенной степени овладел маньчурским или китайским языком и передал эти знания кому-либо из членов семьи, и в дальнейшем переписка маньчурских чиновников со старейшинами Сахалина велась через Наёро.

Таким образом, на протяжении XVIII в. народы Нижнего Приамурья и Сахалина были включены в цинскую систему «номинального вассалитета». В основе системы дани – отдаивания было подношение в качестве дани ценных мехов (в основном соболей), взамен данники получали в качестве «улинъя» камку, парчу, другие ткани и одежду. Значительная часть «улинъя» затем поступала на региональный и межрегиональный рынок, об одном из которых

(сантан-торговля) пойдет речь ниже. В то же время, включение народов Сахалина, особенно айнов, наряду с народами Нижнего Приамурья в структуру «халай-да» - «гасян-да» - «бо» производилось механически и не оказало какого-либо заметного воздействия на социальную структуру айнского общества. По мере ослабления влияния Цин на Сахалин на некоторое время даже возникла ситуация «двоевластия», когда одни и те же айнские старейшины находились в системе «номинального вассалитета» и Цин, и Японии, так как в начале XIX в. айнские поселения на юге Сахалина уже находились под непосредственным управлением бакуфу. Что касается весьма вялой реакции цинских властей на появление японцев на Сахалине, то в условиях стабильного поступления дани с фиксированного количества дворов Нижнего Приамурья и нивхов Сахалина постепенное уменьшение поступления дани от нескольких десятков «дворов» сахалинских айнов на протяжении ряда лет не было настолько болезненным, чтобы отправлять на остров дорогостоящую военную экспедицию. Иными словами, Сахалин – это определенного рода индикатор общего состояния правящей в Китае императорской династии. В период наивысшего могущества династии власть ее в виде господства над «периферийными» народами достигала Сахалина и удерживалась на протяжении определенного исторического периода. По мере ослабления династии именно с Сахалина начинался процесс отступления в исходную точку. В п.1.1 это было проиллюстрировано нами на примере взаимоотношения народов Сахалина с Юань и Мин. Что касается Цин, то могущество этой империи, достигнув своего апогея к середине XVIII в., с началом следующего XIX в. идет на спад, что проявляется и в отношениях с народами Нижнего Приамурья и Сахалина: расположение временных правительственные постов смещается вверх по течению Амура; меняется и отношение власти к поддержанию своего авторитета в глазах «периферийных» народов: если несколько десятилетий до этого после совершенного на острове преступления и жалобы потерпевших туда направляются чиновники, ведут расследование, наказывают виновных и т.д., то в 1810-х гг. айнский староста с Тарайки чувствует себя настолько уверенно, что не просто не признает за собой какую-либо вину, но и отрицает наличие каких-либо обязательств перед цинскими властями вообще. Нам ничего неизвестно о реакции цинских властей, так как нет никаких письменных свидетельств на этот счет, но в любом случае, чиновники или военный отряд для наказания «отступника» на Сахалин не направлялись, так как

это были годы, когда юг острова уже контролировался японским правительством, и сведения об этом остались бы в японских письменных источниках.

По нашему мнению, именно тем, что начало японской колонизации (имевшей ряд общих черт с китайским «номинальным вассалитетом») Сахалина совпало с ослаблением влияния Цин на остров, можно объяснить отсутствие каких бы то ни было попыток с цинской стороны воспрепятствовать этому и тем более вооруженной конфронтации, подобной той, которая имела место между Россией и Цин во второй половине XVII в. в Приамурье.

1. 4 Международная посредническая «сантан-торговля» в XVIII – XIX вв.

Как отмечалось выше, прямым следствием заключения Нерчинского договора является включение Цин в систему «номинального вассалитета» народов Нижнего Приамурья и Сахалина. Ставшие «периферийными» народы региона под эгидой цинских чиновников активно включились не только в региональную торговлю в рамках Приамурья, но и стали играть посредническую роль в международной торговле, связавшей Цин (Саньсин) и Японию (княжество Мацумадэ). В Японии эта посредническая торговля известна как «сантан-торговля»; «сантан» - это собирательное имя народов, живших на Нижнем Амуре, от нивхского названия ульчей, живших в окрестностях озера Кизи - «джанта», - измененного сахалинскими айнами на «сантан». Эта посредническая торговля имела богатую историческую традицию: археологические исследования последних десятилетий убедительно свидетельствуют о том, что с древних времен Сахалин наряду с Хоккайдо играл роль своеобразной контактной зоны представителей палеолитических и неолитических культур Северо-Восточной Азии¹³⁵. Уже в XII в. в конце периода Хэйан была известна «парча из Эдзо», т.е. китайская парча, поступившая через Хоккайдо, о чем свидетельствует запись за август 2-го года Кодзи (1143 г.) в сочинении старшего секретаря правительства Накахара Моромото «Тюгайсё»¹³⁶. Борьба с носителями охотской культуры за контроль над этой торговлей с материком могла быть одной из причин переселения части айнов Хоккайдо на Сахалин. После того, как продвижение айнов было остановлено юаньскими военными экспедициями и айны попали под господство Китая, торговля

между айнами и народами Приамурья продолжалась в виде архаичной «молчаливой» торговли. И в последующие века с Сахалина на Хоккайдо в незначительных количествах попадала поддержанная китайская одежда, ткани, нефритовые украшения, монеты, серьги и др. Так как через Сахалин на Хоккайдо попадали китайские товары, то в Японии остров стали называть «Карафуто» (искаженное от слова «карахито» - китаец).

Центральное место в ассортименте «сантан-торговли» занимали шелковые изделия, в частности, парча, получившая в Японии название «парча из Эдзо», а также меха. «Парча из Эдзо», несмотря на то, что аналогичный товар поступал и южным путем через Нагасаки, очень ценилась среди феодального сословия и широко использовалась в отделочно-декоративных целях, например, для украшения буддийских алтарей, поясов кимоно и т.д. Сохранились сведения о том, что в 1593 г. пятый глава княжества Мацуказэ Ёсихиро встречался с Токугавой Иэясу в замке Нагоя на острове Кюсю, и Токугаве очень понравился привезенный с Сахалина китайский халат, который был на Мацуказэ. Халат в итоге был подарен Токугаве¹³⁷. Торговля «парчой из Эдзо» в Японии находилась под контролем княжества Мацуказэ и бакуфу.

На первом этапе «сантан-торговли» ведущую роль на ее заключительном отрезке (Сахалин-Хоккайдо) играли сахалинские айны, которые везли своим сородичам на Хоккайдо китайские товары, непосредственно полученные в виде «улинья» от цинских чиновников или вымененные у представителей народов Нижнего Амура (сантанцев), гиляков, орочей. Княжество Мацуказэ часть этих товаров («парча из Эдзо», «сантанская» материя, нефрит) наряду с мехом морских бобров, орлиным пером и медвежьей желчью с Курил продавало как свои монопольные. Княжество рекомендовало хоккайдским айнам закупать эти предметы у сахалинских айнов, которые приезжали для меновой торговли в Сою и на острова Рисири и Рэбун¹³⁸.

В последующем «сантанцы» стали регулярно приезжать в факторию Сирауси на юге Сахалина, куда прибывали и айны с Хоккайдо для меновой торговли (См. Приложение 2. Рис.7). О большой степени доверия партнеров по «сантан-торговле» свидетельствует то, что часто товары отдавались в долг, в счет будущего сезона охоты или последующей реализации. Товары «сантан-торговли» меняли на меха, рис, сакэ, табак, понощенную одежду, изделия из железа, посуду и другие предметы домашнего обихода японского изготовления. В мацуказэских хрониках сохранились свидетельства о приездах сахалинских айнов в Сою во времена,

предшествовавшие открытию фактории Сирануси на Сахалине; в том числе харата Наёро Ёчитэйно (Ётютэй) приезжал в Соя в 1772-1781 гг. По свидетельству чиновника княжества Мацумаэ Кудо Тёку, в то время харата собирал волосы пучком на голове и носил парчовый маньчжурский халат с драконом¹³⁹. Подобные тесные контакты и приезды сахалинских айнов на Хоккайдо, а также проведение церемонии «омуся» в фактории Соя дали возможность представителям клана Мацумаэ считать и Сахалин входящим в территориальные пределы княжества, вследствие чего на Сахалин были направлены для обследований чиновники, а на карту княжества стали наносить «остров Карапосима».

Новый этап в «сантан-торговле» начинается в 1790 г., когда княжество Мацумаэ направило на Сахалин вассала Такахаси Сэйдзазмон и подрядчика Мураяма Дэмбэй в целях обследования острова и организации рыболовного участка. Мураяма организует торговую факторию в Сирануси, которая с этого момента начинает играть роль конечной точки торгового пути «сантан» (в этом смысле Саньсин играл роль начальной точки). Деятельность торговой фактории Сирануси продолжалась до 1867 г., вплоть до заключения «Временного соглашения об острове Сахалин» между Россией и Японией. В отчетах членов японских правительственные экспедиций, исследовавших Сахалин в конце XVIII в., отмечалось, что многие айны из-за долгов перед «сантанцами» забирались последними с собой; так, побывавший на Сахалине в 1792 г. Могами Токунай писал в своем сочинении «Эдзо соси кохан» (Рассказы об Эдзо, вторая часть):

«В Сирануси мы встретились с сантанцами; их семь человек, и приплыли они на одной лодке. Старшего у них зовут Фянко; маньчжурские чиновники его назначили старейшиной в стране Сантан. Они привозят с собой парчу, бусы и другие украшения и отдают их в долг эдзо (айнам – А.Т.); если эдзо потом не может вернуть долг, его забирают с собой в Сантан. Вместе с сантанцами был и эдзо по имени Икойбэ, ранее проживавший в поселении Найбо. Четыре года назад его забрали за старые долги. Когда мы прибыли в Кусюннай, туда приплыли две сантанские лодки, на одной из них был эдзо по имени Каряси. Он родился в Соя, потом переправился на Карафуто; его тоже сантанцы забрали с собой за долги. На сто ри от Кусюннай до Нотэто, откуда переправляются в страну Сантан, поселений эдзо осталось не более 2-3; остальных жителей взяли сантанцы в залог за долги. Когда мы впервые услышали это, все прослезились. Чтобы получить

роскошную парчу из Эдзо, украшения из драгоценных камней и прочие безделушки, мы заставляем эдзо продавать себя в рабство чужой стране. Жены и дети эдзо расстаются с мужьями и отцами, чтобы никогда их не увидеть; сами же влачат жалкое существование, питаясь коренями растений... И все для того, чтобы в Мацузаэ получили эти безделушки... Японии нужно не пожалеть несколько десятков тысяч ўё, чтобы освободить попавших в беду эдзо»¹⁴⁰.

Начало нового, и последнего, этапа в «сантан-торговле» датируется началом XIX в. и связано с введением на юге Сахалина прямого правления бакуфу (1808 -1821 гг.). В этот период на административном поприще наиболее активно себя проявил сподвижник Мамия Риндо по исследованию Сахалина Мацууда Дэндзюро. Именно он занялся решением проблемы аннулирования долгов «попавших в беду эдзо» Сахалина и Соя перед «сантанцами». Поощряемые властями Мацузаэ, которые монополизировали «сантан-торговлю» на Хоккайдо и в Сирануси, айны торговали с «сантанцами» в масштабах, превышавших их собственные нужды и финансовые возможности, получая от них товары в долг. Расплачивались айны мехами, но популяция пушного зверя сократилась, и все большее количество айнов бралось в заложники за долги. Усугубляли тяжелое положение айнов обман и мошенничество со стороны мацумайских торговцев, закупавших у них товары «сантан-торговли».

Согласно предложению Мацууда, бакуфу обязалось возместить все долги айнов перед «сантанцами». За 1809-1812 гг. Сирануси посетило 158 сантанских торговцев на 20 лодках; Мацууда предложил им предъявить айнам все долговые обязательства; в результате в пересчете на соболиные шкурки ими было предъявлено обязательств на 5546 шкурок (айны Сахалина – 2975 и айны Соя – 2571 шкурка). Самими айнами были погашены долги на 495 шкурок; бакуфу возместило долговые обязательства по 5047 шкуркам, которые айны не могли выплатить сами. Денежный эквивалент выражался всего лишь в 131 монету (рё) золотом. Вместе с тем, непосредственная торговля айнов с «сантанцами» была запрещена и в дальнейшем должна была проводиться официально только в Сирануси; было также запрещено принимать от айнов во время церемонии подношения дани (омуся) предметы «сантан-торговли»¹⁴¹. По нашему мнению, японскими чиновниками двигали не столько альтруистические мотивы (хотя лично Мацууда Дэндзюро отличало гуманное отношение к айнам), сколько

стремление обеспечить стратегический контроль над своим «периферийным» народом – айнами - в условиях начавшейся, по мнению японского правительства, агрессии России.

Ассортимент товаров «сантан-торговли» был достаточно широким и включал в себя следующее:

1. Товары и продукты китайского производства

1.1 Товары для японского рынка

Шелковые изделия («парча из Эдзо»), парадные халаты чиновников из камки, стеклянные бусы.

1.2 Товары для приамурского и сахалинского рынка

Шелк, парадные халаты чиновников из камки, парча, хлопчатобумажные халаты, рис, спиртное, бобовые, мука и прочие продукты, железные котлы и прочие изделия из железа, стеклянные украшения, металлические украшения, фаянсовая, лаковая и металлическая посуда.

2. Товары и продукты японского производства

2.1 Товары для китайского рынка

Мех (соболь, куница, лиса, выдра, морской бобр и пр.)

2.2 Товары для приамурского и сахалинского рынка

Фаянс и фарфор, лаковая посуда, железные котлы, напильники, тесла, рис, спиртное, дрожжи.

3. Продукты приамурского и сахалинского производства

3.1 Товары для китайского рынка

Мех (соболь, куница, лиса, выдра и пр.), желатин, хрящ осетровых и прочая рыбная продукция.

3.2 Товары для японского рынка

Орлиные перья, морепродукты (кета, горбуша, сельдь, капуста комбу и пр.)

3.3 Товары обмена между коренными народами

Мех (нерпа и пр.), рыбий жир, жир морских животных, рыбы кожи, лодки¹⁴².

Подробнее остановимся на важнейшей составляющей этой торговли – изделия из парчи и шелка. Движение этого товара на рынок начиналось в Саньсине, где большая часть парадных

парчовых халатов, так ценившихся в Японии, выдавалась в качестве вознаграждения «халай-да» и «гасян-да» за преподнесенную дань. «Халай-да» вручались парадные придворные костюмы из камки без эполетов, с рисунком, похожим на дракона (название на китайском языке – «ушаньцзяньчаои» - А.Т.). Так как дракон – это символ императорской власти, т.е. одежда, несоответствующая статусу старейшин, рисунок дракона на их костюмах отличался от императорского количеством когтей: если у дракона было пять когтей, то он считался драконом, если четыре или три – то при всей внешней схожести с драконом он считался просто большим змеем и назывался «ман». Количество когтей и змеев на костюме зависело от ранга чиновника; чиновники самого высшего ранга имели право носить костюмы с 9-ю пятипальми змеями. В музейных и частных коллекциях в Японии больше всего представлены костюмы именно с этими 9-ю пятипальми змеями, которые не должны были выдаваться представителям «периферийных» народов; можно предполагать, что к середине XIX в. правила были уже не такими строгими, и часть костюмов высших чиновников стала выдаваться в качестве вознаграждения во время подношения дани. Что касается «гасян-да» и лиц ниже рангом, то на вручаемых им халатах, получивших в Японии название «желтый касинта», рисунка змея не было, а сделаны они были из желтой камки. Однако в качестве «улиння» вручались не только комплекты парадной одежды, но и отрезы и рулоны, что позволяло избежать нареканий при несовпадении размера, а также позволяло цинскому правительству экономить средства на подготовку «улиння». Вознаграждение включало в себя не только верхний парадный халат – в комплект входили также головной убор, брюки, обувь, пояс. Но зачастую правила не придерживались и вместо комплекта вручали отрез хлопчатобумажной ткани¹⁴³.

О масштабах «костюмно-халатного» рынка можно судить по данным, зафиксированным в архивных документах ямыня Саньсинского фудутуна. Так, в «Общей ведомости вещей, полученных для пожалования хэликским и куеским фэйакэ в качестве улиння» за 1803 г. среди прочих вещей, предназначенных для дарения в 1804 г. перечислены 22 комплекта придворных костюмов, 188 комплектов парадной одежды, 22 штуки атласа, расшитого четырехпальми драконами¹⁴⁴. Выше мы уже отмечали, что «халай-да» вручались парадные придворные костюмы; так как количество «халай-да» не менялось, то получается, что ежегодно в Нижнее Приамурье поступало 22 готовых комплекта придворных костюмов и 188 комплектов парадной

одежды, т.е. более 200 комплектов только готовых костюмов с рисунком дракона (змея). Поступающий в виде отреза или рулона товар в Японии в эпоху Эдо фиксировался в погонных дзё (японский дзё равен 303 см, в китайском языке близкая мера длины чжан, равен 3,2 м – А.Т.); вдобавок, его классифицировали не только по наличию рисунка дракона, но и по цвету, поэтому прямое сопоставление данных затруднительно, так как нам неизвестно количество погонных чжан передаваемой в виде «улиння» ткани с рисунком дракона. Тем не менее, какое-то представление об объемах попадавших в Японию посредством «сантан-торговли» китайских товаров можно составить по японским письменным источникам XIX в.

Так, во времена Мацуда Дэндзюро в среднем 1 дзё ткани с рисунком дракона покупался за 15 шкурок сахалинского соболя, а парадный костюм с драконом – за 40¹⁴⁵. По данным за 1853 г., в фактории Сирацуши было закуплено примерно 79,2 дзё халатов и ткани с рисунком дракона, что в среднем в стоимостном выражении было равно 11,42 шкурки сахалинского соболя за 1 дзё. Таким образом, за 40 лет наблюдается некоторое снижение стоимости ткани с рисунком дракона примерно на 4 шкурки сахалинского соболя. Всех остальных видов ткани в 1853 г. было закуплено примерно 210 дзё; в среднем за 1 дзё было заплачено по 8,1 шкурки сахалинского соболя. За два готовых костюма (определить вид затруднительно, потому что их название в японском языке не совпадает с названием в китайском) с рисунком дракона было заплачено 65 и 50 шкурок сахалинского соболя соответственно. В то же время, японской стороной было реализовано 259 шкурок сахалинского соболя, 317 шкурок хоккайдского соболя, 1 255 шкурок выдры разного качества, 597 шкурок лисицы разного качества, 26 железных котлов, 58 напильников¹⁴⁶.

Несмотря на то, что основная часть соболей поступала в Саньсин в виде подношения дани, и, соответственно, халаты и ткани не продавались, а вручались в виде «улиння», т.е. это не были рыночные торговые операции, помимо этого существовала и средняя рыночная стоимость соболей. Так, несмотря на разные ограничения цинского правительства, весьма значительные по объему операции с собольими мехами вели ханьские купцы; часть «улиння», оставшаяся у чиновников из-за того, что число данников было меньше ежегодного вследствие эпидемий и т.д., продавалась на рынке, а на вырученные средства покупались соболя по рыночной стоимости. Например, когда в 1824 г. из-за эпидемии оспы с подношением дани явилась только половина

представителей местных народов, по предложению «селина» Точкинга (когда он встречался с Мамия, он был еще в чине «цзолина») оставшаяся часть «улинга» была реализована за 1 500 лян, и на эти деньги было приобретено 750 соболей, т.е. стоимость одного соболя была равна 2 ляна серебра. Такая же стоимость одного соболя была и в последующие годы¹⁴⁷.

При торговых операциях в японской фактории Сирануси на юге Сахалина роль эквивалента играли не деньги, а шкурки сахалинского соболя. Хоккайдский соболь ценился меньше и приравнивался к сахалинскому в соотношении 4 к 1. В то же время, высоко ценился мех выдры, и его обменный эквивалент был в 2 раза выше сахалинского соболя. Так как в XIX в. выдра была достаточно широко распространена по Хоккайдо и другим островам Японского архипелага, в меновых операциях в Сирануси ее объем был самым большим.

Таким образом, высокий спрос и высокая цена на меха в Китае, с одной стороны, и отсутствие интереса к мехам в Японии, но большой интерес к «парче из Эдо» и высокая цена на нее, с другой, были тем непременным условием, которое превращало посредническую «сантан-торговлю» в очень выгодное для торговцев из числа ульчей и других народов Нижнего Приамурья предприятие, несмотря на высокие накладные расходы, дальность путешествия, риск и пр. В то же время, в начале XIX в. из этой посреднической торговли выбыл один из ее участников – айны.

Отстранение айнов от торговли с материком и установление полного правительственного контроля завершило процесс формирования «сантан-торговли» как международной, основное отличие которой от всех предыдущих видов меновой и посреднической торговли, существовавшей до нее в этом регионе, состоит в том, что она была официально признана и контролировалась двумя государствами: Цин и Эдо бакуфу. Как и цинское правительство, бакуфу наряду с экономическими интересами преследовало и политические цели, рассматривая эту торговлю как рычаг политического влияния на «периферийные» народы. В 1867 г. между Россией и Японией было заключено «Временное соглашение об острове Сахалин», статья 3-я которого гласила:

«Туземцам на острове предоставляется полная свобода, как по личным правам, так и по имуществу. Они могут, по свободному договору, наниматься к Русским и Японцам. Если туземец задолжает Японцу или Русскому, деньгами или товаром, или состоит уже ныне в

долгу, то для уплаты долга может, если пожелает, поступить на услужение на заранее определенное время»¹⁴⁸.

Это соглашение означало для бакуфу потерю возможности оказывать монопольное влияние на свой «периферийный» народ – сахалинских айнов. Правительственная фактория в Сирануси была закрыта. А на следующий год не стало и самого бакуфу. Новое правительство Мэйдзи мыслило уже вполне современными категориями и не питало ни малейшего интереса к традиционной политике бакуфу по «воспитанию варваров». Что касается народов Нижнего Приамурья, несмотря на то, что данный регион стал частью Российской империи, выплата дани цинским чиновникам продолжалась еще в 70-е гг. XIX в.¹⁴⁹

1.5 Исследование Сахалина японцами в XVII – XVIII вв. и их административно-хозяйственная деятельность на юге острова в первой половине XIX в.

Несмотря на географическую близость Японского архипелага и Сахалина, не сохранилось никаких убедительных свидетельств того, что до XIV в. представления японцев о землях, лежащих к северу от их страны, простирались дальше Эдзо (Хоккайдо). Самым старым из известных на сегодня письменных источников, в котором говорится о Сахалине и Курильских островах, является, по нашему мнению, составленная в одном из синтоистских храмов префектуры Нагано в 1356 г. хроника «Сува Даймё Дзинъэкотоба» 諏方大明神画詞:

«К северо-востоку от нашей страны есть варварская страна тысячи островов (Эдзо-га Тисима); она расположена посередине большого моря. Три народа: хи-но мото, карако, ватарито, живут там каждый на 333 островах. Сейчас на двух островах ватарито смешаны с другими. На том острове есть маленькие острова под названием Усорикэси и Матомайну. Там много типов людей, они приезжают торговать в страну Оу в Цугару в место Сото-га хама. ... Земли двух народов - хи-но мото и карако граничат с другими странами. Они бескрайни и однообразны, как страна Еча (демонов). Люди в тех землях едят мясо животных и рыбу, не выращивают пять злаков. Говорят на таком непонятном языке, что даже не понять при помощи девяти переводчиков. Ватарито внешне очень похожи на японцев, но на голове и теле у них пышная растительность. Язык грубый, но в

основном понятен»¹⁵⁰.

По географическим представлениям японцев того времени на месте Хоккайдо находилось множество островов Эдзо-га Тисима, т.е. буквально «тысяча островов», а не один большой. Необходимо также обратить внимание на то, что в этой хронике все «варвары» (эдзо) разделены на три группы: хи-но мото, карако и ватарито. Последние – это жители юга Хоккайдо, потомки переселенцев с Хонсю, смешавшиеся с айнами. Поэтому внешне они очень похожи на японцев и говорят на языке, который в основном понятен. В то время поселение на месте нынешнего Хакодатэ по-айнски называлось "Усорикэси", а поселение на месте нынешнего Мацуваэ - "Матомайну". В тексте оба поселения помещены на маленькие острова. Жители этих мест поддерживали активную торговлю с севером Хонсю (страна Оу – это нынешняя префектура Аомори, а Сото-га хама – это восточное побережье полуострова Цугару – А.Т.). Можно предполагать, что "хи-но мото" (дословно восходящее солнце) – это курильские айны, так как по-айнски Курильские острова называются "Чупка", т.е. "место, где восходит солнце". Что касается "карако", то исходя из иероглифического написания слова: (唐子), т.е. дословно «китайский», можно предположить, что речь идет о сахалинских айнах. Как мы отмечали в п.1.1, в результате юаньских военных экспедиций на Сахалин часть айнов попала под господство Китая; таким образом, этимология этого слова в определенной степени может отражать связи людей «карако» с Китаем. Вполне может быть, что и японское название Сахалина в последующие века - «Карафуто» - является производным от «карако».

Период с XIV по XV вв.- время активного продвижения японцев на Хоккайдо. В эпоху Муромати на южном побережье Хоккайдо уже насчитывалось примерно 12 феодальных замков (укрепленных усадеб) (по-японски татэ, тати, яката). Усиление процесса колонизации юга Хоккайдо японцами неизбежно ведет к росту напряженности между последними и айнами. На Хоккайдо вспыхивают айные восстания, например, "бунт Косямаина"(1457 г.) - первый межнациональный конфликт между "сямо" (японцами) и айнами на острове. По нашему мнению, одна из основных причин восстания – это борьба за контроль над меновой торговлей. В результате восстания погибли практически все феодалы - владельцы крепостей, и произошло возвышение клана Такэда, потомки которого составили феодальный клан Какэдзаки (Мацуваэ). Безраздельное господство клана Мацуваэ на Хоккайдо было официально закреплено сначала в

грамоте от Тоётоми Хидэёси в 1598 г. и подтверждено затем Токугавой Иэясу в 1604 г. Как отклик на многолетнюю борьбу айнов с пришельцами можно рассматривать установление четкой границы между районами, населенными японцами, и айнской территорией. Японская зона стала называться "Мацуумаэти" (земля Мацуумаэ) или "сюмоти" (земля японцев). Клан превратил земли айнов в место ведения монопольного товарообмена главы клана и высших вассалов. Так как на Хоккайдо не было крестьянства и, соответственно, вознаграждение самураям за службу не могло выплачиваться рисом, как в остальных частях Японии, то вместо этого клан раздавал вассалам право на ведение меновой торговли (факторное кормление) с айнами (акинайба), а также рыбакки (сакаба) и места для соколиной охоты (такаба). Проникновение простых японцев на айнскую территорию строго запрещалось. Для контроля за въездом на Хоккайдо были установлены 2 таможенно-пограничных пункта: в Камэда (Камэда бансё)- на востоке и в Кумайси - на западе. Таким образом, к началу XVII в. на Хоккайдо мы видим формирование системы, имеющей общие черты с цинской концепцией «периферийных» народов. Как и в случае подношения дани цинским чиновникам представителями народов Приамурья, айнские старейшины принуждались к нанесению визитов ко двору даймё клана; эти визиты по-айнски назывались «уймам»¹⁵¹. При этом, несмотря на четкое разграничение собственно японских и айнских земель, все айны считались народом, подвластным клану и бакуфу, т.е. «периферийным». Именно отсюда берет начало территориальная концепция бакуфу, согласно которой все территории, где живут варвары, нуждающиеся в покровительстве японского государства (т.е. айны), являются японскими.

Как уже говорилось выше в п.1.4, в результате меновой торговли в княжество Мацуумаэ попадали китайские товары, в частности «парча из Эдзо», которые княжество наряду с продуктами местного производства продавало как свои монопольные. Именно стремление к расширению деятельности меновых факторий привело к появлению японцев на Сахалине в первой половине XVII в. В хронике княжества Мацуумаэ «Описание Мацуумаэ» (1781 г.) Мацуумаэ Хиронага зафиксировано, что в 1635 г. впервые на южную оконечность Сахалина в месте Уссюму переправились Сато Камоэммон и Какидзаки Курандо. Это были члены группы Мураками Камондзэммон, которому главой клана Мацуумаэ было поручено обследовать побережье Хоккайдо и составить его карту. На следующий год на Сахалин переправился Кодо Сёдзэммон;

перезимовав в Уссюму, он следующей весной добрался до Тарайки (залива Терпения)¹⁵². Все записи и карты XVII в. были утрачены во время пожара в Мацуказэ, но у Мацуказэ Хиронага в «Мацуказэси» есть описание старинной карты Сахалина, по его мнению, относящейся к годам Сёхо (1644 – 1648 гг.). На карте были написаны названия айнских поселений и имена старейшин. На северо-востоке острова было нанесено поселение Наёро, в связи с чем Мацуказэ отмечает, что это ошибка, так как в действительности Наёро находится на западном побережье острова. На востоке острова отмечен также большой залив и написано его название – Тарайка. На севере нанесена большая река и отмечено, что там живет народ по имени «никубун» (так японцы называли нивхов Сахалина в противовес «смеренкур» - нивхам Нижнего Амура – А.Т.). Остров вытянут с севера на юг¹⁵³. Можно предположить, что карта, описанная Мацуказэ Хиронага, послужила основой для преподнесенной в 1644 г. бакуфу карты земель княжества Мацуказэ, вошедшего в состав «Общей карты Японии годов Сёхо» (См. Приложение 2. Рис.9). Еще в 1605 г. сёгун Токугава Иэясу поручил всем даймё наряду со статистическими данными предоставить карты своих владений; предоставляло ли княжество Мацуказэ в то время карту, неизвестно. Повторно указ о картографической съемке последовал в 1644 г.; наряду с картами княжества должны были также предоставить земельные списки. Был определен общий масштаб карт – в 6 сунах 1 ри, т.е. в 1 см 216,7 м или 1:21 600. В итоге на основе предоставленных всеми даймё карт была составлена общекяпонская «Общая карта Японии годов Сёхо» в масштабе 1:36 000¹⁵⁴. Это самая старая японская карта, на которую нанесен остров Сахалин - «Каратосима». Размер его очень маленький по сравнению с Хоккайдо; только часть острова в районе залива Анива похожа на реальную. По сравнению с Хонсю Хоккайдо также значительно уменьшен в размерах, т.е. княжество Мацуказэ предоставило бакуфу преуменьшенную карту своих владений. На карту нанесено примерно 20 сахалинских географических названий. Мыс Крильон нанесен под названием «Кокува», мыс Анива – «Сирой токоро»; мыс Томари-Анива обозначен как «Усся». Часть названий явно относится к материку, например, «Киншибаку». Этим словом в Японии в географических описаниях XVIII в. называли Кизи. Исходя из этого, можно предположить, что карта южной оконечности Сахалина составлена по результатам упомянутых в «Описании Мацуказэ» экспедиций на остров, а названия более северных мест были нанесены на карту со слов айнов.

К концу XVII в. в деятельности меновых факторий на Хоккайдо происходят значительные перемены. Если раньше они выполняли функции товарообмена, то в этот период даймё клана и вассалы высшего ранга, стремясь получить большую прибыль, начали на них наряду с меновой торговлей рыбные промыслы. Непосредственная эксплуатация факторий и промыслов поручалась на условиях подряда купцам, которые, в свою очередь, стремясь получить максимальную прибыль, стали привлекать в качестве рабочей силы айнов. Оплата труда была минимальной, многих заставляли трудиться насильно. Подобная система получила название «факториальной подрядной» («басё»). По мере внедрения и укрепления этой системы айны с положения партнеров по меновой торговле сместились на уровень практически бесплатных рабочих рук на рыболовных факториях¹⁵⁵. В 1684 - 1686 г. была открыта самая северная на Хоккайдо фактория в Соя, впоследствии ставшая базой продвижения японцев на Сахалин. Эта фактория стала центром проведения меновой торговли с сахалинскими айнами. Нам неизвестны какие-либо документальные свидетельства о деятельности японцев на Сахалине в первой половине XVIII в.; в уже цитированном выше «Описании Мацумаз» (1781 г.) Мацумаз Хиронага упоминается о служащем в фактории Соя вассале князя Като Каэй: «30 лет назад некий Като часто посещал Сахалин и рассказывал об обычаях и географии тех мест. По его словам, от места Нацуко можно переправиться на материк на маленьких лодках, подождав прилива. Зимой море замерзает, и на материк едут на санях, запрягая в них собак»¹⁵⁶. Во второй половине XVIII в. суда из Мацумаз эпизодически направляются на южную оконечность Сахалина в целях ведения торговли; в хрониках зафиксировано, что в 1772 г. княжество Мацумаз приказело мацумайскому торговцу Мураяма Дэмбэй отправить на Сахалин два судна для торговли и ведения рыболовного промысла. Также в 1777 г. вассал княжества Нитта Рюсукэ на судне купца Хидая посещал Сахалин с торговыми целями¹⁵⁷.

Таким образом, представления японцев XVII – середины XVIII вв. о географии Сахалина были поверхностными; вместе с тем, крайний юг Сахалина эпизодически посещался вассалами клана Мацумаз и купцами-подрядчиками с целью меновой торговли с сахалинскими айнами.

Качественно новый этап в продвижении японцев на Сахалин начинается в 80-е гг. XVIII в. К этому времени происходит изменение геополитической ситуации в Северо-Восточной Азии: как уже говорилось выше, нивхи и часть айнов Сахалина вошли в число «периферийных» народов

Цинской империи; русские казаки и промышленники продвигались по Курильским островам все дальше на юг, а российские суда появились непосредственно у японских берегов. Впервые российские моряки достигли берегов Японии в 1739 г. (это были берега Хонсю; экспедиция М.П. Шпанберга и В.Вальтона). В 1759 г. клан Мацумаз впервые получил сведения о появлении русских на северных Курилах от айнских старейшин островов Итуруп и Кунашир. Так как русские носили красные одежды, их называли "акаэдзо" или "акахито" (красные люди). Непосредственно на Хоккайдо появление русских было зафиксировано в 1778 г. в районе мыса Ноккамаппу (восточнее нынешнего Нэмуро). Это была экспедиция, которая проводилась по указанию главного командира Камчатки премьер-майора К.М.Бема; руководителем ее был Шабалин, обязанности переводчика выполнял И.Очередин¹⁵⁸. В ходе встречи с представителями княжества Мацумаз русские предлагали установить торговые отношения; японская сторона обещала дать ответ на встрече в районе Итурупа, которую предлагалось провести на следующий год. Летом следующего года судно с представителями княжества из-за неблагоприятных погодных условий долгое время не могло выйти в море, и не дождавшиеся японцев российские представители снова появились в районе Нэмуро. На этот раз переговоры начались с того, что японская сторона вернула все подарки, полученные от русских в предыдущем году, и категорически настаивала на невозможности торговли, так как "в Японии запрещено вести торговлю с иностранцами за исключением Нагасаки". Российской стороне было предложено покинуть японские воды и никогда впредь не приближаться к японским берегам. Любопытно, что клан Мацумаз оставил в тайне от бакуфу прибытие русских в Эдзоти и факт ведения с ними переговоров. В 1784 г. врач представительства княжества Сэндай в Эдо Кудо Хэйсукэ предоставляет в бакуфу меморандум, озаглавленный «Акаэдзо фусэцуко» (Размышления по поводу толков о красных эдзо). Автор, сопоставив сведения, почертнутые у голландцев в Нагасаки, со сведениями, доходившими из княжества Мацумаз, делает вывод, что «красные варвары» из страны «Камчатка», появившиеся в последние годы на Курилах и на востоке Хоккайдо с торговыми целями, называвшие себя «рюска», на самом деле являются жителями великой страны «Московия», или по-другому «Оросия», расположенной на восток от Голландии. Кудо подчеркивал, что голландцы, говоря об агрессивных замыслах России в отношении к Японии, стремятся не допустить конкурента в торговле с Японией; русских влечут в

Японию слухи о ее богатстве золотом и серебром, а также стремление организовать с Японией торговлю по примеру Голландии; поэтому Японии, чтобы стать сильной державой, следует заняться разработкой золотых приисков в землях Эдзо и организовать государственную торговлю с Россией, ограничив ее Хоккайдо¹⁵⁹. Документ вызвал большой интерес со стороны председателя Совета старейшин сёгуната Танума Окицугу, который распорядился провести обследование на месте с целью прояснения ситуации и наведения порядка на землях Эдзо. Комплексная экспедиция бакуфу в составе 10 чиновников из Эдо, прибыв в марте 1785 г. в Мацуэ, разделилась на две группы: одной было поручено обследование Восточного Хоккайдо и Курил, а другой - Западного Хоккайдо и Сахалина. В сопровождении вассалов Мацуэ и айнов группы отправились в путь. Западная группа во главе с Ихара Яроку из экспедиции ревизорского управления бакуфу (кандзёбугё) переправилась на Сахалин в сопровождении мацумайских вассалов и обследовала западное побережье острова до Тарантомари (Горнозаводск - Невельск), а также побережье залива Анива до мыса Анива. После этого экспедиция вернулась на Хоккайдо, где зазимовала в Соя. Во время зимовки Ихара и пять самураев из Мацуэ умерли от цинги. На следующий год оставшиеся в живых члены группы во главе с Оиси Иппэй и Сато Гэнрокуро продолжили обследование и переправились на Сахалин; на западном побережье севернее Тарантомари они встретили людей из страны «Сантан», расположенной между Кореей и Татарией. Это была первая встреча японцев с представителями народов Приамурья. Общаясь при помощи переводчика – айна, Оиси и его спутникам удалось узнать, что эти люди с окрестностей озера Кизи, старшими у них старейшина рода Бянко и староста Кобак. Согласно рассказам «сантанцев», подчиняются они «Маньчу» (Маньчжурии), но маньчжуры приезжают к ним редко, с целью торговли. Что касается расстояния, то от места «Нацуко» на западном побережье Сахалина (южнее Погиби – А.Т.) можно за день пересечь море, затем 3 дня по побережью и 8 дней по горным тропам требуется, чтобы выйти к небольшой реке; спустившись по ней к озеру Хоуха, можно за 5 дней достичь Кинчика (Кизи). От озера за 2 дня можно достичь реки Манкоу (Амура), поднимаясь вверх по которой можно за 30 дней достичь маньчжурского поста Яуки¹⁶⁰.

Поднявшись по западному побережью, группа Оиси достигла Наёро и Кусонная. Старейшина Наёро Яэнкуру и местные проводники изобразили на песке очертания Сахалина, пояснили

расстояния. Опираясь на свои измерения и пояснения айнов, Оиси сделал вывод, что в окружности Сахалин примерно одну тысячу ри (т.е. 3 900 км). В отчете экспедиции приводится географическое описание острова - на западе до Нацуко, на востоке – до Тарайки. На западном побережье было описано 45 айнских поселений, на восточном – 18¹⁶¹. Интересно, что в мае того же года, когда группа Оиси была на Сахалине, рядом с Мацумаз и Соя на Хоккайдо, а также у берегов западного побережья Сахалина появлялся иностранный 3-мачтовый корабль; команда угостила приблизившихся к судну на лодках айнов вином и хлебом. Могами Токунай, который привел рассказы местных жителей о появлении судна в сочинении «Эдзо соси» (Рассказы об Эдзо), считал, что это русский корабль¹⁶². Нам неизвестно, чтобы в 1786 г. в Японское море был направлен какой-либо российский корабль. В то же время, это не могли быть корабли экспедиции Лаперузя; французские моряки высаживались в Кусюннае (залив Делангль) только на следующий год после появления неизвестного корабля, в июле 1787 г.¹⁶³

На карте, составленной по итогам комплексной экспедиции в 1786 г., остров Карафуто вытянут с запада на восток (См. Приложение 2. Рис.10). Напротив северо-западного побережья острова на материке надпись «Татария»; помечена местность «Сантан»; нанесено также устье большой реки «Манкоу». В 1795 г. известный географ Нагакубо Сэкисуй поместил эту карту целиком в свою «Карту земель Эдзо и Мацумаз» (См. Приложение 2. Рис.11). Сведения, собранные экспедицией Оиси, в последующем легли в основу карты Хоккайдо, Южных Курил и Карафуто, составленной Могами Токунаем по итогам комплексной экспедиции бакуфу (См. Приложение 2. Рис.12). Интересно, что на карте Могами впервые среди японских карт Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов нанесены параллели и меридианы; Сахалин находится между 47 – 54 гр. с.ш. и 158 – 163 гр. в.д. Во время экспедиции на Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова определения широты и долготы не производилось; по мнению Акидзуки Тосиюки, линии были перенесены с европейских карт Хонсю¹⁶⁴.

Таким образом, комплексная экспедиция бакуфу 1785 -1786 гг. в земли Эдзо значительно расширила и уточнила представления японцев о Сахалине, о прилегающих к острову районах материка и о народах, их населяющих. В то же время, составленная по результатам экспедиции карта Сахалина является еще не столько картой в прямом смысле, хотя в последующем Могами Токунаем и была сделана попытка привязать ее к системе координат, сколько рисунком

местности, причем северная часть острова была нанесена на карту со слов местных айнов. В связи с отставкой в августе 1786 г. инициатора экспедиции председателя Совета старейшин сёгуната Танума Окицугу каких-либо конкретных планов по освоению Эдзо разработано не было, но экспедиция в определенном смысле была для княжества Мацуаз «первым звонком», просигналившим о повышении интереса центральных властей к северным границам. Через три года восток Хоккайдо снова привлек к себе внимание бакуфу: там в мае 1789 г. произошло восстание айнов района Мэнэси и острова Кунашир. В ходе этого восстания был убит 71 японец и атакованы японские фактории и торговые суда. В отличие от предыдущих восстаний айнов это восстание было подавлено при помощи айнской верхушки, которая выдала японскому карательному отряду 37 участников восстания, позднее казненных в Ноккамаппу. Кунаширско - Мэнэсское восстание стало последним выступлением айнов против клана Мацуаз и японцев¹⁶⁵.

Пытаясь сохранить свою монополию на эксплуатацию земель Эдзо, княжество Мацуаз начинает предпринимать энергичные усилия, чтобы показать бакуфу свою способность контролировать северные окраины. В 1790 г. княжество направляет на Сахалин отряд во главе с вассалом Такахаси Сэйдзэмон и купцом-подрядчиком Мураяма Дэмбэй. Мураяма открывает в Сирануси торговую факторию, а в Тоннае (Правда-Сахалинская) и Кусюнкотане (Корсаков) строит рыбалки. Это были первые сооружения, построенные японцами на Сахалине. Такахаси тем временем обследует залив Анива до мыса Анива, после чего поднимается по западному побережью – до Котантору (5-6 ри к северу от Райтисики). В ходе путешествия Такахаси от местных жителей собирает сведения о глубинных районах острова и составляет карту восточного побережья до устья реки Тымь и западного побережья до Нацуко (См. Приложение 2. Рис.13). По сравнению с картой, составленной ранее экспедицией бакуфу, она, несомненно, точнее; на ней Сахалин впервые приобретает очертания продолговатого острова (но не с севера на юг, а с запада на восток), а Анивский залив изображен достаточно правдоподобно.

Интерес представляет факт встречи Такахаси в Сирануси и Куи (один ри к югу от Сирануси) с «сантанцами», от которых он почерпывает много сведений о «сантан-торговле» и районе Нижнего Амура. В своем сочинении «Карафуто дзакки» (Заметки об острове Карафуто) он помещает много эскизов «сантанцев», их вещей, а также составленные по словам «сантанцев» карты района Нижнего Амура. В этой книге также упоминается, что за несколько лет до этого

южнее устья реки Тымь потерпело крушение большое иностранное судно, и что пять «аказдзо» (русских), оставшихся в живых, стали жить у гилляков¹⁶⁶.

На следующий год Такахаси в составе группы Мацуэ Хэйкаку и Аояма Соноэсона снова переправляется на Сахалин. Группа, продвигаясь по западному побережью, доходит до Котантору, а по восточному – до мыса Терпения и составляет подробное описание географии, климата, населения и промыслов. Итоги переписи численности айнов по западному побережью показали, что в 20 поселениях проживает 528 человек; по восточному побережью в 30 поселениях – 573 человека; что касается пяти поселений севернее Котантору, то со слов айнов приводится только число дворов – 16. Участники группы расспрашивают находившегося в Наёро «сантанца» из Кинмибака Фянко (Бянко, с которым встречались и Оиси, и Такахаси) о северной части острова и прилегающих районах материка. В отчете Мацуэ Хэйкаку «Эдзо Карафуто-но ки» (Записки об Эдзо Карафуто) со слов «сантанца» зафиксированы названия маньчжурских городов – Ичёхотто (Саньсин), Нункутай (Нингута), Кириора (Гирин), Хочён (Чуаньчан), описан путь следования туда. В отчете особо обращается внимание на то, что, со слов «сантанцев», крайний северо-запад Сахалина, который называется «Нанио» (район нынешнего Рыбновска), выдается в море; выше его можно повернуть на восток. «Сантанцы» находятся в вассальной зависимости от Маньчжурии, как «эдзо» от Мацуэ. «Сантан – торговля» происходит по следующей схеме: «сантанцы» берут в долг у маньчжуков, испытывающих большой интерес к мехам, нефритовые украшения, ножи, табак, женские украшения, везут их на Сахалин и выменивают у айнов на меха (чернобурка, рыжая лиса, песец, морской котик, выдра). Зимой «сантанцы» кочуют в места, где живут «роча» (оросия) и охотятся вместе с русскими на пушного зверя («сантанцы» – с луками и петлями, русские – с ружьями). Мацуэ Хэйкаку встречается в районе Тонайчи с тремя русскими, якобы прибывшими на Сахалин с Камчатки через земли «сантанцев». В отчете приводятся их имена: Хомакрио (Фома?), Сикэтакуньёсё (?), Иванкарэсё (Иван Хорошев?)¹⁶⁷.

Таким образом, экспедициям княжества Мацуэ 1790-1791 гг. удалось собрать данные не только по Сахалину, но и Нижнему Приамурью, взаимоотношениям «сантанцев» с Маньчжурией; была получена информация о том, что земли «сантанцев» находятся недалеко от русской границы. Впоследствии для проверки этой информации на материк отправится

Мамия Риндзо.

В 1792 г. на Сахалине во главе экспедиции бакуфу впервые побывал Могами Токунай (1754-1836 гг.) – астроном, географ, исследователь, активный участник первой экспедиции бакуфу в земли Эдзо (возглавлял Курильскую группу) и одна из главных фигур, оказавших влияние на активизацию «северной» политики бакуфу. На этот раз цели экспедиции были сугубо политические: в результате Кунаширско-Менасского восстания подрядной системе факторий был нанесен значительный ущерб. Бакуфу опасалось, что нещадная эксплуатация айнов подрядчиками на рыбалках, бесчисленные нарушения в оплате их труда, мошенничество и вопиющая несправедливость при меновой торговле отшатнет айнов от японцев, чем могут воспользоваться русские. Изучив ситуацию на Хоккайдо, Южных Курилах и Сахалине, экспедиция должна была принять меры по организации «спасительной торговли» с айнами. Поездка на Сахалин описана Могами Токунай в его сочинении «Эдзо соси кохан» (Рассказы об Эдзо, вторая часть). Жесткой критике в своем сочинении Могами подверг книжество Мацумаз. В пункте 1.4 мы уже цитировали замечание Могами о том, что политика княжества по стимулированию меновой торговли айнов с «сантанцами» является одной из основных причин их задолженности. Будучи на Сахалине, Могами от переводчика-айна по имени Каряси узнает, что Мацумаз Хэйкаку через него отправил письмо маньчжурским чиновникам, но ответа на него пока не получено. Высказывая возмущение тем, что член клана Мацумаз тайно поддерживает сношение с иностранным государством, один из участников экспедиции обвинил Мацумаз в предательстве. В Кусюннае (См. Приложение 2. Рис.8) Могами встретил русского, которого звали «Ивано» (Иван или Иванов?). По его словам, в 1789 году их корабль прибыло к восточному побережью острова в местечке Уноро (южнее устья Тымы); пятеро оставшихся в живых стали жить среди гиляков (в сочинении Могами они записаны как «люди эдзо»). После битвы с «сантанцами» в местечке Китоуси на западном побережье в живых остался только один русский. У «Ивано» была карта, которую Могами скопировал. Судя по копии Могами, у русского был один из вариантов Генеральной карты Российской империи 1745 г., где между Сахалином и островом Мацумаз было открытое море. Русский просил отправить его на Итуруп, откуда он надеялся добраться до родины, но мацумайский вассал с фактории Цудзи Соэмон передал его «сантанцам», которые его убили¹⁶⁸. Несомненно, что в данном случае речь идет о тех же

русских, с кем встречался и Мацумаэ Хэйкаку. Нам ничего неизвестно о кораблекрушении у берегов Сахалина русских судов в 1780-е гг.; это могло быть небольшое торговое судно, ходившее на Камчатку из Охотска и потерпевшее кораблекрушение. То, что «Ивано» просил доставить его на Итуруп, может свидетельствовать о том, что он или не понимал, что находится на острове Сахалин, обозначенном на его карте и расположенным близко к российской границе, или опасался идти через земли враждебных «сантанцев». Нельзя также, несмотря на разницу во времени в более чем в 20 лет, полностью исключить возможность того, что упомянутый в сочинении Мацумаэ Хэйкаку «Иванкарэсё» (Иван Хорошев?) и солдат Хорошев, направленный в 1762 г. из Охотска на Шантарские острова, это одно и то же лицо¹⁶⁹.

Могами Токунай был не единственным, кто высказывал озабоченность по поводу способности клана Мацумаэ надежно контролировать земли Эдо. В 1796 г. в Мацумаэ по приглашению главы клана находился известный киотоский конфуцианец и философ Охара Сакинго; результатом его знакомства с княжеством стало два сочинения: «Тихоку гудан» (Поучительные рассказы о северных землях) и «Хокути кигэн» (Опасения по поводу северных земель). В пространном сочинении «Тихоку гудан» автор подробно разбирает все слухи о контрабандной торговле княжества с русскими, высказывает свои подозрения о том, что бывший князь клана Мацумаэ поддерживает тайные сношения с Россией. Приведя в пример миссию Лаксмана и приход в 1796-1797 гг. на Хоккайдо в Абуту и Муроран корабля английского мореплавателя У.Р.Броутона, Охара делает вывод, что «северные ворота» страны (Хоккайдо) беззащитны перед лицом начинающейся иностранной агрессии¹⁷⁰. В «Хокути кигэн» (Опасения по поводу северных земель) Охара, обрисовав перспективу завоевания Японии: «Никогда японская земля не угнеталась иноземными захватчиками... Но сейчас появились «красные эдо»... Они сначала делают вид, что им нужна торговля, затем будут вести религиозные проповеди и закончат тем, что пришлют в нашу страну военные корабли...», приводит практические рекомендации правительству по «северной» политике, включающие мероприятия по созданию продовольственных запасов на случай войны, укрепления береговой обороны, вооружения, создания армии резервистов из айнов, вплоть до раздачи им ружей и т.д.¹⁷¹

Реакция баюбу последовала в 1798 г., когда на Хоккайдо и на Южные Курилы был направлен крупный отряд правительственных чиновников для подготовки прямого управления

бакуфу северными землями. В результате в 1799 г. Восточный Эдзо (тихоокеанское побережье Хоккайдо) и Южные Курилы на 7-летний срок были переведены под прямое управление бакуфу. Пять высших чиновников бакуфу во главе с Мацудайра Тадааки были назначены ответственными за управление землями Эдзо («Эдзоти торисимари гоё гакари»). С приездом Мацудайра Тадааки на Хоккайдо и в Хакодатэ связана активизация процесса освоения острова: прокладываются дороги, налаживаются перевозки гужевым транспортом, строятся лечебницы. Мацудайра дает указание на «акклиматизацию» (ассимиляцию) айнов. В Хакодатэ располагается администрация новой территориальной структуры («Хакодатэ Бугё») и город становится столицей Эдзо. Основные усилия бакуфу в тот период были направлены на укрепление японских позиций на Итурупе. Несомненно, что прибытие миссии Лаксмана в Мацумаз послужило мощным катализатором в активизации «северной политики» бакуфу, краеугольным камнем которой являлось создание надежного заслона на пути российского продвижения на юг. Что касается Карафуто, то еще 15 ноября 1800 г. бакуфу запросило мнение ряда видных чиновников, в том числе Мацудайра Тадааки, по поводу целесообразности введения там прямого правления бакуфу и организации правительственной торговли: «Правительство взяло торговлю непосредственно в свои руки; с самого начала оно занималось торговлей только с западными странами, начало такой торговли с восточными странами является большой политической проблемой. Мы довели до сведения русских, что торговля в других местах кроме Нагасаки непозволительна». В ответе Мацудайра говорилось: «Торговать с Карафуто недопустимо. Если мы ранее заявили русским, что торговать с ними в других местах кроме Нагасаки не можем, то с началом на Карафуто «сантан» - торговли мы можем потерять доверие иностранных государств. Полагаем, что вне зависимости от объемов, непосредственная торговля на Карафуто недопустима». По поводу границы Мацудайра заявил следующее: «Все земли до земель «Сантан» являются японскими и мы не можем отказаться ни от одного их клочка. Неправомерно также углубляться в земли «Сантан». Важно защищать границу». В ответе Совета старейшин приводится соображение о том, что нельзя исключить появления русских и на Карафуто, поэтому «прежде всего необходимо строго охранять границу на Карафуто, покорить всех «эдзо» Карафуто и вообще предпринять все меры, чтобы иностранные враги не появились на острове»¹⁷². Таким образом, была обозначена позиция

японского правительства по отношению к Сахалину: владения Японии простираются до границ со страной «Сантан», жители которой приезжают на Сахалин торговать. Но в то же время, исходя из логики чиновников, получалось, что строгие законы Японии, запрещающие иностранцам посещать страну, на Сахалине не действуют. Для принятия конкретного решения о том, какие меры предпринять в отношении «сантанцев» и что делать с границей на Сахалине, было решено направить туда очередную исследовательскую группу.

В 1801 г. бакуфу направило на Сахалин геодезистов Такахаси Дзидаю и Накамуру Коитиро с целью составления карты острова. Результаты месячного пребывания геодезистов на острове излагаются в их совместном сочинении «Карафуто кэмбун сико сюсани хосиндзёко» (Отчет о наблюдениях на острове Карафуто)¹⁷³. В отчете бакуфу также отмечалось, что сфера влияния княжества Мацуказэ на Сахалине не простирается дальше части морского побережья юга острова. Несмотря на короткий период пребывания на острове, Такахаси и Накамура составили карту Сахалина, которая по сравнению с предыдущими картами являлась шагом вперед, в частности, очертания юга острова очень похожи на изображение на современных картах. Однако в силу того, что сведения о северной части острова были получены из рассказов местных жителей, на карте нет очертаний залива Терпения, а также северной части острова по восточному и западному побережьям. От «сантанцев» и айнов Наёро геодезисты слышали, что Сахалин является островом, а от айнов, живущих севернее Усёро, – что на севере остров соединяется горным хребтом с материком. Поэтому на их карте было изображено, что Сахалин севернее устья Амура соединяется с материком, а к этой карте приложением шла карта, на которой Сахалин был изображен островом (См. Приложение 2. Рис.14). Эти карты приводятся в сборнике Кондо Дзюдзо «Карты земель Эдо», но только карта, на которой Сахалин является полуостровом, идет приложением к карте Сахалина – острова (См. Приложение 2. Рис.15).

Ознакомившись с отчетом Такахаси и Накамура, член Совета старейшин Тода отмечает: «Вполне может быть, что Карафуто – это тот же остров, что и остров восточного иностранного государства. С древности мы знали, что есть остров или острова, которые принадлежат континентальному государству. Но сейчас мы сами выдвигаемся на Карафуто. Я думаю, что нельзя позволить княжеству Мацуказэ и в дальнейшем без надлежащего разрешения приобретать там земли. Карафуто – это особая граница, если он по суше соединяется с Сантан

или Маньчжурией, то это очень деликатный вопрос. Нам нужно подумать, прежде чем приобретать эту землю». Касательно основных принципов управления землями Восточного Эдзо Совет старейшин в письме, направленном в губернаторство Хакодатэ 15 февраля 1803 г., подчеркивает: «Что касается островов, граничащих с иностранными государствами, то строго запретить не только японцам, но и «эдзо» плавать за границу; при появлении иностранных судов в гаванях предпринимать меры, чтобы они не шли в другие места и информировать нас»¹⁷⁴.

В начале XIX в. Япония столкнулась с попыткой России дипломатическим и военным путем открыть страну для торговли: миссия Н.П.Резанова в 1804-1805 гг. и военная экспедиция судов Российско-Американской компании в 1806 и в 1807 г. на Сахалин и на остров Итуруп, о которых будет идти речь ниже, были основной причиной, по которой из юрисдикции княжества Мацуказы были изъяты Западный Хоккайдо и Сахалин, и в марте 1807 г. на них было введено прямое управление бакуфу. В декабре того же года был издан указ об оказании отпора ожидаемому нападению российского флота. В стратегические пункты земель Эдзо были направлены 3 тысячи солдат северо-восточных княжеств Японии, а в следующем году и на Сахалин были направлены войска из княжества Айдзу. В последующем за оборону Сахалина стало нести ответственность княжество Цугару, и разрабатывались планы по удержанию острова в своих руках. В июне 1808 года бакуфу переименовывает остров с «Карафуто» на «Кита Эдзоти» (Северный Эдзо). Как отмечал Оотомо Кисаку, данное переименование можно расценить, как декларацию суверенитета над островом¹⁷⁵.

В 1808 г. через мацуайского губернатора бакуфу приказали провести исследование северных районов Сахалина начальнику администрации Мацузаэ (Мацузаэ бугё) посланнику Мацууда Дэндзюро и исследователю Мамия Риндзо. В феврале того же года бакуфу запрашивает губернаторство Мацузаэ о дальнейших мерах по укреплению северных границ; в ответе содержится и комментарий по границам: «Несомненно, что наши земли на востоке ограничены Итурупом; на западе это Карафуто, но русские его называют Сахалином и он, может быть, граничит с землями «Сантан» и Маньчжурией, поэтому перед определением границы там необходимо его подробно обследовать»¹⁷⁶. Информация о Сахалине нужна была и для составления исправленного варианта карты мира, к которому приступил в то время

правительственный астроном и географ Такахаси Кагэяси.

В начале апреля 1808 г. Мацуда и Мамия переправились из Соя в Сирануси и, разделившись, отправились на север по восточному и западному побережью Сахалина. Мацуда, идя по западному побережью, достиг Нотэто (Тык) и далее мыса Лаха, сделав вывод, что Сахалин является островом. Таким образом, именно Мацуде первому из японцев принадлежит заслуженное право человека, подтвердившего островное положение Сахалина. По этому поводу Позднеев замечает, что «тогда как имя Мамия Риндзо находится в устах у каждого в Японии, тогда как его именем даже назвали теперь Татарский пролив и ему поются дифирамбы, Мацуда Дэндзюро, действительный первый исследователь, достигший самой узкой части Татарского пролива по западному Сахалинскому берегу и видевший отсюда противоположные холмы на материке Азии, вынесший первым все тяготы тогдашнего путешествия по Сахалину и показавший Мамия Риндзо путь, по которому нужно было туда идти, этот Дэндзюро остается забытым до такой степени, что даже редкий из японцев когда-либо о нем слышал»¹⁷⁷. Далее на север по заболоченному побережью Мацуда не смог продвинуться. В то же время Мамия достиг мыса Синносирэтоко (Терпения), но не смог его обогнуть, вернулся до Мануя (Перевальное) и перешел на западное побережье в Кусоннай (Ильинское), после чего достиг мыса Лаха и вместе с Мацудой вернулся на Хоккайдо в Соя в конце июня. По результатам экспедиции ими была составлена карта, на которой четко показано островное положение Сахалина (См. Приложение 2. Рис.16). Получив здесь от часто посещавшего эти места мацумайского губернатора по имени Кавадзири Харуоки (Хигоноками) разрешение на обследование более северных районов Сахалина, Мамия в следующем месяце в одиночку вернулся на Сахалин и достиг на севере места Тоссёкай (примерно Усть-Ангево), но из-за наступивших холодов и нехватки продуктов вернулся до Тонная, где и зазимовал. В начале апреля следующего года в сопровождении 6 айнов на сантанской лодке Мамия снова отправился на север и добрался до Нанио, где Амурский лиман выходит на север. Мамия установил, что дальнее западное побережье Сахалина поворачивает на северо-восток, а севернее простирается море; течение в заливе также направлено на север. Айны не согласились сопровождать Мамия до восточного побережья, и он отказался от дальнейшего пути, но, тем не менее, он подтвердил вывод Мацуда, что Сахалин является островом¹⁷⁸.

Еще до переправы на материк, в Нотэто, Мамия услышал, что граница России не так далеко от земель «сантанцев» и решил проверить этот факт собственноручно. Формально получалось, что Мамия шел на нарушение законов по самоизоляции Японии, но если учесть, что на него со стороны бакуфу была возложена миссия выяснить, находятся ли жители Сахалина в вассальной зависимости от Цин, не возникнет ли конфликта между Японией и последней в случае занятия японцами Сахалина и другие сугубо разведывательные задачи, то вряд ли он был сильно озабочен этим нарушением. Итак, вместе с гиллями поселения Нотэто, отправившимися в Делен для торговли с маньчжурями, Мамия переправился на материк, о чем мы уже писали выше.

В результате экспедиции Мамия практически полностью исследовал западное и восточное побережья Амурского лимана и составил карту, с удивительной точностью изобразившую берега Амурского лимана («Кокурюко накасу нарабини тэндо». См. Приложение 2. Рис.17). Когда исследователь Японии немецкий врач Филипп Франц фон Зибольд, состоявший на службе в голландской фактории в Нагасаки, впоследствии показал эту карту Круzenштерну, который в 1805 г. также исследовал северную часть Амурского лимана, то Круzenштерн был поражен. Именно Мамия внес существенные корректизы в изображение на карте течения Амура, до этого на европейских и японских картах изображавшегося в соответствии с картой императора Канси. Зибольд получил карту берегов Амурского лимана, составленную Мамия, от Могами Токуная; по договоренности с Токунаем он опубликовал ее в 1852 г. С другой стороны, в Японии эта карта была помещена в секретный фонд бакуфу и не использовалась¹⁷⁹.

На карте Мамия северо-восточное побережье Сахалина, до которого он не смог добраться, изображено воображаемой пунктирной линией. Используя карту первой экспедиции Мамия 1808 г., Такахаси Кагэясу на своей «Краткой карте окрестностей Японии», изданной в 1809 г., восполнил северо-восточное побережье Сахалина изображением с карты Канси, но обозначил его пунктирной линией (См. Приложение 2. Рис.18). Такахаси впервые в том же году в «Исследованиях северных земель» заявил, что остров Карафuto и остров Сахалин – это одно и то же. Он с достаточной достоверностью разместил Карафuto по отношению к Хоккайдо и материку и изобразил его в виде острова. Для Такахаси неизвестной частью территорий, прилегающих к Японии, оставалась только северо-восточная часть Сахалина. В последующем

Такахаси меняет у Зибольда на карты Мамия и Ино Тадатака атлас Круzenштерна с уже промеренной и нанесенной на карту интересовавшей его частью острова. Он преследовал только научный интерес, но в 1828 г. данный факт послужит одной из причин так называемого «инцидента Зиболда», приведшего к его трагической смерти. К данному инциденту имел самое непосредственное отношение и Мамия. События одновременно развивались как в Эдо, где жил Такахаси, так и в Нагасаки, где находился Зибольд. Зибольд готовился отбыть из Нагасаки на Яву на голландском судне; перед выходом на судне была рутинная таможенная проверка, в ходе которой чиновники губернаторства обнаружили в багаже немецкого врача вещи, запрещенные к вывозу из Японии. Среди вещей не было географических карт, но все это в итоге усилило имеющиеся у властей подозрения в отношении Такахаси. Дело в том, что к тому времени на адрес Такахаси от Зиболда пришла посылка с просьбой передать ее Мамия, что Такахаси и сделал. Мамия, заявив Такахаси, что он не может принять посылку от иностранца, не открывая, отнес ее в ревизорское управление бакуфу (кандзёбуё), при котором состоял на службе. В посылке находился отрез ситца, а также письмо на голландском языке с высокой оценкой экспедиций Мамия и просьбой выслать образцы гербария с Эдо. Именно после этой посылки у властей окрепли подозрения в адрес Такахаси в отношении его тайной связи с иностранцами. (У ряда исследователей, в том числе и у Д.А.Позднеева, пишется о прямом доносе Мамия на Такахаси). Получив сообщение из Нагасаки, что среди вещей Зиболда были обнаружены недозволенные к вывозу из Японии, власти арестовывают Такахаси. В адрес губернаторства Нагасаки из Эдо уходит срочный приказ конфисковать у Зиболда карты Японии и Эдо, полученные им ранее от Такахаси. У Зиболда было несколько дней, чтобы сделать копии ряда карт, которые он вынужден был вернуть. Именно эти копии ему удалось впоследствии вывезти в Европу, когда он был выдворен из страны. Такахаси и других арестованных по этому делу ожидало сурое наказание, но еще до вынесения приговора географ умирает в заключении. Власти, недовольные тем, что главный обвиняемый избежал наказания, накзывают несчастного уже после смерти – его тело было засолено в чане, чтобы дождаться приговора! Так печально закончилась судьба ведущего японского географа, составившего наиболее достоверную на то время карту Сахалина¹⁸⁰.

С 1808 по 1821 гг. юг Сахалина находился под прямым управлением бакуфу. Выше уже

говорилось о том, что основы административной политики бакуфу на острове были заложены сподвижником Мамия Риндзо по исследованию Сахалина Мацуда Дэндзюро. Продекларировав суверенитет над островом, японское правительство в то же время взяло на себя ответственность по долговым обязательствам сахалинских айнов, полностью их возместив. Летом 1812 г. старейшины сахалинских айнов появились в губернаторстве Мацумаз для проведения церемонии «умам», формально означавшей признание сахалинскими айнами суверенитета Японии¹⁸¹. Во время нахождения юга Сахалина под управлением бакуфу при проведении церемонии «омуся» айнам зачитывалось «решение» (мосиватаси) о том или ином запрете, но неясно, на какие районы распространялись эти административные решения. Как упоминалось выше, даже в 1816 г. старейшина селения Наёро айн Сиротомаайну при поднесении дани маньчжурским властям получил документ о пожаловании ему звания «халайда». Таким образом, на юге Сахалина на некоторое время возникла ситуация «двоевластия», когда одни и те же айнские старейшины находились в системе «номинального вассалитета» и Цин, и Японии. Несмотря на предыдущие декларации высших чиновников бакуфу о принадлежности всего Сахалина вплоть до земель «сантанцев» Японии и провозглашение японского суверенитета над островом, в действительности власть японской администрации на острове не распространялась дальше рыболовок на его южной оконечности. В 1822 г., когда бакуфу вернуло земли Эдзо под юрисдикцию княжества Мацумаз, старейшины клана запросили мацумайского губернатора Нацумэ Сёгэн о пределах японских владений на Сахалине и получили ответ, что вопрос будет решен позднее¹⁸².

В 1821 г. бакуфу приняло решение вернуть земли Эдзо (Хоккайдо, Южные Курилы и юг Сахалина) под юрисдикцию княжества Мацумаз. Введение прямого управления бакуфу с самого начала рассматривалось как чрезвычайная мера против возможной иностранной агрессии в земли Эдзо. Агрессором считалась Россия, которая, направив две миссии в Японию с требованием установить торговые отношения и потерпев неудачу, атаковала в 1806 и в 1807 г. земли Эдзо. После освобождения в 1813 г. из японского плена капитана Головнина обстановка разрядилась, так как бакуфу вполне удовлетворили заверения российских властей о непричастности государства к военной экспедиции судов Российско-Американской компании, в связи с чем отпала необходимость держать на Хоккайдо и на островах военные отряды северо-

восточных княжеств. В то же время необходимо учитывать, что в значительной степени на это решение также повлияло стремление облегчить финансовые трудности правительства. Вместе с тем, необходимо принять во внимание, что возвращение в 1821 г. земель Эдзо княжеству Мацунаэ не означало возвращение к порядкам, существовавшим во времена, предшествовавшие введению прямого правления бакуфу. Прежде всего бакуфу приказывало княжеству вести охрану северных границ, после чего ежегодно на Сахалин, в Сою, на Кунашир и Итуруп отправлялись самураи княжества для несения охранной службы. Таким образом, княжество Мацунаэ должно было взять на себя всю систему пограничной охраны не только собственно Хоккайдо, но также и Южных Курил и юга Сахалина. Однако в действительности под самыми разными предлогами (холодный для японцев климат, отсутствие коммуникаций и т.д.) княжество относилось к этой обязанности весьма формально, ограничив службу на Сахалине только летними месяцами и сведя ее содержание к проведению вассальной церемонии (омуся) для айнов в Кусонкотане, сбору информации о появлении иностранных кораблей в окрестных водах и инспектированию «сантан - торговли» в Сирануси. Если в период прямого управления бакуфу можно было наблюдать относительно гуманное отношение к айнам, то после возвращения айнов под контроль Мацунаэ они снова стали объектом эксплуатации со стороны подрядчиков, их приказчиков, переводчиков, сторожей факторий и т.д. Ввиду скученности айнов на факториях и рыбальках среди них был большой процент смертности во время эпидемий. Так, если на Хоккайдо в период прямого правления бакуфу количество айнов было равно примерно 26 300 человек, то в первые годы после восстановления юрисдикции княжества их количество сократилось до 24 300 человек, а к 1853 г. – до 18 400 человек¹⁸³. К сожалению, какими-либо статистическими данными по айнскому населению Сахалина в 1820-1840-е гг. мы не располагаем. Княжество Мацунаэ строго ограничивало въезд на свою территорию выходцев из других мест Японии, а в земли Эдзо въезд был воспрещен всем, за исключением подрядчиков факторий и самураев княжества, поэтому письменных свидетельств о повторном владении княжеством югом Сахалина осталось немного.

Ценным источником о Сахалине периода повторного владения им княжеством Мацунаэ являются сочинения знатока айнской культуры, известного путешественника и исследователя земель Эдзо Мацуура Такэсиро (1818-1888 гг.). В 1846 г. он во время второй экспедиции в земли

Эдзо сумел устроиться помощником врача из Мацуказа Нисикава Сюнъан, находившимся на службе на Сахалине в том году. Ранее ему удалось зарегистрироваться в подушной переписи в Эсаси на Хоккайдо; ему также сослужило службу то, что благодаря своей природной коммуникабельности у него было много друзей в Мацуаз и Хакодатэ. Одним из близких его друзей был земляк Ямада Сансан (Сабуро). Ямада, как и Мацуура, был выходцем из княжества Цу провинции Исэ и в 1839 г. прибыл в Мацуаз как наставник наследника князя. После этого он побывал в княжестве на разных важных постах. В своем сочинении «Юхоку кибун» (Записки о севере) он провидчески писал, что в результате военного ослабления Цин Россия получит возможность построить порт в устье Амура и продвинется на Сахалин¹⁸⁴.

Итак, вместе с отрядом пограничной стражи из Мацуаз, состоявшим из 23 человек, Мацуура весной 1846 г. отправляется на Сахалин. Свои путешествия по острову он описал в целом ряде произведений, в том числе в «Такэсиро урами никки» (Путевые заметки Такэсиро), «Сайко Эдзо никки» (Записки о повторном посещении Эдзо) и ряде других. Интерес в сочинениях Мацуура представляют описания не только разных мест Сахалина, сколько взаимоотношений японцев с айнами. В то время на японских рыбалах на Сахалине в основном трудились айны, а японцы – подрядчики, переводчики, надзорители и т.д. - в количестве примерно сто с небольшим человек приезжали на летний сезон с Хоккайдо. Пограничный дозор осуществлялся силами 20 человек, которые, разбившись на две группы, патрулировали побережье в летнее время. Зимой японцы на острове не оставались. Айны издалека собирались на рыбалки и целыми семьями трудились за незначительное вознаграждение. Мацуура отмечает, что поселения айнов вдоль побережья опустели и были заброшены, или же в них остались только старики и дети, а все остальные переселились на японские рыбалки. Таким образом, только в Анивском заливе собралось более тысячи айнов, что тогда составляло почти половину всего айнского населения острова. Если учесть также рыбалки западного побережья южнее Нотасана (Чехов), то получится, что большая часть трудоспособного айнского населения во время путины собиралась на японских рыбалках. В Сираараоро Мацуура встретил айнского старейшину всего Сахалина («экаси») по имени Нотэкарима. Мацуура отмечает, что «экаси» пользуется безусловным авторитетом среди соглеменников: «все айны от Сирэтоко на юге до земель орокко в Тарайке повинуются только одному его слову; ему беспрекословно следует более тысячи айнов... В его поселении

находили убежище и защиту от японских надзирателей белые айны»¹⁸⁵.

Повторно Мацуура посетил Сахалин в 1849 г. Путевые заметки об этой поездке он обобщил в сочинении «Сайко Эдзо никки» (Записках о повторном посещении Эдзо). Подробно описал Мацуура японцев на сахалинских рыбальках: они по отношению к айнам ведут себя как господа, при помощи насилия заставляют айнов работать дни и ночи напролет, понравившихся жен и дочерей айнов забирают в содержанки, преследуют сбежавших; в целом айны похожи большие на рабов. Мацуура отмечал, что жестокость японцев в будущем может породить непредсказуемую реакцию со стороны айнов. Мацуура пессимистически относился к тому, что Сахалин отдан на откуп княжеству Мацумаз и его торговцам, преследующими только сиюминутную прибыль. Мацуура, тщательно законспектировав в своих путевых заметках перевод на японский язык сочинения И.Ф.Крузенштерна «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 гг. по повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежде» и «Неве» и проанализировав его содержание, отмечал, что если Япония не предпримет срочных мер по дальнейшему освоению Сахалина, то русские, а за ними и англичане построят здесь порты, а американцы пришлют свои китобойные суда, и в таком случае японцам придется оставить Кусюнкотан. Мацуура осуждал нежелание японцев задуматься над подобной перспективой и отмечал, что даже так называемые «сторонники морской обороны» боялись примера Хаяси Сихэя и не выступали в печати открыто¹⁸⁶. Критическое отношение к политике Мацумаз в землях Эдзо Мацуура сохраняет и в последующие годы; может быть, именно поэтому в 1855 г., когда земли Эдзо были повторно взяты под прямое управление бакуфу, он назначается ответственным за управление землями Эдзо (Эдзоти торисимари гоё гакари).

Мацуура был не единственным, кто считал, что возвращение земель Эдзо княжеству Мацумаз было ошибкой. Токугава Нариаки, представитель одной из трех ветвей клана Токугава и глава княжества Мито, также был недоволен возвращением Эдзо клану Мацумаз. В 1829 г. он предложил бакуфу свой план освоения и охраны земель Эдзо. Подобные планы он предлагал Совету старейшин и в 1834 и в 1839 гг. По его мнению, нельзя было поручать «цепь от северных ворот божественной земли», граничивших с Россией и Цин, такому небольшому княжеству, как Мацумаз. В 1843 г. он обратился непосредственно к Мацумаз с просьбой об аренде Западного

Эдзо и Северного Эдзо (Сахалина); говорили, что одной из причин его домашнего ареста по приказу бакуфу была эта его «привязанность» к землям Эдзо. Вполне вероятно, что Нариаки стремился получить контроль за землями Эдзо для того, чтобы поправить финансовое положение своего княжества и тем самым укрепить престиж своей ветви Токугава¹⁸⁷.

Таким образом, в XVII в., когда Сахалин наряду с Нижним Приамурьем был включен Цин в систему «номинального вассалитета», японцы располагали об острове самой минимальной информацией. Эпизодические посещения острова самураями и подрядчиками княжества Мацумэ не оказали какого-либо заметного воздействия на жизнь народов Сахалина и не свидетельствовали о существовании их «номинального» или какого-то другого вассалитета по отношению к Японии. Японские карты острова, составленные в тот период, в силу общей неразвитости картографии в стране, являются скорее наглядными путеводителями и описаниями местности, прилагавшимися к отчетам путешественников. В то же время, пограничное княжество Мацумэ в тот период участвует в посреднической «сантан-торговле», ведя на Хоккайдо меновую торговлю с сахалинскими айнами. В связи с изменением geopolитической ситуации в Северо-Восточной Азии к началу XIX в. активизируется северная политика бакуфу, имеющая задачу не допустить продвижение России в земли Эдзо – территории, на которых проживали айны, народ, считавшийся находящимся в вассальной зависимости от Японии. Реализована северная политика бакуфу на практике была в виде прямого правления, рассматривавшегося как чрезвычайная мера против возможной иностранной агрессии. Именно в период, предшествовавший прямому правлению, отмечается всплеск японской активности по изучению Сахалина, в результате чего были составлены достаточно точные карты острова и проведено его описание. Убедившись в отсутствии агрессивных намерений у России, бакуфу отменяет систему чрезвычайных мер и возвращает земли Эдзо (Хоккайдо, Южные Курилы и юг Сахалина) под юрисдикцию княжества Мацумэ. Айны Сахалина, как и их сородичи на Хоккайдо и Курилах, снова становятся объектом эксплуатации со стороны феодалов клана и подрядчиков факторий и рыбалок.

1. 6 Сахалин в планах России в первой половине XIX в.

Как уже говорилось выше, по Нерчинскому договору Россия уступала Цинской империи Приамурье. Хотя тема Сахалина на переговорах не затрагивалась, тем не менее, по нашему мнению, включение Цинами в XVIII в. Сахалина наряду с Нижним Приамурьем в систему «номинального вассалитета» является прямым следствием договора. На настоящий момент мы не располагаем данными, свидетельствующими о том, что в XVIII в. Сахалин входил в сферу geopolитических интересов Российской империи на Тихом океане. В главе II мы коснемся усилий российской дипломатии в XVIII - начале XIX вв., направленных на получение разрешения навигации по Амуру от цинской стороны. Что касается Сахалина, то в России его стратегическое положение начало осознаваться только в начале XIX в. в связи с планами по основанию там базы русской торговли с азиатскими странами. В 1799 г. была создана обладавшая особыми привилегиями Российско-Американская компания (РАК), руководство которой в 1802 г. обратилось к Александру I с проектом кругосветной экспедиции в тихоокеанские владения России с целью снабжения колоний и организации торговли с Японией и Китаем. Император утвердил проект и назначил начальником экспедиции И.Ф.Крузенштерна. В июле 1803 г. Александр I издает рескрипт о назначении камергера императорского двора Н.П.Резанова уполномоченным РАК в колониях и начальником кругосветной экспедиции вместо И.Ф.Крузенштерна, функции которого были ограничены «управлением во время вояжа судами и экипажем и бережением оного»¹⁸⁸. По поводу назначения Резанова руководителем миссии в Японию историк РАК П.А.Тихменев писал: «Отправление правительством доверенного лица в тамошние пределы давало, между прочим, возможность удостовериться более положительным образом в прочности надежд на торговые сношения колоний с Японией, составлявших как известно также одно из предложений покойного Шелехова, неуспевшее осуществиться при его жизни»¹⁸⁹. Непродуманное кадровое решение правительства не только противопоставило военных моряков и руководителя миссии и осложнило психологический климат в экспедиции, но и в определенной степени повлияло на ее дальнейший ход¹⁹⁰.

Одной из главных задач РАК в то время было снабжение колоний в северной части Тихого океана и северо-западном побережье Америки продуктами питания, товарами повседневного

спроса и необходимыми материалами. Резанов рассчитывал на закупку всего этого в Японии; он также считал необходимым расширение рынка сбыта мехов – основной продукции РАК. В инструкции миссии в Японию, составленной министром коммерции графом Румянцевым и утвержденной Александром I, отмечалось, что «важнейший предмет обязанности» руководителя миссии «состоит в открытии торга с Японией»; также указывалось на необходимость:

«§19. Доставить подробные сведения об острове Сахалине: какие его жители, кому принадлежит остров: Китаю или Японии, и как он достигнут может быть для открытия торга.

§20. Разузнать, какие имеются у японцев сведения об устье реки Амура»¹⁹¹.

К.И.Черевко отмечает, что по сравнению с экспедицией А.Э. Лаксмана, которому вопреки предложениям его отца Екатерина II запретила исследовать бассейн Амура и Сахалин, в инструкции нынешнему посольству в Японию очевидно расширение интересов России. Сам Резанов писал, что остров Сахалин, как независимый от Китая, следует присоединить к России¹⁹².

Резанов имел при себе разрешение на заход в Нагасаки, полученное за 10 лет до этого от бакуфу Лаксманом на Хоккайдо¹⁹³, а также послание российского императора японскому и богатые подарки. На корабле также находились потерпевшие бедствие на море японские моряки из Сэндая. В 1804 г. суда экспедиции прибыли в Нагасаки. Миссия Резанова закончилась полным провалом: бакуфу не только оказало ему унизительный прием, но и после томительного полугодового ожидания на положении полупленника приказало покинуть берега Японии, даже не приняв послания императора. Черевко по поводу посольства Резанова отмечает, что «в сложившейся обстановке Н.П. Резанов вряд ли вообще мог что-либо сделать для изменения внешнеполитического курса Японии». В то же время он пишет:

«Прощаясь в Нагасаки с русским послом Н.П.Резановым в 1805 г., участвовавшие в переговорах японские вельможи – сторонники императора, выступавшие против сёгуна, дали понять, что для установления торговых отношений с Японией необходим повод, который позволил бы им пойти навстречу пожеланиям. Таким поводом, по словам японцев, могло бы явиться удаление русскими японских промыслов с территорий,

примыкающих «к Японии с севера», в частности, с Сахалина»¹⁹⁴.

К сожалению, автор не указывает источник, из которого он взял информацию о наличии контактов антисёгунской оппозиции с посольством из России. Похожие мотивы, не имеющие отношения к реальной политической ситуации в Японии в то время, встречаются и у А.П.Баласогло в его «Записках о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина»:

«..народ громко роптал, ...переводчики и офицеры Правительства заклиниали Резанова подать им только малейший знак неудовольствия России...Они говорили Резанову: «Вам стоит сделать только малейшее озательство возмездия вооруженною рукою на один из наших северных пунктов – и всеобщее восстание народа ... в одну минуту решит все дело...»¹⁹⁵.

По мнению японского исследователя Корияма Ёсимидзу, иного результата от миссии Резанова и нельзя было ожидать в условиях политики самоизоляции, проводимой бакуфу¹⁹⁶.

Покинув Японию, суда экспедиции по пути на Камчатку в мае 1805 г. вошли в залив Анива. Резанов, Крузенштерн и другие участники экспедиции высаживались на берег Сахалина в месте Томари-Анива (на территории нынешнего Корсакова), осматривали японский рыболовный участок, где встречались с японскими чиновниками и торговцами. Это были первые русские, побывавшие на юге Сахалина. Прибыв в Петропавловск, Резанов отправился в тихоокеанские колонии РАК, оставив Крузенштерну указание возобновить обследование Сахалина и Курильских островов. Покинув Камчатку в конце июня, Крузенштерн направился к берегам Курил и Сахалина, сделав опись Курильской гряды, а также восточного и северного побережья Сахалина¹⁹⁷. Предприняв попытку приблизиться к устью Амура, Крузенштерн сделал вывод, что оно недоступно для морских судов, и что Сахалин соединяется с материком песчаной косой. Вскоре он отказался от дальнейшего исследования Татарского пролива, отметив позднее, что

«Сильные течения, встреченные мною в этих местах, и опасения, чтобы дальнейшими исследованиями не навлечь подозрения китайского правительства и тем самым не повредить кяхтинской торговле, и, наконец, опасение, чтобы не столкнуться с китайской силой, наблюдавшей за устьем реки Амура, о чем предупреждали меня на Камчатке, были причиной того, что я не в точности исполнил данные мне инструкции»¹⁹⁸.

Новаковский отмечал, что Крузенштерн прекратил дальнейшие исследования, чтобы не вызвать неудовольствие китайцев и не нарушить тем самым данную ему камчатской администрацией инструкцию. Но одну проблему моряку разрешить удалось – он установил, что остров Карафuto и остров Сахалин являются одним и тем же островом¹⁹⁹.

Крузенштерн в своем «Путешествии вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 гг. по повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежде» и «Неве»» отмечал выгоду обустройства здесь европейцами колонии, строительства торговых складов и открытия центра по торговле с Японией, Китаем, Кореей. Он считал, что на эту роль больше всего подходит Россия, и предлагал занять Аниву. Он отмечал, что у японцев нет ни малейшего намека на оружие, и что японцы «не помогут и подумать о сопротивлении». Если эти земли будут заняты европейцами, то японское правительство не будет предпринимать никаких попыток по их возвращению. По мнению Крузенштерна, «двух 16-ти пушечных катеров и 120 человек достаточно уже к тому, чтобы при свежем ветре потопить весь флот японский, хотя бы было на нем и 10 000 войска. Итак овладение Анивою несопряжено ни с малейшою опасностию. Я уверен, что оное не стоило бы ни одной капли крови». Далее Крузенштерн добавляет, что подобный насильный захват может выглядеть несправедливо; таким же образом, нельзя назвать справедливым требование к японцам по уступке своих законных интересов; необходимо также учитывать мнение законных владельцев острова Сахалина айнов: «Но главное дело справедливости состоит только в том, чтобы овладение Анивою не произведено было без согласия настоящих жителей айнов, которые признаются откровенно, едва ли выиграли что либо при такой перемене»²⁰⁰. Таким образом, Крузенштерн предлагал выгнать с Сахалина японцев, после чего превратить остров в место торговли с ними же. По мнению Корияма, российское правительство с самого начала имело ввиду возможность занятия острова, но на принятие дальнейших правительственных решений повлияли ошибочные выводы Крузенштерна о полуостровном положении Сахалина и недоступности устья Амура²⁰¹. К похожему выводу о том, что Япония может пойти на торговлю только под угрозой применения силы, пришел и Резанов. Находясь на острове Уналашка Алеутского архипелага по пути с Камчатки в русские владения в Америке, он отправил Александру I письмо (18 июля 1805 г.), в котором были следующие строки:

«Усиля американские заведения и выстрой суда можемъ и японцов принудить к открытию торга, котораго народ весьма сильно желает у них. Я не думаю, чтобы Ваше Величество вменили мне в преступление, когда имевъ теперь достойныхъ сотрудниковъ, каковы Хвостовъ и Давыдовъ, и помошю которыхъ выстрой суда, пущусь на будущий годъ к берегамъ японскимъ разорить на Матсмае селение ихъ, вытеснить ихъ изъ Сахалина и разнести по берегамъ страхъ, дабы отнявъ между темъ рыбные промыслы, и лиша до 200.000 человекъ пропитания, темъ скорее принудить ихъ къ открытию съ нами торга, къ которому они обязаны будутъ...».

Какъ и Крузенштернъ, онъ предложилъ занять Сахалинъ и сделать его российскимъ владениемъ, чтобы «исподволь знакомить русскихъ ближе съ японцами, и наконецъ, держа заселение ихъ на Матсмае во всегдашнемъ страхѣ, заставить ихъ самихъ искать торговыхъ связей съ нашими соотечественниками»²⁰².

После этого Резановъ посетилъ русские владения въ Америке, где столкнулся съ проблемой нехватки продовольствия и вынужденъ былъ собственноручно отправиться въ Калифорнию для переговоровъ съ испанскими властями о его закупке. После этого онъ вернулся въ Охотскъ. Въ этотъ периодъ Резановъ приказалъ морскимъ офицерамъ, лейтенанту Н.А.Хвостову и мичману Г.И.Давыдову, находящимся на службѣ въ РАКъ, разрушить японскіе колониальные поселенія на Сахалине и Южныхъ Курилахъ. Однако, прибывъ въ Охотскъ и убедившись, что разрешенія императора не получено, Резановъ колеблется и оставляетъ Хвостову двусмысленные инструкции, напрямую не отменяющие приказъ, послѣ чего отбываетъ въ Россію; по пути следования онъ умираетъ въ Красноярске въ марте 1807 г.

Хвостовъ, не понявъ смысла дополнительныхъ инструкций, приступаетъ къ выполнению приказа въ первоначальномъ варианте. Въ сентябре (по российскому календарю 10 октября) 1806 г. моряки Хвостова высаживаются въ заливе Анива въ mestechke Офитомари, где айнскому старейшинѣ по имени Тиурафисигуру вручается медаль; къ его дому была прибита медная доска съ надписью, провозглашающей Сахалинъ российскимъ владениемъ. Хвостовъ оставилъ айнскому старейшинѣ документъ, свидѣтельствующій о томъ, что Сахалинъ является российской территорией, а его жители приняты въ российское подданство:

«1806 года, октября 12(24) дня. Российский фрегатъ Юнона подъ начальствомъ флота

лейтенанта Хвостова. В знак принятия Сахалина и жителей оного под Всеимилостивейшее покровительство Российского Императора Александра Первого старшине селения на западном берегу губы Инивы пожалована серебряная медаль на Владимирской ленте; всякое другое приходящее судно, как Российское, так и иностранное, просим старшину сего признавать за Российского подданного.

Подписано: Российского флота лейтенант Хвостов. У сего приложена герба фамилии моей печать»²⁰³.

На следующий день российские моряки высаживаются в Кусюнкотане – важнейшем японском рыболовном промысле на Сахалине (русские назвали его Томари-Анива), где сжигают производственные и складские сооружения, храм Бэнтэн, предварительно похитив из него божка, 10 лодок, грабят запасы риса, сакэ, товаров, берут в плен 4-х японцев – сторожей. На берегу были водружены андреевский флаг и коммерческий флаг России; на тории (храмовые ворота синтоистского храма – А.Т.) перед храмом была прибита медная доска со следующей надписью:

1. Несправедливо со стороны японцев мешать торговле русских на о.Сахалине.
2. Если японцы изменят свое решение и пожелают вести торговлю, то они могут прислать сообщение об этом на о.Сахалин или о.Итуруп.
3. Если японцы будут долго упорствовать, отказывая в справедливом требовании, то русские опустошат северную часть Японии.

Эта доска была впоследствии отправлена японцами в Эдо, где была принята, как объявление Российской войны Японии²⁰⁴.

Таким образом, Хвостов в точности выполнил все инструкции Резанова. В апреле 1807 г. Хвостов и Давыдов на 2-х судах подходят к Итурупу и высаживаются у поселков Найбо (Доброе) и Сяна (Курильск). Вступив в бой с 300 солдатами охранного отряда из княжеств Цугару и Намбу, русские обратили их в бегство. На Итурупе также сжигаются складские помещения, расхищаются запасы товаров, продовольствия, вооружения; берутся в плен 6 японцев (В то время на острове для проведения картографических работ находился Мамия Риндзо, безуспешно пытавшийся организовать отпор русскому десанту). В то же время на Итурупе освобождается один пленный, солдат княжества Цугару, с поручением передать японским

властям письмо Хвостова. На следующий день (4 мая) суда экспедиции покидают Итуруп, в спешке оставив на берегу бывшего осыльного Бориса Яковлева и китайца (?); заснувших спяну в японском поселке. Оба были убиты айнами и японскими сторожами. Интересно, что японцы в отчете в Эдо исказили историю с передачей письма Хвостова через отпущенного на свободу солдата – в их варианте это выглядело таким образом, что письмо находилось в кармане убитого русского²⁰⁵. Затем суда в конце мая вновь появляются на Сахалине в местах прошлогоднего десанта, а также у Рутаки (Анива) и у острова Рисири рядом с Хоккайдо, где разрушаются береговые постройки и скитаются 4 правительственных и торговых судна. При высадке на Рисири освобождаются 8 плених японцев с письмом в адрес японских властей (на японском, русском и французском языках) следующего содержания:

«Соседство России с Япониесю заставило желать дружеских связей и торговли, к истинному благополучию подданных сей последней Империи, для чего и было отправлено посольство в Нангасаки; но отказ сному оскорбительный для России, и распространение торговли Японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владениям Российской Империи, принудили наконец сию Державу употребить другие меры, кои покажут, что Россияне могут всегда чинить вред Японской торговле, до тех пор, как не будут извещены через жителей Урупа или Сахалина о желании торговли с нами. Россияне, причинив ныне столь малый вред Японской Империи, хотели только показать им чрез то, что северные страны сной всегда могут быть вредимы от них, и что дальнейшее упрямство Японского Правительства может совсем лишить его сих земель»²⁰⁶.

В случае принятия японцами предложения по торговле они должны были дать знать об этом, укрепив коммерческий флаг России (триколор); в случае непринятия – Андреевский флаг. Японцам была дана подробная инструкция по изготовлению этих флагов, но не было объяснено их значение – при принятии предложения – торговый флаг, при отказе – военный флаг. Быстрая капитуляция гарнизона Сяны вызвала панику в Японии, вдобавок, проход Сангарского пролива американским судном «Эклипс» (капитан О'Кэйн) вызвал слухи о том, что земли Эдзо окружены сотнями русских судов²⁰⁷.

Впервые информация о нападении русских на японские поселения в заливе Анива достигает губернаторства Хакодатэ 10 апреля (по японскому календарю) 1807 г. Об этом немедленно

ставится в известность Совет старейшин, который 26 апреля отправляет в Хакодатэ письмо губернатору Тогава Ясугомо. В этом письме сообщалось, что 1) так как зимовка на Карафuto сопряжена с большими трудностями, то остров трудно оборонять; 2) так как между Соя и Карафuto проходят иностранные суда, то существует опасность блокады пролива; 3) торговлю с «эдзо» на Карафuto сохранять на существующем уровне. Вместе с тем Совет запрашивал мнение губернаторства о целесообразности отказа от Сахалина в сложившейся ситуации. Тогава был против этого, но в итоге Совет в указании от 1 мая отмечал, что необходимо сосредоточиться в Соя и не восстанавливать разрушенные русскими строения на Сахалине²⁰⁸. Тем временем для обороны Эдзо в Хакодатэ было сконцентрировано 3 тысячи солдат северо-восточных княжеств с Хонсю. В конце мая в Хакодатэ были доставлены с Сахалина оставленные там Хвостовым медные доски, а также 3 листа письменных документов и ружье; все это было срочно переправлено в Эдо. Содержание досок для бакуфу так и осталось неизвестным; что касается письменного документа, то он был переведен в октябре 1811 г. при помощи находящегося в плена в Мацумаз Василия Головнина. Это был цитировавшийся выше документ, оставленный Хвостовым айнскому старейшине. 7 июня 1807 г. в Соя вернулись 8 японцев, отпущеных Хвостовым на Рисири. Они доставили также упоминавшееся выше письмо на русском языке с примитивным переводом на японский, написанным каной (слоговой азбукой – А.Т.). По прочтении его японской стороной был сделан однозначный вывод об агрессивных намерениях России: если Япония не согласится на торговлю с Россией, то север Японии будет подвергнут налаждению. 7 декабря был издан указ об отпоре России, который можно считать как объявление войны. Корияма отмечает, что указ носил характер политической декларации для внутрияпонского потребления; в действительности у бакуфу не было стремления развязывать полномасштабную войну²⁰⁹.

Российское правительство не поддержало своевольных действий Хвостова и Давыдова. По возвращении на родину офицеры были арестованы в Охотске и затем признаны виновными в бесчинствах против японцев военным судом Адмиралтейства. После этого они были направлены на войну со Швецией, где храбро воевали и были предоставлены к наградам, но по распоряжению Александра I вместо получения наград оба были освобождены от наказания за своевольные действия против японцев.

2 июля 1808 г.правление Российско-Американской компании подает через министра торговли графа Румянцева прошение Александру I об установлении торговых отношений с Японией с использованием Сахалина путем основания в Аниве колонии. 9 августа того же года император санкционировал прошение РАК на основание сахалинской колонии в порту Анива (Кусюнкотан): «Государь император высочайше дозволил Правлению Американской компании учредить свои заселения по примеру прочих на острове Сахалине, лежащем на Охотском море»²¹⁰. По всей видимости, было принято во внимание мнение Резанова и Крузенштерна о выгодности торговли с азиатскими странами с использованием южной оконечности Сахалина; а попытка реализации этого плана Хвостовым вполне показала возможность овладения южной частью Сахалина под флагом РАК. Основанием колонии на юге Сахалина правление РАК рассчитывало на торговлю с японцами при посредничестве айнов. Таким образом, в 1808 г. российское правительство приняло решение о занятии Сахалина под флагом Российско-Американской компании. В порядке помощи в реализации этого плана правительство направило на Тихий океан фрегат под командованием капитана флота Я.А.Подушкина. В 1811 г. в Охотске комплектуется группа колонистов для отправки на Сахалин; однако, из-за того, что на Кунашире японцами были пленены капитан шлюпа «Диана» Василий Головнин и ряд членов его команды, планы РАК по колонизации Сахалина были приостановлены. Пленение В.М. Головнина являлось местью японской стороны за налет Хвостова; после двухлетнего пребывания его в плена у княжества Мацуэ благодаря усилиям старшего офицера Рикорда и хакодатского торговца и мореплавателя Такадая Каэй Головнин был освобожден, но только после того, как японская сторона получила от иркутского губернатора Трескина и коменданта Охотска Миницкого письма с подтверждением непричастности российских властей к инциденту с Хвостовым.

В 1814 г. иркутский губернатор Трескин, получив от Головнина информацию о пребывании в Японии, направляет сибирскому генерал-губернатору Пестелю предложения из восьми пунктов о политике в отношении Японии. В отношении Сахалина говорится следующее:

«До сего времени полуостров принадлежал к главным видам на торговлю с Японией; но донесение Головнина дает нам совсем противное о Сахалине и о самых устьях р. Амура, бывшей причиной многих проектов и доказывает, всю тщетность надежды. Почему и

надлежит единожды положить, чтобы никаких предприятий и проектов на полуострове не делать, поелику оныя, по заселению полуострова японцами и китайцами, могут обратиться к двоякому вреду, т.е. совершенному разрыву с Японией и к претензии китайского правительства с важнейшими для торговли нашей последствиями»²¹¹.

В любом случае, остров Сахалин осознавался в то время высшими сибирскими чиновниками как входящий в сферу интересов Японии и Китая.

Таким образом, в начале XIX в. geopolитическая ситуация вокруг Сахалина резко осложняется: влияние Цинов на народы Сахалина слабеет; этим воспользовалась Япония, начав расширять сферу своего влияния на юге острова; на региональную политическую арену выходит Россия в лице частной Российско-Американской компании; именно интересами этой компании продиктовано направление в Японию миссии Резанова. Потерпев неудачу в открытии торговли с Японией мирным путем, Резанов выбирает силовые методы, которые японская сторона однозначно оценивает как агрессию России. В итоге, как мы уже отмечали выше, действия российской стороны приводят к активизации северной политики бакуфу и усилению японских позиций на юге Сахалина. Идя на поводу РАК, российское правительство в 1808 г. санкционирует основание сахалинской колонии в порту Анива. Осуществлению планов по колонизации Сахалина помешало пленение японцами Василия Головнина. После его освобождения из японского плена устанавливается своеобразный территориальный статус-кво: на Курильских островах фактическая граница между Японией и Россией проходит между островами Итуруп и Уруп, Россия не возобновляет попыток колонизации Сахалина, японское правительство, убедившись в отсутствии агрессивных намерений России в отношении острова, возвращает его под юрисдикцию княжества Мацуэ и забывает о его существовании. Повторно сахалинский вопрос возникает в середине XIX в. с теми же участниками, но в совершенно других исторических условиях, напрямую не связанных с событиями начала века.

Примечания:

¹ Сиратори Куракити. Тодзизай-но карафутото-ни цуйте (Об острове Сахалин в эпоху Тан)/сб.соч. Сиратори Куракити. – Токио: издательство «Иванами сётэн», 1970. – С.25

- ² Вада Сэй. Тодай-но тохокуадзиасёкоцу» (Страны Северо-Восточной Азии в эпоху Тан/Тоаси кэнкю (Мансюхэн) (Исследования по истории Восточной Азии, маньчжурская часть). – Токио: издательство «Тоё бунко», 1955. – С.120. См. также Вада Сэй. Сина-но кисай-ни араварэрү Кокурюко карюики-но гэндзюмин (Коренные народы Нижнего Амура в китайских источниках)/Тоаси ронсо (Сборник по истории Восточной Азии). – Токио: издательство «Сэйкацуся», 1942. – С.464
- ³ Хора Томио. Карафутоси кэнкю – карафуто то сантан (Исследования по истории Сахалина – Сахалин и Сантан). – Токио: издательство «Синдзюся», 1956. – С.82
- ⁴ Подробнее об этногенезе айнов см. Василевский А.А. Происхождение и родство островных народов Восточной Азии//Краеведческий бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1995. - №3. – С.151-159; он же. Заметки о до- иprotoистории острова Сахалин//Краеведческий бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1996. - №1. – С.70; Эмори Сусуму. Айну-но рэкиси (История айну)//Хоккайдо-но хитобито 2 (Люди Хоккайдо - 2). - Токио: издательство «Сансэйдо», 1987. – С.26, 51-55; Кикути Тосихико. Хоккотоадзия кодай бунка-но кэнкю (Исследования древних культур Северо-Восточной Азии). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1995. – С. 32, 141-169 и др.
- ⁵ Ту Ю. Тун Дянь. - Тайвань, Тайpei: издательство «Гуотай Вэнхуашиуе», 1977. – Т.2. – С.1737-1738. См. Приложение 1
- ⁶ Вада Сэй. Коренные народы Нижнего Амура... Указ. соч. – С.463
- ⁷ Кикути Тосихико. Указ. соч. – С.163
- ⁸ Артемьев А.Р. Некоторые итоги археологических исследований буддийских храмов XV в. в низовьях Амура//Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Материалы международной научной конференции. – Владивосток ДВО РАН, 2001. – С.21 - 23
- ⁹ Тории Рюдзо. Нурукантосико (Размышления об управлении областью Нургань)/, полн. собр. соч. Тории Рюдзо. - Токио: издательство Асахи симбунся, 1976. - Т. 6. – С.330 - 333
- ¹⁰ Хора Томио. Указ. соч. – С.94
- ¹¹ Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. – Т.1. – Ч. 1. – Кн. 5. – С.100

- ¹² Эмори Сусуму. Айну миндзоку то Андоси (Айнский народ и Андо). Сб. симп. «Цугару Андо и северные земли». – Токио: издательство «Кавадэ сёбо синся», 1995. - С. 215-216. См. также Накамура Кадзуюки. Кита кара но моко сюрай (Монгольское нашествие с севера)//Сирой куни-но ута. - Сэндай, 2000. - №4. – С.6; 23. Кикути Тосихико. Указ. соч. – С.175
- ¹³ Юань ши.... Указ. соч. – Т.1. – Ч. 1. – Кн. 6. – С.106
- ¹⁴ Юань ши.... Указ. соч. – Т.1. – Ч. 2. – Кн. 13. – С.269. См. также Юань ши.... Указ. соч. – Т.1. – Ч. 2. – Кн. 13. – С.273; Юань ши.... Указ. соч. – Т.1. – Ч. 2. – Кн. 13. – С.280; Юань ши.... Указ. соч. – Т.1. – Ч. 2. – Кн. 14. – С.292
- ¹⁵ Цинши Даден сюйлу//ксилографический сборник «Гочао вэнлэй». - Тайвань, Тайpei: издательство «Шаньуинь шугуань», 1979. - С. 452. См. Приложение 1
- ¹⁶ Там же. С. 452
- ¹⁷ Накамура Кадзуюки. 13-16 сэйки-но каннихонкай тики-то айну (Регион Японского моря в 13-16 веках и айны) //Тюсэй кокинни окэру хигаси адзиа-но кокусай канкэй (Международные отношения в Восточной Азии в позднем средневековье). – Токио: издательство Ямакава, 1997. – С.154
- ¹⁸ Цинши Даден сюйлу... Указ. соч. – С.452
- ¹⁹ Накамура Кадзуюки. Айну-но тинмоку коэки-ни цуйтэ (Об айнской «молчаливой» торговле) // Сб. 16-го симпозиума по культуре северных народов. – Абасири, 2002. – С.15
- ²⁰ Хиракава Ёсиага, Я마다 Горо. О современном состоянии земляной крепости Сирацуи. Перевод на русский язык С.Ч.Лим//Вестник Сахалинского музея. - Южно-Сахалинск, 1997. - №4. – С.250-260
- ²¹ Накамура Кадзуюки. Монгольское нашествие с севера... Указ. соч. – С.6
- ²² Сато Гэнрокуро и др. Эдзо сюи (Сборник Эдзо) //Хокумон сосё. - Токио, 1944. – Т.1. - С. 269
- ²³ Самарин И.А., Шубина О.А. Современное состояние городища Сирацуи//Вестник Сахалинского музея. - Южно-Сахалинск, 1997. - №4. – С. 250-260
- ²⁴ Маэкава К., Василевский А.А., А.Л.Ивлиев и др. Сахарин Сирацуи додзё-но кэнко» (Исследования земляной крепости Сирацуи на Сахалине) // Сб. докл. 68-го симпозиума Японской археологической ассоциации. – Токио: муниципальный университет Токио, 25-26 мая 2002. – С.167-170. См. также Городище Сирацуи на Сахалине//Иомиури симбун,

вечерний выпуск. - 24 сентября 2002 г. - №45433

- ²⁵ Сюн Мэнсян. Сицзиньжи цзи. – Пекин: издательство «Бэйцзин гуци», 1983. – С. 233
- ²⁶ Сравнительный анализ чжурчжэнского и монгольского текстов стелы см. Осада Нацуки. Полн. собр. соч. – Киото: издательство «Наканисия скоплан», 2001. Т.1 – С.188-202
- ²⁷ Накамура Кадзуо. Об айнской «молчаливой» торговле... Указ. соч. – С.14-15
- ²⁸ Дамин хуй ден. - Тайвань, Тайпей: издательство «Вэнхай», 1964. – Т.107. - Гл.7. – С.1606
- ²⁹ Мелихов Г.И. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). – М.: «Наука», 1974. – С.5
- ³⁰ Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпей: издательство «Чжунвэнь». – Т. 26. - Гл.3. – С.0479/1092
- ³¹ Тории Рюдзо. Указ. соч. – С.299
- ³² Мин Тай цзун шилу...Указ. соч. - Т. 30. - Гл.9. - С.0550/1110. Там же. Т. 90. - Гл.3. – С.1190/1270
- ³³ Там же. Т. 91. - Гл.1. – С.1194/1271
- ³⁴ Артемьев А.Р. Некоторые итоги археологических исследований буддийских храмов XV в. в низовьях Амура//Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Материалы международной научной конференции. – Владивосток: ДВО РАН, 2001. – С.22
- ³⁵ Текст приводится по: Найто Конан (Торадзиро). Полн. собр. соч. – Токио: издательство «Тикума сёбо», 1970. - Т.7. - С.583
- ³⁶ Мин Ин цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпей: издательство «Чжунвэнь». – Т. 186. - Гл. 4. – С. 3718/3301
- ³⁷ Мин Тай цзун шилу...Указ. соч. - Т. 156. - Гл.2. – С.1795/1421
- ³⁸ Там же. Т. 155. - Гл.1. – С.1787/1419
- ³⁹ Там же. Т. 242. - Гл.1. – С.2291/1545
- ⁴⁰ Мин Сюань цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпей: издательство «Чжунвэнь». – Т. 35. - Гл. 2. – С.0877/1912
- ⁴¹ Текст приводится по: Найто Конан (Торадзиро) . Указ. соч. – С.585
- ⁴² Там же. С.585
- ⁴³ Дамин хуй ден...Указ. соч. - Т. 108. - Гл. 9. – С.1615
- ⁴⁴ Мелихов Г.И. Указ. соч. С.128

- ⁴⁵ Мин Тай цзун шилу...Указ. соч. - Т. 111. - Гл. 3. – С.1419/1327. См. также Указ. соч. - Т. 131. - Гл.2. - С.1618/1377; Мин Сюань цзун шилу...Указ. соч. - Т.69. - Гл.1. – С.1129/1975
- ⁴⁶ Вада Сэй. Минё-но Мансю кэйряку (Управление Маньчжурией в начальный период Мин)/Тоаси кэнкю (Мансюхэн) (Исследования по истории Восточной Азии, маньчжурская часть). – Токио: издательство «Тоё бунко»,1955. – С.372. См. также Хора Томио. Указ.соч. – С.105
- ⁴⁷ Мин Сюань цзун шилу...Указ. соч. - Т. 82. - Гл. 2. – С.1894/2166
- ⁴⁸ Мин Ин цзун шилу...Указ. соч. - Т. 27. - Гл. 3. – С. 0536/2492
- ⁴⁹ Эмори Сусуму. Айнский народ и Андо... Указ. соч. - С. 246-249
- ⁵⁰ Дамин итунчики. - Тайвань, Тайпей: издательство «Тайлянгофэн», 66-й год Китайской республики (1977). - Т.89. – С.5488
- ⁵¹ Там же. С.5485
- ⁵² Ляодуньчики/об.«Дифанлэй-Ляодунь Цоншу» (6). - Тайвань, Тайпей: издательство «Уивэнь Уиншугуань». - Т.9. - С.5
- ⁵³ Накамура Кадзуюки. Кита-но «Вакотэки- дзёкё» то соно какудай (Северные «вако» (пираты) и расширение сферы их деятельности)/об. «Кита-но найкай сэрай» (Мир северного внутреннего моря). – Токио: издательство Ямакава, 1999. - С.187-188
- ⁵⁴ Вада Сэй. Коренные народы Нижнего Амура... Указ. соч. - С.466
- ⁵⁵ Ляодуньчики... Указ. соч. - С.5. См. Приложение 1
- ⁵⁶ Вада Сэй. Указ.соч. - С.474
- ⁵⁷ Мелихов Г.И. Указ.соч. - С.194
- ⁵⁸ Сасаки Сиро. Хоппо кара кита коэкимин (Торговый народ, пришедший с севера). – Токио: NHK books 772, 1996. – С. 84
- ⁵⁹ Мелихов Г.И. Указ.соч. - С.37
- ⁶⁰ Сасаки Сиро. Указ.соч. - С. 86
- ⁶¹ Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам/об. статей по истории Дальнего Востока. – М.: издательство АН СССР, 1958. - С.130
- ⁶² Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому

государству в середине XVII века/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв.

– Владивосток ДВО РАН, 1998. – Т.3. – С.9

⁶³ Артемьев А.Р. Указ.соч.- С.11

⁶⁴ Дополнения к актам историческим. - СПб, 1848. - Т.3. - С. 58

⁶⁵ Там же. С. 58

⁶⁶ Там же. С. 53

⁶⁷ Там же. С. 55

⁶⁸ Полевой Б. П. Первопроходчики Сахалина. - Южно-Сахалинск, 1959. - С. 24 – 26. См. также интервью Мандрика А.Т. с Полевым Б. П. Исторические чтения. – Южно-Сахалинск ГАСО, 1996-1997. - №2 – С.271

⁶⁹ ДАИ... Указ. соч. Т.3. - С. 56

⁷⁰ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма/под ред. Крушинова А.И. - М.: «Наука», 1991. - С. 29-33. См. также Артемьев А.Р. Указ.соч.- С.14-32

⁷¹ Тураев В.А. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. /Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1995. – Т.2. - С.154-169

⁷² ДАИ... Указ. соч. Т.3. - С. 259

⁷³ Там же. С. 260

⁷⁴ Там же. С. 359 – 371

⁷⁵ Там же. С. 360 – 361

⁷⁶ Там же. С. 360 – 361

⁷⁷ Там же. С. 361

⁷⁸ Там же. С. 56

⁷⁹ Там же. С. 260 – 261

⁸⁰ Цит. по: Беспрованных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в.- Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986. - С.39

⁸¹ ДАИ... Указ. соч. Т.3. - С.361

⁸² Там же. С. 364

⁸³ Там же. С. 364

- ⁸⁴ Там же. С. 365
- ⁸⁵ Там же. С. 365-368
- ⁸⁶ Сасаки Сиро. Указ.соч.- С.95
- ⁸⁷ ДАИ... Указ. соч. Т.3. - С.368
- ⁸⁸ Цит. по: Артемьев А.Р. Указ.соч.- С.22
- ⁸⁹ ДАИ... Указ. соч. Т.3. - С.369
- ⁹⁰ Полевой Б.П. Известная челобитная С.В.Полякова 1653 г. И ее значение для археологов Приамурья/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток: ДВО РАН,1995. – Т.2. - С.31-50
- ⁹¹ ДАИ... Указ. соч. Т.3. - С.369
- ⁹² Полевой Б.П.Указ.соч.- С. 31, 34, 40, 41
- ⁹³ История Дальнего Востока ... Указ.соч.- С. 33
- ⁹⁴ Полевой Б.П.Указ.соч.- С. 28
- ⁹⁵ Артемьев А.Р. Указ.соч.- С.6-43, Полевой Б.П.Указ.соч.- С.7-54, Тураев В.А. Указ.соч.- С.154-169
- ⁹⁶ Полевой Б.П.Указ.соч.- С.22
- ⁹⁷ ДАИ... Указ. соч. Т.3. - С.526-527
- ⁹⁸ ДАИ... Указ. соч. Т.4. - С.28
- ⁹⁹ Там же. С. 36
- ¹⁰⁰ Там же. С.82-83
- ¹⁰¹ Долгих Б.О. Указ.соч.- С.133-134
- ¹⁰² ДАИ... Указ. соч. Т.4. - С.260
- ¹⁰³ История Дальнего Востока ... Указ.соч.- С.32. См. также Ёсида Канэити. Киндай росин канкэйси (История российско-китайских отношений в новое время). – Токио: издательство Кондо, 1974. - С. 32 – 38
- ¹⁰⁴ Артемьев А.Р. Указ.соч.- С.31
- ¹⁰⁵ Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. - М., 1969. - Т.1. - С.217
- ¹⁰⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. – Казань: типография Императорского университета,

1882. – С.12-14

- ¹⁰⁷ Артемьев А.Р., История и археология Албазинского острога/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1995. – Т.2. - С.64 – 65
- ¹⁰⁸ Русско-китайские отношения в XVII веке... Указ. соч. - С.411
- ¹⁰⁹ Беспрованных Е.Л.Указ.соч.- С.54-55
- ¹¹⁰ Артемьев А.Р. История и археология Албазинского острога... Указ. соч. - С.68-69. См. также Беспрованных Е.Л.Указ.соч.- С.64-65, История Дальнего Востока ... Указ.соч.- С.80-81
- ¹¹¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Указ.соч. – С.41-44. См. также История Дальнего Востока ... Указ.соч.- С.83
- ¹¹² Там же. С.50-51
- ¹¹³ Там же. С.54-55. См также История Дальнего Востока ... Указ.соч.- С.86, Беспрованных Е.Л.Указ.соч.- С.82
- ¹¹⁴ Договоры России с Востоком, политические и торговые. - СПб, 1869. – С. 232
- ¹¹⁵ Артемьев А.Р. Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г./ Межвузовский сборник научных трудов «Сибирь в XVII – XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999-2000 гг.». – Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 2002. - С.44-52
- ¹¹⁶ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.- М., 1996.- С.144
- ¹¹⁷ Сасаки Сиро. Указ.соч.- С.108
- ¹¹⁸ Ван Дэхуо. О торговле в местности Саньсин в эпоху Цин», перевод и примечания А.Л.Ивлиева/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1997. – Т. 3. - С.92
- ¹¹⁹ Цит. по: Сасаки Сиро. Указ.соч.- С.112
- ¹²⁰ Акидзуки Тосиюки. Нихон холпэн-то танкан то тидзун-то реиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999. – С.92-96
- ¹²¹ Хора Томио. Мамия Риндзо. – Токио: «Ёсикава кобункан»,1960. - С. 18
- ¹²² Мамия Риндзо. Мамия Риндзо дзюцу – Мураками Тэйсукэ хэн «Хокуи бункай ёва» («Рассказы

о границах земель северных варваров», изложенные Мамия Риндзо и составленные Мураками Тэйсукэ). – Токио: Тоё бунко, 484, 1989. - С. 101 – 102

¹²³ Там же. С. 103 – 104

¹²⁴ Ван Дэху. Указ.соч. - С.100

¹²⁵ Сасаки Сиро. Указ.соч.- С.121

¹²⁶ Там же.С. 111

¹²⁷ Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII - XX вв. Колебания численности и их причины//электронный журнал «Сибирская заемка»

http://www.zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml

¹²⁸ Мамия Риндзо. Рассказы о границах земель северных варваров... Указ.соч.- С.106

¹²⁹ Хора Томио. Указ.соч. - С.133-134. См. также Икэгами Дзиро. Карагуто-но Наёро мондё-но мансюбун (маньчжурский текст документов из Наёро)/сб. «Холпо бунка юнкю» (Исследования северных культур). – 1968. - №3. – С.181-184

¹³⁰ Сасаки Сиро. Указ.соч.- С. 134-135. См. также Ван Дэху. Указ.соч. - С.100

¹³¹ Хора Томио. Указ.соч. - С.159-163

¹³² Мамия Риндзо. Тодайду тихо кико (Путешествие по Восточной Татарии). – Токио: Тоё бунко, 484,1989. – Ч. 2.- С. 135 – 148

¹³³ Хора Томио. Указ.соч. - С.136-137. См. также Икэгами Дзиро. Указ. соч. - №2 - 3. – С.185-186

¹³⁴ Икэгами Дзиро. Указ. соч. - №4. – С.186

¹³⁵ Кикути Тосихико. Указ.соч. - С. 455

¹³⁶ Хора Томио. Указ.соч. - С. 61

¹³⁷ Акидзуки Тосиюки. Нитиро канкэй то сахаринто (Японо-российские отношения и остров Сахалин). – Токио: издательство «Тикума сёбо», 1994. – С.33

¹³⁸ Там же.С. 33 – 34

¹³⁹ Отдел рукописей городской библиотеки Хакодатэ, № 0008-1121-5073. Мацумаз Хиронага. Мацумазси (Описание Мацумаэ), рукопись, свиток 2, географическое описание, часть первая

¹⁴⁰ Могами Токунай. Эдзо соси кохан (Рассказы об Эдзо, вторая часть), в ред. Оотомо Кисаку/Хокумон сосё. - Токио, 1944. - Т.3. - С. 462 – 463

- ¹⁴¹ Мацууда Дэндзюро. Кита Эдзодан (Рассказы о Северном Эдзо), часть 5, в ред. Оотомо Кисаку/Хокумон сосё. - Токио, 1944. - Т.5. - С. 216-218
- ¹⁴² Мацууда Дэндзюро. Указ.соч. - С. 219-225. См. также Сасаки Сиро. Указ.соч. - С.180
- ¹⁴³ Сасаки Сиро. Указ.соч. - С. 191
- ¹⁴⁴ Ван Дэху. Указ.соч. - С.92
- ¹⁴⁵ Подсчитано нами по Мацууда Дэндзюро. Указ.соч. - С.219-225
- ¹⁴⁶ Подсчитано нами по сводной таблице Сасаки Сиро. Указ.соч. - С.215
- ¹⁴⁷ Сасаки Сиро. Указ.соч. - С. 211. См. также Ван Дэху. Указ.соч. - С.101
- ¹⁴⁸ Тэймэй каккоку дзёяку исан (Сборник договоров, заключенных с зарубежными странами). – Токио: Нихонкоку гаймусё кирокукёку (Бюро протоколов МИД Японии),1884. - С.615-619
- ¹⁴⁹ Сасаки Сиро. Указ.соч. - С.228-229
- ¹⁵⁰ Дзокугун сёруйдзю (Дополнение к серии исторических материалов). – Токио: издание «Дзокутун сёруйдзю кансэйся»,1903. - Т.3. - Свиток 73. - Раздел синтоистских храмов, хроника «Сува Даймё Дзинъэкотоба». – С. 511
- ¹⁵¹ Эмори Сусуму. Айны: прошлое и настоящее. Доклад на международной конференции (июнь 1996 г., Владивосток), посвященной 25-летию института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. - Перевод наш
- ¹⁵² Мацумаэ Хиронага. Указ.соч. – Ч. первая
- ¹⁵³ Там же
- ¹⁵⁴ Акидзуки Тосиюки. История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана... Указ.соч. – С.18
- ¹⁵⁵ Эмори Сусуму. Айны: прошлое и настоящее... Указ.соч.
- ¹⁵⁶ Мацумаэ Хиронага. Указ.соч. – Ч. первая
- ¹⁵⁷ Акидзуки Тосиюки. Японо-российские отношения и остров Сахалин... Указ.соч. – С.36
- ¹⁵⁸ История Дальнего Востока ... Указ.соч.- С.101
- ¹⁵⁹ Кудо Хэйсука. Акадзю фусэцуко (Размышления по поводу толков о красных эдзо), в ред. Оботомо Кисаку/Хокумон сосё. - Токио, 1944. – Т.1. – С. 213-214, 219, 221
- ¹⁶⁰ Сато Гэнрокуро... Указ.соч. – С.308 – 309
- ¹⁶¹ Там же. С.268-272

- ¹⁶² Могами Токунай. Указ.соч. - С. 392-393
- ¹⁶³ Лаперуз Ж.Ф. Путешествие Лаперуза в Южном и Северном Тихом океане. Пер. с франц./Краеведческий бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1994. - №4. - С.19-25
- ¹⁶⁴ Акидзуки Тосиоюки. История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана... Указ.соч. - С.156
- ¹⁶⁵ Эмори Сусуму. Айны: прошлое и настоящее... Указ.соч.
- ¹⁶⁶ Акидзуки Тосиоюки. Японо-российские отношения и остров Сахалин... Указ.соч. - С.38
- ¹⁶⁷ Там же. С. 39
- ¹⁶⁸ Могами Токунай. Указ.соч. - С. 465- 467
- ¹⁶⁹ Полевой Б. П. Первопроходцы Сахалина... Указ.соч. - С.79
- ¹⁷⁰ Охара Сакинго. Тихоокеанский гудан (Поучительные рассказы о северных землях), в ред. Оотомо Кисаку/Хокумон соё.- Токио, 1944. - Т.3. - С. 26-31
- ¹⁷¹ Охара Сакинго. Хокути кигэн (Опасения по поводу северных земель), в ред. Оотомо Кисаку/Хокумон соё. - Токио, 1944.- Т.3. - С. 385-442
- ¹⁷² Корияма Ёсимицу. Бакумацу нитироканкэйси кэню (Исследования по истории японо-российских отношений в эпоху бакумацу). - Токио: издательство «Кокусё канкокай», 1980. - С.182, 233
- ¹⁷³ Акидзуки Тосиоюки. Японо-российские отношения и остров Сахалин... Указ.соч. - С.43
- ¹⁷⁴ Корияма Ёсимицу. Указ.соч. - С.182-183
- ¹⁷⁵ Оотомо Кисаку. Комментарии /Хокумон соё. - Токио, 1944. - Т.5. - С.102
- ¹⁷⁶ Корияма Ёсимицу. Указ.соч. - С.244
- ¹⁷⁷ Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к материкову Азии и России. - Иокогама, 1909. - Т.2. - С.87
- ¹⁷⁸ Акидзуки Тосиоюки. Японо-российские отношения и остров Сахалин... Указ.соч. - С.45-46
- ¹⁷⁹ Хора Томио. Указ.соч. - С. 240-249
- ¹⁸⁰ Там же. С.269 – 271. См. также Кутаков Л.Н. Россия и Япония. – М., 1988. - С.353, Позднеев Д. Указ.соч. - С.159-161
- ¹⁸¹ Акидзуки Тосиоюки. Указ.соч. - С.49
- ¹⁸² Дай Ниппон комондзё – бакумацу гайкоку канкэй мондзё (Старые документы Великой Японии -

- Документы об отношениях с иностранными государствами в эпоху бакумацу). – Токио: издательство архива исторических документов Токийского университета, 1916. - Т.8. - С. 64
- ¹⁸³ Такакура Синъитиро. Хоккайдоси (История Хоккайдо). – Саппоро: издательско-плановый центр Хоккайдо, 1995. - Т.1. - С.316
- ¹⁸⁴ Акидзуки Тосиюки. Указ.соч. – С.52
- ¹⁸⁵ Мацуура Такэсиро. Айну дзинбуцуси (Айнские портреты). – Токио: издательство «Хэйбонся», 2002. - С. 119
- ¹⁸⁶ Мацуура Такэсиро. Сайко Эдзо никки (Записки о повторном посещении Эдзо)/Санко Эдзо никки (Записки о трех посещениях Эдзо). – Токио: «Ёсикава кобункан», 1971. - Т.2. – С.177-178
- ¹⁸⁷ Акидзуки Тосиюки. Указ.соч. – С.51
- ¹⁸⁸ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения, 1697 – 1875. – М., 1960. – С.76-78
- ¹⁸⁹ Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании и действий ее до настоящего времени.- СПб, 1861. - Ч.1. - С.100
- ¹⁹⁰ Баласогло А.П. Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина/Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1875. – Кн. 2. – С.119-124
- ¹⁹¹ Новаковский С.И. Япония и Россия. - Токио, 1918. – С.77
- ¹⁹² Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений XVII-XIX века. – М.: «Наука», 1999. – С.148-149
- ¹⁹³ В соответствии с указом Екатерины II «О установлении торговых сношений с Японией» от имени иркутского и колыванского генерал-губернатора И.А.Пигля в Японию была направлена на транспорте «Екатерина» экспедиция Адама Лаксмана. В результате переговоров с японской стороной был достигнут единственный результат – разрешение на заход одного судна в Нагасаки при условии соблюдения закона о запрещении христианства. Подробнее о миссии Лаксмана см. Файнберг Э.Я. Указ.соч. – С.53-63
- ¹⁹⁴ Черевко К.Е. Указ.соч. – С.161
- ¹⁹⁵ Баласогло. А.П. Указ.соч. – С.121-122
- ¹⁹⁶ Корияма Ёсимицу. Указ.соч. – С.185

¹⁹⁷ Файнберг Э.Я. Указ.соч. – С.94

¹⁹⁸ Цит. по: Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849-1855 гг.. – М.: ОГИЗ, 1947. – С.48

¹⁹⁹ Новаковский С.И. Указ.соч. – С.108

²⁰⁰ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4,5, и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежде» и «Неве». – СПб: Морская типография, 1810. – Ч. 2. – С. 76-78

²⁰¹ Корияма Ёсимицу. Указ.соч. – С.186

²⁰² Тихменев П.А. Указ.соч. – С.154 – 155. См. также Новаковский С.И. Указ.соч. – С.112 – 113

²⁰³ Цит. по: Черевко К.Е. Указ.соч. – С.164-165

²⁰⁴ Новаковский С.И. Указ.соч. – С.117

²⁰⁵ Корияма Ёсимицу. Указ.соч. – С. 206

²⁰⁶ Позднеев Д. Указ.соч. – С.152-236. Копия письма на французском языке хранится в библиотеке Хакодатэ; см. Приложение 2. Рис.19, рукопись, отдел рукописей городской библиотеки Хакодатэ, №00230-633-4001

²⁰⁷ Акидзуки Тосиюки. Указ.соч. – С.30

²⁰⁸ Корияма Ёсимицу. Указ.соч. – С. 238-239

²⁰⁹ Там же. С. 244

²¹⁰ Алексеев А.И. Освоение русскими Дальнего Востока и Русской Америки. – М., 1982. - С. 74-75

²¹¹ Полонский А. Курилы//Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. - СПб, 1871. - Т.4. - С.202

Глава II

Исторические предпосылки возникновения сахалинского вопроса и процесс его разрешения

2.1 Амурский вопрос и превентивное занятие Сахалина в сентябре 1853 г.

Несмотря на то, что по Нерчинскому договору 1689 г. Россия уступала Приамурье «во владение Хинского Государства», получив взамен торговлю с Китаем, интерес к Амуру как связующему звену между Восточной Сибирью и странами тихоокеанского региона продолжал сохраняться на протяжении всего XVII в. Амурская тема постоянно присутствовала в проектах, с которыми чиновники, ученые, купцы и промышленники обращались в правительство¹. В начале XIX в. амурский вопрос приобрел особое значение в масштабах российского государства в связи с созданием Российско-Американской компании (РАК) и экономическими потребностями развития тихоокеанских владений России; в плане реализации предложений министра коммерции графа Н.П.Румянцева, направленных на активизацию дальневосточной политики России, в Китай в 1805 г. было направлено посольство Ю.А.Головкина, перед которым была поставлена задача решения амурского вопроса даже путем согласия на разграничение восточного участка границы, от которого царская дипломатия уклонялась в предыдущем веке². Миссия закончилась на начальном этапе, в Урге, оставив амурский вопрос нерешенным. Несмотря на ряд предложений перейти к силовому методу решения проблемы, позиция российского правительства в последующем оставалась крайне пассивной. Среди причин пассивности царизма в решении погранично-территориального вопроса обычно указывают на традиционную занятость европейскими делами и, как следствие этого, нежелание связывать себе руки на Дальнем Востоке³; по нашему мнению, наряду с указанными факторами немаловажную роль играл также такой весьма практический элемент, как выгоды кяхтинской торговли. В первой четверти XIX в. экономические выгоды от освоения тихоокеанских колоний были весьма проблематичными: хищническая эксплуатация РАК природных богатств, примитивные способы выделки пушнины, превращавшие ценнейшее сырье в меха низкого качества, массовое уничтожение котиковых шкур, чтобы повысить цены в Кяхте, большая зависимость от одного китайского рынка привели компанию почти к полному банкротству в

первые же годы ее существования⁴. Таким образом, зависимость России от кяхтинской торговли даже возрастает по сравнению с «караванными» временами, так как экономическая основа существования РАК – меховая торговля – зависела непосредственно от китайского рынка. Вдобавок, определенное влияние на пассивность в решении амурского вопроса оказала также недостаточная географическая изученность региона. Многократные неудачные попытки описать устье Амура, авторитет Лаперуза, Броутона и Круzenштерна свидетельствовали о недоступности Амурского лимана для морских судов и полуостровном положении Сахалина, что не могло не снизить стратегическую значимость реки в глазах царских политиков. В то же время, в 1820-30-х гг. поступали и сведения о возможности судоходства по Амуру и его устью⁵.

В начале 1840-х гг. произошли значительные изменения в geopolитической ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе: в 1842 г. Англия одержала победу над Китаем в первой «опиумной» войне и заключила с ним Нанкинский договор, по которому цинское правительство уступало Англии Гонконг, а также лишалось таможенной самостоятельности. В 1843 г. в Петербурге был организован Особый комитет для обсуждения и выработки мер по укреплению позиций России на Дальнем Востоке. В 1843 г. контр-адмирал Е.В.Путятин представил в Сибирский комитет докладную записку о снаряжении экспедиции в Китай и Японию и предложил в ходе экспедиции обследовать устье Амура. Проект Путятина после рассмотрения в Сибирском комитете был утвержден 16 апреля 1843 г. Николаем I и предусматривал установление морской торговли с Китаем и Японией. Идея экспедиции встретила противодействие со стороны канцлера К.В.Нессельроде и министерства финансов, опасавшихся ухудшения отношений с Китаем; в итоге экспедиция была отложена на неопределенный срок. На следующий год адмирал И.Ф.Круzenштерн представил похожий план, также не получивший поддержки наверху⁶.

Дело в том, что к концу 1840-х гг. вследствие значительного истощения пушных богатств в тихоокеанских колониях, вызванного хищническими методами ведения хозяйства, и появления на китайском рынке канадских мехов происходило неуклонное снижение поставок РАК пушнины на китайский рынок⁷. Несмотря на это, кяхтинская торговля оставалась одним из важнейших направлений российской внешней торговли, занимая 4-е место после Петербурга, Риги и Одессы. Так, в 1851 г. через Кяхту было вывезено товаров на 6 млн. 826 тыс. 955 руб., или 7% от российского экспорта, и ввезено на такую же сумму, что составило 6,6% от российского

импорта⁸. Место пушнины стал занимать российский текстиль, в частности, сукно, поставки которого на протяжении 1830 – 1840-х гг. неуклонно возрастили⁹. Таким образом, опасения Нессельроде имели под собой вполне четко выраженную экономическую подоплеку – сохранить доступ на китайский рынок.

На фоне консервативной позиции правительства, стремившегося не нарушить «статус-кво» в отношениях с Китаем, в 1840-е гг. все более становится заметным интерес интеллектуальной общественности страны к амурскому вопросу. Амур становится одной из постоянных тем публикаций в «толстых» журналах («Москвитянин», «Сын Отчества» и др.). По мнению американского историка и географа Марка Бассина, перспектива продвижения России на Амур воодушевляла влиятельных националистов – оппозиционеров уже в 1840-х гг., задолго до того, как в середине следующего десятилетия было осуществлено фактическое присоединение региона. Присоединение Приамурья рассматривалось как важное средство преодоления сверхконсервативного застоя режима Николая I, тем более что царские министры категорично отказывались даже рассматривать эту возможность. Кроме того, Амур воспринимался не только как способ вырваться за пределы загнивающего «статус-кво», но и как арена, где могли быть воплощены в жизнь национальные идеалы, составлявшие основу учения русских националистов. Дальний Восток предоставлял русским возможность дистанцироваться от Европы и продемонстрировать миру (но что более важно – самим себе), что их национальная энергия и способность к независимым достижениям не были ни рассеяны тремя десятилетиями упадка под властью Николая I, ни уничтожены постыдным поражением в Крымской войне¹⁰.

На волне интереса к амурскому вопросу исследователь-натуралист Александр фон Миддендорф в начале 1840-х гг. совершает Сибирскую экспедицию. Идея экспедиции принадлежала естествоиспытателю Карлу фон Бэрну, одному из выдающихся представителей науки первой половины XIX в. Его проект биогеографической экспедиции на Таймыр и арктическое побережье Центральной Сибири был поддержан Академией наук; в качестве руководителя экспедиции была предложена кандидатура его молодого коллеги Александра фон Миддендорфа. Впоследствии рамки экспедиции были расширены, и в них был включен Якутск, а также южное побережье Охотского моря и Шантарские острова¹¹. Миддендорф отправился из Петербурга весной 1842 г. Пробыв полтора года на Таймыре, в начале 1844 г. он прибывает в Якутск, где изучает вечную мерзлоту. Завершив к осени исследования, он отправляется на

побережье Охотского моря. Именно отсюда зимой 1844 г. начинается та часть его путешествия, которая не была санкционирована Академией наук, и о которой метко заметил Новаковский: «(Миддендорф), горя неистощимым желанием активной деятельности, сошел вскоре со своего пути естествоиспытателя и все более и более стал уклоняться к политическим вопросам, связанным с нашими владениями на Дальнем Востоке»¹². Оказавшись в Восточной Сибири и общаясь с приграничными жителями, Миддендорф обращает внимание на то, что «границы в Амурском крае не были так герметически заперты договором, как приходилось думать на основании доходивших до нас сведений»¹³. Что касается самой границы, то он замечает, что «об укреплениях или даже о каких-нибудь сторожевых постах нечего и думать; а цветная полоса на карте, утвержденная обоими правительствами за полтора столетия, конечно, не могла удержать инородцев от перехода границ...». Ученый решает проверить ситуацию на границе самостоятельно и «объехать всю неизвестную, самую восточную часть границы между Россией и Китаем», потому что

«с Амурским краем связано было столько вопросов первостепенной важности, что ни неблагоприятные условия зимнего путешествия в этом краю, ни решительный недостаток при мне необходимых инструментов для ученых наблюдений, не в состоянии были воспрепятствовать мне отправиться к низовьям Амура, перебраться затем через Становой хребет, считавшийся в то время условленной границей, в Китайские владения, странствовать по ним в течение четырех месяцев и наконец поднявшись по верхнему течению Амура достигнуть Русской границы в Забайкальском крае»¹⁴.

В результате путешествия по китайской территории Миддендорф пришел к следующим выводам: Цинская империя оставила Приамурье, и местные народы не находятся под ее властью, китайцы проводят свои границы гораздо восточнее и южнее, чем предполагалось в России до сих пор:

«Результатом этого странствия было то, что, к удивлению, я нашел в природе совсем иную границу, чем та, которая назначена была торжественно утвержденными договорами дипломатов и показывалась на наших картах, - иную даже, чем та, которую принимали местные начальства»¹⁵.

Миддендорф подчеркивает значимость Амура для развития всей Сибири:

«Необходимость свободного судоходства по Амуру для Южной Сибири вообще, и в

особенности для Забайкальского края и для береговых пространств Восточной Сибири, была так очевидна, что об этом обстоятельстве естественно не раз возникал вопрос уже со времени занятия Амура Русскими»¹⁶.

По возвращении в Петербург Миддендорф был с триумфом встречен научной общественностью столицы; каких-либо санкций за самовольный маршрут по китайской территории со стороны Академии наук не последовало, наоборот, весной 1845 г., ознакомившись с его отчетом, Николай I во время личной аудиенции подробно расспрашивал его о Приамурье¹⁷.

Еще в 1844 г. согласно высочайшему предписанию председателю главного правления РАК барону Врангелю было предложено за счет казны отправить к устью Амура одно из судов компании. Предписание было выполнено компанией только через два года: 5 мая 1846 г. небольшой бриг «Константин» под командой А.М. Гаврилова отправился к устью Амура. В высочайше утвержденной инструкции министерства иностранных дел для командира судна указывалось, что главной целью снаряжения судна к Амуру является исследование устья реки с целью вынесения решения о том, подходит ли оно для навигации; необходимо было также «осмотреть берег от р.Уди до Сахалина, залив между Сахалином и матерым берегом»¹⁸. В свою очередь, правитель колоний капитан 2-го ранга Тебеньков дал Гаврилову следующую инструкцию:

«По сведениям при устье Амура находится поселение русских беглецов из-за Байкала и большая китайская военная сила, а потому вы должны принять все меры предосторожности, дабы не иметь с китайцами неприязненных столкновений и дабы китайцы не могли узнать, что ваше судно русское. С русскими беглецами войдите тайно в сношение и обещайте им амнистию. В случае если вы, при входе в лиман, встретите мели, то не должны подвергать судно опасности, ибо положительно известно, что устье реки недоступно. При всем том вам вменяется в непременную обязанность, чтобы бриг возвратился в колонию благовременно, снабдив продовольствием промышленников на Курильских островах, и чтобы все оставалось в тайне»¹⁹.

Оставив бриг на якоре в лимане, Гаврилов на шлюпке вошел в устье Амура и поднялся по течению вверх примерно до гиляцкой деревни Чнырах. Произведенные им промеры глубин в северной части лимана и в устье Амура были бесплодными и бессистемными, они не только не

решали вопроса о доступности Амура для морских судов, но еще более его запутывали. Вывод, сделанный Гавриловым, гласил, что вход в Амур для судов невозможен, так как устье запирается баром, а южная часть лимана заперта мелями²⁰. В январе 1847 г. канцлер К Нессельроде во избежание проблем с Китаем повторно запретил российским подданным приближаться к устью Амура²¹.

В 1847 г. на пост генерал-губернатора Восточной Сибири был назначен 38-летний тульский военный губернатор Н.Н. Муравьев (1809-1881), участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и подавления польского восстания 1830-1831 гг., энергичный военный администратор и проводник царской политики на Кавказе. По выражению П.И.Кабанова, «среди администраторов царской России не только николаевского времени, но и всего XIX в. нет, пожалуй, ни одной фигуры, вызвавшей столько разноречивых отзывов, оценок, характеристику»²². Находясь в Петербурге и готовясь к деятельности в Сибири, Муравьев на одном из собраний созданного в 1845 г. Императорского географического общества знакомится с А.П.Баласогло (1813-1893), архивистом МИД и ближайшим сподвижником М.В. Петрашевского. Работая с 1841 г. в архиве МИД, Баласогло посвятил себя изучению политических и экономических отношений России со странами Востока и являлся одним из признанных специалистов по Азии того времени. При поддержке Карла фон Бэра Баласогло становится членом Императорского географического общества. Разработав план экспедиции на Амур, Баласогло заинтересовал им морского офицера Г.И.Невельского. Позже во время следствия по делу петрашевцев он вспоминал: «я обращался ко всем своим знакомым, за какими только знал географические стремления в соединении с полным разумением своего дела. Едва ли не первым был Невельской, которого я знал еще из Морского корпуса за человека, вполне и во всех отношениях готового на подобные вояжи: он весьма был рад, одобрил весь проект и стал со мной вместе хлопотать»²³. Проекту не было суждено осуществиться: в 1849 г. Баласогло был арестован по «делу петрашевцев»; впоследствии в 1849-1857 гг. находился под секретным надзором в Петрозаводске и Николаеве.

По просьбе Муравьева Баласогло составляет объемный меморандум, посвященный истории освоения русскими Восточной Сибири и тихоокеанских колоний, попытку России дипломатическим путем решить амурский вопрос, а также дальнейшим задачам, стоящим перед Россией в данном регионе. В начале 1960-х гг. Б.П.Полевой доказал, что опубликованные В.Н.Басниным в сборнике «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских

при Московском университете» записки под названием «Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина» являются ни чем иным, как меморандумом Баласогло²⁴. В предисловии в «Записке...» Баласогло подчеркивает geopolитическую важность территории, которой предстояло руководить новому генерал-губернатору:

«Восточная Сибирь, гранича на севере с Северным Ледовитым океаном, на востоке с Восточным океаном, на юге с Китайской империей и на западе с Западною Сибирью, составляет естественное звено, соединяющее все эти страны друг с другом. Этим самым определяется ея значение в мире и важность в отношении к тому Государству, которого она только область. Чрез нее и отчасти для нея Россия вступает во все свои многообразные отношения к Китаю, Японии, безчисленным островам Восточного океана, целику берегу Америки и всем Азиатским и Европейским владениям, какия только принимают какое-нибудь участие в общей жизни мира»²⁵.

Сделав подробный исторический экскурс в освоение Восточной Сибири, Баласогло останавливается на истории амурского вопроса, критикуя пассивность правительства: «...никто в Государстве не хотел обратить внимания ни на крайнюю нужду в этой реке и ея долине для края, ни на измеримые выгоды от владения ею для всей России...»²⁶. Автор делает вывод, что «в большинстве случаев благоенствие всей Восточной Сибири ... зависит от доступа для Русских и иностранных судов реки Амура», что Амур столь же остро необходим для Сибири, «как для Египта необходим его благотворный Нил»; при этом, по его мнению, идеальным вариантом было бы установление границы между Россией и Китаем по Амуру²⁷. По мнению Баласогло, именно Амур должен сыграть роль в возрождении Сибири, регионе, который крайне нуждается в перестройке управления: «в Сибири никогда не было настоящей организации местной власти» и что одна из сибирских язв – это «чиновники, необузданные в своих, впрочем, весьма не тонких злоупотреблениях...»²⁸, и именно приобретение Амура будет первым важным шагом в этом направлении.

Рисуя соблазнительные перспективы открытия Амура и колонизации края ирландцами и другими европейцами, «которые ныне, в страшном количестве миллионов душ, умирают в своем отечестве с голода, ... нуждающихся в труде и земле для своего пропитания», Баласогло высказывает уверенность, что это прежде всего принесет пользу самой России:

«Наконец, и сама Россия, очнувшись от своей умственной дремоты, в которую ее погружает недостаток сообщений и странное самоотречение от своих морей, жадно забираемых между тем, в тихомолку, всеми остальными народами Европы, ... доставит новооткрытыму краю весь избыток своих промышленников, чиновников и капиталистов, которые теперь не знают куда девать: одни – свои руки и способности, а другие – свои нетленные капиталы, лежащие втуне...»²⁹.

Еще один момент, на котором автор заостряет внимание генерал-губернатора, - это важность Амура с точки зрения геополитического положения России в азиатско-тихоокеанском регионе, одном из будущих центров мировой цивилизации:

«Разсмотрев... сколько было возможно... исторический ход событий и идей, клонившихся к развитию Восточной Сибири, по всем направлениям Государственной жизни, мы естественно доходим до понятия о современных требованиях этого обширного края России и ожиданиях от него, как самого Государства, так и всего мира... Эти требования и ожидания так колоссальны, что один их объем уже достаточно объясняет, по чему их исполнение доселе откладывалось в неопределенное будущее... Ныне это будущее уже давно наступило: Англия, Франция, Северная Америка и все образованные нации Земного Шара, проложив себе пути в Китай, уже близки к достижению доступа в Японию...»³⁰.

Следовательно, у России не остается другого выбора, кроме как участвовать в этом общемировом процессе, иначе существует опасность захвата Амура европейскими державами:

«Не пройдет, может быть, и года, даже нескольких месяцев, и сперва весь мир, а потом Петербург прочитает в своих Ведомостях, что Англичане, или Французы, овладели, по добровольному согласию Китайцев, устьем Амура и получили дозволение ходить вверх и вниз по этой реке до Нерчинска... Странно будет это известие; но оно неизбежно... Если Россия не хочет видеть своих сокровищ, - надо же, чтоб кто-ни будь их видел и брал свои меры!.. Место свято не будет пусто!..

Но, может быть, все эти опасения неосновательны... Может быть в недрах русского Правительства есть умы, обнимающие взором все пространство своего неизмеримаго поприща...»³¹.

Таким образом, наполненное пафосом послание лятрашевца Баласаглю к высшему царскому

сановнику Муравьеву является, по нашему мнению, примером оптимистических ожиданий русской интеллигенции по поводу цивилизационной миссии России в Азии. Вместе с тем, весьма знаменателен также процитированный выше призыв к государству по проведению более активной дальневосточной политики в условиях нависшей, по его мнению, над Амуром угрозы со стороны европейских держав. Было бы ошибкой переоценивать степень влияния, которую оказал меморандум Баласогло на Муравьева, но в то же время нельзя отрицать, что все дальнейшие действия Муравьева на посту генерал-губернатора Восточной Сибири были посвящены воплощению в жизнь идей, в том числе изложенных в меморандуме. Необходимо отметить, что будучи представителем высшей администрации, доверенным лицом царя в обширном и отдаленном крае, Муравьев в то же время имел достаточно либеральные взгляды и в своей деятельности опирался не только на чиновничий аппарат и военных, но и использовал интеллектуальный потенциал довольно обширной и влиятельной среды политических ссылочных (декабристов, петрашевцев и др.)³².

Итак, в России конца 1840-х г. мы наблюдаем возрастание интереса интеллектуальной общественности страны к дальневосточной политике и в том числе к амурскому вопросу. Представители научной и радикальной общественности (Миддендорф, Баласогло и др.), обеспокоенные изменениями в geopolитической ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе, связанными с увеличением активности европейских держав, с одной стороны, и ослаблением Китая, с другой, призывают правительство к проведению более активной политики, усматривая в этом возможность реализации в жизнь концепции цивилизаторской миссии России в Азии. В то же время, несмотря на традиционно осторожную позицию царского правительства в отношениях с Китаем, постепенно подобные настроения общественности начинают находить отклик и на высшем уровне; так, амурский вопрос, как мы видели выше, постоянно находился в поле зрения самого Николая I; не случайно император при назначении Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири произнес: «Что же касается до русской реки Амур, то об этом речь впереди»³³. С прибытием Муравьева к новому месту службы начинается заключительный этап в решении амурского вопроса.

В конце августа 1848 г. из Кронштадта с грузом на Камчатку отправился транспорт «Байкал» водоизмещением 250 т, капитаном которого был Г.И.Невельской. Еще до выхода в плавание Невельской по рекомендации Меньшикова знакомится в Петербурге с Муравьевым и встречает

полное понимание и поддержку своих планов по исследованию лимана Амура и Сахалина. Выше мы уже отмечали, что первоначально это был план совместного с Баласогло исследования. По прибытии в Петропавловск Невельской должен был получить подробные инструкции от генерал-губернатора Восточной Сибири, а также утвержденную царем инструкцию начальника Главного морского штаба Меньшикова. В мае следующего года с невиданной для этого класса судов быстротой «Байкал» достигает Петропавловска - Камчатского за 8 месяцев и 23 дня; по скорости это было второе достижение после «Камчатки» под командованием Василия Головнина, которая в 1817-18 гг. преодолела это расстояние за 8 месяцев и 8 дней. Невельскому судно поручено под командование на год, поэтому он спешит с разгрузкой и, не дожидаясь утвержденной императором инструкции, отправляется к Амурскому лиману. В инструкции Муравьева от 12 ноября 1848 г., полученной Невельским в Петропавловске, говорилось о необходимости подробного описания северной части Сахалина, пролива, отделяющего остров от материка, лимана и устья Амура, кратко обрисовывалась ситуация, сложившаяся вокруг острова, а также предписывалась линия поведения на случай встречи с представителями европейских государств:

«По общему здесь мнению, остров Сахалин запирает выход из Амура, и предполагается, что северный пролив между мысами Головачева и Ромберга весьма узок, а южный пролив вовсе не существует при отливе; положительно однажды доныне никто этого не знает, равно как и того, кем населена северная часть Сахалина. Об острове Сахалине известно только положительно, что южная часть оного принадлежит и населена японцами. Чиновники же наши, бывшие в Пекине, утверждают, что после плены капитана Головина в Японии, Китайское и Японское правительства разделили между собою Сахалин, признав северную часть оного за Китаем, а южную за Японию. Сведения эти я сообщаю вам для руководства, соображения и поверки при исполнении вашего поручения, и при этом не излишним считаю присовокупить, что здесь носятся слухи, будто бы англичане уже были на Сахалине, что впрочем и вероятно, как потому, что устье Амура для них всегда важно, так и по удобству исполнения, под предлогом китовой торговли, сосредоточившейся ныне в южной части Охотского моря. Если вам случилось во время пребывания в лимане встретить там европейцев, то постарайтесь внушить, что суда наши нередко здесь бывают для обозрения берегов, так как северную часть

Сахалина и левый берег Амура мы признаем нам принадлежащими»³⁴.

По представлению Муравьева 29 января 1849 г. Особый комитет по гилякам принял решение о том, чтобы поручить капитан-лейтенанту Невельскому изучить устье Амура и северных берегов Сахалина и найти «удобный и выгодный пункт» недалеко от устья Амура. Невельскому предписывалось принять меры предосторожности, «дабы при произведении осмотра не возбудить подозрений и особенно внимания китайцев». В зависимости от результата экспедиции Невельского предусматривалось «в видах установления сношений с гиляками предоставить Российско-Американской компании, чтобы она сделала опыт подобных с ними сношений сухим путем (из Аяна), стараясь по возможности облизаться с сим народом и привлекать его к России»³⁵. Таким образом, данным документом было положено начало программы изучения и присоединения Приамурья русскими. В результате 3-месячного обследования, проходившего в трудных условиях, Невельской подтверждает возможность прохода морскими судами из Охотского и Японского морей в устье Амура³⁶. В рапорте на имя начальника Главного морского штаба генерал-адъютанта Меньшикова от 26 сентября 1849 г., отправленном из Якутска, Муравьев, докладывая о выполнении Невельским возложенной на него миссии, подчеркивает: «Мне много случалось ходить на судах военного нашего флота и видеть много смелых и дальних офицеров, но Невельской превосходит в этих отношениях все мои сравнения»³⁷. Такая же высокая оценка Невельского содержится и в рапорте от 28 сентября 1849 г.:

«Из рапорта Невельского и карты ко мне представленной, я вижу, что Невельской превзошел все наши ожидания и исполнил данную ему инструкции с тою полнотою, точностью и самоотвержением, которые только можно ожидать от глубокой, беспредельной преданности Престолу и отечеству и от истинно-русского смысла. Сделанныя Невельским открытия неоценены для России: множество предшествовавших экспедиций в эти страны могли достигать европейской славы, но ни одна не достигала отечественной пользы, покрайней мере в той степени, как исполнил это Невельский»³⁸.

По ходатайству Муравьева за заслуги в изучении устья Амура Невельского повышают в звании до капитана 2-го ранга. В рапорте на имя начальника Главного морского штаба генерал-адъютанта Меньшикова от 1 января 1850 г. Муравьев, высоко оценив деятельность Невельского,

отмечает:

«Это открытие заставляет нас безотлагательно приступить к занятию устья Амура, или со дня на день должно ожидать, что оно с юга должно быть занято другими... Занятие устья Амура иностранцами столь было бы пагубно для пользы государства, что нам непременно должно будет выплыть оттуда силою новых пришельцев и, следовательно, объявить войну той державе, к которой они будут принадлежать, т.е. Америке, или Франции, или Англии; но нет почти сомнения, что это совершился последнею. Смею думать, что осторожнее было бы избежнуть этой крайности занятием устья Амура и, по крайней мере, противулежащей оному части Сахалина»³⁹.

В ходатайстве от 3 февраля 1850 г. великому князю Константину Николаевичу Муравьев просил назначить Невельского «в Сибирь, для исполнения известных Вашему Величеству предложений, по прибрежью Охотского моря, с сохранением сему офицеру тех преимуществ, которые бы ему следовали, если бы он назначен был начальником Охотского порта», а также восстановить в военном звании с назначением в корпус штурманов Охотской флотилии служащего РАК Д.И.Орлова, сосланного в Сибирь за уголовное преступление⁴⁰.

На заседании Особого комитета 2 февраля 1850 г. Невельской, докладывая о выполнении своей миссии, заявил, что опасения, высказанные канцлером К.В.Нессельроде, а также директором Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявиным о том, что Амур охраняется китайскими силами, лишены оснований, и что в действительности «...не только китайских сил, но и малейшего китайского правительственного влияния там не существует. Гиляки, там обитающие, находятся в самом диком состоянии и вовсе не воинственны...»; по мнению Невельского, чтобы «держать их в порядке», было достаточно 25 человек. Он подчеркнул также, что гиляки считают себя от Китая независимыми и что необходимо предпринять решительные меры, пока этот край не сделался добычей каких-либо «смелых пришельцев»⁴¹. По представлению Муравьева Особый комитет вырабатывает постановление, утвержденное царем 3 февраля 1850 г., по которому предлагалось:

«1. Ограничиться на первый случай устройством зимовья в гавани Счастья или в другой близкой к сей гавани местности морского прибрежья для распространения торговых сношений с гиляками. Занятие же какого-либо пункта на самом Амуре оставить впредь до усмотрения по уважениям, о которых предполагается объясниться с Вами лично,

по прибытии Вашем в СПб.

2. Зимовье в гавани Счастья учредить от Американской компании, способием от правительства средствами, от Вас зависящими, и предоставить в полное Ваше распоряжение Охотскую флотилию.
3. Поступить в этом деле с особеною в отношении китайцев осторожностью, о которой, равно как и о других соображениях, Вы получите особенное от Министерства иностранных дел сообщение»⁴².

Данным постановлением предусматривалось также назначение Невельского офицером особых поручений при Муравьеве и перевод Орлова прапорщиком в корпус штурманов Охотской флотилии. Таким образом, мы видим, что правительство, давая разрешение на устройство зимовья в заливе Счастья, в то же время запретило занимать какие-либо пункты на самом Амуре, опасаясь реакции Китая.

Исполняя постановление, Невельской в июне 1850 г. основал в заливе Счастья Петровское зимовье, а через месяц, в начале августа того же года, в 40 км от устья Амура он основал на мысе Куегда Николаевский военный пост, тем самым нарушив это же самое постановление. Побывав в июле в селении Тыр, где в то время находились маньчурские купцы, а также представители местных народов, в том числе с западного побережья Сахалина, Невельской заявляет о российской принадлежности приморских земель севернее корейской границы, а также Сахалина:

«От имени Российского правительства сим объявляется всем иностранным судам, плавающим в Татарском заливе, что так как прибрежье этого залива и весь Приамурский край, до корейской границы, с островом Сахалином составляют Российские владения, то никакие здесь самовольные распоряжения, а равно и обиды обитающим народам, не могут быть допускаемы...»⁴³.

Итоги деятельности Невельского на Амуре были доложены Муравьевым Николаю I в ноябре 1850 г. и рассматривались на заседании Амурского комитета под председательством канцлера К.В.Нессельроде. По мнению сторонников Нессельроде, Россия еще была не готова к присоединению Приамурья; было решено немедленно убрать пост и разжаловать капитана Невельского в матросы. По предложению Николая I, склонявшегося к мнению о необходимости проведения более активных действий на Амуре, Амурский комитет был собран снова, на этот

раз под председательством наследника престола Александра Николаевича; в итоге действия Невельского были одобрены. Император признал поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим», заявив, «Где раз поднят Русский флаг, он уже спускаться не должен». Известную роль в благополучном для Невельского исходе событий сыграло заступничество Муравьева и наследника престола Александра Николаевича⁴⁴.

После долгих дискуссий в Особом комитете кабинет министров 12 февраля 1851 г. принял решение об организации Амурской экспедиции, в котором предлагалось:

- « 1. Николаевский пост оставить в виде лавки Российско-Американской компании.
- 2. Никаких дальнейших распространений в этой стране не предпринимать и отнюдь никаких мест не занимать.
- 3. Иностранным судам, которые обнаружили бы намерение занять какой-либо пункт около устья реки Амура, объявлять, что без согласия российского и китайского правительства никакие произвольные распоряжения в этих местах не могут быть допускаемы и что каждый из таких самовольных поступков влечет за собою большую ответственность...».

Решением предусматривалась также компенсация расходов РАК, если в течение 3-х лет она будет терпеть убытки от торговли с гиллями, но не свыше 50 000 рублей. Для сооружения помещений в Петровском и Николаевском было назначено 60 чел. матросов и казаков из Сибирской флотилии; Невельскому было присвоено звание капитана первого ранга и он был назначен начальником Амурской экспедиции «во всех отношениях»⁴⁵.

Таким образом, царское правительство сделало следующий важный шаг в установлении своего контроля над устьем Амура: самовольно поставленный в нарушение правительственного постановления Николаевский пост сохранялся под флагом РАК, что позволяло избежать громкого международного скандала в случае огласки; предписывалось объявлять иностранцам, что Амур находится под совместным русско-китайским контролем, хотя в действительности это было не так; РАК были обещаны правительственные гарантии на 50 тыс. рублей. Иными словами, планируя с самого начала свои действия на Амуре под флагом РАК, правительство и не рассчитывало, что РАК сможет получить какие-либо экономические выгоды от торговли с нивхами, потому что главной целью было не получение прибыли, а вовлечение нивхов в сферу своего влияния. Подобное решение Особого комитета было впоследствии согласовано

заинтересованными ведомствами; так, в письме канцлера К.В.Нессельроде начальнику Главного морского штаба А.С.Меньшикову от 8 марта 1851 г. отмечается:

«Так как Российско-американская компания приняла на себя действия по установлению торговых связей с Гиляками (в указанных прежними инструкциями видах) по приглашению Правительства, то конечно по ее справедливости следует вознаградить ее за те убытки, которые она может понести, исполняя сии предназначения Правительства»⁴⁶.

В письме Муравьева Меньшикову от 16 марта 1851 г. отмечается, что «определить ныне сумму предполагаемых убытков, которые следовали бы ей (РАК) к возврату, затруднительно», но по согласованию с председателем Главного правления РАК он примерно определил сумму в 50 тыс. рублей серебром⁴⁷. Таким образом, с самого начала своей деятельности Амурская экспедиция должна была действовать под флагом и при всесторонней материальной поддержке РАК, издержки которой, в свою очередь, обязалось взять на себя государство. О первых шагах в деятельности Амурской экспедиции, а также об итогах зимовки Орлова на Амуре предыдущей зимой писал директор Главного правления РАК генерал-майор В.Г.Попитковский в своем отчете от 27 октября 1851 г. Так, агент компании подпоручик флотских штурманов Орлов, оставленный на зимовку в Петровском с командой в 30 человек, «занимался гидрографическими работами по лиману и по р.Амуру, принимая надлежащие меры для сближения с туземцами... Из полученных от 30 июля известий видно, что Гиляки в обращении с Русскими были очень дружелюбны и охотно приходили в заселение для торговли, так что к весне оставленные в заселении компанейские товары были сполна израсходованы и променены»⁴⁸.

Прибыв в конце июля 1851 г. в залив Счастья, участники Амурской экспедиции активно занялись изучением Нижнего Приамурья, производя гидрографические съемки и сбор самой разнообразной информации о регионе. Как отмечал впоследствии сам Невельской,

«Главная цель моя заключалась в том, чтобы фактически объяснить правительству значение для России этого края на отдаленном нашем Востоке; для этого предстояло разрешить нам ... два вопроса: вопрос пограничный и вопрос морской, обусловливавший значение для России Приамурского края в политическом отношении»⁴⁹.

Исходя из текста Нерчинского договора, Невельской полагал, что все приморские земли восточнее реки Уссури, а также остров Сахалин должны были стать российской территорией. Как мы уже неоднократно упоминали выше, Нерчинским договором предусматривалось проведение границы между Россией и Китаем по Становому хребту; бассейны всех рек, стекающих с южных отрогов хребта и впадающих в Амур, становились китайской территорией, но самая восточная часть границы оставалась неразграниченной. Изучив этот договор, Невельской сделал вывод, что так как Становой хребет в верхнем течении Уды заворачивает на юг и сливаются с Бурейским хребтом, то Нижний Амур, Приморье и Сахалин являются территорией России⁵⁰. Как писал по этому поводу в 1859 г. один из подчиненных Невельского Н.К. Бошняк, «подобная мысль и представления Г.Ив.Невельского не имели тогда сочувствия в главном действующем лице и были причиною многих для г.Невельского, неприятностей. Тогда полагали, что всю важность составляет только левый берег Амура, устье его и Петропавловск»⁵¹.

В 1852 г. подчиненные Невельского активно исследуют Приамурье, в результате чего были детально описаны устье Амура, Приамгунье, побережье до залива Де-Кастри, озеро Кизи. В феврале Невельской направляет лейтенанта флота Бошняка для обследования острова Сахалина; на севере острова последним были обнаружены богатые западки угля. Во время путешествия по «земле гиляков на Сахалине» Бошняк также выясняет отношение местных жителей к другим государствам:

«Сколько я ни старался узнать, нет ли здесь хоть какого-нибудь влияния китайского или японского правительства, все мои розыски оказались совершенно безуспешными; здесь не только что нет никакого правительства, но даже маньчжурские торги не ездят сюда для торга, несмотря на огромное количество пушных товаров, от которых бы они могли получить значительные выгоды. Жители помнят только одного маньчжура, который лет 20 тому назад приезжал для торга, но более не бывал, и вся торговля в настоящее время находится в руках амурских гиляков. Относительно же японцев, то амурские гиляки знают их только по торговым сношениям, и, как видно из их рассказов, это торги, подобные нашим якутским торгашам; об правительственном же влиянии им вовсе неизвестно и даже купе вовсе им не подчинены и только добровольно нанимаются к ним за весьма хорошую плату, состоящую в пушных зверях, крупе, тканях, одежде и т.п. для рубки леса и чистки

рыбы»⁵².

Находясь на Сахалине, Бошняк выменял у местных жителей четыре листа с акафистами из Часослова на церковнославянском языке; впоследствии Невельским была сочинена легенда о том, что на этих листах имелась надпись, якобы сделанная моряками, высаженными Хвостовым в 1805 г. в заливе Анива⁵³. В действительности каких-либо других надписей, кроме текста акафистов, на этих листах, хранящихся в настоящее время в РГА ВМФ, не имеется⁵⁴. По нашему мнению, листы вполне могли принадлежать жившим среди нивхов в 1780-х гг. потерпевшим кораблекрушение русским, о которых шла речь в главе I.

К концу 1840-х – началу 1850-х гг. в связи с миграцией китов в западную часть Тихого океана акватория Охотского моря стала ареной деятельности иностранных китобойных флотилий, в основном американских. Появление иностранных китобоев в непосредственной близости от побережья материка и Сахалина не только расценивалось Невельским и Муравьевым как серьезная угроза интересам России в этом регионе, но и, по нашему мнению, использовалось последними как средство давления на правительство с целью убедить его в необходимости срочного занятия побережья Татарского пролива и Сахалина. Так, в рапорте №1149 от 9 октября 1852 г. великому князю Константину Николаевичу Муравьеву, ссылаясь на рапорты Невельского, сообщает, что даже в непосредственной близости от Петровского зимовья постоянно находятся на якорных стоянках китобойные суда, экипажи которых ведут меновую торговлю с гильями «в подрыв торговли Российско-американской Компании в земле Гилляков и к ослаблению влияния нашего при берегах Амура». По информации, полученной Невельским от иностранных китобоев, в 1852 г. в Охотском море находилось на промысле до 400 китобойных судов, объем добычи которых должен был ориентировочно составить до 400 тыс. бочек китового жира на общую сумму по нью-йоркским ценам более 9 млн. рублей⁵⁵.

Активная деятельность Невельского в Приамурье и его дальнейшие планы, в частности, о занятии залива Де-Кастри и селения Кизи, а также о направлении по Амуру 200 человек из Нерчинского округа, вызывают неудовольствие министерства иностранных дел: в адрес управляющего Морским министерством великого князя Константина Николаевича 17 сентября 1852 г. поступает документ за подписью директора Азиатского департамента МИД тайного советника Л.Г. Сенявина, в котором планы Невельского подвергаются резкой критике:

«...Приведение в исполнение новых предложений Капитана Невельского было бы

явным нарушением мирных и дружественных с Китаем связей. Залив Де Касти, лежащий южнее даже самых устьев Амура, находится неоспоримо в местах принадлежащих Китаю; а потому занятие нами сего пункта, равно как и селения Кизи, расположенного на правой же стороне Амура, не может быть признаваемо иначе как насильственным завладением чужою собственностию, и притом собственности такого Государства, с которым мы находимся в мире и имеем немаловажныя для нас торговые сношения»⁵⁶.

Сенявин также подчеркивает, что «нельзя не отдать полной справедливости стараниям Невельского проложить новый путь для торговли нашей с Маньчжурами», но при этом обращает особое внимание на то, что главной целью правительства при установлении в Приамурье торговых отношений было не получение коммерческой выгоды, а «чтобы посредством торговых связей привлекать к нам Гиляков и постепенно распространять над ними наше влияние». Что касается отправления отряда по Амуру, то оно неприемлемо, так как «по трактатам нашим с Китаем нам не предоставлено право плавания по реке, протекающей во владениях сего Государства»⁵⁷.

Несмотря на категорический запрет правительства, в начале 1853 г. Невельской приступает к занятию района Нижнего Амура и материкового побережья: в заливе Де-Кастри был основан Александровский пост, а на берегу озера Кизи - Мариинский пост. Таюже Бошняк обследует побережье Татарского пролива и открывает Императорскую Гавань. По мнению Невельского, незамедлительное занятие материкового и западного побережья Сахалина было абсолютно необходимым для обеспечения безопасной навигации в устье Амура из Японского и Охотского морей:

«Немедленное занятие Императорской Гавани, как гавани на побережье Татарского пролива, находящейся посредине между лиманом и корейской границей, весьма важно. Кроме того следует занять еще одну бухту на западном берегу острова Сахалина и выслать в крейсерство в Татарском проливе военное судно. Все это крайне необходимо, во-первых ввиду ожидаемого прибытия в этот залив американской экспедиции, а во-вторых, для подкрепления постов в Де-Кастри и Кизи. Только этими действиями мы фактически можем заявить американцам и всем иностранцам о принадлежности этого края России и тем предупредить всякие на него с их стороны покушения»⁵⁸.

Позицию Невельского по поводу Сахалина поддерживал и генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев. Так, в письме Невельскому от 4 мая 1852 г. Муравьев сообщал, что американцы снарядили большую пароходную экспедицию в Японию и, весьма вероятно, посетят Сахалин и Татарский пролив, поэтому «надобно, чтобы американцы непременно увидели русских и в гавани Де-Кастри, и на Сахалине и чтобы им непременно было объявлено, что мы тут и что никому другому тут не бывать. Поэтому я полагаю, что Вам на это лето ... надобно стеречь американцев и показать им как можно более людей на Сахалине и в Татарском заливе...»⁵⁹. Во воеподданнейшей записке от 23 апреля 1853 г., докладывая о предварительных результатах Забайкальской экспедиции полковника Ахте, Муравьев подчеркивает, что данные Ахте о том, что восточнее устья Буреи признаков китайского присутствия не наблюдается, подтверждаются сведениями, получаемыми на протяжении 3-х лет от Невельского; более того, «самое трехгодичное бесспорное пребывание сей последней экспедиции в земле Гилляков служит ясным доказательством справедливости выводов полковника Ахте из Нерчинского и Буринского трактатов». Из вышеизложенного Муравьев делает вывод о необходимости принятия соответственных мер «к надлежащему ограждению мест, нам по трактатам принадлежащих, и сопредельного с ними морского побережья, не признаваемого доныне чьею-либо принадлежности»⁶⁰.

Несомненно, что на решение царского правительства приступить к более активной политике по «надлежащему ограждению мест и сопредельного с ними морского побережья» оказали также влияние ставшие известными в Петербурге планы экспедиции американской эскадры под командованием М.Перри в Японию. Со стремлением России не отстать от Америки в установлении отношений с Японией было связано направление туда миссии Е.В. Путятина. Наряду с этим правительство поручило РАК представить свои соображения по поводу учреждения на Сахалине укрепленных постов по типу организованных в устье Амура; предложения Главного управления РАК по этому вопросу были обобщены в виде «Записки о занятии о.Сахалина» от 22 марта 1853 г. и направлены в министерство иностранных дел. Компания предлагала первоначально занять на Сахалине два пункта, на западной и на южной стороне острова, построив там по редуту по типовому образцу для колоний. По необходимости предлагалось также между главными пунктами построить несколько укреплений меньшего размера. Занятие Сахалина предлагалось осуществить силами Амурской экспедиции, увеличив

ее состав до 200 человек. Вместе с тем, выразив сомнение в прибыльности мероприятия для компании и отметив, что на занятие Сахалина понадобятся значительные средства, Главное управление РАК просило правительство выдать ей заем в 50 тыс. рублей серебром⁶¹. Рассмотрев «Записку», Нессельроде отметил, что МИД «не находит с своей стороны, в политическом отношении, препятствия на предлагаемые компанией меры, так как правительство наше относительно острова Сахалина не связано никакими трактатами ни с Китаем, ни с Японией»⁶².

Таким образом, в отношении занятия Сахалина позиция МИД не была такой осторожной, как в амурском вопросе, где под угрозу могли быть поставлены торгово-экономические связи с Китаем; при этом присутствие японцев на крайнем юге острова в расчет не принималось. 11 апреля 1853 г. царь подписал Высочайшее повеление, в котором были следующие пункты:

- (1) Российско-Американской компании занять остров Сахалин и владеть им на тех же основаниях, как владеет она другими землями, упомянутыми в ее привилегиях;
- (2) Занять на Сахалине те пункты, которые по местным соображениям окажутся важнейшими, к чему и приступить непременно в навигацию сего 1853 года...
- (3) Компания не должна допускать на Сахалине никаких иностранных заселений, ни произвольных, ни по взаимному соглашению...⁶³

Иными словами, как и при занятии устья Амура, правительство решило прибегнуть к камуфляжу на случай непредвиденной реакции других государств. Претворение в жизнь Высочайшего повеления было поручено начальнику Амурской экспедиции Невельскому. 15 апреля Муравьев конкретизирует содержание Высочайшего повеления в инструкции на имя Невельского:

- (1) Занять на острове Сахалине в нынешнем году два или три пункта на восточном или западном берегу, но как можно южнее.
- (2) Находящихся на южной оконечности Сахалина японских рыбаков не тревожить и оказывать им дружеское расположение, уверяя их, что мы занимаем остров Сахалин в ограждение от покушений иностранцев и что под нашей защитой они могут безопасно продолжать там свой промысел и торговлю.
- (3) Для занятия острова Сахалина назначено ныне из Камчатки 100 человек и два офицера при них. Для выбора этих людей и доставки их к Вам я командировал состоящего при мне майора Буссе...

(4) В случае, если Вы признаете нужным сейчас же по получении сего занять на Сахалине какой-либо пункт, до прибытия означенных людей, то это предоставляется сделать по Вашему усмотрению теми средствами, какие имеются во вверенной Вам экспедиции⁶⁴.

Перед тем, как приступить к выполнению приказа правительства, Невельской основывает в Императорской Гавани Константиновский пост, после чего отправляет на Сахалин для организации поста и обследования западного побережья лейтенанта Д.И. Орлова. Учрежденный 17 августа 1853 г. Орловым в айнском селении Венду-эса (а не в Кусуннае, как считалось раньше, что доказал сахалинский историк И.А.Самарин) на западном побережье острова Ильинский пост просуществовал формально лишь в течение одного с лишним месяца⁶⁵. Вернувшись в Петровское зимовье, Невельской получает известие об утверждении штата Амурской экспедиции и выведении ее из подчинения Российско-Американской компании. В состав экспедиции входила рота из 7 офицеров и 240 нижних чинов и матросов. Экспедиции также придавалась сотня казаков с 2 офицерами, взвод горной артиллерии. Невельской в правах был приравнен к губернатору области⁶⁶.

В ночь с 7 на 8 сентября транспорт Российской-Американской компании «Николай» покинул залив Счастья и отправился к берегам Сахалина в залив Анива. На транспорте, кроме самого Невельского, находился офицер для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири майор Н. В. Буссе, лейтенанты Бошняк и Рудановский, а также 73 человека нижних чинов. В рапорте №343 «По делу занятия острова Сахалина», направленного Муравьеву в октябре 1853 г., Невельской следующим образом объясняет свой выбор пункта для занятия Сахалина:

«Сведения какие я имел об Острове Сахалин показали: а) Что единственное место, в котором только возможно было сделать, в такое позднее время года, при наших ничтожных средствах, высадку значительного десанта, есть Залив Томари-Анива. в) Залив этот есть место, где производится главная рыбопромышленность и торговля Японцев на Острове и где соединены у них для этого все запасы и материалы. с) Встав твердою ногою в этом Заливе, я полагаю что Японцы, по неволе вынужденными найдутся вступить с нами в дружественные и торговые сношения, потому что рыбная ловля в Томари-Анива, для них крайне необходима и рыбой вывезеною из Томари,

пропитывается почти все народонаселение Северной части Матемая. д) Занятие всякого второстепенного пункта при настоящих обстоятельствах, хотя бы даже и представилась к тому возможность, полагаю было бы нетолько бесполезно, но даже вредно, ибо мы этим показали бы Японцам нашу нерешительность к обладанию Островом, а вместе с тем дали им повод и возможность усилить и укрепить (Залив Томари Аниву) их главный и для нас необходимый пункт; так что может быть занятие его в последствии сделалось бы для нас затруднительным и сопряженным может быть с кровопролитием; и наконец мы никаколько бы не приобрели того влияния на Южную и самую важную часть острова, какое вдруг приобретается с немедленным занятием Томари-Анива. д) Нельзя предполагать чтобы от Американцев, действующих уже ныне в Японии могло ускользнуть это обстоятельство; а потому нельзя не опасаться чтобы они посетя Залив этот, и видя его нами незанятым не воспользовались бы этим важным по своему положению пунктом, с занятием которого приобретается значительное влияние на Японию, и решительное влияние на весь Остров Сахалин, богатый каменным углем, который для них необходим; и наконец г) я полагаю что страна тогда только может считаться занятую, когда заняты главные ея пункты»⁶⁷.

Через много лет, в 1872 г., Невельской в предисловии к статье Н.В.Рудановского, опубликованной в журнале «Вестник Европы», писал:

«О необходимости занятия главного пункта острова Сахалина, находящагося в Тамари-Анива, я доносил генерал-губернатору Восточной Сибири еще в 1852-м году, т.е. прежде препровожденного ко мне для исполнения в 1853-м году высочайшего повеления об окончательном занятии этого острова. Занятие же этого пункта, кроме причин упоминаемых г.Рудановским в его отзыве, вызвано было тогда еще и следующими обстоятельствами: а) чтобы люди, высаженные в позднее осеннее время имели бы для себя приют от непогод под готовыми японскими крышами; и б) чтобы показать японскому правительству, что по праву первого исследования этого острова и по его географическому, относительно Приамурского края, положению, Россия всегда признавала его своим»⁶⁸.

Стремление Невельского занять на Сахалине опорный пункт японцев в Анивском заливе, наряду со стратегическими соображениями, было во многом обосновано также опасением за

судьбу своих людей. Трагическая зимовка того года в Константиновском посту в Императорской Гавани, когда из-за цинги умерло около 20 человек, показала всю трудность выживания на пустынном побережье в условиях суровой зимы⁶⁹.

Ночью 19 сентября «Николай» бросил якорь в заливе Анива в 3/4 мили от берега. Посвятив два дня поискам места высадки, но не найдя более удобного места, Невельской делает вывод, что «бухта при селении Томари есть единственное по физическому своему положению место где только возможно было сделать высадку нашими ничтожными средствами»⁷⁰. Невельской спешил с высадкой, чтобы успеть до наступления зимы вернуться в Петровское зимовье. Буссе был против занятия Томари, так как, по его мнению, это означало нарушение приказа генерал-губернатора, «назначившего селиться в стороне от японских селений». По этому поводу Буссе в своем дневнике писал: «... дух экспедиции нашей изменился, теперь пушки и ядра будут более на виду, чем товары: какое это будет иметь влияние на наши политические сношения с Японией и на переговоры адмирала Путятиня в Нагасаки, - я не знаю, но не думаю, чтобы выгодное; одно ясно, что на Сахалине у японцев военной силы нет, след. мы можем делать пока, что хотим»⁷¹. С Буссе не согласен Рудановский, который писал по этому поводу следующее: «Удачно поставленный пост сделал нас полными хозяевами Сахалина. После чего не требовалось никаких хитростей и политики с нашей стороны»⁷².

Населенный пункт, названный в рапорте Невельского селением Томари, на самом деле назывался Кусункотан. Это был рыболовный и административный центр княжества Мацумаз на Сахалине; там находились администрация, контора по взиманию пошлинных сборов, многочисленные склады и жилые помещения для сезонных работников, а также несколько десятков жилищ айнов (См. Приложение 2. Рис.20). Сахалинские рыбаки японцев полностью находились в руках двух подрядчиков - Датэя Ринъэмон (Датэ) и Сухарая Рокузмон (Сухара). О масштабах деятельности этих рыбопромышленников говорит то, что только пошлинных сборов в сезон 1849 г. они уплатили 1 060 рё золотом⁷³. Рыбный промысел длился с весны до осени; под руководством управляющих и более сотни сезонных работников - японцев трудились многочисленные айны, собиравшиеся со всего юга Сахалина. В качестве вознаграждения за свой труд айны получали немного риса, сакэ, табака, старой одежды и повседневных товаров; многие айны из окрестностей рыбаков были практически закабалены, отрабатывая долги за ссуженные товары. Каждую весну княжество Мацумаз направляло очередную дежурную смену

самураев клана, в обязанности которой входило наблюдение за рыболовными участками и «сантан-торговлей», а также проведение церемонии «омуся», во время которой айны «приветствовали» представителей князя и получали взамен товары. Обычно дежурная смена самураев покидала остров на двести десятый день. В том году (1853 г.) самураи (11 человек) покинули остров в конце июля (по старому лунному японскому календарю), а в начале августа уехали и управляющие с работниками-японцами; на зимовку осталось всего 37 японцев – надсмотрщиков и сторожей⁷⁴.

Утром 19 сентября Невельской, Буссе и Бошняк в сопровождении матросов на двух шлюпках и байдарке произвели высадку в Кусюнкотане. На берегу они были встречены айнами и японцами; в рапорте Муравьеву Невельской, подробно описывая свою первую встречу с японцами, подчеркивает, что, по словам айнов, «они и Японцы ожидают и караулят Американцев» и что в то время, как японцы смотрели на русских «с недоверчивостию», айны «принимали подарки с благодарностию и радостию и самым дружелюбивым видом обнимали людей наших, говоря что все они очень рады что мы Русские с Амура». Осмотрев бутафорскую батарею японцев («Сооружение это состояло из 8 земляных кучек образовавших что-то вроде образура со вставленными в них белыми ширмами, на которых были нарисованы пушки, все это освещалось ночью фонарями, привязанными к тычинам воткнутым между амбразурами»), русские проследовали в дом, где жил «Японский Джангин» (на самом деле это была пошлинная контора – А.Т.). Обняв «в знак дружбы» всех японских и айнских старшин «к общему удовольствию и умилению всех присутствующих», Невельской сел рядом с «предоедателем». После нескольких секунд молчания японцы «начали на песке, которым был усыпан очаг чертить свои острова и показывать что Американцы ходят и плают» (?). Обращаясь к собравшимся, Невельской через переводчика-айна объяснил цель своего прибытия следующим образом:

«Мы Русские с р.Амура, куда мы также пришли для защиты Гиляков и Манкур от Америки, и теперь никто туда ходит, с тем чтобы бить Гиляков несмесь, мы теперь на Амуре вместе с Гиляками и Манкурами, живем дружно и спокойно, о чем вероятно и они слышали. Зная, что Америка близко, самый большой наш Джангин (Государь Император) послал нас сюда, чтобы защищать вас, и мы пришли сюда не врагами вашими, а друзьями, вы оставайтесь здесь, ловите рыбу и торгуйте с нами, вашего нам ничего не надо, но землю эту, вас и весь народ мы защищаем»⁷⁵.

Осмотрев берега залива Томари-Анива и пообщавшись с местными жителями, Невельской делает вывод, что:

«а) Что бухта при селении Томари есть единственное по физическому своему положению место где только возможно было сделать высадку нашими ничтожными средствами. в) Что, Японцы напуганныя действиями Американцев, думают о защите этого места. с) Что Айны, озлобленные варварским обращением с ними Японцев, готовы передать все первому пришельцу. д) Что Японцы опасаются единственно Американцев»⁷⁶.

Из нарисованной Невельским картины создается впечатление, что находившиеся на Сахалине японцы «ожидают и караулят», а также «опасаются единственно Американцев». По нашему мнению, американцев опасались не японцы (в условиях изоляции от остального мира простые надсмотрщики и работники из небольшого периферийного княжества и понятия не имели об Америке, как впрочем и других странах), а сам Невельской, который был осведомлен о направлении в Тихий океан американских эскадр Перри и Рингольда.

В архиве МИД Японии хранится «Рапорт в сторожевой пост Соя о приходе русского корабля» о высадке русских в Кусонкотане. В документе подробно описывается приход в Кусонкотан Змачтового иностранного корабля и высадка людей с него на берег, а также посещение ими пошлинной конторы:

«Иностранцы что-то стали говорить, что именно – непонятно; похоже было, что они хотят есть, поэтому их угостили рыбным супом. По всей видимости, на судне была нехватка продовольствия, поэтому они сошли на берег, им было подарено 10 мешков риса, из которых они погрузили 4 в шлюпку и вернулись на судно»⁷⁷.

Рапорт подписан всеми японцами (19 человек), бежавшими впоследствии через Сирануси на Хоккайдо в Соя; коллективной подачей рапорта они пытались избежать ответственности за общение с иностранцами. До Совета старейшин сегуната сведения о высадке русского десанта в Кусонкотане достигли 28 сентября (по старому японскому календарю); на основании донесения сторожевого поста Соя князь Мацумаз сообщал о прибытии иностранного корабля и высадке десанта, о том, что корабль был русский, не упоминалось⁷⁸.

21 сентября в соседней к северу от Кусонкотана бухте – Баккотомари состоялась высадка русского десанта, та же подробно описанная Невельским в его рапорте:

«Я посадил на шлюпки 30 человек десанта при 2 орудиях взял Гг. Буссе, Башняка и Рудановского и имея у себя на шлюпке Русский общий военный флаг (белый с Андреевским Крестом) а на прочих в знак миролюбивой высадки, белые флаги, в 1/2 9 часа утра мы пристали к берегу... Выйдя на берег я сделал приветствие встретившим нас с радушием и торжественностью старшинам и через толмача Аина объявил, что «мы остановимся здесь на острове, для защиты земли и народа, желаем жить мирно с Японцами и всеми жителями острова, но никакого не стеснять ни торговлю, ни промышленность их на острове». Затем приказал поставить флаг-шток, десанту выйти и встать во фронт, тогда помолясь Воевыннему Творцу за благодеяния Государя и отечества при криках Ура! нашего десанта и с судна, а также и при салюте с оного, я вместе с Г. Майором Буссе поднял Русский флаг, при этом к удивлению моему, чтобы подсобить нам подошли главные старшины Аинский и Японский. С поднятием флага выдвинуты были на берег и орудия.

Крики удивления раздавались в воздухе; с нами и людьми нашими на перехват старались обниматься жители острова и Японцы, изъявляя этим свое дружество, и в несколько минут помогли нашим людям выгрузить наши шлюпки и поставить палатки. Аины и Японцы с любопытством рассматривали наши пушки и разные подарки. Японцы подходя к пушкам, знаками старались разспрашивать меня, хорошо ли теперь нам будет, защищать их от Америки; становясь в прочем всегда при этом сзади наших людей и объясняя: что теперь что и Аины и Японцы могут спать. Я отвечал им утвердительно и говорил, что эти пушки будут постоянно здесь для защиты народа и земли, которая есть Русская, и что они за нашими пушками и с нами могут быть совершенно спокойны»⁷⁹.

По сообщению Невельского, японцы, услышавшие это неожиданно миролюбивое заявление, «из грустных доселе сделались веселыми и довольными, тогда как аины, видимо, были недовольны. Они надеялись, что я, подобно моим предшественникам Хвостову и Давыдову, предоставлю им убивать и грабить японцев, как то они сделали с бывшими тогда здесь их старшинами, у которых было развито и хлебопашество и скотоводство»⁸⁰. Невельской отмечает, что в соответствии с пожеланиями японцев он составил и передал им документ подобного содержания на русском и французском языках. В японском рапорте по поводу всех наполненных пафосом выступлений Невельского записано только следующее: «Он сказал, что

он русский, что если придет американский корабль, они будут стрелять из ружей...»⁸¹. Это неудивительно и вполне естественно с учетом того, что речи Невельского переводились с русского на нивхский, затем на айнский, а уже потом на японский язык, причем переводчиками из местных народов, владевшими как русским, так и японским языком на весьма примитивном уровне. Каких-либо упоминаний о полученных от русских письменных документах в рапорте не имеется. Буссе в своих записях отмечал, что Невельской, обращаясь к японцам, жестикулировал и, проявив остроумие, заявил, что русские желают жить в мире с японцами и айнами, и что они заняли Сахалин для того, чтобы защитить его от американцев. Буссе писал, что японцы речь Невельского выслушали с равнодушием⁸².

Несмотря на то, что занятие Сахалина должно было проводиться под флагом РАК (и в прямом, и в переносном смысле), на церемонии был поднят Андреевский флаг; сам Невельской в рапорте объяснил это так: «По собранным мною сведениям, красный цвет у японцев есть цвет неприятельский (?! – А.Т.); а потому я вынужденным нашелся вместо Кампанийского флага, где есть красная полоса, употребить общий Русский Военный флаг»⁸³. На самом деле причиной игнорирования флага РАК, по нашему мнению, была общезвестная неприязнь Невельского к компании.

После этого по приглашению Невельского японские и айные старшины посетили корабль, где их угостили; по этому поводу в рапорте японцев на всякий случай отмечено, что угощение и табак были безвкусными⁸⁴. По просьбе Невельского японцы за 12 аршин сукна продали сарай для хранения запасов, за 15 аршин сукна и 3 головы сахара - дом для проживания на первое время, а также 600 бревен строевого леса и около 15 сажень заготовленных дров . (У Невельского в рапорте записано, что лес русским продали айные старейшины, но на самом деле заготовленный лес принадлежал японцам)⁸⁵. Подводя итог первому этапу занятия Сахалина, Невельской пишет в рапорте:

«Так благодаря Всевышнему Творцу совершилось занятие главного пункта Сахалинского, командующего всем островом. Согласно с Высочайшего волею и наставлениями Вашего Высокопревосходительства не насилием, но миром и дружбою, поднят флаг Российской! Все это совершилось также тихо и спокойно, как и на берегах Амура и Татарии, с любовию и согласием народов прибегающих к давно желанной защите, под кровом державы Монарха Русского. Дабы имя Вашего Превосходительства, как главного деятеля и

предстателя у Престола, за действие наши, в Восточных пределах нашего отечества, было незабвенно в потомстве, я украсил вновь основанный пост в Заливе Томари-Анива, назвав его Муравьевским»⁸⁶.

В качестве места под пост был выбран небольшой мыс на южной стороне Кусюнкотана. Отсюда было хорошо видно поселение и все побережье. В рапорте Невельской подчеркивал всю стратегическую важность занятого пункта: «с занятием этой местности мы владеем не только этой единственной удобной на острове бухтою, но и держим во власти нашей все магазины и запасы Японцев, ежели бы сии последние и вздумали что либо противу нас неприязненно»⁸⁷. По периметру поста были построены из кругляка казарма для солдат и дома для Н.В.Рудановского и Н.В.Буссе, а также пекарня; в двух противоположных углах были пристроены две 6-угольные смотровые вышки, в которых были установлены орудия, а весь периметр обнесен частоколом с прорезями для ружей⁸⁸. Ниже поста была построена лавка для солдат, а еще ниже у реки - баня. Часть строительных материалов, в частности, стекла, была привезена из Аяна, кроме этого, как уже упоминалось выше, японцы уступили примерно 600 бревен; также зимой в ближайшем лесу было заготовлено 300 бревен. В Японии сохранилось довольно большое количество эскизов этого поста, выполненных японцами, бывшими в то время на Сахалине; в 1987 г. С.М.Миненко по заказу Корсаковского краеведческого музея была выполнена графическая реконструкция поста (См. Приложение 2. Рис.21-22). Судя по воспоминаниям Рудановского, пост а-ля казацкий острог или форт в землях враждебных индейских племен являлся архитектурным творением Буссе. Вот что он пишет по этому поводу: «Живя вдали от японцев, мы не имели бы возможности обеспечить себя от нечаянного их нападения, которого однако сам (Буссе - авт.) он ожидал, живя даже в Муравьевском посту, среди японских жилищ, на которые были направлены наши орудия. Впрочем положение наше с 4-мя орудиями 18-ти фунт. калибра и с 70-ю матросами и казаками, вооруженными ружьями, тесаками и саблями, и с полным продовольствием на год, было совершенно обеспечено противу совсем невооруженных, 18 японцев и до 2500 айнов, разбросанных по 600- верстному пространству южной части Сахалина, особенно ежели при этом принять во внимание существующую ненависть айнов к японцам. И если г.Буссе постоянно находился в ожидании нападения, против которого и устроил частокол с бойницами и башнями, изнутив тем людей и развив между ними болезни, то эти меры были только излишнею предосторожностью»⁸⁹. Сам

Буссе, устраивая военный пост в центре японского поселения, в то же время удивляется отсутствию на Сахалине оборонительных сооружений японцев: «Принимая во внимание трусливую осторожность японцев в защите своих владений и ограниченность средств японского правительства, удивляюсь, что, владея югом Сахалина уже более 50-ти лет, они не приняли никаких средств к защите на нем своих поселений»⁹⁰.

25 сентября выгрузка всего груза на берег была закончена, и на следующий день Невельской покинул берега Сахалина, оставив в Муравьевском посту Буссе, Рудановского, 59 матросов, а также 8 вольнонаемных работников РАК во главе с приказчиком Д.И. Самариным. Пять казаков и один матрос, которые были вместе с Орловым, также были оставлены в посту. Начальником поста («Правителем Острова Сахалина») был назначен Н.В.Буссе; в своей деятельности он должен был руководствоваться составленной Невельским инструкцией. По мнению Невельского, главной задачей Буссе являлось:

- 1) Привязать к нам народ миролюбивым, ласковым обращением и соблюдением их интересов.
- 2) Отстранить всякия неприязненные столкновения, как с приезжающими на Южную оконечность острова Сахалина, так и с временно проживающими там Японцами. Всеми мерами стараться внушить Японцам, что главная цель наша не стеснять их, но защищать от всяких сторонних Иностранных вмешательств и торговать с ними для обоюдной пользы, а потому просить их дабы они не беспокоились об защите Острова, которую мы принимаем от ныне на себя.
- 3) Не допускать на Остров никаких иностранных заселений, а тем более занятие каких либо пунктов военною силою⁹¹.

Особое внимание Буссе обращалось на необходимость доброжелательного отношения к айнам и уважения их обычаяев и традиций. Подчиненным разрешалось по взаимному согласию с местными жителями вести меновую торговлю, но при этом особо подчеркивалось, что такие товары, как меха, осетровый клей, соль, медную, чугунную и лакированную посуду имеет право закупать только РАК, «под строжайшою ответственностию, какая установлена законом за злостную контрабанду». Буссе рекомендовалось «покровительствовать и содействовать» торговле айнов с японцами и приезжающими на Сахалин амурскими гиляками. Отдельным пунктом оговаривалась тактика взаимоотношений с японцами:

«относительно Японцев, Ваше Высокоблагородие действуйте следующим образом: Всеми средствами старайтесь завязать с ними торговые отношения, хотя бы пришлось при этом нести первоначально ущерб, сбавляя цены с наших товаров или принимая от них не нужные нам. В числе же товаров которые могут быть принимаемы с Пользою от Японцев суть: соль, медь, чугунная и лаковая посуда»⁹².

Буссе должен был, гарантируя японцам «полную свободу производить торговлю и промышленность рыбой на Острове и не только не стеснять их в этом отношении, но всеми мерами поддерживать и помогать», в то же время следить, чтобы «торговля эта и промышленность была свободна по обоюдному их соглашению с Туземцами Острова без всяких притеснений последних со стороны Японцев»⁹³.

Касаясь обороны Муравьевского поста от возможного нападения японцев, Невельской подчеркивал, что в связи с отсутствием у них военно-морского флота и каких-либо оборонительных сооружений на Сахалине, главной задачей Буссе будет не допустить, чтобы японцы привезли туда артиллерию. Буссе предлагалось также организовать патрулирование побережья острова на лодках, чтобы наблюдать за действиями иностранных судов. В случае появления иностранцев на острове необходимо было объявлять, что «Остров Сахалин и часть противлежащего ему берега Татарии есть Русская владения, следовательно всякия подобные распоряжения с их стороны Русское Правительство считает насильственными и покорнейше просит оставить эти места, - в противном случае могут они подвернуться справедливой ответственности перед Правительством»⁹⁴.

В случае появления на Сахалине американской эскадры рекомендовалось «оказывать им всевозможное содействие и дружественный прием – как то соблюдаются при сношениях подданных дружественных и союзных между собою наций»⁹⁵.

Покинув Сахалин, Невельской направился осматривать вновь учрежденные военные посты на побережье материка – Константиновский пост в Императорской Гавани, где начальником был оставлен лейтенант Бошняк, Александровский пост в заливе де-Кастри, где узнал от командира поста мичмана Разградского о том, что устье Амура и де-Кастри посещала винтовая шхуна «Восток» из эскадры Путятינה. Отпустив транспорт «Николай» на зимовку в Императорскую Гавань, Невельской через Мариинский и Николаевский посты 11 октября возвращается в Петровское зимовье⁹⁶. Таким образом, занятие Сахалина было последним крупным

мероприятием Амурской экспедиции. Финансовые расходы, понесенные РАК при занятии Сахалина, были впоследствии возмещены правительством: в рапорте на имя великого князя Константина Николаевича от 21 ноября 1853 г. Муравьев докладывал, что «по Высочайшей воле 50 тыс. рублей серебром переданы Компании для воспособления ей занятия острова Сахалина»⁹⁷.

Итак, в конце 1840-х – начале 1850-х гг. на фоне изменений в geopolитической ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе в дальневосточной политике России наблюдается резкая активизация; основным проводником этой новой политики являлся новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, опиравшийся на поддержку таких высокопоставленных лиц, как великий князь Константин Николаевич, министр внутренних дел Л.А.Перовский, начальник Главного морского штаба А.С.Меньшиков, наследник престола Александр Николаевич. В то же время опорой и непосредственными исполнителями планов Муравьева по закреплению России в устье Амура, по побережью Татарского пролива и на Сахалине были военные, в том числе морские офицеры во главе с Г.И.Невельским, входившие в состав Амурской экспедиции. «Патриотически настроенному» Муравьеву в правительстве противостояла «группа Нессельроде» (канцлер К. В. Нессельроде, военный министр А.И.Чернышев, министр финансов Е.Ф.Канкрин, директор Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявин и др.), считавшая активную деятельность в Приамурье угрозой торгово-экономическим связям с Китаем и настаивавшая на постепенном решении амурского вопроса политическим путем. В отличие от «группы Нессельроде», Муравьев в условиях начавшейся Крымской войны считал срочной задачей проведение оборонных мероприятий на Дальнем Востоке; так, в конфиденциальной записке великому князю Константину Николаевичу от 29 ноября 1853 г. он пишет: «В настоящих сомнительных отношениях наших с морскими державами надобно обратить внимание на защиту берегов и портов наших на Восточном и в Охотском море». По мнению генерал-губернатора, России, чтобы сохранить Сибирь, «необходимо ныне же сохранить и утвердить за нами Камчатку, Сахалин, устья и плавание по Амуру и приобрести прочное влияние на соседний Китай. Теперь все это возможно для нас местными способами Восточной Сибири, которые постепенно, в течение пяти лет, подготовлялись»⁹⁸.

Считая основной угрозой национальным интересам России в азиатско-тихоокеанском регионе действия Англии и ее союзницы Франции, царское правительство в то же время с

обеспокоенностью восприняло направление США в Тихий океан эскадр Перри и Рингольда; это было одной из причин, ускоривших отправку в Японию миссии Е.В. Путятина и принятие решения о превентивном занятии Сахалина. С учреждением в сентябре 1853 г. Муравьевского поста в заливе Анива возникает сахалинский вопрос; будучи производным от амурского вопроса, существовавшего между Россией и Китаем, он на долгие годы становится одним из главных вопросов двухсторонних отношений России с еще одной азиатской державой – Японией.

2.2 Сахалинский вопрос и первая попытка русско-японского территориального разграничения на острове

За год до занятия Невельским японского оплота на юге Сахалина Кусонкотана, в октябре 1852 г. из Кронштадта вышел фрегат «Паллада» с вице-адмиралом Е.В. Путятиным на борту, направлявшимся в Японию с дипломатической миссией. Это была третья попытка России установить дипломатические и торговые отношения с этой страной: первые две (А.Лаксмана и Н.П. Резанова) закончились неудачно. 23 августа 1852 г. Николай I утвердил грамоту японскому императору, в которой шла речь об установлении дружеских торговых отношений между двумя странами⁹⁹.

8 ноября 1852 г. известный японовед Зибольд отправляет русскому посланнику в Пруссии П.Мейендорфу свой план установления отношений России с Японией. Коснувшись направлявшейся в Японию миссии М.Перри, Зибольд отмечает, что с высокой степенью вероятности требования Перри об открытии страны будут отвергнуты японским правительством. По мнению Зибольда, в прошлом европейские державы неоднократно обращались к бакуфу с подобными предложениями, но в силу того, что их действия были некоординированными, японцы сделали ошибочный вывод об их слабости и, соответственно, о своей неуязвимости. Последнее исторически укоренилось в сознании японцев еще с XII в., когда попытки хана Хубилая завоевать Японию закончились неудачей. Япония даже Голландию, с которой поддерживает торговые отношения в течение нескольких столетий, не считает дружественной страной. В отличии от своих предшественников Перри, даже если встретит отказ японского правительства, по всей видимости, попытается силой заставить японцев принять его требования. Так как высадка десанта сопряжена с различными трудностями, то вместо этого

Перри может пойти на блокаду японских портов и создание помех японскому каботажному мореплаванию; не исключено также занятие прилегающих к Японии островов (Эдзо, Карафуто, Рюкю). Это даст возможность Соединенным Штатам занять стратегические с точки зрения международной торговли точки, достичь таким образом целей своей экспедиции и в то же время ослабить позиции бакуфу.

Далее Зиболльд касается важности установления торговых отношений между Россией и Японией. По его мнению, России для развития Восточной Сибири нужна Япония как поставщик продовольствия и повседневных товаров, а также как рынок сбыта. Япония также может служить промежуточной базой для торговли России с голландскими колониями в Юго-Восточной Азии.

Касаясь тактики ведения переговоров, Зиболльд прежде всего отмечает, что переговоры необходимо начинать с обещания японскому правительству о том, что Россия обязуется уважать японские законы, и что после заключения договора она будет поддерживать существующие в Японии государственное устройство и религию. Государственное послание после утверждения его русским императором целесообразнее всего адресовать от имени канцлера или Государственного совета на имя Совета старейшин сегуната. Миссия должна идти в Нагасаки, где государственное послание должно быть передано непосредственно в руки нагасакского губернатора. Так как ответ бакуфу на послание придет в Нагасаки не раньше, чем через 2-3 месяца, не ждать ответа там, а прийти за ним через некоторое время. Если нагасакский губернатор откажется принимать государственное послание, заявить о готовности идти прямо в Эдо. Далее Зиболльд пишет: «Кстати, нужно быть готовыми к тому, что русским кораблям будет отказано даже во входе в Нагасакскую гавань, и переговоры не состоятся. В таком случае нужно воспользоваться такой же возможностью, какая была упущена в 1805 году. Иными словами, нужно занять Сахалин (подчеркнуто в оригиналe у Зиболльда – А.Т.). Этот остров наиболее подходит для учреждения там русской торговой фактории и занимает стратегическое положение с точки зрения морской навигации и торговых путей по Амуру. Устроив в заливе Анива на юге острова европейские торговые фактории, как уже говорил об этом Крузенштерн, можно развивать активную торговлю с Северным Китаем, Кореей и Приамурьем; а также снабжать Камчатку необходимыми повседневными товарами. Если сёгун отклонит предложение России, страны, наиболее уважаемой в Японии наряду с Голландией, то,

по всей видимости, такая же судьба ждет и американские предложения; по сравнению с Америкой у Англии более сильные права на торговлю с Японией, поэтому рано или поздно она станет отстаивать эти свои права... Япония, подвергаясь давлению со всех сторон, не будет иметь ни смелости, ни военных сил для того, чтобы оборонять (в тексте неразборчиво – А.Т.) на самом севере Японии. Совсем нетрудно занять Сахалин и удерживать его в своих руках до заключения мирного договора. Мои друзья в бакуфу говорили мне, что когда русские морские офицеры Хвостов и Давыдов в 1807 году разорили несколько японских селений в заливе Анива, японское правительство оказалось в очень затруднительном положении. Ходили слухи, что на следующий год русские снова пришлют туда военную экспедицию. Японская сторона, приложив невимоверные усилия, собрала на самом севере Эдзо, напротив залива Анива, несколько сот солдат и с большим беспокойством несколько месяцев ожидала прибытия русской эскадры. Имеено тогда бакуфу начало осознавать неправильность своей позиции по отношению к посланнику Российской империи. Я полагаю, что японское правительство повторно такого не совершиит...»¹⁰⁰.

Проект Зибольда по установлению русско-японских отношений заинтересовал Нессельроде, и по его приглашению Зибольд посетил Петербург для консультаций. По совету последнего был изменен отправитель и адресат государственного послания - отправителем вместо Николая I стал канцлер Нессельроде, а адресатом - Совет старейшин сегуната (датировка письма осталась прежней), а также было решено, что Путятин должен зайти в Нагасаки. Срочным курьером через Панаму измененные инструкции были доставлены Путятину, находившемуся в то время на островах Огасавара¹⁰¹.

В новом варианте послания, которое Путятин передал бакуфу, прежде всего, отмечалась необходимость установления границ между двумя странами, в особенности на южной оконечности Сахалина. Далее в нем отмечалось, что «Русская империя при обширности ее владений не нуждается в новых территориальных приобретениях, но установление государственных границ будет лучшим залогом мирных отношений между обеими странами»¹⁰². Николай I утвердил это послание 24 февраля 1853 г.; если принять во внимание, что Высочайшее повеление на занятие Сахалина было подписано царем 11 апреля того же года, а «Записка о занятии о.Сахалина» Главного управления РАК была подана в правительство 22 марта, получается, что уже в феврале курс на занятие Сахалина был принят правительством. В

дополнительной инструкции МИДа, которую Путятин получил вместе с посланием, было отмечено, что российское правительство придает большое значение Сахалину: «Этот остров является ключом к Амуру и может стать добычей какой-нибудь сильной морской державы, соседство которой для Японии не будет столь выгодно и безопасно, как соседство России, чье бескорыстие испытано веками»¹⁰³.

Русская эскадра (кроме флагмана фрегата «Паллада», в нее были включены также закупленная в Англии винтовая шхуна «Восток», корвет «Оливуца» и транспорт «Князь Меньшиков») прибыла в Нагасаки 10 августа. Для того, чтобы еще до начала переговоров прояснить для себя ситуацию на Сахалине, Путятин отправляет туда шхуну «Восток». Командир шхуны В.А.Римский-Корсаков впоследствии писал об этом своем поручении следующим образом:

«В Августе месяце 1853 года, Адмирал отправил меня на шхуне с различными поручениями в Татарский пролив и к устью Амура. В данной мне по этому предмету инструкции, предписывалось между прочим: осмотреть западный берег Сахалина, сделать съемку той части его, которую не успел описать Лаперуз, поискать там бухт или якорных мест, разведать о японских селениях на острове и о месторождениях каменного угля, признаки которых открыты были Лейтенантом Башняком в предыдущем году»¹⁰⁴.

В депеше директору Азиатского департамента Л.Г. Сенявину от 27 февраля 1854 г. Путятин писал:

«Отправляя шхуну «Восток» для осмотра южной части Сахалина, чтобы узнать, как далеко японцы простерли свои заселения к северу, я предписал командиру соблюдать при этом крайнюю осторожность и не возбуждать подозрения японцев. По возвращении шхуны я получил от капитана Невельского копию с Высочайшего повеления занять остров Сахалин и известие о занятии русскими залива Анивы... Усматривая же теперь, что Министерство иностранных дел не имело в виду занимать Аниву, я полагаю, если встречу против сего протест со стороны японцев, дать вид, что это сделано временно ... пока ясно не будут определены границы между Россиею и Япониею. По этому поводу я покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение, чтобы в случае предъявления мною необходимости покинуть русские заселения на южной оконечности Крафто мера эта была бы немедленно приведена в исполнение начальниками тех

мест»¹⁰⁵.

У И. П. Барсукова приводится свидетельство поэта П.В.Шумахера с другой интерпретацией миссии «Востока»:

«Капитан Невельской, по возвращении своем в октябре 1853 года в Петровское зимовье, узнал, что туда заходил, во время его отсутствия, командир шкуны «Восток», Римский-Карсаков, и передал, что вице-адмирал Путятин решительно против всяких занятий на материке, против всяких видов на Амур; запретил ему, Римскому-Карсакову, входить в эту реку, так как это место принадлежит Китаю; протестовал против настоящего занятия Сахалина, уверяя, что это помешает переговорам его с Японцами, и что впоследствии он Сахалин займет сам. Влияние графа Нессельроде было явное»¹⁰⁶.

Если учесть, что Путятин направил Римского-Корсакова к Сахалину в августе, т.е. задолго до появления «Николая» в заливе Анива, то он никак не мог протестовать против того, о чем еще не знал. Можно лишь предполагать, что поэт в своих записках пошел на искажение событий, чтобы подчеркнуть противодействие «группы Нессельроде» планам Муравьева и Невельского. По словам самого Невельского, когда 30 сентября Римский-Корсаков появился в Де-Кастри, то он сообщил начальнику тамошнего Александровского поста Разградскому о том, что Путятину ничего неизвестно о повелении императора о занятии Сахалина¹⁰⁷. Подобная ошибочная трактовка позиции Путятина излагается и у Георга Ленсена, отмечавшего, что причиной последующей спешной эвакуации Муравьевского поста была разразившаяся Крымская война, а также ход переговоров Путятина в Японии, что последний протестовал против занятия Сахалина, потому что боялся, что это затруднит его позицию на переговорах¹⁰⁸.

Узнав от вернувшегося в Нагасаки 3 ноября Римского-Корсакова о занятии Невельским Томари-Анива, Путятин уже 6-го ноября направляет письмо в Совет старейшин сегуната:

«На Сахалине живут только туземцы, которые в культурном, торговом и ином плане являются очень отсталыми. Все они находятся под покровительством России. 3 месяца назад российский император издал указ, по которому Сахалин объявлялся российской землей, поэтому туда были направлены войска. Японцы, если и приезжают на Сахалин для ведения рыбных промыслов и торговли, то лишь на крайний его юг в залив Анива на короткий срок. Из всего того, что утверждает японская сторона, мы можем признать только этот факт. Если японцы в дальнейшем будут жить на побережье залива Анива,

то они, как и российские подданные, будут находиться под покровительством российского государства»¹⁰⁹.

Таким образом, еще до начала переговоров Путятин подчеркивает российскую принадлежность всего Сахалина. В шифрованной депеше Л.Г. Сенявину №175 от 21 января 1854 г. он сообщает, что «Оставление в японском селении Анива русского поста и объявление о наших правах на остров Итуруп я буду удерживать до того времени, пока проект трактата, по крайней мере в главных чертах, не будет утвержден»¹¹⁰.

На переговоры с Путятиным бакуфу 30 октября отправляет в Нагасаки двух представителей - Цуцуи Масанори и Кавадзи Тосиакира. Наряду с указанием насколько возможно затягивать переговоры член Совета старейшин Абэ Масахиро по поводу территориального разграничения с Россией отметил следующее: «В такой неблагоприятной обстановке, как смена сёгуна (в июле умер 12-й сёгун Токугава Изёси-А.Т.) надлежит прежде всего внимательно изучить старые документы, запросить мнение княжества Мацумаз и айнов, а уже затем приступить к переговорам представителям двух стран; вам надлежит убедить русских, что на это уйдет не один год, а также заявить им о недопустимости впредь высадки на Сахалин»¹¹¹.

После долгих проволочек и предварительных встреч переговоры Цуцуи и Кавадзи с Путятиным о территориальном размежевании начались только 6 января 1854 г. (по японскому календарю 20 декабря 6-го года Каэй) с предложения Путятиной начать с обсуждения территориального разграничения. Несмотря на попытки японской стороны уклониться от обсуждения вопроса, сославшись на смену сёгуна и необходимость в связи с этим решения многих неотложных государственных дел, Путятин наряду с торговыми вопросами предложил обсудить вопрос о разграничении на Курилах, заявив, что «Курильские острова издавна принадлежали России, еще 50 лет назад на Итурупе жили только русские, а японцы появились после». Путятин подчеркнул, что Россия имеет права на половину Итурупа¹¹². Однако, как видно из содержания дополнительной инструкции МИД России от 27 февраля 1853 г., Путятин имел четкие указания провести границу между островами Итуруп и Уруп; в случае, если японская сторона предъявит свои права и на Уруп, он должен был доказать его российскую принадлежность, исходя из того, что РАК имеет там поселение. Как отмечали К.Саркисов и К.Черевко, Путятин, как опытный переговорщик, сделал простой, но эффектный ход – он выдвинул контрпретензии на Итуруп¹¹³. По мнению Акидзуки Тосиоки, данной дипломатической

уловкой Путятин стремился обеспечить себе более выгодную позицию по вопросу границы на Сахалине¹¹⁴. Японская сторона попалась на эту уловку и стала горячо доказывать принадлежность Итурупа Японии, не затрагивая Урупа¹¹⁵.

Далее Путятин касается территориального разграничения на Сахалине:

«Ранее на Сахалине не было русских. Несколько лет назад народы Амура обратились к России с просьбой принять их под свое покровительство, поэтому на Амур были направлены российские войска, чтобы их защитить. Россия вовсе не стремится занять те земли, которые Япония считает своими. Но нам необходимо определить, где будет проходить граница между нашими странами, чтобы не чинить неудобств людям других стран, которые окажутся в этих местах»¹¹⁶.

Таким образом, в отличие от письма в Совет старейшин сегуната от 6-го ноября, где Путятин подчеркивал российскую принадлежность всего Сахалина, на переговорах он заявляет, что у России, как и было указано в государственном послании, нет намерений захватывать места, которые принадлежат японцам. В ответ на это Кавадзи заметил, что раз у России нет намерений захватывать японские земли, то тогда необходимо забрать обратно то письмо, в котором говорится другое. Он сказал, что: «раз, как вы говорите, у России нет намерений завоевывать новые территории, то нет нужды послать войска к границам соседней страны. Если вы уберете войска, вы тем самым внесете успокоение в сердца японцев» и потребовал, чтобы русские солдаты незамедлительно покинули Кусонкотан¹¹⁷. Осознавая всю противоречивость государственного послания и своего приложения от 6 ноября, Путятин пытается объяснить сложившуюся ситуацию, заявив: «Да, в первом послании говорилось так. Но после этого я получил еще одно послание, в котором говорилось, что иностранные государства пытаются прибрать Сахалин к своим рукам. Именно поэтому туда для защиты были направлены наши войска. Как только мы с вами четко определим, где будет проходить граница, эти войска оттуда вернутся домой»¹¹⁸. Можно предполагать, что на смягчение позиции Путятина касательно Сахалина оказали влияние сведения, полученные им при посещении Шанхая, где он узнал о начале русско-турецкой войны и близком вмешательстве в нее Франции и Великобритании. В случае начала войны неизбежным было нападение на Муравьевский пост англо-французской эскадры. В отчете Совету старейшин о ходе переговоров Цуци и Кавадзи сообщали: «Одно время российская сторона заявляла, что Сахалин и половина Итурупа

принадлежат России, о чем и писала в своих посланиях; но сейчас она изменила свою позицию, признав, что Итуруп и залив Анива на юге Сахалина являются японскими», представив это своим достижением в ходе переговоров¹¹⁹. По мнению Т. Акидзуки, Путятин с самого начала переговоров отказался от отстаивания права России на весь Сахалин¹²⁰.

Переговоры 8 января (22 декабря по японскому календарю) начались с предложения Кавадзи о разграничении на Сахалине и необходимости эвакуации русских войск с той половины острова, которая останется за Японией. Путятин ответил, что «Как я уже заявлял два дня назад, войска были направлены на Сахалин для его защиты от иностранцев; у нас нет никакого намерения захватывать японские земли; в зависимости от результатов переговоров мы готовы убрать оттуда войска»¹²¹.

В ходе переговоров Кавадзи, не имея на это полномочий со стороны Совета старейшин, попытался прозондировать позицию Путятина относительно разграничения Сахалина по 50-й параллели. (Дело в том, что переводчик Морияма Эйносuke во время посещения русского корабля увидел там карту, изданную в Англии, на которой линия государственной границы между двумя странами на Сахалине проходила по 50-й параллели, о чем он и сообщил Кавадзи. Сообщая об этом в своем отчете Совету старейшин, Кавадзи и Цуци подчеркивали необходимость изучения иностранных карт на данный предмет)¹²². По этому поводу Путятин заметил, что в то время, как русские изучили весь остров, японцы живут только на его юге и то в небольшом количестве, поэтому делить остров пополам затруднительно; вдобавок, от середины острова к югу найдены месторождения каменного угля, и так как японцев там нет, то Россия будет настаивать на принадлежности ей этих земель. На вопрос Кавадзи о том, по какой параллели Россия хотела бы разделить остров, Путятин ответил, что ответ может быть только после изучения карт и ситуации на месте. Так как японская сторона планировала направить своих представителей на Сахалин весной, то Путятин по ее просьбе написал сопроводительное письмо во избежание недоразумений с русскими военными на острове¹²³.

Встречи проводились затем еще три раза, но какого-либо прогресса не только по территориальному разграничению, но и по остальным пунктам достигнуто не было; по вопросу о торговле от японской стороны было получено обещание об ограниченном открытии портов в будущем и получение статуса наибольшего благоприятствования. Адъютант Путятина капитан-лейтенант К.Н.Посьет, выполнивший обязанности переводчика на переговорах, покидая

Нагасаки, в письме японским представителям Цуци и Кавадзи от 24 января отмечал, что именно русские исследовали Сахалин значительно южнее 50-й параллели, в то время как японцам там принадлежит только крайний юг; что переговоры зашли в тупик, но будут продолжены в дальнейшем¹²⁴.

Посетив Рюкю, Филиппины, Порт Гамильтон, Путятин в апреле 1854 г. вернулся в Нагасаки. Там он оставил письмо для Цуци и Кавадзи от 13 апреля/28 марта, в котором писал о желательности продолжения переговоров о границе с кем-либо из японских полномочных представителей в Аниве в начале июня, а также о том, что переговоры о торговле будут продолжены в каком-либо из портов недалеко от Эдо¹²⁵. После этого Путятин на флагмане «Паллада» направился в Императорскую Гавань, по ходу проводя картографическую съемку восточного побережья Корейского полуострова. По пути он получил подтверждение информации о начале военных действий с Англией и Францией от паровой шхуны «Восток», которую он специально направлял в Шанхай за новостями¹²⁶. В письме от великого князя Константина Николаевича сообщалось о начале войны с Англией и Францией и предлагалось идти при первой же возможности в гавань Де-Кастри в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. Путятин считал, что для отпора вражеской эскадре больше всего подходит Константиновская бухта в Императорской Гавани и что необходимо собрать в одном месте все суда и гарнизоны всех постов. Прибыв туда 29 мая, Путятин писал в Азиатский департамент Л.Г. Сенявину: «Т.к. залив Анива, вероятно, будет одно из первых мест, которое посетят неприятели, узнав от японцев, что мы должны прибыть туда же, то я обратился к г. генерал-губернатору Восточной Сибири с предложением снять пока наш пост в Аниве, а также удалить наши суда оттуда в здешнюю бухту, ибо занятие англичанами этого места силой повредило бы в глазах японцев возникающим с ними нашим сношениям»¹²⁷. С целью эвакуации Муравьевского поста туда был направлен Посыт. Путятин отправил Буссе предписание №225 от 25 мая 1854 г., в котором говорилось следующее:

«По известиям полученным мною с последнею почтою, Россия находится в войне с Англиею и Францею. Начальникам, крейсirующим в здешних морях отрядов этих двух держав, известно о сношениях наших с японцами, и в Нагасаки им сообщают об Анивском нашем посте. Вверенное вашему высокоблагородию укрепление, ни в каком случае не в состоянии противостоять целой эскадре судов, и потому я бы полагал, что

теперь не следует держать судов наших в Анивском заливе, и самое укрепление предпочел бы на время упразднить и перевести в Императорскую гавань. Но так как мне не вполне известны распоряжения и полученные вами инструкции от генерал-губернатора Восточной Сибири, то я не стесняю вас сделанным мною предложением, но предоставляю действовать в этом случае по собственному вашему усмотрению»¹²⁸.

Свежие новости с материка в Муравьевском посту получили только 29 апреля 1854 г., когда из Императорской Гавани пришел корвет «Оливуца». На корвете вернулся лейтенант Орлов, который осенью на «Иртыше» ушел в Петровск отправить отчеты и получить свежую почту. В почте было послание от Муравьева, в котором Буссе официально назначался временным управляющим Сахалином, новости о начале войны с Турцией, о том, что близок разрыв отношений с Англией и Францией. В письме Невельского советовалось с учетом непрочности положения поста избегать столкновений с японцами и не вмешиваться в их промыслы. Об этом своем послании Невельской ниже пишет совсем в другом тоне; также в нем содержатся рекомендации Буссе на случай начала войны с Англией и Францией:

«Извещая Вас о характере принятых мной решений (о чем я уже сообщил генерал-губернатору), о характере и цели действий наших на Сахалине, в случае разрыва с морскими державами, я предлагаю вам точно этим руководствоваться и иметь в виду, что и в случае войны мы не должны оставлять острова, а только лишь уменьшить численность людей на нём, а остальных разместить по постам, в заливах: Анива, Такмака, Кусунай, Дуз и Тернай (Терпения), от шести до восьми человек в каждом, то есть в таких местах, где, пользуясь ныне известными нам путями, мы можем во время войны снабжать их продовольствием по внутренним путям через селения Погоби, Аркой и Кусунай, а не по морю»¹²⁹.

Подобные соображения приводит Невельской и в письме Муравьеву от 25 февраля, сообщая, что значение существования постов на Сахалине, как и на материковом побережье Татарского пролива, состоит в том, чтобы блокировать в этом районе противника и заставить его признать этот район российской территорией. Невельской предлагал тактику ведения партизанской войны с отступлением вглубь острова при атаке противника, но в любом случае он не допускал ухода с Сахалина.

Рудановский, который был заместителем начальника поста, утверждал, что Буссе предлагал

обсудить вопрос об оставлении Муравьевского поста не только с Посытетом, но и с капитанами других российских кораблей: «Г.Буссе из этого обстоятельства вышел следующим образом: он предложил его решить на общем собрании К. Н. Посытета, командира транспорта «Двина» Александра Александровича Васильева, командира транспорта «Иртыш» Петра Федоровича Гаврилова и, помнится мне, командира барка «Кн. Меншикова» И. В. Фуругельма, которые вообще, не зная предположений г.Невельского по сему предмету, пришли к заключению о снятии Муравьевского поста»¹³⁰. Таким образом, собрание решило оставить пост, не зная о мнении Невельского. Так или иначе, оставление поста было проведено не по «приказу» Путятину, а в соответствии с его «предложением», сопровождаемым рядом условий. Как писал впоследствии Невельской:

«Вследствие точного смысла препровожденного мне для исполнения высохайшаго повеления, г-ну Буссе было действительно мною предписано, о чем упоминает г.Рудановский, ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах не оставлять Сахалин без наших команд и влияния. Предложение графа Евфимия Васильевича Путятину в 1854-м году, сделанное г-ну Буссе, не могло послужить ему поводом оставить окончательно Сахалин, потому что это предложение было условное, и потому что г.Буссе поставлен был на военный пост не графом Е. В. Путятиным»¹³¹.

Буссе лучше других знал всю уязвимость поста, поэтому его обращение к другим офицерам можно рассматривать как попытку переложить ответственность на офицерское собрание. Как писал издатель дневника Буссе его брат Федор, «Желая всесторонне обсудить такой важный вопрос и отклонить от себя нарекания, Н.В. пригласил на совещание командиров всех судов, стоявших тогда на Муравьевском рейде». Собрание приняло следующее решение: «1) что пост Муравьевский был временный и поставлен по обстоятельствам, а не для защиты местности или какого-либо имущества; 2) что уничтожение поста неприятельскою эскадрою, против которой пост восемью восьмифунтовыми орудиями не в силах был бы устоять, повредило бы значению нашему в глазах японцев и айнов; и 3) что по словам г. начальника поста, зловредный запах, предоставленный гниению рыбы, японцами наваливаемой вдоль всего берега бухты, требовал неотлагательного перенесения поста в другие, более здоровые места»¹³². В последующем действия Буссе некоторыми были расценены как дезертирство. О « сахалинских похождениях» Буссе упоминает М.И.Венюков; он отмечает, что печатное хвастовство Буссе вызвало

справедливое негодование всех тех, кто знаком с истинной историей Амурского края¹³³. По мнению американского исследователя Джона Гаррисона, оставление русскими Муравьевского поста вселило в бакуфу надежду на то, что благодаря Крымской войне территориальный вопрос с Россией решится сам собой¹³⁴. Летом 1855 г. англо-французский десант высаживался в Анивском заливе, но русского военного поста там уже не было¹³⁵. Еще один американский специалист в области российско-японских отношений Георг Ленсон считал, что Путятин, стремившийся во что бы то ни стало заключить с японцами договор, в тот момент опасался, что действия Невельского и Буссе в заливе Анива блокируют весь договорный процесс и привлекут сюда эскадру противника¹³⁶.

Еще в ходе переговоров Путятина с Кавадзи и Цуцуи в Нагасаки в январе 1854 г. было очевидно, что японская сторона практически не владела информацией о Сахалине. Экспромты Кавадзи по поводу 50-й параллели опирались лишь на случайно увиденную в кают-компании русского корабля иностранную карту. В связи с этим бакуфу приняло решение направить на Сахалин двух правительственные чиновников - Хори Орибэ и Мурагаки Ёсанро. В феврале Хори и Мурагаки представили в Совет старейшин («Родзю») свои соображения по поводу сахалинского вопроса. В частности, они писали:

«По климату Карафuto отличается от Эдзо; в Сирануси и Кусюнкотане находятся пошлиновые конторы. Туземцы, живущие от этих мест на расстоянии 30-40 ри, привозят туда продукты своих морских промыслов, находятся под нашим покровительством, т.е. без сомнения находятся под суверенитетом нашего государства. Дальше их живут племена сумэрэнкуру, орокко, тарайка; раньше они были под суверенитетом Маньчжурии и привозили в Сирануси маньчжурские товары; рано или поздно они окажутся под властью России... Может быть, целесообразно, уступив Карафuto России, ограничиться мысом Соя в землях Эдзо, а пролив шириной в 18 ри стал бы границей...»¹³⁷.

Таким образом, с точки зрения Хори и Мурагаки японские владения на Сахалине простирались от побережья залива Анива не более, чем на 120-150 км к северу, так как именно на этом расстоянии жили айны, находившиеся в вассальной зависимости от японцев; что касается территориального разграничения, то чиновники не исключали возможности уступки Сахалина России и установления границы по проливу Лаперуза.

Покинув 27 марта Эдо с поручением бакуфу изучить обстановку на Сахалине, Хори и Мурагаки направились на Хоккайдо; по пути они получили известие о том, что по требованию Путятину дальнейшие переговоры должны были вестись на Сахалине, и что Путятин пригрозил в случае неприбытия японских представителей установить границу на острове своими силами¹³⁸. 8 июня, когда Хори и Мурагаки были уже в Соя, они получили сообщение от члена Совета старейшин Абэ о том, что наделяются полномочиями по территориальному разграничению¹³⁹. Однако чиновникам не пришлось воспользоваться своими полномочиями. Дело в том, что когда они 12 июня (по японскому календарю, т.е. 28 июня по современному) прибыли в Кусунокотан, русских в Муравьевском посту уже не было – 12 июня/31 мая Сахалинский отряд покинул Томари-Анива, подводя черту под 8-месячным пребыванием на острове. Покидая Сахалин, русские оставили два письма: от Посыета Цуцуи и Кавадзи (на голландском и китайском языках), а также письмо Буссе к «японскому военному начальнику в порту Анива» на голландском языке. В письме Посыета извещалось, что русские уже знают о заключении японо - американского договора и, исходя из обещаний, данных японской стороной, не сомневаются, что подобные условия будут распространены и на Россию; русские на некоторое время оставляют Томари-Анива; Путятин по ряду причин не может прибыть в обещанные сроки в Томари-Анива, поэтому он, как и писал в письме из Нагасаки, прибудет в место, расположенное недалеко от Эдо¹⁴⁰. В письме Буссе говорилось о том, что русские, покидая Хаккотомари, благодарят за проявленные японцами и айнами дружеские чувства, предостерегалось по поводу того, что японцы своими речами сеяли среди айнов раздор, что «в дальнейшем негуманное отношение японцев к айнам будет расценено как негуманное отношение к русским, находившимся на зимовке в Хаккотомари»¹⁴¹.

Оказавшись на Сахалине, Хори и Мурагаки решили самостоятельно заняться поиском подходящего для японо-российской границы места и осмотрели западное побережье до озера Райтисика (Айнское); на восточном побережье ими было осмотрено только поселение Мануй. Одновременно с Хори и Мурагаки на Сахалине побывала также другая группа правительственных чиновников (Мамия Тэцудзиро, Мацуоха Токудзири и Каваками Дэнъитиро); обследовав восточное побережье до района Тарайки, чиновники сделали вывод, что айны, проживавшие севернее Касихо (Заозерная), до сего момента не имели с японцами никаких отношений¹⁴². Кроме того, вассал клана Мацумаэ Имаи Хатикуро добрался по западному

побережью до мест проживания гиляков (селение Тенги) и докладывал впоследствии, что в районе Оттиси (Хээ) русские добывают уголь¹⁴³.

В отчете Хори и Мурагаки «О границе в землях Северного Эдзо», предоставленном в Совет старейшин 28 октября, говорилось о том, что границы княжества Мацумаз нечетко определены, что в последние годы сфера влияния Мацумаз по западному побережью доходит до Порокотана, до границ земель сумэрэнкуру (нивхов), по восточному - до Фунупу (район поселка Восточного). Они писали, что Мацумаз собирает дань с сахалинских айнов в следующих масштабах: «ежегодно с айнских старейшин собирают по 10 шкурок соболей в качестве официальной дани и еще по 5 шкурок в виде дополнительных подношений сборщикам; с обычных айнов по соболиной шкурке и сорок шкурок выдры со всех айнов; чтобы поборы не выглядели откровенным грабежом, айнам ответно вручается сакэ - за шкурку соболя - 2 литра, за сорок выдр - сорок литров сакэ»¹⁴⁴.

Что касается границы на Сахалине, то если до отъезда из Эдо чиновники считали, что японские владения на острове не простираются дальше, чем на 120-150 км к северу от залива Анива, из чего и следовало, по их мнению, исходить при разграничении, не исключая возможности отказа от Сахалина, то, побывав на месте, они сделали вывод, что более предпочтительно провести линию границы, ориентируясь не на места проживания подвластных айнов, а на рельеф местности. По их мнению, целесообразнее было провести раздел по естественной границе - Камышовому хребту между Котаньутору (район Райтисики) и Тоссо (район Пугачевки). Также они предлагали проложить дорогу между Кусоннаем и Мануем, организовать там военные посты и усилить «воспитательную работу» среди туземцев. Коснувшись других народов Сахалина – сумэрэнкуру (сахалинские нивхи), орокко (уйльта), они отметили, что первые платили дань мехами Маньчжурии; платили ли дань уйльта, им неизвестно, но они независимы от русских¹⁴⁵.

Таким образом, японское правительство, готовясь к дальнейшим переговорам с Путятиным по поводу территориального разграничения на Сахалине, для того, чтобы получить самую свежую информацию о положении на острове, направило туда с инспекторской поездкой своих чиновников. Еще до возвращения Хори и Мурагаки с Сахалина в правительстве состоялась дискуссия по поводу политики в отношении этого острова. Представители Японии на переговорах в Нагасаки и Симода Кавадзи и Цуцуи, отвечая сторонникам уступки Сахалина

России, заявили, что уступка острова России только увеличит аппетиты последней, но удержать его весь в своих руках также нереально, поэтому желательны указания по этому поводу Совета старейшин¹⁴⁶. Совет старейшин, не определившись окончательно в позиции по Сахалину, рекомендовал на переговорах с Путятиным не затрагивать эту тему до возвращения Хори и Мурагаки¹⁴⁷. Таким образом, Кавадзи и Цуцуи должны были возобновить переговоры с Путятиным, не имея четкой позиции по Сахалину.

Русско-японские переговоры были возобновлены 10 декабря (3 ноября по японскому календарю) 1854 г. в Симода в храме Фукусандзи. Путятин заявил, что если стороны достигнут договоренности по торговым вопросам, то российская сторона будет готова обсуждать и вопрос территориального размежевания: «Если Япония установит с Россией торговые отношения, то в ответ Россия, несмотря на все факты, свидетельствующие о российской принадлежности Итурупа, пойдет на то, чтобы признать этот остров японским. Что касается Крафто - Сахалина, то лучше оставить решение этого вопроса на потом»¹⁴⁸. На стремление Путятина отложить территориальное разграничение на будущее оказала влияние Крымская война, в условиях которой ему пришлось отказаться от проведения встречи непосредственно на Сахалине. В то же время просматривается влияние генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, с которым Путятин встречался в Императорской Гавани 22 июня 1854 г. Так, Муравьев в письме Путятину от 18 августа 1854 г., советовал объявить японцам, что русский пост в Аниве снят временно, а также предлагал последнему при встрече с американскими эскадрами Перри и Рингольда объявлять американцам, что весь Сахалин, включая залив Анива, является территорией России:

«В отношении переговоров с Японией я считаю долгом повторить здесь мое мнение, что лучше оставить пограничный вопрос в неопределенном по прежнему положении, чем утверждать за ними хотя самомалейшую часть Сахалина; и если, по настоящим обстоятельствам, мы опасаемся занимать Аниву малым постом, то я не сомневаюсь, что правительство разрешит мне утвердиться там в надлежащих силах со временем, может быть, даже в будущем году; и надеюсь, что остров этот перейдет из власти Компанейской в непосредственное владение правительства, а потому полагаю, что об Аниве вашему превосходительству полезно было бы сказать японцам, что они могут продолжать по прежнему заниматься там рыболовством и иметь свои лавки, но что защита этих мест

принадлежит нам, как сильнейшим, и что временное снятие поста было только мерою гигиеническою, для сохранения здоровья людей наших... О нераздельности нашего владения Сахалином я получил в последним курьером из Петербурга весьма положительное мнение, но не из Министерства Иностранных Дел; а потому и не считаю себя вправе сообщить об оном вашему превосходительству официально, а передаю как бы на словах, тем более, что однажды изъясненная Высочайшая воля о том, что Сахалин наш, не может подлежать изменению...»¹⁴⁹.

Вернувшись в Эдо, Мурагаки был сразу же направлен в Симода, чтобы участвовать в переговорах с Путятыным¹⁵⁰. 11 декабря он на время возвращается в Эдо для доклада в Совет старейшин о промежуточных результатах переговоров в Симода; во время доклада члену Совета старейшин Абэ Мурагаки высказывает мысль о том, что на Сахалине желательно «все оставить, как было до сих пор». В его интерпретации статус-кво на Сахалине означал разграничение по линии Котаньутору – Тоссо, как и было отмечено в его совместном с Хори докладе.

Второй раунд переговоров состоялся уже после землетрясения, получившего вследствие своего разрушительного масштаба название «Великого землетрясения годов Ансэй», 20 декабря (13 ноября по японскому календарю) в Симода в храме Гёкусэндзи. В дневнике Мурагаки записано: «Русская сторона предложила признать Итуруп японским, а Уруп русским; что касается Карабуто, то они настаивали, что только южный берег Анива с окрестностями являются японскими, а весь остальной остров должен принадлежать России, как они и заявляли ранее в Нагасаки». В ответ на это японская сторона заявила, что «айны находятся под суверенитетом Японии, а что касается остальной части острова, то сумеренкуры подчиняются Маньчжурии»¹⁵¹. Таким образом, впервые за все время переговоров японская сторона сформулировала свою позицию по поводу территориального разграничения на Сахалине: опираясь на результаты инспекционной поездки Хори и Мурагаки, она стала склоняться к проведению границы на острове, исходя из того, что места расселения айнов принадлежат Японии. По этому поводу вернувшийся из Эдо Мурагаки занял более жесткую позицию: по его мнению, если следовать логике переговорщиков, получалось, что весь остров, за исключением мест расселения айнов, должен был стать российским; на самом деле, как он подчеркивал, сумеренкуры находятся под суверенитетом Маньчжурии, орокко вообще никому не подчиняются,

поэтому признавать весь север Сахалина автоматически принадлежащим России было бы большой ошибкой¹⁵². На ужесточение позиции Мурагаки оказали влияние указания Абэ, полученные в Эдо: «Русские появились на Карафuto только в последнее время; мне вообще непонятно, о каком там с ними разграничении может идти речь; мы должны решительно отстаивать принадлежность всего Карафuto нашей стране»¹⁵³. По мнению Акидзуки Тосиюки, Абэ стремился по возможности не представлять себя перед императорским двором и Токугавой Нариаки, стоявшими на позиции противостояния иностранцам («сонно дзёи»), сторонником уступки территории иностранным государствам, поэтому, посчитав, что количество поселившихся на крайнем северо-западном побережье острова русских незначительно, что коренные народности им не подчинены, а также то, что Путятин во время цунами в Симода потерял «Диану», по всей видимости, решил воспользоваться бедственным положением последнего¹⁵⁴.

На заключительной встрече 14 декабря Кавадзи предложил провести разграничение на Сахалине с учетом того, что «айны Эдзо находятся под покровительством Японии, поэтому, соответственно, земли, на которых они живут, являются японскими», на что Путятин с рядом оговорок согласился: «Можно признать, что земли, на которых японцы и айны Эдзо проживали до сих пор, принадлежат Японии»¹⁵⁵. В проекте второй статьи трактата по поводу Сахалина стороны записали:

«Отныне границы между Японским Государством и Россиею будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу принадлежат России. Что касается Карафuto, то он остается неразделенным между Японией и Россиею, как было до сего времени.

Приложение:

Земли, на которых японцы и айны Эдзо проживали на Карафuto до 5-го года Каэй, или по западному календарю до 1852 года, следует признать принадлежащими Японии»¹⁵⁶.

Таким образом, японская сторона практически добилась от Путятина признания крайнего юга острова за Японией, но после этого слово взял Мурагаки, который заявил, что 30 лет назад Сахалин был под непосредственным управлением правительства Японии, после чего был передан княжеству Мацуваэ; все айны находятся под покровительством этого княжества, платят дань; места проживания айнов простираются на 130 ри от Сирануси и, бесспорно,

являются японской территорией, а севернее их живут уже другие народы. Путятин парировал это заявление, сказав, что длина всего острова не составляет 130 ри (т.е. 520 км – А.Т.); в ходе последовавшей затем дискуссии Путятин предложил исправить «айны Эдзо» на «айны острова Эдзо», японская сторона с этим не согласилась, усмотрев в этом попытку со стороны Путятина ограничить подвластных Японии айнов только островом Хоккайдо; в итоге приложение было вообще исключено¹⁵⁷.

21 декабря первого года Ансей (по юлианскому календарю 26 января 1855 г., или 7 февраля по новому стилю) в Симода в храме Тёракудзи был подписан «Трактат о торговле и границах между Россией и Японией», по которому между двумя странами устанавливались дипломатические отношения, гарантировались покровительство и обеспечение неприкосновенности собственности подданных другой стороны, для русских судов открывались порты Хакодатэ, Нагасаки и Симода, в одном из открытых портов разрешалось открытие русского консульства. Во второй статье трактата говорилось:

«Отныне границы между Россиею и Япониею будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу принадлежат России. Что касается острова Крафто (Сахалина), то он остается неразделенным между Япониею и Россиею, как было до сего времени»¹⁵⁸.

Таким образом, несмотря на указание члена Совета старейшин Абэ отстаивать японскую принадлежность всего Сахалина, представители японской стороны на переговорах предпочли, как и Путятин, отложить решение вопроса о границе на острове на будущее. В отчете «Касательно границы на Карафuto» Цуцуи и Кавадзи правительству чиновники подчеркивали, что несмотря на неоднократную постановку вопроса о японской принадлежности острова, им ее отстоять не удалось, поэтому, опасаясь возможности войны с Россией, они пошли на сохранение статуса-кво на острове. Далее они отмечали, что, без сомнения, та часть острова, где живут айны, является японской, что же касается других народов – сумеренкуров и орокко – то они или независимы, или подчиняются сантанам, и среди них нет ни одного, кто бы находился под властью России. В силу того, что у России на острове нет владений, провести территориальное размежевание с ней на острове было затруднительно¹⁵⁹. Иными словами, компромисс в виде формулы «как было до сего времени» устраивал по разным причинам обе

стороны. Японская сторона, как это видно из японского текста договора, в котором фраза «как было до сего времени» отделена от следующей фразы «граница не разделена», стремилась сохранить статус-кво на острове, сложившийся для обеих сторон на тот момент, несмотря на то, что приложение к данному пункту, гласившее, что «земли, на которых японцы и айны Эдзо проживали на Карафuto до 5-го года Каэй, или по западному календарю до 1852 года, следует признать принадлежащими Японии», не было включено в договор, японская сторона вложила в фразу «как было до сего времени» смысл этого сокращенного приложения. В российском тексте договора в данной части («Что касается острова Крафто (Сахалина), то онъ остается неразделеннымъ между Россиею и Япониею, какъ было до сего времени») акцент падает на слово «неразделеннымъ» и означает откладывание пограничного размежевания на будущее. То же самое и в официальном тексте трактата, написанном на голландском языке. По мнению Акидзуки, в силу того, что у японцев была весьма своеобразная трактовка территориальной принадлежности Японии всех земель, на которых проживали айны, японцы не считали свое последующее продвижение в айнские земли на Сахалине чем-то, противоречащим установке трактата «как было до сего времени». При этом они считали, что сохранение статус-кво означает для российской стороны обязательство не расширять рамки своего присутствия на острове. Именно поэтому вследствие подобного разнотечения сторонами данной формулировки стало неизбежным смешанное проживание японцев и русских на острове¹⁶⁰. Уже после заключения договора в депеше Л.Г. Сенявину №1786 от 18 июля 1855 г. Путятин сообщал:

«После окончательной гибели фрегата я крайне опасался, чтобы японцы, воспользовавшись нашим положением, не стали вовсе отказываться от заключения трактата или, по крайней мере, не вздумали бы делать новых притязаний относительно определения границ.

Я до сего не раз находился вынужденным объяснять им, что скорее совсем с ними разойдусь, нежели соглашусь на неуместные их требования; опасения мои были, однако же, излишни, японцы принимали искреннее участие в нашем бедствии и хотя сначала настаивали, чтобы целое племя айнов острова Сахалин было признано японским, но окончательно согласились выпустить эту статью и вообще были умеренные и говорчивые, чем можно было ожидать.

При занятии новых пунктов на Сахалине необходимо будет в целях упрочения дружеских

отношений с Японией не делать заселений в заливе Анива и вообще избегать заселения этих мест, где сделаны японские летние, а тем более зимние устройства»¹⁶¹.

Заключение Симодского договора стало поворотной точкой в политике России и Японии в сахалинском вопросе. По мнению Джона Гаррисона, повышенный интерес России к Сахалину и Хоккайдо был вполне логичным - тот, кто контролировал Сахалин, контролировал и устье Амура. Россия рассматривала в то время свои отношения с Японией в контексте отношений с Китаем и Англией в Азиатском регионе. Потерпев неудачу на Черном море, Россия пыталась предвосхитить экспансию Англии в Северо-Восточную Азию. Россия рассматривала проблему демаркации границы с Японией в свете своих стратегических взаимоотношений с Англией и упорно не замечала или не хотела замечать, что этот регион был также важен и для Японии. В то же время японцы, сделав соответствующие выводы из «опиумных войн» Англии с Китаем, стали опасаться алчности западных держав¹⁶².

2.3 Крымская война и наращивание русско-японского присутствия на Сахалине

Как уже упоминалось выше, Муравьевский пост был эвакуирован 13 июня 1854 г. в связи с угрозой нападения на него англо-французских военно-морских сил. В июле 1854 г. на Гавайских островах была сформирована объединенная англо-французская эскадра, в задачи которой входило создание помех русскому судоходству в водах Тихого океана и нападение на русские порты¹⁶³. В уже цитированной выше конфиденциальной записке великому князю Константину Николаевичу от 29 ноября 1853 г. Муравьев, говоря о неотложности проведения оборонных мероприятий на Дальнем Востоке, отмечал необходимость обороны устья Амура и Петропавловска-Камчатского. Еще во время посещения Камчатки в 1849 г. генерал-губернатор отмечал, что Петропавловск является важнейшим военным портом России на Дальнем Востоке; по его указанию были предприняты меры по укреплению обороны порта. Перед угрозой нападения англо-французской эскадры послать на Камчатку подкрепление можно было только через Амур; в записке Муравьев подчеркивал необходимость сплава по Амуру:

«Открыть плавание по Амуру в предстоящей крайности нам во всяком случае должно, возможно и справедливо; но настоящая междуусобия в Китае представляют к тому и

полное удобство ...Нет сомнения, что, когда мы поплыем по Амуру довольно многочисленно и открыто, то со стороны Манжурских властей будут сделаны нам словесные препятствия, а потом, может быть, и письменные протесты из Трибунала в наш Сенат, но на то и другое можно и должно отвечать с твердостию, изложив необходимость этого плавания не только для пользы и защиты нашей, но и самой Манжурии...»¹⁶⁴.

Правительство согласилось с доводами генерал-губернатора; указом Николая I от 11 января 1854 г. Муравьеву были предоставлены полномочия на ведение всех пограничных переговоров с Китаем по вопросу о восточной границе России и Китая; санкционировался сплав по Амуру вне зависимости от того, даст ли китайское правительство свое разрешение или нет¹⁶⁵.

Направив 14 апреля 1854 г. уведомление в Пекин о предстоящем сплаве и не получив ответа от китайской стороны, Муравьев 14 мая на паровом судне «Аргунь» начал первый сплав по Амуру. В состав сплава входило, кроме «Аргуни», 76 различных плавсредств, а общая численность солдат регулярных войск и казаков составляла тысячу человек; из них 350 человек были направлены на Камчатку и приняли участие в обороне Петропавловска. Таким образом, через 160 лет после заключения Нерчинского договора это был первый сплав русских по Амуру. Китайская сторона не предприняла никаких попыток, чтобы воспрепятствовать сплаву и не выразила протест. Как писал Романов, «После занятия устья Амура и открытия свободного пути из него в океан это (сплав) был решительный шаг, поставивший твердо русскую власть на берегах Амура, утвердивший прочно русское влияние в Приамурском крае...Это был сильный рычаг, подвинувший китайское правительство к скорейшему разрешению векового вопроса об Амуре»¹⁶⁶.

В августе 1854 г. Петропавловск-Камчатский подвергся наладению объединенной англо-французской эскадры из шести кораблей под командованием контр-адмирала Прайса; атаки десанта были отбиты защитниками города, но вместе с тем было очевидно, что для того, чтобы продолжать оборону Петропавловска, сил недостаточно. В рапорте великому князю Константину Николаевичу от 17 декабря 1854 г. Муравьев отмечал, что «усматривая из всех полученных мною ныне из Петербурга сведений, что враги наши значительно усиливают свои морские средства в Восточном океане, и что к эскадре их для действия против Петропавловского порта могут присоединиться один или несколько линейных кораблей ...при

этих обстоятельствах ручаться за успех защиты порта нельзя»¹⁶⁷; в связи с этим он извещал о том, что направил на Камчатку своего адъютанта есаула Мартынова с приказом военному губернатору Камчатской области и командиру Петропавловского порта контр-адмиралу В.С.Завойко снять Петропавловский порт и отправить людей и имущество в Николаевск, не дожидаясь санкции из Петербурга: «...ежели же ожидать новых повелений из Петербурга, то таковые могли бы быть доставлены отсюда в Камчатку только по открытии навигации, следственно уже поздно для безопасного исполнения»¹⁶⁸. На рапорте сделана пометка рукой великого князя: «Государь Император соизволил одобрить распоряжения Ген.Муравьева. 26 янв. 1855». Получив одобрение Петербурга своим действиям, Муравьев в рапорте великому князю от 12 января 1855 г. предлагает «...назначить местопребыванием Камчатского Военного Губернатора и Управления Камчатской области в Николаевском посте и подчинить его ведению кроме Камчатской области Аянский порт, Удской острог, земли Гиляков, остров Сахалин и все прибрежье Татарского пролива»¹⁶⁹. Всю операцию по эвакуации Петропавловского порта Муравьев считал необходимым проводить в строжайшей тайне, «чтобы не проводали Англичане» и не смогли перехватить камчатскую эскадру при выходе из порта¹⁷⁰.

В связи с этим было также принято решение о расформировании Амурской экспедиции; в конце мая 1855 г. Невельской получает от Муравьева соответствующий приказ, в соответствии с которым Амурская экспедиция заменялась управлением Камчатского губернатора. Завойко до приезда своего преемника П.В. Казакевича должен был исполнять обязанности военного губернатора. Невельской был назначен начальником штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами Приамурского края. Принимая решение о ликвидации Амурской экспедиции и новом назначении Невельского, Муравьев писал Корсакову, что «Таким образом, Невельской с громким назвланием не будет никому мешать и докончит свое поприще почетно»¹⁷¹. Дело в том, что к тому времени отношение генерал-губернатора к начальнику Амурской экспедиции изменилось: Невельской выполнил свою задачу и стал на Амуре лишним. Муравьев в рапорте великому князю от 13 января 1855 г. писал, что собирается «вникнуть ближе в существо неприязненных отношений бывших между Компанией и Невельским, которого однакож многия жалобы оказались уже неосновательными и вообще все слишком резкими и в выражениях неприличных; впрочем, ему это простительно, ибо он между Гиляками одичал»¹⁷². Как отмечал А.С.Мамай, «пока правительство медлило с присоединением

Приамурья, Невельской был его (Муравьева) союзником, действовавшим в устье Амура на свой страх и риск, в нужном для Муравьева направлении. По этой причине Невельской до определенного времени пользовался покровительством генерал-губернатора...»¹⁷³. Вместе с тем, Муравьев считал справедливым ходатайствовать о присвоении Невельскому чина контр-адмирала. Таким образом, это была почетная отставка. На следующий год Невельской с семьей покидает Дальний Восток, чтобы больше никогда сюда не вернуться.

Тем временем контр-адмирал В.С.Звойко, получив доставленное есаулом Мартыновым секретное предписание от Муравьева, немедленно приступил к подготовке эвакуации порта; в рапортах от 3 и 5 апреля 1855 г. Звойко докладывал великому князю Константину Николаевичу, что «Петропавловский порт снят в месяц» и что «эскадра: фрегат «Аврора», корвет «Оливуца», транспорты «Двина», «Иртыш» и «Байкал» благополучно вышли в море, следуя к месту назначения»; в конце апреля камчатская эскадра прибыла в Де-Кастри, где стала ожидать вскрытия ото льда Амурского лимана¹⁷⁴. Англо-французская эскадра, не найдя судов камчатской эскадры в Петропавловском порту и обнаружив, что город оставлен русскими (Звойко оставил там только есаула Мартынова «для принятия начальства над казаками и волонтерами и для надзора по гражданскому Управлению»; оставалось в городе также несколько жителей)¹⁷⁵, отправилась на ее поиски; 8 мая три английских корабля под командованием коммодора Эллиота обнаружили русские корабли в Де-Кастри, но не решились атаковать, ожидая подкрепления основных сил. Как пишет по этому поводу Равенштейн: «Коммодор Эллиот не посчитал возможным атаковать русских, находящихся в «сильной» позиции. Если бы он знал, что их корабли набиты женщинами, детьми и имуществом из Петропавловска, он бы, без сомнения, сделал это»¹⁷⁶. Так как союзники были уверены, что Сахалин – полуостров, и что русские попали в западню, они блокировали выход из Татарского пролива на юг и стали ждать подкрепления. Этим воспользовался Звойко: получив известие, что Амурский лиман очистился ото льда, под прикрытием тумана русские корабли покинули Де-Кастри и благополучно прибыли в устье Амура. Все лето корабли англо-французской эскадры продолжали крейсировать в Охотском море: появлялись в северной части Амурского лимана, заходили в Аян, Анивский залив, разорили факторию РАК на Урупе, несмотря на то, что собственность РАК объявлялась в соответствии с Договором о нейтралитете между РАК и Гудзонбайской компанией нейтральной, высаживали десант в Де-Кастри¹⁷⁷.

Основанный Невельским Николаевский пост стал местом сосредоточения основных военных сил России: к лету 1855 г. численность Николаевского поста, составлявшая до этого 30 человек, возросла до 5 тысяч; до 2 тысяч также находилось в Мариинском посту. Как отмечал Романов: «...открытие реки Амура в первые годы уже принесло величайшую пользу тем, что доставило убежище и защиту нашей военной эскадре, без которых она была бы поставлена в критическое положение при встрече с сильнейшим неприятелем»¹⁷⁸. Избежав крупных столкновений с противником и сохранив свой немногочисленный флот, русские готовились к боевым действиям против союзников с началом навигации 1856 г. В рапорте великому князю от 15 ноября 1855 г. Завойко докладывал, что «Морские силы из 23 военных судов, собранные союзниками, для нападения на места наших поселений в Тихом океане, Охотском море и Амурском крае, и настойчивость, с которой они делали свои разыскания до поздней осени... заставляют предполагать, что в будущем году, зная о соединении русских на Амуре, союзники сосредоточат все свои силы для решительных действий против сего края»¹⁷⁹. Опасения Завойко полностью оправдались: к лету 1856 г. основные силы объединенной эскадры для последующих действий против русских сил в Приамурье сосредоточились в Императорской Гавани, где они и получили 1 июля официальное извещение об окончании Крымской войны¹⁸⁰.

Таким образом, события 1854-1855 гг., несмотря на то, что носили локальный характер и не оказали какого-либо существенного влияния на общий ход Крымской войны, в то же время продемонстрировали полную уязвимость опорных пунктов России на Тихом океане при условии отсутствия надежных коммуникаций с остальной частью страны и наглядно показали важность Амура как стратегической водной коммуникации. Славы по Амуру и организация опорных военных постов по его течению (Амурская линия) означали де-факто занятие Россией Амура еще до заключения соответствующего договора с Китаем. Вместе с тем, исходя из данных ему правительством полномочий, Муравьев пытался склонить китайскую сторону к переговорам о территориальном размежевании в Приамурье; так, Муравьев подробно излагает необходимость подобного разграничения в сентябре 1855 г. прибывшим для встречи с ним в Мариинский пост цинским представителям¹⁸¹. По просьбе уполномоченных заявления Муравьева были изложены в письменном виде для их передачи в Пекин в документе с витиеватым названием «Мысль уполномоченного от Русского правительства ... Николая Муравьева о разграничении земель» от

19 октября 1855 г. Муравьев следующим образом излагает свое видение истории русско-китайских отношений в Приамурье: «...Россия, желая сохранить дружеские отношения свои с Китаем, сняла даже посты, находившиеся в то время по левому и правому берегам реки Сахалян-Ула и хотя плавание по этой реке не воспрещалось Русским судам (!), но не желая возбуждать опасения Китайского правительства, Россия, не имея тогда надобности, им не пользовалась. Но, в течение 200 лет, обстоятельства политические совершенно изменились»¹⁸². Подвергнув критике «коварные пути» и «корыстные цели» Англии, Муравьев заявляет о том, что «Русское правительство не потерпит, чтобы устье Сунгари-Ула было занято какою бы то ни было иностранною державою», и что для защиты Амура от вторжения иностранцев и на случай смуты в «дружеском Дайцынском государстве» император повелел ему образовать в Восточной Сибири 100-тысячное войско. Защита Амура, в целях которой были предприняты сплавы в 1854 и 1855 г., не является временной мерой, а «сосредоточенные на устьях оного военные наши силы и воздвигнутая укрепления на вечные времена должны еще усиливаться и охранять эту страну», для чего «все места, для этой цели занятые нами там, и весь приморский край должны окончательно остаться во владении России», а Амур «представляет самую естественную и бесспорную границу». Отрицая наличие у России экспансионистских устремлений, Муравьев подчеркивает, что она «заботится только об обеспечении своих границ от иностранцев». В заключение Муравьев ставит в известность цинских уполномоченных о проведении очередного сплава по Амуру в следующем году и о дальнейшем расширении там военного строительства¹⁸³. Данный документ интересен прежде всего тем, что в нем Муравьев, предвосхищая протесты китайской стороны против нарушения Россией Нерчинского договора, доводит до сведения Пекина свои условия предстоящего территориального разграничения в близкой к ультимативной форме (100 тысяч войск не только для защиты Амура, но и «на случай смуты» в Китае). В «Записке по части дипломатической» великому князю Константину Николаевичу от 4 января 1856 г. Муравьев, описывая вполне благожелательное отношение местных китайских властей на Амуре к русским, писал: «Такое безкорыстное участие к Русским, постоянно принимаемое Китайским начальством на Амуре в то время, когда вопрос о разграничении поставлен нами ясно и определенно, есть доброе предзнаменование успешного его разрешения и служит ясным доказательством, что сохранение мира с Россией для Китая есть дело высокой важности»¹⁸⁴.

Таким образом, заняв Приамурье де-факто под предлогом обороны Амура от иностранцев, которые «большими силами стараются проникнуть в эту реку», Муравьев своей следующей задачей считает получение согласия Китая на предложенные российской стороной условия де-юре, чему и будут посвящены его дипломатические усилия после окончания Крымской войны. Военные действия союзников против России в тихоокеанском регионе наряду с успехами Муравьева в Приамурье в определенной степени способствовали переориентации дальневосточной политики России на азиатский континент: с одной стороны, как отмечал великий князь Константин Николаевич, «В случае войны с морскою державою мы не в состоянии защитить наши колонии»¹⁸⁵, с другой стороны, открывались широкие перспективы хозяйственного освоения Приамурья. В связи с этим возрастала стратегическая роль Сахалина – «ключа» к Амуру. Правительство решило изъять остров из формального владения РАК. О необходимости передачи Сахалина в ведение правительства ходатайствовал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. В отношении в адрес морского министерства от 5 мая 1856 г. Муравьев отмечал:

«Само правительство не должно какими-либо преждевременными фискальными мерами и привилегиями, полагать преграду великой будущности, которой Россия вправе ожидать от новых приобретений ее на Восточном океане и от открытия с ними водного сообщения по Амуру из внутренних областей Сибири. О.Сахалин, как находящийся в неразрывной связи с амурскими владениями, должен был входить непременно в самую защиту и систему управления этими странами»¹⁸⁶.

По мнению Муравьева, так как РАК уже получила от правительства в 1853 г. на освоение Сахалина 50 тыс. рублей серебром, она не могла требовать какого-либо иного денежного вознаграждения за прекращение своего формального владения островом. Вместе с тем, компании было разрешено разрабатывать лесные и угольные ресурсы для собственных нужд, торговать «с туземцами под наблюдением местного начальства», чем она практически не воспользовалась¹⁸⁷.

Летом 1856 г. капитан-лейтенант Н.М.Чихачев основал военный пост Дуэ; вскоре там началась разработка угля. Появление русских в Дуэ было расценено губернаторством Хакодатэ как серьезная помеха своим планам занятия острова. Префекты губернаторства Хори Орибе (Тадаси) и Такэноути Ясунори (Симоноками) в документе «О мерах в отношении Северного

Эдзо» от 19 октября, направленном в Совет старейшин, подчеркивали:

«В соответствии с заключенным между Японией и Россией трактатом остров Сахалин остается неразделенным между Японией и Россией, как было до сего времени; японская сторона по нему не может запретить русским находиться на острове. С другой стороны, заключенный договор носит временный характер, поэтому, если после всестороннего обсуждения будет принято решение отстаивать японскую принадлежность всего Сахалина, полагали бы целесообразным направиться весной следующего года на Сахалин, чтобы в той или иной форме довести это до русских»¹⁸⁸.

В другом документе в Совет старейшин, «О границе на Северном Эдзо», датированным тем же числом, префекты отмечали, что в силу того, что в трактате о границе Японии на Северном Эдзо не говорится ничего, кроме «как было до сего времени», можно считать, что как таковой границы Японии на Сахалине нет, поэтому местные народы свободно переправляются на материк, маньчжуры приезжают на остров и т.д. Япония должна пойти на проведение границы в одностороннем порядке, запретив русским появляться на японской территории¹⁸⁹.

Рассмотрев заявления Хори и Такэнути, Совет по морской обороне по поводу появления русских на Сахалине отметил, что еще когда сам Хори вместе с Мурагаки побывал на Сахалине в 1854 г., он докладывал, что русские в Оттиси (Хээ) добывали уголь; во время войны русские покинули остров, но как только война закончилась, они снова там появились. Русские появились в землях сумеренкуров (нивхов), что на 18 ри севернее Порокотана и выше 50-й параллели; несмотря на то, что сумеренкуры находятся под господством сантанцев из Маньчжурии, у японцев нет права заявлять русским претензии в силу выдвинутых самими же в Нагасаки требований, а также положений Симодского трактата. По мнению Совета, целесообразнее было сосредоточить усилия по закреплению на линии Тоско – Котаньютору и обустройству поста в Порокотане¹⁹⁰. Таким образом, позиция Совета по морской обороне заключалась в том, что Япония не может претендовать на Северный Сахалин, где проживали чуждые японской культуре народы – нивхи и ульта.

За время отсутствия русских на Сахалине в период Крымской войны в японской политике по отношению к острову произошли большие изменения: в феврале 1855 г. по решению бакуфу Хоккайдо (за исключением районов Мацумаз и Эсаси, т.е. территории собственно княжества Мацумаз), Южные Курилы и остров Сахалин были изъяты из юрисдикции княжества Мацумаз;

на них вводилось прямое административное управление губернаторства Хакодатэ (Хакодатэ бугё), о чем Совет старейшин известил князя Мацумаз в указе от 22 февраля¹⁹¹. В указе от 24 февраля Совета старейшин губернаторству Хакодатэ предписывалось взять под свою юрисдикцию все земли Западного и Восточного Эдзо со всеми островами, организовать пограничную охрану указанных земель, сбор там податей, а также «воспитание» туземцев¹⁹². В ответном письме в правительство от 27 февраля префекты губернаторства Хори Ориэ (Тадаси) и Такэноути Ясунори (Симоноками) предлагали конкретные меры по организации государственного управления в изъятых у Мацумаз землях. В частности, отмечалось, что самой важной задачей является срочное увеличение числа колонистов, выдача добровольцам подъемных и всего необходимого для переселения, предусматривалось упорядочение системы подворных податей, подряда, подчеркивалась важность японизации внешнего вида и языка айнов, в особенности айнов Итурупа и Кунашира, прокладки дорог, стимулирования сельского хозяйства, а также перестройки системы эксплуатации айнов со стороны подрядчиков. Последнее нам представляется особенно важным, так как если до сих пор подрядчики практически не были связанными какими-либо ограничениями или обязательствами ни перед государством, ни перед эксплуатируемыми ими айнами, то префектами предлагалась совершенно иная схема, целью которой являлось хоть в какой-то степени ограничить произвол: все айны, нанимаемые подрядчиками на работы, должны были сдаваться государством им «в аренду», чиновники должны были принимать арендную плату и распределять ее среди айнов, высказывая таким образом «заботу» о них¹⁹³.

Таким образом, реакцией бакуфу на заключение русско-японского «Трактата о торговле и границах между Россией и Японией» является провозглашение новой северной политики, первым этапом которой было введение прямого административного управления в землях Эдзо. Инициатором новой политики в правительстве был член Совета старейшин Абэ Масахиро; активным проводником нового курса был префект губернаторства Хакодатэ Хори Ориэ, военсторонне поддерживавший Абэ; к активной северной политике также призывали крайне консервативные круги во главе с Токугава Нариаки, князем княжества Мито. Окончание Крымской войны также оказало влияние на активизацию северной политики бакуфу. Так, в письме Совета старейшин губернаторству Хакодатэ от 13 июля 1856 г. отмечалось, что в связи с окончанием Крымской войны возрастает опасность аннексии Сахалина Россией, и поэтому

необходимы срочные меры. По мнению бакуфу, речи о войне с Россией идти не может, так как на войну необходимы большие финансовые средства; в качестве одной из мер предлагалось изучить возможность колонизации острова, направив туда преступников и бродяг¹⁹⁴. Совет старейшин предлагал также усилить административную структуру губернаторства Хакодатэ путем направления туда в качестве префекта Мурагаки Ёсанро (Авадзиноками) и создания, таким образом, «триумвириата» Такэноути, Хори, Мурагаки¹⁹⁵.

В мае 1856 г., с открытием нового сезона, состоялась передача юга Сахалина княжеством Мацумаэ губернаторству Хакодатэ. Были учреждены правительственные посты в Кусюнкотане, Сирануси и Энрумокомафу (Маока); поначалу туда было направлено 16 служащих губернаторства во главе с Сато Момотаро и Исомура Кацубэй. Так как традиционно с окончанием путины самураи княжества Мацумаэ возвращались домой, и на Сахалине оставались одни надсмотрщики и сторожа на рыбалках, т.е. представителей официальной власти не было, губернаторство в отчете Совету старейшин от 12 сентября 1856 г. сообщило о своем решении оставить на зимовку на Сахалине 11 чиновников губернаторства¹⁹⁶.

Еще одним важным направлением усиления японских позиций на острове была организация казенных рыбалок. Во времена княжества Мацумаэ сахалинские рыбалки полностью находились в руках двух подрядчиков - Датэя Ринъэмон (Датэ) и Сухарая Рокузмон (Сухара), входивших в число 15 самых богатых подрядчиков Хоккайдо. Правительство приняло решение учредить севернее участков этих двух домов по восточному и западному побережьям казенные рыбалки¹⁹⁷. Губернаторство Хакодатэ поручило организацию рыбалок поставщику губернаторства, уездному начальнику княжества Этиго Мацукава Бэнносукэ. Тот факт, что организацию новых рыбалок в более северных районах острова не поручили традиционным подрядчикам Датэ и Сухара, объяснялся близостью к границе с иностранным государством. По всей видимости, данный факт должен был показать русским, что эти места находятся под прямым правительственным управлением. Но русские не поняли разницы между рыбалками, находящимися в управлении подрядчиков, и рыбалками под управлением правительственных чиновников. Так, в 1861 г. по югу Сахалина путешествовал этнограф А. Д. Брылкин, который отмечал, что рыбалками на соревновательной основе управляют два феодальных князя (даймё) - из Мацумаэ и Хакодатэ: «Успехи одного производят зависть в другом и каждый город употребляет всевозможные прописки, чтобы склонить на свою сторону большее число айнов и

занять лучшие рыбные ловли»¹⁹⁸.

Мацукава поручил своему родственнику Тории Гонносукэ изучить перспективы рыболовства на острове и на следующий год открыл новые рыбалки за свой счет: на восточном побережье между Тунайной и Сисука (Поронайском), на западном - между Нотасаном (Чехов) и Усёро; были построены производственные и складские помещения, проложены дороги, планировался прием переселенцев из Японии. В 1857 г. поверенный Бэнносукэ по имени Кобаяси Ринносукэ впервые обогнул мыс Анива, открыл рыбалку на восточном побережье в месте Очёбока, а также приступил к изучению Мануя и Кусюннай. Однако когда летом того же года в Кусюннай повторно прибыл русский военный отряд, там еще не было никаких японских построек. В связи с появлением русских в губернаторстве Хакодатэ решили форсировать одновременное открытие на восточном побережье 22 рыбалки, на западном побережье - 9 рыбалок. С 1858 г. Мацукава Бэнносукэ, Тории Гонносукэ и Сато Коэмон, Сато Тюдзо (также из княжества Этиго), а также подрядчики с Хоккайдо Ямада Бунъэмон, Ёнэя Киёсаку были назначены управляющими правительенных факторий. Была предпринята попытка одновременно организовать во внутренних районах острова фактории, опередив таким образом русских¹⁹⁹. Результаты первого года «воспитания» сахалинских айнов губернаторством Хакодатэ приводятся в отчетах губернаторства в Совет старейшин за апрель и август 1857 г. В отчетах приводятся ценные сведения по айнам юга Сахалина. Так, в реестр правительенного поста Кусюнкотан было внесено 78 айнских селений с общим числом дворов 187 и общим числом жителей 1686 человек. Так как в том году в Кусюнкотане была внедрена система сельских старост, то в отчете указано, что 24 человека назначены на различные должности. Отмечено также, что на территории правительенного поста расположено 7 рыбалок по вылову сельди и 16 рыбалок по вылову горбуши. В правительенном посту Сирануси было зарегистрировано 5 айнских селений с общим числом дворов 18 и общим числом жителей 167 человек, в том числе 3 человека, назначенных на должности. На территории поста расположено 2 рыбалки по вылову сельди и 2 рыбалки по вылову горбуши. В правительенном посту Тоннай было зарегистрировано 36 айнских селений с общим числом дворов 112 и общим числом жителей 851 человек, в том числе 17 человек, назначенных на должности; данных о рыбалках не приводится. Таким образом, в 1857 г. на юге Сахалина под японским контролем находилось 2704 человека сахалинских айнов (1330 мужчин и 1374 женщины), проживавших в 119 селениях, из них 44 человека были

назначены на различные должности²⁰⁰. По сведениям Рудановского за 1853-1854 гг., на Южном Сахалине проживало в то время 2418 айнов в 88 селениях²⁰¹; по всей видимости, часть айнских селений юга острова не были им охвачены во время его экспедиций.

В соответствии с предложением префектов губернаторства Хакодатэ Хори Орибэ и Такэноути Ясунори от 27 февраля 1855 г. деятельность чиновников губернаторства на Сахалине была направлена на включение айнов во внутрияпонскую социально-политическую систему; первым этапом на этом пути стала реализация мер по смягчению эксплуатации айнов на частных рыбалках. Прежде всего, наем айнов на рыбалки стал проводиться под контролем губернаторства; выплата денежного и товарного вознаграждения стала проходить через чиновников. Айнам было также объяснено, что они могут пожаловаться на притеснения со стороны японцев непосредственно правительственный чиновникам. По новой системе айнам периодически выдавались вознаграждения товарами, а также стали выплачиваться пособия по болезни, родам, смерти. Все это должно было знаменовать собой авторитет и заботливость официальных властей; церемония вассальной зависимости «омуся» также стала проводиться более торжественно²⁰². Чиновники также поощряли переход айнов к японскому образу жизни: японские имена, одежда, прически, отказ от татуировки и т.д. Несмотря на обещанные вознаграждения, айны не желали отказываться от обычая предков. В первую зиму внешне «ояпонились» только айны, назначенные на должности, а из «простых» айнов всего не более 10 человек²⁰³.

Как уже говорилось выше, японские политики весьма своеобразно трактовали формулу Симодского трактата «как было до сего времени». Они считали, что сохранение статус-кво означает для российской стороны обязательство не расширять рамки своего присутствия на острове, иными словами, так как у России нет своих владений южнее 50-й параллели, то русские не должны двигаться на юг острова. В то же время, японцам остается свобода действий в отношении еще не охваченных японскими «заботами» айнов, так как все айны являются «периферийным» народом Японской империи и, соответственно, их земли также являются японскими. Но среди самих политиков и чиновников бакуфу не было единодушия по поводу того, где конкретно должна проходить японская граница на Сахалине. Так, визави Путятина на переговорах Кавадзи и Цуцуи после окончания Крымской войны подчеркивали, что «Россия после заключения мира с Англией и Францией непременно выдвинется на Сахалин и при

помощи благотворительности привяжет к себе тамошних туземцев, поэтому нам срочно необходимо принять меры по заботе об айнах». Они также считали необходимым устроить в районе Котаньутору и Тоссо военные посты, а в районе Порокотана на 50-й параллели устроить пограничный пункт²⁰⁴.

По мнению же префектов губернаторства Хакодатэ, стратегически важными являлись Кусюннай и Мануй, расположенные в самой узкой части острова, поэтому в первую очередь именно там было необходимо учредить правительственные посты и провести дорогу, их соединяющую. По мнению чиновников, это не только должно было сыграть роль в «воспитании» айнов внутренних районов острова, но и продемонстрировать русским японскую принадлежность южной части острова. В отчете префектов Совету старейшин от 12 ноября 1856 г. предлагалось:

«Проводить работу по приручению айнов и других коренных народов, чтобы они не повернулись спиной к Японии, открыть правительственные посты в Кусюннае на западном побережье и в Мануе на восточном побережье, завезти туда привлекательные для местных жителей товары, открыть рыбалки, проложить горные дороги, которые бы соединили восточное и западное побережье острова, завезти туда коров и лошадей, провести дорожную разметку и установить пограничные знаки о несомненной принадлежности этих земель Японии»²⁰⁵.

Существовала еще одна точка зрения на проведение границы на Сахалине: побывав в 1854 г. на острове, Хори и Мурагаки в своем отчете предлагали установить в качестве северной границы японских земель Котаньутору и Тоссо, а земли до Порокотана и до залива Терпения сделать буферной зоной между Японией и Россией, переселив оттуда айнов южнее²⁰⁶.

Представители губернаторства Хакодатэ на Сахалине Сато Момотаро и Исомура Кацубэй в декабре 1856 г. представили отчет в Совет старейшин, в котором отмечалось, что именно Усёро должен стать опорным пунктом японцев на западном побережье Сахалина, а не находящийся южнее него Котаньутору. Они подчеркивали, что в Усёро была самая удобная бухта севернее Маоки, также это было самое многочисленное айнское селение на побережье (169 человек). Чиновники предупреждали, что если японцы не закрепятся там, то это непременно сделают русские²⁰⁷. Опасения чиновников оправдались лишь отчасти: отряд лейтенанта Н.В.Рудановского 22 июля 1857 г. высадился значительно южнее Усёро – в айнском селении

Наёро (Пензенское). Рудановский в своих воспоминаниях пишет об этом следующее: «... В третью мою экспедицию на Сахалин, сделанную мною летом в 1857 году, для основания Кусутайского поста, я ограничивался 16-ю матросами, помещаясь в двух палатках на морском берегу. При всем очевидном нашем безсилии противу японцев и айнов собравшихся здесь до 600 человек, мы были однако господами и сделали все, что только желали»²⁰⁸. Приказ Рудановскому на высадку в Кусоннае отдал Путятин по пути следования на корвете «Америка» в Китай для переговоров²⁰⁹. Действия отряда «Ротаносукэ» (Н.В.Рудановский) скрупулезно описаны в докладах чиновников губернаторства Хакодатэ в Эдо: в Кусоннае без спроса взяли айскую лодку, построили три дома, в Мануе установили деревянный крест и т.д. В одном из отчетов отмечается прекрасное знание Рудановским айнского языка; приводятся его слова о том, что ранее он составил описание Кусонная, Мануя и Сирануси, которое отправил в правительство; на этот раз он прибыл в соответствии с приказом государя об определении границы между Японией и Россией. Рудановский просил одолжить ему айна - проводника и айскую лодку для того, чтобы добраться до восточного побережья - Мануя, где он собирался построить пост. В просьбе ему было отказано²¹⁰.

28 июня (по японскому календарю) для встречи с Рудановским в Наёро прибыл Сато Момотаро, представитель губернаторства Хакодатэ на Сахалине. В отчете Сато в Совет старейшин от 13 июля «О переговорах с русскими, прибывшими в Северный Эдзо, а также об их уходе» приводится заявление Сато Рудановскому:

«Трактат, заключенный между нашими странами, гласит, что остров Сахалин остается неразделенным между Японией и Россиею, как было до сего времени. Наёро часто посещают японские чиновники, местное население окружено неустанными заботами, поэтому ваше нахождение здесь и возведение построек противоречит сложившимся реалиям и договору»²¹¹.

Это был первый официальный протест японской стороны против появления русских на юге Сахалина, как противоречащего 2-й статье Симодского трактата. В ответ на протесты японской стороны Рудановский заявил, что когда они изучали здешние места раньше, здесь не было никаких японцев, о чем и было доложено государю, который приказал им прибыть сюда. Рудановский также сказал, что через несколько дней они уйдут в Кусоннай, куда должно будет зайти русское судно, которое их заберет. В Кусоннае русские сразу же принялись за

строительство 3-х домов (2 остались недостроенными) (См. Приложение 2. Рис. 23). 29 июля Рудановский сообщил, что они покидают эти места, так как обещанное судно не пришло, и попросил, чтобы айны не прикасались к их постройкам. 1 августа, оставив послание русским, которые в последующем посетят эти места, русский отряд на айских лодках отбыл на родину. То, что Рудановский, ссылаясь на «приказ государя», вернулся на родину, не дожидаясь судна, по мнению Акидзуки, может свидетельствовать о том, что он не ожидал жесткого контроля со стороны японцев, а также понял, что без помощи айнов им не завершить строительства и не подготовиться к зимовке²¹². Рудановский ожидал помощи со стороны айнов и подготовил им в подарок большое количество зеркал, металлических изделий, но не смог передать их айнам. В отчете правительству губернаторство Хакодатэ отмечало похвальное послушание айнов на этот раз²¹³. В действительности же японцы пытались максимально ограничить общение русских с айнами и вручение подарков, а дружески расположенный к Рудановскому айнский староста Ситокурэн был вызван под предлогом необходимости работы проводником в западный Тоннай (Маока) и оставался там. Учитывая то, что и у Ситокурэна, и у других айнов Наёро и Кусюнная, которые сотрудничали с русскими в Кусюнкотане, забрали их «сокровища» - айские мечи и др., можно сделать вывод, что нынешняя позиция айнов по отношению к русским не была выражением их свободной воли²¹⁴. В описанном случае мы видим значительную разницу между реакцией японцев на учреждение Муравьевского поста в Кусюнкотане в сентябре 1853 г. и появление на западном побережье острова отряда Рудановского в июле 1857 г.: если в первом случае надсмотрщики и сторожа, оставшиеся на рыбалке (часть японцев сразу же сбежала на Хоккайдо) не выражали каких-либо протестов против появления русских в силу того, что не считали себя официально уполномоченными делать какие-либо заявления, то в последнем случае официальный представитель японского государства выразил протест против нарушения русскими положения 2-й статьи Симодского трактата. Таким образом, впервые одна из сторон заявила протест, опираясь на положение трактата, вернее, на свою трактовку этого положения. В то же время, российская сторона, для себя полагая вопрос о принадлежности Сахалина в принципе решенным («однажды изъясненная Высочайшая воля о том, что Сахалин наш, не может подлежать изменению...» (из письма Муравьева Путятину от 18 августа 1854 г.)), не считала учреждение новых военных постов на юге острова противоречащим положению трактата «как

было до сего времени» и возобновила по окончании Крымской войны занятие юга острова более чем скромными силами. Дело в том, что из опыта учреждения Муравьевского поста прямо в центре японского поселения его начальник вынес однозначный вывод о том, что «японцы трусливы» (Буссе, стр.80); именно поэтому Рудановский, хотя и «ограничивался 16-ю матросами», считал себя хозяином положения: «мы были однако господами и сделали все, что только желали». Подобное разнотечение трактата привело в дальнейшем к ситуации «совместного владения» и затруднило решение вопроса территориального разграничения на острове.

Для губернаторства Хакодатэ появление в Наёро отряда Рудановского было хотя и не полностью неожиданным, но достаточно болезненным: губернаторство, планируя установление своего контроля над югом острова, вовсе не предполагало, что русские могут появиться в той местности, которую оно уже считало своей только потому, что здесь жили айны, и сюда изредка приезжали его чиновники. В определенной степени на юге Сахалина мы видим столкновение двух разных концепций: если японцы считали возможным продвигаться на новые территории от одного опорного пункта к другому, по принципу игры в «го», то в действиях русских при занятии как Амура, так и Сахалина отчетливо видно стремление взять под свой контроль стратегические точки, после чего, по выражению Рудановского, «не требовалось никаких хитростей и политики». Именно поэтому все японские политики и чиновники, имевшие отношение к северной политике, говоря об опасности русской экспансии на юг острова, предполагали, что русские будут двигаться по западному побережью на юг с района Дуз от одной бухты к другой и совсем не предполагали их появления значительно южнее.

15 января 1858 г. губернаторство Хакодатэ направило члену Совета старейшин Хотта Масаёси документ, озаглавленный «О политике в отношении русских, находящихся в Северном Эдзо, а также о переговорах с Россией». Префекты подчеркивали, что события минувшего лета наглядно показали необходимость переговоров по территориальному разграничению с Россией; по их мнению, для этого требовалось направить в русскую столицу представителей. К документу прилагался проект указаний японским представителям на будущих переговорах, в котором предлагалось доказать российской стороне, что по восточному побережью острова до Тарайки, а по западному – до Порокотана туземцы находились на попечении японского правительства, которое помогало им продовольствием и одеждой, что в тех местах открыты новые рыбаки,

появились переселенцы. Появление людей, назвавшихся подданными русского императора, летом прошлого года в Кусоннае и Наёро нарушает договоренности, отмеченные в трактате – «как было до сего времени», поэтому, по мнению префектов, необходимо было договориться, чтобы впредь подданные русского императора не появлялись южнее Тарайки и Порокотана, соответственно пообещав, что японцы не будут продвигаться севернее²¹⁵. Как отмечали сами префекты в пометках, они не ставили перед собой цель пограничного размежевания, а считали нужным донести до русских, что расширение сферы деятельности японцев не противоречит положениям Симодского трактата.

Реакцией губернаторства Хакодатэ на появление отряда Рудановского стало также поспешное устройство в Кусоннае и Мануе дозорных постов; незнание местных условий, недостаток продовольствия стали причиной смерти во время зимовки 1857-1858 гг. 25 японцев, оставшихся на зимовку в Мануе²¹⁶. В то же время, по представлению губернаторства Хакодатэ Совет старейшин удовлетворил ходатайство Хаякавы Ягодзазмон, самурая княжества Этидзэн Оно, просившего разрешить ему открыть рыбалки на Сахалине в местах, не занятых подрядчиками с Хоккайдо Датэ и Сухара. Губернаторство Хакодатэ, доводя до князя Оно Дри Тосицунэ в письме от 19 марта 1858 г. разрешение на деятельность его вассалов на западном побережье Сахалина между Райтисикой и Порокотаном, рекомендовало построить в Усёро факторию, а также приступить к освоению морских ресурсов, переселить туда самураев и крестьян, организовать пограничную охрану вышеупомянутого района²¹⁷. Организованная Хаякавой рыбалка в Усёро стала, таким образом, самым северным опорным пунктом японцев на западном побережье острова.

В 1856-1858 гг. японцы впервые продвинулись к заливу Тарайка, где севернее Тоско находились айские селения Фунупу, Касихо, Уэнкотан и Котанкэси, жители которых периодически поставляли японцам продукты морского промысла и получали за это рис, табак и пр.; далее к устью реки Сисука (Поронай) проживало примерно 300 орокко (уйльта) и тарайка, рэфунорокко (пильяков)²¹⁸. В 1856 году здесь побывал Мацуура Такэсиро, в те годы поступивший на службу в губернаторство Хакодатэ; по результатам поездки он составил «Отчет о рыбалках на Северном Эдзо», в котором, описывая рыбалки восточного побережья, он подчеркивал, что в айских селениях Фунупу и Касихо открыты японские фактории, но севернее никаких японских заведений нет²¹⁹. Побывав в селениях орокко и тарайка, Мацуура отмечал, что у них много

повседневных вещей русского или американского изготовления, которые они выменивают у сантанцев. Губернаторству, для того, чтобы привлечь эти племена на свою сторону, по мнению Мацуура, достаточно ежегодно поставлять им тысячу мешков риса, двести мешков соли, железные изделия и прочие им необходимые товары, взамен получая от них продукты морского промысла, что должно было принести тройную и более прибыль; по его мнению, желательно также было открыть факторию в Тарайке²²⁰. Японские рыбаки в заливе Тарайка были открыты в 1861 г.

Бакуфу вспомнило о желании губернаторства Хакодатэ вести переговоры с Россией по поводу границы на Сахалине в июле 1858 г., когда в Японию прибыл Путятин для заключения русско-японского торгового договора. В число представителей на переговоры с японской стороны был включен также префект губернаторства Хакодатэ Хори Орибэ (Тадаси). Обсуждение территориального размежевания не входило в планы Путятина; как отмечал Кутаков, «Добиваясь расширения экономических привилегий, царская дипломатия не настаивала на изменении невыгодного для России территориального размежевания, определенного Симодским трактатом. После поражения в Крымской войне русское правительство опасалось обострения отношений с Англией, что неминуемо вызвало бы пересмотр вопроса о Сахалине и Курилах»²²¹. Однако японская сторона подняла вопрос о ситуации на Сахалине, в частности о появлении русского отряда в Кусюннае и о возведении там построек. В итоге Хори удалось добиться согласия Путятина на снос возведенных там строений²²². Японская сторона также подняла вопрос о ломке каменного угля в Дуз, утверждая, что японцы, а не русские, первыми обнаружили там залежи угля. Подобное проявление японцами интереса к Северному Сахалину очень обеспокоило Путятина, и он обещал, что доложит правительству о необходимости провести весной следующего года переговоры по территориальному размежеванию²²³.

В то время, как Путятин находился в Японии на переговорах, в Кусюннае высадился русский военный отряд численностью в 22 человека; командовал им поручик корпуса флотских штурманов П.И.Маргасов. В отчете находившегося в то время на Сахалине префекта губернаторства Мурагаки отмечено, что русские высадились на берег, выгрузив большое количество провианта, инструментов, домашних животных: птицу, свиней, кошек, собак²²⁴. Прежде всего, они починили постройки, возведенные Рудановским, а также возвели несколько

жилых построек и пекарню. Чиновники губернаторства выразили протест против нарушения положений трактата, но он до русской стороны не дошел, потому что среди русских не нашлось человека, который понимал бы по-айнски. Мурагаки отмечал, что «для русских незнание английского, голландского языков наоборот сослужило хорошую службу» и выражал беспокойство, что «в дальнейшем число русских в Кусюннае и южнее будет возрастать, а у японской стороны нет человека, который бы понимал по-русски»²²⁵.

К зиме 1859 г. японцы построили в Кусюннае административное помещение; если до прибытия русских там находился только один служащий, совмещавший свои обязанности с представительством в Усёро, то через некоторое время в этот «стратегически важный пункт» прибыло 6 человек во главе с чиновником Ивата Сандзо. Таким образом, в Кусюннае естественным образом сформировалась локальная русско-японская граница по реке Кусюннай (Ильинке). Ивата во время той зимовки вел дневник; в нем отмечается, что русский врач Александров лечил местных айнов; представители русской стороны практически каждый день посещали японскую контору, пытались общаться, обучая друг друга своим языкам, угощали гостей, т.е. между сторонами, несмотря на языковой барьер, существовала вполне дружелюбная атмосфера²²⁶. К октябрю стала очевидной нехватка продовольствия у русских, поэтому японская сторона по просьбе Маргасова одолжила русским на зиму 12 мешков риса²²⁷. Русские обещали вернуть с лишком, когда из Николаевска придет судно с продовольствием; но оно все не приходило, поэтому на север, в Дузэ, было направлено за помощью несколько человек, но и там излишков продовольствия не было. И после этого нередко русские одолживали у японской стороны продукты, сети, упряжки, лодки²²⁸. Как отмечает Акидзуки, фактически получилось, что японцы, вместо того, чтобы препятствовать закреплению русских на Сахалине, зачастую помогали им²²⁹.

Отряд Маргасова осенью пересек перешеек и вышел на восточное побережье, где от Тоссо на севере до мыса Сирараоро (м.Мулловского) на юге были проведены геодезические съемки²³⁰. В феврале 1859 г. русские приступили к строительству жилого помещения в Мануе, а также лесной заимки на горном пути между Кусюннаем и Мануем. По указанию губернаторства Хакодатэ Ивата Сандзо заявил протест Маргасову по поводу ведения строительства русскими; на что Маргасов ответил, что действует по приказу своего командования, и отклонил протест, добавив, что пока не определена граница, японцы также, как и русские, могут строить дома.

В сентябре 1858 г. к своей работе в Хакодатэ приступил российский консул И.А.Гошкевич, что префекты губернаторства расценили как «счастливый случай», потому что теперь они имели возможность напрямую высказывать свои протесты против деятельности русских на юге Сахалина; однако Гошкевич отказался вести переговоры, заявив, что у него нет соответствующих полномочий²³¹.

Таким образом, с окончанием Крымской войны российская сторона возобновляет свое присутствие на юге Сахалина; в отличие от Муравьевского поста, учрежденного в центре японского поселения Кусюнкотан в заливе Анива, на этот раз русский пост учреждается в самой узкой части острова. Учреждение Кусунайского поста проводится в два этапа: летом 1857 г. Рудановскому удается только заложить пост; по-настоящему деятельность поста начинается, по нашему мнению, с появления там летом 1858 г. оставшегося впоследствии на зимовку отряда Маргасова. Повторное появление русских на юге острова в значительной степени активизирует японскую политику по его освоению; разработчиком и непосредственным исполнителем этой политики становится губернаторство Хакодатэ. Считая деятельность русских на юге острова нарушающей положения Симодского трактата, японская сторона наряду с расширением масштабов своего присутствия на острове пытается вынести обсуждение сахалинского вопроса на дипломатический уровень.

Примечания:

¹ Подробнее об амурском вопросе в русско-китайских отношениях в XVIII в. см. Артемьев А.Р. Секретная Нерчинская экспедиция 1753-1765 гг. и археологическое изучение Нерчинска//Вестник ДВО РАН, 1996. - №2. Он же. Формирование geopolитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в. – 1860 г.)// Русская Америка и Дальний Восток (конец XVII в. – 1867 г.). К 200-летию образования Российско – Американской компании. – Владивосток, 2001. Баласогло А.П. Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина//Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1875. - Книга вторая. Бантыш-Каменский Д.Н. Дипломатическое собрание дел между

Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. – Казань: типография Императорского университета, 1882. Беспозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в. - Хабаровск, 1986. Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг., М.:АН СССР, 1960. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году/Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1875. - Книга вторая. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч.1.– СПб: типография Императорской Академии Наук, 1860. Окунь С.Б. Российско-Американская компания. – М.-Л.: ГСЭИ, 1939. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т.2. 1725-1727. - М., 1990. Якоби И.В. Начертание к двойственному умножению польз с расширением пределов от стороны Китая/Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1858. - №4 и др.

² Подробнее о посольстве Ю.А.Головкина см. Русско-китайские отношения в XIX веке: Материалы и документы. Т.1 1803-1807..- М., 1995. См. также Баснин В.Н. О посольстве в Китай графа Головкина/Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. - М., 1875. - №4. Беспозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в. - Хабаровск, 1986 и др.

³ Беспозванных Е.Л. Указ.соч.- С. 222-223

⁴ Окунь С.Б. Указ.соч.- С. 59-60

⁵ Романов Д.И. Присоединение Амура к России/Краеведческий бюллетень. - Ю.-Сахалинск, 2001. - №3. -С.50,52. См. также Миддендорф А.Ф. Указ.соч.- С.164-165. – Прим.

⁶ Романов Д.И. Указ.соч.- С.59-60

⁷ Окунь С.Б. Указ.соч.- С. 211-212

⁸ Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1851 год. - СПб, 1852. – С.178-192

⁹ Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. - Казань, 1857. – С.173

¹⁰ Bassin Mark.Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. - Cambridge, 1999. – Р.275

¹¹ Миддендорф А.Ф. Указ.соч.-С.14

- ¹² Новаковский С.И. Япония и Россия. - Токио, 1918. - С. 150-151
- ¹³ Миддендорф А.Ф. Указ.соч.-С.155
- ¹⁴ Там же. С. 137,158-159
- ¹⁵ Там же. С. 159
- ¹⁶ Там же. С. 169
- ¹⁷ Там же. С. 173
- ¹⁸ Цит.по: Романов Д.И. Указ.соч.- С. 62-63
- ¹⁹ Новаковский С.И.Указ. соч.- С. 153
- ²⁰ Романов Д.И. Указ.соч.- С. 65-66
- ²¹ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения, 1697 – 1875. – М., 1960. – С.129
- ²² Кабанов П.И. Амурский вопрос. – Благовещенск,1959. –С.84
- ²³ Цит. по: Полевой Б.П. Опознание статей петрашевца А.П.Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847 г.)//История СССР. -1961. - №1. – С.156
- ²⁴ Полевой Б.П. Указ. соч.- С. 157
- ²⁵ Баласогло А.П. Указ.соч.- С. 103
- ²⁶ Там же. С.182
- ²⁷ Там же. С. 181, 183
- ²⁸ Там же. С.186-187
- ²⁹ Там же. С. 184-185
- ³⁰ Там же. С.187
- ³¹ Там же. С.187-188
- ³² Кабанов П.И. Указ. соч.- С.88
- ³³ Романов Д.И. Указ.соч.-№4. - С.3
- ³⁴ Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Книга 2. – М., 1891. –
Барсуков И. П. Указ.соч.- С.38
- ³⁵ Романов Д.И. Указ.соч.- С. 9-10
- ³⁶ Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской. – М.: Наука, 1984. – С.56-58. См. Таюке Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России, 1849 – 1855. – М., 1947. - С. 101-104

- ³⁷ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.170, л.3-3 об.
- ³⁸ Там же. Л. 1-1 об.
- ³⁹ Барсуков И. П. Указ.соч.- С.50-51
- ⁴⁰ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.170, л.18-19 об.
- ⁴¹ Невельской Г.И. Указ.соч.- С. 117
- ⁴² РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.170, л.20-21
- ⁴³ Невельской Г.И. Указ.соч.- С. 121
- ⁴⁴ Там же. С. 124. См. также Мамай А.С. Споры в русском правительстве по амурскому вопросу (1848-1854 гг.)//Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 1996. - №3.- С.11-12
- ⁴⁵ Там же. С. 124-125
- ⁴⁶ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.206, л.30 об.
- ⁴⁷ Там же. Л.33-34
- ⁴⁸ Там же. Л. 48-51
- ⁴⁹ Невельской Г.И. Указ.соч.- С. 132
- ⁵⁰ Там же. С.38
- ⁵¹ Бошняк Н.К. Занятие части о-ва Сахалина и зимовка в Императорской Гавани/Морской сборник. – 1859. – Т. 43. - №9. – С.400
- ⁵² Невельской Г.И. Указ.соч.- С. 110
- ⁵³ Там же. С.155
- ⁵⁴ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.206, л.257а -257 в об.
- ⁵⁵ Там же. Л.247 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 183-183 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 184-185
- ⁵⁸ Невельской Г.И. Указ.соч.- С. 215
- ⁵⁹ Алексеев А.И. Указ.соч.- С.112-113
- ⁶⁰ Барсуков И. П. Указ.соч.- С. 101-102
- ⁶¹ Тихменев П.А. Указ.соч.- С. 99 – 100
- ⁶² Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849-1855 гг. – М.: Мысль, 1974. – С.98
- ⁶³ Невельской Г.И. Указ.соч.- С.216-217

- ⁶⁴ Там же. С. 217- 218
- ⁶⁵ Самарин И.А. Где и когда был поставлен Ильинский пост на Сахалине?//Краеведческий бюллетень. – Ю.-Сахалинск, 2001. - №3. – С.70-76
- ⁶⁶ Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской... Указ.соч. – С.131
- ⁶⁷ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.206, л.326-327
- ⁶⁸ Рудановский Н.В. По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об Острове Сахалине и экспедиции 1853 года/Вестник Европы. - СПб, 1872. - Кн.8. – С.908
- ⁶⁹ Бошняк Н.К. Указ.соч.- С.407-410
- ⁷⁰ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.206, л.331 об.
- ⁷¹ Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853 - 54 гг. - СПб, 1872. – С.27
- ⁷² Рудановский Н.В.Указ.соч.- С.919
- ⁷³ Мацуура Такэсиро. Сайко Эдзо никки (Записки о повторном посещении Эдзо). Ч.12//Санко Эдзо никки (Записки о трех посещениях Эдзо). – Токио: Ёсикава кобункан, 1971. – Т.2. – С.175
- ⁷⁴ Акидзуки Тосиюки. Нитиро канкэй то сахаринто (Японо-российские отношения и остров Сахалин). – Токио: Тикума сёбо, 1994. - С.73
- ⁷⁵ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.206, л. 328-330 об.
- ⁷⁶ Там же. Л.331 об.
- ⁷⁷ ДайНиппон комондзё – бакумацу гайкоку канкэй мондзё (Старые документы Великой Японии - Документы об отношениях с иностранными государствами в эпоху бакумацу). – Токио: издательство Токийского императорского университета,1910. – Т.2 – С. 421-422
- ⁷⁸ Там же. С. 438
- ⁷⁹ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.206, л. 332 об. – 333
- ⁸⁰ Невельской Г.И. Указ.соч.- С.237
- ⁸¹ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- С.422
- ⁸² Буссе Н. В. Указ.соч.- С.24-25
- ⁸³ РГАВМФ. Там же. Л.332 об.
- ⁸⁴ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- С.423
- ⁸⁵ РГАВМФ. Там же. Л.333 об.
- ⁸⁶ Там же. Л.334

- ⁸⁷ Там же. Л.335
- ⁸⁸ Буссе Н. В. Указ.соч.- С.32-33, 64, 66, 82, 112-113
- ⁸⁹ Рудановский Н.В.Указ.соч.- С.914-915
- ⁹⁰ Буссе Н. В. Указ.соч.- С.74
- ⁹¹ РГАВМФ. Там же. Л.339- 339 об.
- ⁹² Там же. Л.341
- ⁹³ Там же. Л.341 об.
- ⁹⁴ Там же. Л.342-342 об.
- ⁹⁵ Там же. Л.343
- ⁹⁶ Там же. Л.336 – 338
- ⁹⁷ Там же. Л.286
- ⁹⁸ Барсуков И. П. Указ.соч.- С.104
- ⁹⁹ Файнберг Э.Я. Указ.соч.- С.144
- ¹⁰⁰ Музей Зибольда в Нагасаки, коллекция Константина фон Бранденштайн-Цеппелина, л.80342-80364
- ¹⁰¹ Файнберг Э.Я. Указ.соч.- С.148-149
- ¹⁰² Там же. С.148
- ¹⁰³ Там же. С.149
- ¹⁰⁴ Римский-Корсаков В.А. Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток»//Морской сборник – 1858. – Т.35. - №5. – С.1
- ¹⁰⁵ Цит. по: Черевко К.Е. Указ.соч.- С.189-190
- ¹⁰⁶ Барсуков И. П. Указ.соч.- Кн.1. - С. 331
- ¹⁰⁷ Там же. См. также Невельской Г.И. Указ.соч. С.243-244
- ¹⁰⁸ Lensen George A. The Russian Push Toward Japan. - New York: Octagon books, 1971. – P.306
- ¹⁰⁹ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.3. – С.76
- ¹¹⁰ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч.- С.190
- ¹¹¹ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.3. – С.130-131
- ¹¹² Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.3. – С.385 – 390
- ¹¹³ Саркисов К, Черевко К. Проект дополнительной инструкции Генерал-Адъютанту Путятину МИД России от 27 февраля 1853 г./Известия. – 1991. - 5 окт.

- ¹¹⁴ Акидзуки Тосиуки.Указ. соч.- С.84
- ¹¹⁵ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.3. – С.390
- ¹¹⁶ Там же. С.391
- ¹¹⁷ Там же. С. 392
- ¹¹⁸ Там же. С. 393
- ¹¹⁹ Там же. – Т.4. – С.98
- ¹²⁰ Акидзуки Тосиуки.Указ. соч.- С.85
- ¹²¹ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.3. – С.399 – 400
- ¹²² Там же.- Т.4. - С.100
- ¹²³ Там же.- Т.3. – С. 402-403
- ¹²⁴ Там же.- Т.4. - С. 63-64
- ¹²⁵ Там же.- Т. 5. - С.619-620
- ¹²⁶ Путятин Е. В. Всеподданнейший отчет генерал - адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай, 1852 - 1855 год/Морской сборник. -1856. - №10. – С.67
- ¹²⁷ Цит. по: Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849-1855 гг. - М.: Мысль, 1974. – С.143
- ¹²⁸ Буссе Н. В. Указ.соч.- С.154
- ¹²⁹ Невельской Г.И. Указ.соч.- С.282
- ¹³⁰ Рудановский Н.В.Указ.соч.- С.922
- ¹³¹ Рудановский Н.В.Указ.соч.- С.909
- ¹³² Буссе Н. В. Указ.соч.- С.154
- ¹³³ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии». - Хабаровск, 1970. – С. 91
- ¹³⁴ Harrison John A. Japan's Northern Frontier. – Gainesville: University of Florida Press, 1953. - Р.42
- ¹³⁵ Ravenstein E.G. The Russians on the Amur; its discovery, conquest, and colonization. - London, 1861. -Р.132
- ¹³⁶ Lensen George A. The Russian Push Toward Japan. - New York: Octagon books, 1971. – Р. 425
- ¹³⁷ Кацу Кайсю. Кайкоку кигэн 3 (История открытия страны, 3)/Собр. Соч. Кацу Кайсю, т.3. – Токио: Кэйсо сёбо, 1979. – С.221-222
- ¹³⁸ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.5. – С.619
- ¹³⁹ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т. 2 Прил.- С.177

- ¹⁴⁰ Исторический архив Токийского университета, фонд «Гайхэн» (Дипломатический фонд), документ 287 «Аниаван-ни хидзай соро никон рокан-э сасидаси соро сёкан вакай» (Перевод на японский язык писем, отправленных японскому старшему начальнику при оставлении залива Анива). См. также Бакумату гайкоку... Указ. соч. - Т. 6. - С. 323 – 331
- ¹⁴¹ Там же. См. также Бакумату гайкоку... Т. 6. - С. 331 – 333
- ¹⁴² Там же. Т. 7 Прил. - С. 50 – 57
- ¹⁴³ Там же. Т. 7 Прил. - С. 57 – 66
- ¹⁴⁴ Там же. Т. 8. - С. 64-66
- ¹⁴⁵ Там же. Т. 8. - С. 75
- ¹⁴⁶ Там же. Т. 8. - С. 28
- ¹⁴⁷ Там же. Т. 8. - С. 35
- ¹⁴⁸ Там же. Т. 8. - С. 127 – 128
- ¹⁴⁹ Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.115-116
- ¹⁵⁰ Бакумату гайкоку... Указ. соч.- Т. 2 Прил.- С.406
- ¹⁵¹ Там же. С. 476
- ¹⁵² Там же. С. 476
- ¹⁵³ Кацу Кайсю. Указ. соч. – С.227
- ¹⁵⁴ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С.116
- ¹⁵⁵ Бакумату гайкоку... Указ. соч.- Т. 8. – С.339-341
- ¹⁵⁶ Там же. С.342
- ¹⁵⁷ Там же. С.343-344
- ¹⁵⁸ Тэймэй каккоку дзёяку исан (Сборник договоров, заключенных с зарубежными странами). – Токио: Нихонкоку гаймусё кирокукёку (Бюро протоколов МИД Японии), 1884. - С.568
- ¹⁵⁹ Бакумату гайкоку... Указ. соч.- Т. 8. – С.498 – 501
- ¹⁶⁰ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С.117
- ¹⁶¹ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. – С.190-191
- ¹⁶² Harrison John A. Ibid. – P.45
- ¹⁶³ Evans John L. Russian Expansion on the Amur 1848-1860, the Push to the Pacific. - New York: The Edwin Mellen Press, 1999. – P.89
- ¹⁶⁴ Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.107

- ¹⁶⁵ Мамай А.С. Указ. соч.- С.14-15
- ¹⁶⁶ Романов Д.И. Указ.соch.- С.45
- ¹⁶⁷ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.922, л.3-3 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Л.4
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 20 об.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 37 об.-38
- ¹⁷¹ Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской...Указ.соch. - С.157 –158
- ¹⁷² РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.922, л.37 об.
- ¹⁷³ Мамай А.С. Указ. соч.- С.10
- ¹⁷⁴ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.922, л.78-80 об.,204-204 об.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 79 об.-80
- ¹⁷⁶ Ravenstein E.G. Ibid. - P.130
- ¹⁷⁷ Окунь С.Б. Указ. Соч. – С.223. См. таюже Ravenstein E.G. Ibid. - P. 132 – 136
- ¹⁷⁸ Романов Д.И. Указ.соch.- С.51
- ¹⁷⁹ РГАВМФ, ф.410, оп.2, д.922, л.205-205 об.
- ¹⁸⁰ Ravenstein E.G. Ibid. - P. 137
- ¹⁸¹ Беспрованных Е.Л. Указ.соch.- С.254-255
- ¹⁸² Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.135
- ¹⁸³ Там же. С.136 - 138
- ¹⁸⁴ Там же. С.141
- ¹⁸⁵ Цит. по: Окунь С.Б. Указ. Соч. – С.228
- ¹⁸⁶ Цит. по: Тихменев П.А.Указ.соch. – Ч.2. - СПб, 1863. – С.110
- ¹⁸⁷ Там же. С.111-112
- ¹⁸⁸ Бакумашу гайкоу...Указ.соch.- Т.15. – С.185
- ¹⁸⁹ Там же. С.188
- ¹⁹⁰ Там же. С.278-280
- ¹⁹¹ Бакумашу гайкоу...Указ.соch.- Т.9. – С.273
- ¹⁹² Там же. С.290-291
- ¹⁹³ Там же. С. 315-323
- ¹⁹⁴ Бакумашу гайкоу...Указ.соch.- Т.14. – С.430-431

- ¹⁹⁵ Там же. С. 564
- ¹⁹⁶ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.15. – С.50-51
- ¹⁹⁷ Там же. С.96
- ¹⁹⁸ Брылкин А.Д. Письма с Сахалина//Записки Сибирского отдела РГО. – Иркутск,1864. - Кн. 7. – С.49 – 50
- ¹⁹⁹ Акидзуки Тосиюки.Указ. соч.- С.120-121
- ²⁰⁰ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.17. – С.588 – 591
- ²⁰¹ Невельской Г.И. Указ. соч. – С.258 – 267. См. также Буссе Н. В. Указ. соч. – С.40, 45, 67 – 68
- ²⁰² Акидзуки Тосиюки.Указ. соч.- С.119
- ²⁰³ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.16. – С.205
- ²⁰⁴ Цит. по: Фумото Синъити. Бакумацу-ни окэру Эдзоти дзёти катэй-то карафуто мондай
(Процесс введения в землях Эдзо прямого управления в годы бакумацу и сахалинский
вопрос)/Рэкисигаку кэнкю (Исторические исследования). - Токио, 1995. - № 671. – С.14
- ²⁰⁵ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.15. – С.238 – 239
- ²⁰⁶ Там же.- Т.8. – С.75
- ²⁰⁷ Там же.- Т.15. – С.433 – 439
- ²⁰⁸ Рудановский Н.В.Указ.соch.- С.920
- ²⁰⁹ Невельской Г.И. Указ.соch. – С.346. См. также Романов Д.И. Указ.соch. – С.57
- ²¹⁰ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.16. – С.435, 442, 459-469
- ²¹¹ Там же.- Т.16. – С.781-798
- ²¹² Акидзуки Тосиюки.Указ. соч.- С.124
- ²¹³ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.16.- С.795
- ²¹⁴ Акидзуки Тосиюки.Указ. соч.- С.125
- ²¹⁵ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.19.- С. 94-100
- ²¹⁶ Акидзуки Тосиюки.Указ. соч.- С.125
- ²¹⁷ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.19.- С.632
- ²¹⁸ Там же.- Т.15.- С.198-201
- ²¹⁹ Мацуура Такэсиро. Мацуура Такэсиро сэнсю 1 (Избранные произведения Мацуура Такэсиро,
т.1). – Саппоро: издательский центр Хоккайдо, 1998. – С.315
- ²²⁰ Мацуура Такэсиро. Сайко Эдзо никки (Записки о повторном посещении Эдзо), часть 12//Санко

Эдзо никки (Записки о трех посещениях Эдзо). – Токио: Ёсикава кобункан, 1971. – Т.2. – С.208-212

²²¹ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. – М., 1988. – С.134

²²² Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.20.- С.831

²²³ Там же. С.833

²²⁴ Там же. С.811

²²⁵ Там же. С.812 – 813

²²⁶ Там же.- Т.21.- С.220 – 259

²²⁷ Там же.- Т.22.- С.238

²²⁸ Там же. С.239-240

²²⁹ Акидзуки Тосиюки.Указ. соч.- С.127

²³⁰ Бакумацу гайкоку...Указ.соч.- Т.22.- С.255

²³¹ Там же.- Т.21.- С.866

Глава III

Сахалин в совместном владении России и Японии. Окончательное решение сахалинского вопроса

3.1 Решение амурского вопроса и дипломатическая борьба за Сахалин

Сложившаяся к концу 1850-х гг. международная политическая ситуация на Дальнем Востоке в целом благоприятствовала достижению Россией ее внешнеполитических целей в отношениях с Китаем - восстание тайпинов, охватившее Цинскую империю с 1850 г., а также вторая «копиумная» война 1856 – 1860 гг. между Англией и Францией, с одной стороны, и Китаем, с другой, во многом ослабили возможность активного противодействия китайской стороны проводимой Россией политике в Приамурье. В то же время, действия Англии и Франции в Китае были восприняты в российских правительственные кругах как непосредственная угроза geopolитическим интересам России на Дальнем Востоке; так, в докладной записке сменившему Нессельроде в апреле 1856 г. на посту министра иностранных дел А.М. Горчакову начальник Азиатского департамента Е.П.Ковалевский, высказывая опасения в отношении действий западных держав в Китае, отмечал:

«Обстоятельства идут слишком быстро; эскадры западных держав уже отправились к китайским морям; разрушение Кантона возвестило начало неприятельских действий с Китаем, и можно ожидать появления европейских войск у самого Пекина. Присутствие их там и влияние, которое они могут иметь на китайское правительство, конечно, будут неблагоприятны для наших дел на Амуре, а потому неизбежно рождается вопрос, что должны мы предпринять в виду предстоящего кризиса в Китае? Соединиться ли с другими европейскими державами и воспользоваться выгодами, которые приобретут они?

... Но интересы наши слишком отличны от интересов других европейских держав, и, конечно, мы не можем рассчитывать на их содействие при определении наших границ на Амуре; ...Остается – мирными переговорами разрешить возникшие вопросы с Китаем»¹.

В свою очередь, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев в письме к Ковалевскому от 28 января 1857 г. оценил сложившуюся ситуацию как благоприятную для дальнейшего закрепления русских на Амуре: «Китайское дело чрезвычайно нам способствует». Комментируя дипломатическую переписку российского Сената и китайского Трибунала внешних сношений, он писал:

«Надеюсь, что вы... только более убедитесь, что с Китайцами переговариваться нечего, а надобно нам делать свое дело. Я нисколько не сожалею, что Англичане сожгли Кантон; но, разумеется, я буду говорить иное при встрече с Китайцами; убедительнейшее вас прошу, поспешите мне разрешить вести моих казаков-переселенцев на Амур»².

Правительство, одобрав действия Муравьева, в то же время принимает решение направить в Китай особо уполномоченного от русского правительства Е.В.Путятину, перед которым была поставлена задача, координируя свои действия с представителями западных держав, в частности, английским представителем лордом Эльджином, добиться от китайского правительства путем мирных переговоров признания за Россией привилегий и прав, которые могут быть предоставлены другим странам, в частности, доступ в китайские порты. На фоне агрессивных действий англичан и французов Путятин должен был демонстрировать дружественное отношение русского правительства к Китаю³. Таким образом, хотя и с определенными оговорками, Россия приняла участие в объединенном фронте европейских государств против Китая, творцом и разработчиком которого был лорд Кларендон, британский министр иностранных дел⁴.

В апреле 1857 г. Путятин прибыл в Кяхту, намереваясь по получении разрешения китайских властей ехать в Пекин через Монголию. Однако китайское правительство не разрешило Путятину следовать в столицу сухопутным путем, поэтому он после совещания с Муравьевым принял решение спуститься вниз по Амуру до Николаевска, откуда морем следовать в Тяньцзин и далее в Пекин⁵. Муравьев занимал отрицательную позицию в отношении того, чтобы на переговорах в Пекине затрагивался амурский вопрос. Перед тем, как познакомить чрезвычайного посла с ситуацией, сложившейся в последние годы в русско-китайских отношениях, Муравьев подчеркивал, что амурская тема может обсуждаться

только «на случай, если в Печелийском заливе или в Пекине возбужден был Китайцами вопрос о плавании нашем и владениях на Амуре...». По мнению Муравьева, так как «мы семь лет занимаем те места безспорно и безпрепятственно, без всякого со стороны Китайцев протеста и содействия», то «очевидно и положительно, что Китайское правительство молчанием своим признало за нами право владения и обязанность защиты устьев реки Амура и острова Сахалина, в систему коей входит залив де-Кастри и Императорская гавань, которые заняты и укреплялись нами с того же времени»⁶. О причинах негативного отношения Муравьева к переговорам в Пекине можно предполагать, исходя из содержания его письма Горчакову от 7 июня 1857 г.:

«По полученным мною достоверным сведениям, Маньчурская династия, по крайней неспособности представителя ея, нынешняго императора, весьма близка к своему падению... Мне не известно, какое ваше сиятельство изволили сделать распоряжение в отношении вновь следующей в Пекин миссии нашей, но смею лишь сказать с моей стороны, что если ей и предназначено идти в Пекин, то не следует входить с тамошним правительством ни в какие переговоры, особенно об Амуре. (подчеркнуто нами – А.Т.) ... Мне остается только повторить прежнее мнение, что с настоящим Китайским правительством не должно ни о чем переговариваться и в особенности переписываться...»⁷.

Таким образом, Муравьев, полагая, что дни Цинской империи сочтены, не считал нужным вступать в переговоры с представителями китайского правительства, тем более в присутствии представителей других европейских держав, считая амурский вопрос сугубо двухсторонним делом между Россией и Китаем. Можно также предполагать, исходя из содержания цитаты, что в какой-то степени среди мотивов, которыми руководствовался Муравьев, была также личная обида – ведь именно ему еще Николаем I были предоставлены соответствующие полномочия на ведение переговоров по пограничному размежеванию с Китаем. Впоследствии, уже после заключения Айгуньского договора, в письме Ковалевскому от 16 октября 1858 г. Муравьев пишет о направлении Путятину в 1857 г. чрезвычайным послом следующее:

«Россия обязана одному Пророку, что вред, произведенный посольством и вообще командировкою г. Путятина, оказался не так велик, как должно было его ожидать; но в

какое странное, невыносимое положение поставлен был генерал-губернатор Восточной Сибири! ... Я еще в прошлогоднем письме написал ему, что дело это (переговоры об Амуре – А.Т.) должно предоставить домашнему разбору пограничных начальств, чтоб не вмешивать эту статью в переговоры при Англо-Французах. Сами Китайцы понимали это лучше Путятинна»⁸.

Так или иначе, очевидно стремление Муравьева сохранить статус-кво на Амуре, пользуясь пассивностью местных китайских властей:

«Здесь я действую именно в этом смысле и, сохранив все дружелюбие, объявляю лишь ближайшим Китайским властям, что я делаю, или что мне нужно, и они также дружелюбно исполняют мои предложения, сами опасаясь всякой переписки»⁹.

Интересно, что примерно такую же позицию занимала и китайская сторона: отказавшись принять русского посла в Тяньцине и выразив протест против действий России на Амуре, нарушающих Нерчинский договор, китайцы в то же время предложили провести пограничные переговоры непосредственно на Амуре¹⁰. Российская сторона приняла это предложение; в конце 1857 г. Пекин был уведомлен о том, что российским представителем на предстоящих переговорах по амурскому вопросу будет Муравьев. В свою очередь, китайская сторона уполномочила на ведение переговоров князя И Шаня, назначенного в 1856 г. военным губернатором провинции Хэйлунцзян. И Шань принадлежал к императорскому клану и уже имел опыт переговоров с русскими – в 1850 г. он был назначен военным губернатором провинции Или и вел переговоры с полковником Е.П.Ковалевским, будущим начальником Азиатского департамента, в результате которых был заключен Кульджаинский договор 1851 г., открывавший для русских купцов Кульджу и Чугучак¹¹.

Русско-китайские переговоры по пограничному разграничению начались 11 мая 1858 г. в Айгуни. Взяв на себя инициативу с самого начала переговоров, Муравьев изложил китайской стороне свое видение амурского вопроса; по его словам, Россия не могла допустить захвата устья Амура иностранной державой; для защиты страны с моря России требовалось иметь в своем владении часть Приморья; целесообразно было определить границу между Китаем и Россией по Амуре и Уссури – естественному и удобному рубежу между обеими странами. Генерал-губернатор передал китайским представителям свой проект договора, состоявший из

пяти пунктов, основное содержание которых сводилось к тому, что Китай должен был уступить России не только Приамурье, но и Уссурийский край, а граница между двумя странами должна была проходить по Амуру, Уссури и далее к морю¹².

Весь ход переговоров с самого начала и до конца был построен Муравьевым таким образом, чтобы заставить китайскую сторону принять его проект договора; в ход были пущены даже театральные эффекты: мнимая болезнь генерал-губернатора, возвведение статского советника Перовского перед китайцами в ранг члена Сената, демонстративный отъезд и т.д.¹³. Несмотря на ультимативные требования российской стороны, И Шань отказался вести переговоры по иным пунктам, кроме амурского вопроса; отказалась китайская сторона и от признания за Россией Уссурийского края. Тем не менее, в основе подписанного 16 мая Айгуньского договора лежали положения представленного российской стороной проекта договора. В приветственной речи во время церемонии подписания договора Муравьев сказал, что он очень рад, что наконец они согласились во всех пунктах и кончили дело, продолжавшееся более полутора столетия и давно заботившее их правительство. Пункт 1-й договора гласил:

«Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р.Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до р.Уссури, владением Дайцинского Государства; от р.Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя Государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского Государств»¹⁴.

Таким образом, договор имел лишь прелиминарный характер, так как обширные территории между Уссури и Амуром остались неразграниченными – «в общем владении Дайцинского и Российского Государств». Заключение Айгуньского договора было большой дипломатической победой Муравьева: через восемь лет после начала занятия Приамурья де-факто Россия не только юридически закрепляла за собой левый берег Амура, но и, вдобавок, заявляла о своих правах на Уссурийский край. В этом плане, по нашему мнению, Айгуньский договор тождественен заключенному Путятиным в Симода договору с Японией – в обоих случаях, считая для себя вопрос в принципе решенным, но не имея возможности убедить противную сторону согласиться с предложенным ей вариантом, российские представители

предпочли оставить окончательное юридическое оформление на будущее. Равноправный характер Айгуньского договора, «направленного в первую очередь против посягательств на район Амура третьих держав», подчеркивал В.С.Мясников¹⁵.

В это время находившемуся в Тяньцзине Путятину, игравшему роль посредника между англичанами и французами, с одной стороны, и китайцами, с другой, удалось добиться заключения с китайскими уполномоченными русско-китайского договора, получившего название Тяньцзинского. Участие России в едином фронте европейских держав против Китая принесло свои плоды: наряду с подтверждением «мира и дружбы с давних времен существовавшего между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Богдоханом Дайцинским и их подданными» (Статья 1-я) договором устанавливалось равенство сторон, русские купеческие суда могли заходить в Шанхай, Кантон и другие китайские порты, открытые для иностранной торговли (Статья 2-я), Россия могла открывать там консульства (Статья 5-я), за русскими признавалось право экстерриториальности (Статья 7-я), разрешалась проповедь христианства (Статья 8-я). Пограничный вопрос был затронут в Статье 9-й:

«Неопределенные части границ между Китаем и Россиею будут без отлагательства изследованы на местах доверенными лицами от обоих Правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату. По назначении границ сделаны будут подробное описание и карты смежных пространств, которые и послужат обоим Правительствам на будущее время беспорными документами о границах»¹⁶.

Таким образом, высказанные Муравьевым в письме Ковалевскому от 11 июля 1858 г. опасения о том, что находящийся в Китае Путятин, не зная о заключении Айгуньского договора, может совершить дипломатическую ошибку («только в конце июля может Путятин узнать, что Амурское дело кончено; а до того времени Бог знает, что он вздумает делать!»)¹⁷, были лишены оснований: статьи обоих договоров не были взаимоисключающими; после ратификации цинским императором Айгуньского договора 2 июня 1858 г. указанная статья Тяньцзинского договора относилась только к Уссурийскому краю¹⁸.

После заключения Айгуньского договора Муравьев первой задачей считал «прочное занятие новой границы по рекам Амуру и Уссури». В рапорте великому князю Константину

Николаевичу от 11 июля 1858 г. он отмечал:

«Считая обязанностию немедленно принять в наше заведывание все места общаго нашего владения с Китаем, я просил контр-адмирала Казакевича отправить команду для занятия бухты св.Владимира уже формальным порядком на основании договора; кажется, что теперь ни с чьей стороны к этому препятствий быть не может, и до Кореи никто, кроме нас, не может занимать прибрежные места»¹⁹.

В письме к Ковалевскому от 16 октября 1858 г. Муравьев, уже зная о содержании Тяньцзинского договора, пишет о том, что с разграничением с Китаем необходимо спешить:

«...В отношении определения нашей границы от Уссури до моря ...полагаю необходимым сделать это сколь возможно поспешнее, во исполнение 9-го пункта Тянь-Цзинского трактата; предлог у нас с Китайцами будет все тот же, чтоб Англо-Французы не захватили какой-нибудь бухты между Кореей и нашими владениями, и потому лучше, чтоб весь берег до Кореи был наш!».

Еще одним направлением, в котором, по мнению Муравьева, предстояло действовать безотлагательно, был Сахалин:

«Теперь в особенности, после заключения договора с китайцами об Амуре, необходимо нам озабочиться об утверждении нашего владычества на Сахалине...Остается следовательно желать, чтоб граф Путятин, располагающий всеми нашими паровыми судами в Восточном океане и пользующийся известным влиянием в Японии, выговорил для нас южную часть Сахалина и тем устранил возможность занятия иностранцами какого-либо пункта на этом острове»²⁰.

В письме самому Путятину от 19 июня 1858 г. Муравьев писал:

«Желая владеть на Сахалине всеми угольными копями, мы никак не можем поручиться, чтобы не было таковых южнее Кусуная, а между тем, отдавая часть острова, мы создаем себе сухопутную границу, на которой необходимо будет возвести сильные укрепления и держать много войска, без всякой другой цели кроме обороны от Японии...в настоящее время, даже если часть Сахалина останется за Японией, то иностранцы могут вынудить японское правительство уступить им на этом острове земли...»²¹.

Как мы уже упоминали в главе II, на переговорах при заключении договора от 7 августа 1858 г.

не Путятин, а японская сторона пыталась поднять вопрос о Сахалине, и все свелось к обещанию Путятина доложить правительству о необходимости проведения переговоров по территориальному размежеванию. Как и в случае с миссией Путятина в Пекин, и на этот раз Муравьев весьма болезненно реагирует на то, что главную роль играет не он, что видно из его писем к Ковалевскому:

«Желал бы знать откровенно ваше мнение и о Японских наших делах, которые вам также нельзя и не следует делать помимо генерал-губернатора Восточной Сибири (подчеркнуто нами – А.Т.). Официальные мои отношения я делаю на имя князя» (Письмо от 16 октября 1858 г.)²².

«В отношении разграничения нашего с Японией на Сахалине также не должно терять времени... Если граф Путятин ничего не решил о Сахалине после Тянь-Дзинского трактата, и если высшее правительство желает мне поручить это дело, то пришлите уполномочие, в котором, однакоже, не следует упоминать разграничения на Сахалине, ибо, по всем соображениям, нам необходимо иметь весь этот остров в нашем владении, а иначе мы встретим там Англичан, которые возьмут у Японцев, что им угодно. Я готов еще посвятить все будущее лето для окончания этих дел лично, но, разумеется, все это будет зависеть от степени доверия, которым удостаивают меня в Петербурге; а, может быть, там и теперь уже решено, что я здесь лишний» (Письмо от 10 ноября 1858 г.)²³.

Из содержания процитированного выше письма очевидно, что Муравьев считал решение сахалинского вопроса последним пунктом амурского вопроса («окончание этих дел»), причем это решение предусматривало только один вариант – полная уступка Сахалина России. Как и при разграничении с Китаем («предлог у нас с Китайцами будет все тот же»), и в данном случае на первый план выходит традиционная муравьевская англофобия. Необходимо отметить, что опасения Муравьева по поводу того, что японская часть Сахалина может в той или иной форме перейти под контроль англичан, не были совершенно безосновательными: еще за год до этого американский генеральный консул в Японии Таунсенд Гаррис в беседе с представителями бакуфу заявил следующее: «Англия не заинтересована в том, чтобы Россия завладела Сахалином и Амуром. Англия также боится, что Россия захватит Маньчжурию и Китай... Если это произойдет, то Англии будет трудно защитить себя; чтобы обеспечить себе позиции для

выгодной обороны, она будет стремиться завладеть Сахалином, Эдзо и Хакодатэ... Англия предпочтет скорее Эдзо, чем Маньчжурию»²⁴. В свою очередь, Англия также подозревала Россию в стремлении прибрать к рукам Сахалин и Эдзо. Так, английский консул в Хакодатэ Годсон отмечал, что в интересах Англии сохранять независимость и территориальную целостность Японии: «Наш долг – обеспечить открытый статус Хакодатэ и поддержать японцев... эта задача облегчилась тем, что наши американские братья увязли в гражданской войне. Я не сомневаюсь, что Соединенные Штаты молчаливо потворствовали российскому правительству в его замыслах против Хакодатэ»²⁵.

Апелляции Муравьева возымели свой эффект. Постановлением Амурского комитета от 3 декабря 1858 г. было решено: «Относительно острова Сахалин, предоставить графу Муравьеву-Амурскому войти в ближайшие отношения с Японским правительством о том, весь ли остров или его часть должны принадлежать России»²⁶. Получив соответствующие полномочия, Муравьев намечает обширные планы на лето 1859 г.; в донесении великому князю Константину Николаевичу от 2 мая он пишет:

«Главнейшие предметы этого плавания будут: предъявить в Хакодаде мое уполномочие на переговоры; в Суйфунском заливе встретить обер-квартирмистра Будогосского, который пролагает сухопутную границу между вершинами реки Уссури и морем; свезти карты новых наших границ в Печелийский залив, где передать их в Пекин для утверждения, чрез нашего уполномоченного. Из Печелийского залива я должен возвратиться для переговоров в Японию... Эскадру, которая будет мне сопутствовать в этом плавании, я постараюсь собрать сколь возможно более многочисленную, чтобы японцы и китайцы могли видеть и морские наши силы...»²⁷.

Таким образом, наряду с миссией в Японию Муравьевставил задачу предоставить полномочному представителю России в Пекине Н. П. Игнатьеву необходимую для окончательного разграничения с Китаем информацию о находящихся в совместном владении землях Уссурийского края. Прибыв 24 июня 1859 г. в Хакодатэ, Муравьев по совету И.А.Гошкевича направил уведомление в Верховный Совет, что прибудет в Эдо 20 июля в соответствии с имеющимися у него полномочиями для переговоров по территориальному вопросу²⁸. Несмотря на попытки префектов губернаторства Хакодатэ начать немедленно

обсуждение сахалинского вопроса, Муравьев отказался, заявив, что не будет вести переговоры с чиновниками, не соответствующими его рангу²⁹.

Покинув Хакодатэ, Муравьев направился в залив Петра Великого. Встретившись с прибывшим в бухту Посыета с верховьев Уссури подполковником Будогоским, экспедиция которого составила карту и описание границы без участия не явившихся комиссаров Китайского правительства, Муравьев убеждается в необходимости отодвинуть планируемую линию границы до реки Тюмень-Ула, вплотную к корейской границе, о чем и сообщает Игнатьеву в Пекин³⁰. Об этом же Муравьев пишет Ковалевскому:

«Нам необходимо протянуть нашу границу по берегу моря до р.Тюмень-Ула, составляющей границу Мандркурии с Кореей, а иначе Англичане непременно утвердятся в бухте Посыета, где и гавань прекрасная, и каменный уголь есть; теперь они, может быть, об этом еще не думают, но при первом новом разрыве с Китаем займут это место, если оно не будет занято нами...»³¹

и Корсакову:

«Будгосский молод, но свою работу выполнил блестяще. Залив Посыета стал нашим, а наша граница отодвинулась до реки Тюмень-Ула, которая является границей Кореи и Китая. Мы даже и не мечтали получить столько, но невозможное стало очевидным. В заливе Посыета обнаружена чудесная бухта, которую мы можем сразу же занять, если Англия начнет конфликт с Китаем»³².

Доставив Будогоского в Китай, Муравьев направился в Японию; 5 августа 1859 г. русская эскадра из 9 судов появилась в Эдосском заливе. По меткому замечанию С.И.Новаковского, «Муравьев имел намерение приобрести Сахалин не только целиком, но и совершенно безвозмездно, путем лишь одного воздействия на воображение японских правительственные сфер, как присутствием многочисленной военной эскадры, громом пушек, так и необыкновенной пышностью посольства и подарками»³³. Необходимо отметить, что в то время, когда Муравьев прибыл в Японию, там, как и в Китае, разгорался острый политический кризис, одним из внешних проявлений которого было движение за изгнание иностранцев («сонно дзёи»).

Для переговоров с генерал-губернатором представителями с японской стороны были

назначены «вакадосиёри» (дословно «молодые пожилые», следующий за «родзю» - членами Совета старейшин – ранг чиновников) Эндо Тадзиманоками и Сакай Укёносукэ. На первой предварительной встрече, имевшей место 9 августа (по японскому календарю 23 июля) на борту находящегося на рейде фрегата «Аскольд», Муравьев, отметив, что целью его визита является проведение переговоров с японским правительством, и что после заключения между двумя странами договора о дружбе остается один нерешенный вопрос, заявил:

«По последним трактатам с Китаем, *in order to maintain the friendly relations*, берега Амура возвращены России. Река эта называется по китайски Сахалин-Ула, поэтому, *of course*, и остров Сахалин принадлежит России»³⁴.

Русско-японские переговоры начались 12 августа (по японскому календарю 26 июля) в храме Тэнтокудзи; на них присутствовали также префекты губернаторства Хакодатэ Мурагаки Ёсанро (Авадзиноками) и Хори Орибэ (Тадаси). На открытии переговоров Муравьев выступил с пространным заявлением следующего содержания:

«В дружественных трактатах, заключенных между нашими двумя великими государствами, одно важное дело не кончено. Японские рыболовы с давних времен занимаются своею промышленностью в Аниве, на южной оконечности острова Сахалина или Карафто; оба эти древние названия свидетельствуют, что остров этот однороден с рекою, называемою Сахалин-Ула или, по нашему, Амур, и что он последние 170 лет считался Китайским, т.е. гораздо прежде, чем Японские рыболовы учредили там свои промыслы; но прежде того времени река Сахалин-Ула, а следовательно и остров Сахалин принадлежали России. Следуя голосу справедливости и желая сохранить дружеские отношения, оба государства – Российское и Китайское – согласились между собою в том, чтобы Русские по прежнему занимали Сахалин-Ула (Амур), и по этому случаю Российский караул был поставлен шесть лет тому назад и на южной оконечности Сахалина, в заливе Анива; но люди наши, по малочисленности их там, заболевали, и адмирал Путятин, опасаясь, что они все перемрут, велел этот караул временно вывезти из Анивы, оставив здания на попечении находившихся там Японцев.

Ныне же, когда количество сухопутных и морских войск, под моим начальством в Восточной Сибири, значительно увеличилось, и когда войска эти подвинулись к устью

Амура, я могу уже послать в Аниву немногочисленный отряд, устроить хорошия помещения, и тогда не будет опасности, чтобы люди наши заболевали от трудной службы, как это было в 1854 году; но так как великий Государь мой приказал мне во всех пограничных делах прежде объясняться с пограничными дружественными государствами – Японией и Китаем, и на этот конец снабдил меня надлежащими уполномочиями, то я и поспешил прибыть сюда для переговоров с мудрыми Японскими сановниками, чтобы письменно окончить все сомнения относительно Сахалина.

Польза обоих наших государств требует, чтобы дело это было решено окончательно как можно скорее, ибо при сомнительном его состоянии иностранцы могут им воспользоваться и занять на острове Сахалине для себя места, чего уже, конечно, не может случиться, когда весь остров будет письменно признан в Российском владении и будет находиться под защитою вверенных мне войск. Японское правительство само теперь видит, какими значительными морскими силами может уже здесь располагать Россия; но силы эти начали здесь учреждаться только пять лет тому назад и будут увеличиваться с каждым годом. По вышеприведенным причинам необходимо, для обойдной безопасности, чтобы весь остров Сахалин находился под нашою защитою»³⁵.

Таким образом, впервые российская сторона устами полномочного представителя высказала свое видение решения сахалинского вопроса: принадлежность всего Сахалина России и проведение границы между двумя государствами по проливу Лаперуза. В интерпретации Муравьева получалось, что Китай уступил России Сахалин вместе с Амуром, поэтому в заливе Анива был учрежден Муравьевский пост. На очевидное несоответствие данного утверждения фактам обратил внимание японский исследователь Акидзуки: исходя из логики Муравьева, получалось, что занятие Кусюнкотана (1853 г.) является следствием Айгунского договора (1858 г.), в тексте которого о Сахалине никак не упоминалось, но даже если бы и упоминалось, то к третьей стране – Японии – это не имело бы никакого отношения³⁶.

В последовавшей за этим дискуссии японская сторона ссыпалась на переговоры с Путятиным и положение «как было до сего времени», по которому Сахалин оставался неразграниченным; по этому поводу Муравьев заявил, что у Путтина не было полномочий устанавливать границу на Сахалине, так как Сибирь, Анива и Сахалин находятся под

юрисдикцией генерал-губернатора Восточной Сибири. Далее Муравьев внес на рассмотрение проект соглашения, состоявший из 3-х пунктов: пролив между Сахалином и Эдзо признать за границу между двумя странами; японские рыболовы могут по-прежнему вести свои промыслы в заливе Анива на Сахалине; японцы разных сословий могут поселяться в Приамурье. В стенограмме переговоров отмечено, что, огласив три пункта, Муравьев добавил, что Россия также берет на себя защиту острова. Приняв к сведению предложение Муравьева, японская сторона заявила, что установление границы – это важнейшее государственное дело и потребует много времени, но что в любом случае граница по проливу Лаперуза для Японии неприемлема³⁷. Таким образом, в первый день переговоров Муравьев довел до японской стороны свою позицию, которую японская сторона приняла к сведению; по ее предложению следующий раунд переговоров должен был состояться через несколько дней.

Через 2 дня в Совет старейшин поступил меморандум «О границе на Северном Эдзо», составленный хакодатскими префектами Мурагаки и Хори. Касаясь предложения Муравьева о проведении границы между Северным Эдзо (Сахалином) и Эдзо (Хоккайдо), они подчеркивали, что российская сторона требует передачи ей всего Сахалина на основании двух тезисов: что Сахалин составляет единое целое с Амуром, и что остров стремится прибрать к своим рукам иностранные государства, в то время, как у Японии нет военных сил для его защиты. Префекты, признавая, что японское освоение Сахалина идет с большим трудом, указывали, что, тем не менее, недопустимо передавать весь остров России, и предлагали, в крайнем случае, провести разграничение по линии Кусконнай – Мануй. Отмечалась также возможность того, что при уступке Сахалина России Англия и Франция могут потребовать аренды Хоккайдо под предлогом защиты Японии от русской агрессии. Выход из создавшейся ситуации префекты видели в дальнейшем усилении обороны Сахалина и Хоккайдо объединенными усилиями всех княжеств, для чего предлагали запросить мнение заинтересованных ведомств и даймё³⁸.

Выработке японской позиции на переговорах было посвящено совместное заседание Иностранной комиссии («Гайкоку Бугё») и Совещания по иностранным делам («Гайкоку татиайяку») в присутствии ректора правительенной академии Хаяси («дайгаку-но ками»), состоявшееся 1 августа. Обсудив проект соглашения, предложенный Муравьевым, участники совещания подчеркнули, что сахалинские айны – это периферийный народ Японской империи;

что касается нивхов и уйльта, то часть их ни от кого не зависит, а остальные подчиняются сантанцам, но в любом случае не России. С Россией уже был заключен договор, по которому стороны пришли к соглашению учитывать сложившиеся на острове реалии - «как было до сего времени»; юг острова включен в административную систему японского государства, поэтому нет никаких оснований признавать «беспочвенные и абсурдные» требования России на весь остров³⁹.

Следующий раунд переговоров состоялся 18 августа (по японскому календарю 2 августа) в храме Тэнтокудзи; с учетом выработанной на совещании позиции Эндо и Сакаи заявили, что японская сторона не может пойти на уступку всего Сахалина, так как это противоречит второй статье Симодского трактата и окажет отрицательное воздействие на политическую ситуацию в стране, а также на взаимоотношения с другими государствами, с которыми у Японии заключены договоры. В ответ на японское заявление Муравьев повторил свой тезис о том, что у Путятина в Симода были полномочия устанавливать границу только на Курильских островах, но не на Сахалине, поэтому он еще раз вынужден повторить свое предложение об уступке всего острова России. Переговоры зашли в тупик: не изменило ситуацию и японское предложение рассмотреть в качестве компромиссного решения возможность разграничения по линии Порокотан – Тарайка. Видя очевидную бесперспективность дальнейших переговоров, Муравьев выступил с заявлением о том, что ввиду отказа японской стороны от предложенного проекта соглашения он не видит смысла своего дальнейшего пребывания в Эдо; что касается границы, то она остается в рамках, очерченных «Трактатом о торговле и границах». При этом, по его мнению, так как вопрос о границе не решен, то на Сахалине, в отличие от Курильских островов, где русские не появляются на Итурупе, а японцы не посещают Уруп, люди с юга могут передвигаться на север, а люди с севера – на юг. Переговоры завершились тем, что обе стороны подтвердили действительность второй статьи Симодского трактата.

Во время проведения переговоров «кронином» (деклассированным самураем – А.Т.) из движения по изгнанию иностранцев 13 августа в Канагава были убиты мичман Мофет и матрос Соколов; это было первое убийство иностранцев в Японии после открытия страны. Муравьев не воспользовался данным инцидентом, чтобы ужесточить территориальные требования к Японии или предпринять какие-либо репрессивные меры, которые предлагали находившиеся в

И окончательно иностранные торговые и дипломатические представители. В частности, полномочный представитель Англии Олькок считал, что «Это был редкий шанс – в заливе находилась мощная иностранная эскадра страны, чьи представители подверглись нападению; а ее главнокомандующий граф Муравьев мог высадить на их территорию армию с соседнего побережья, если бы он пожелал, намного быстрее, чем любые другие иностранные представители или государство»⁴⁰. Отверг Муравьев также и предложение о взимании компенсации с японской стороны («Россия не торгует кровью своих подданных»). Подняв этот вопрос на переговорах 18 августа, Муравьев принял к сведению заявление японской стороны о розыске преступников и выразил уверенность, что, несмотря на то, что со дня преступления прошло пять дней, преступники будут пойманы и понесут наказание⁴¹. 24 августа Муравьев покинул Эдо, так и не добившись никаких результатов в решении сахалинского вопроса.

В отчете о переговорах, направленном А.М. Горчакову 17 октября 1859 г., отмечая отказ японского правительства о признании права России на весь Сахалин, Муравьев пишет:

«Японское правительство, основываясь на 2-й статье трактата, заключенного графом Путятиным в 1855 году, не признает возможным провести границу между нами южнее острова Сахалина, который считает, согласно с буквою вышеуказанной статьи, неразделенным между Россиею и Япониею, но уполномоченные предлагали мне провести границу на Сахалине по 50° сев. широты.

Принимая в соображение, что права Японцев на Сахалин столь же неопределены, как и наши, что остров этот, по обоим названиям своим – Сахалин и Карагфто – ничего японского в себе не заключает, я не мог согласиться ни на какое разделение его между Япониею и нами...».

Выход из создавшейся ситуации Муравьев видел в усилении русского военного присутствия на острове:

«В заключение необходимым считаю просить ваше сиятельство испросить Высочайшее повеление о занятии, с открытием навигации будущего 1860 года, нашими войсками южной оконечности Сахалина...»⁴².

В донесении императору от 18 октября 1859 г. Муравьев повторяет то же самое:

«...сообщаю г. министру иностранных дел для доклада Вашему Императорскому

Величеству о переговорах моих в Японии, которые в отношении Сахалина не имели желанного успеха; но настоящее посещение мое столицы Японии с приличною эскадрою будет, конечно, иметь полезное для нас влияние на умы японцев... Занятие пункта на южной оконечности Сахалина для нас необходимо и не противоречит трактату 1855 года. Японскому правительству это, конечно, не будет приятно, но не нарушит наших мирных с ним отношений и еще усилит то влияние, которое мы имеем на него, как ближайшие и сильные соседи»⁴³.

Таким образом, в отличии от Айгуни, переговоры Муравьева в Эдо окончились безрезультатно: прогресса в решении сахалинского вопроса достигнуто не было. Тем не менее, впервые Россия в лице генерал-губернатора Восточной Сибири заявила о том, что ее не будет устраивать никакой другой вариант, кроме уступки ей всего Сахалина. Прямолинейные формулировки генерал-губернатора, так контрастировавшие с дипломатическими «реверансами» Путятиня, не оставляли японской стороне ни малейшей надежды на то, что сахалинский вопрос со временем разрешится сам собой. Вместе с тем, переговоры примечательны также тем, что для японской стороны после заключения Симодского договора это был первый успешный опыт отстаивания своих государственных интересов с использованием противоречий между европейскими державами. Муравьев, придя в Эдосский залив во главе внушительной эскадры, рассчитывал на повторение успеха Перри. Но за несколько лет ситуация изменилась: события Крымской войны показали, что противостояние между европейскими странами, в частности, между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, объективно способствует сохранению японского суверенитета над землями Эдзо, включая Южный Сахалин, так как каждая сторона стремилась не допустить усиления в этом регионе другой. На переговорах с Муравьевым японская сторона опиралась на поддержку полномочного представителя Англии Олькоха и французского поверенного в делах де Белькура⁴⁴.

Как видно из процитированных выше донесений Муравьева в Петербург, генерал-губернатор не считал неуспех своей миссии в Эдо препятствием на пути к полному занятию Сахалина; 15 ноября 1859 г. он отдает указание военному губернатору Приморской области П.В.Казакевичу наряду с занятием пунктов на юге Приморья «занять и укрепить для двух рот место в заливе Анива на острове Сахалин», делая здесь же оговорку, что на Сахалин

«...десант может быть сделан и позже. О занятии пункта в заливе Анива я еще ожидаю впрочем решений высшего правительства, о которых не премину известить ваше превосходительство, лишь только сам получу о том извещение»⁴⁵. Данное указание Муравьева было выполнено только частично: в июне 1860 г. на Сахалин была отправлена 2-я рота 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, которую разместили в Дуйском и Кусунайском постах⁴⁶.

На юге Сахалина летом 1859 г. сложился своеобразный статус-кво: отряд Маргасова продолжал укреплять свои позиции по линии Кусунай – Мануй; японцы со своей стороны реки Кусунай (Ильинка) закончили строительство наблюдательного пункта и которы. Таким образом, на западном побережье острова сложилось определенное равновесие сил. Интересно, что находившийся вместе с Муравьевым в Эдо английский путешественник Генри А. Тилли, посетивший затем Николаевск и оставивший интересные путевые заметки стороннего наблюдателя, по поводу Сахалина писал:

«...Северная часть (острова) принадлежит русским, южная японцам. В северной части проживают гиляки с материка, а в южной – айны с Японских островов. Посты казаков расположены по одну сторону, японцев – по другую, для поддержания контроля над местными жителями. Линия границы примерно по 48-й параллели проходит в месте, называемом Кусунай, где русские и японские посты расположены на коротком расстоянии друг от друга. У русских есть другой пост в Дуз, или бухте Лаперуза, где есть залежи угля прекрасного качества, если добывать его на некотором расстоянии от берега. Главное поселение японцев на острове находится в заливе Анива»⁴⁷.

Ценные свидетельства о ситуации на юге Сахалина в 1860 г. оставил участник отряда геолога Ф. Б. Шмидта, направленного Русским Географическим обществом для изучения Приамурья и Сахалина, этнограф А. Д. Брылкин:

«Численность японцев на Сахалине с каждым днем увеличивается. Со времени основания русских постов на р.Кусунае и Мануз, они основали много новых селений. В настоящее время самое северное их селение по восточному берегу – Могун-котон, по западному Усuri (Усёро) (около 200 в. выше Кусуная). Они никак не думают признавать границей Кусунай и считают своим все пространство до Усuri и оз.Тарайки; их джонки в

продолжении всего навигационного времени беспрестанно приходят на Сахалин, снабжают селения огромными запасами продовольствия и вывозят отсюда местные произведения»⁴⁸.

Оставшись на зимовку в Мануз и выучив основы айнского языка, ученый мог непосредственно беседовать с айнами и установил со многими из них дружеские отношения. Брылкин отмечает некоторые очевидные положительные моменты японского господства, особенно в материальном плане:

«Прежние путешественники с негодованием сообщают о деспотизме японцев, в отношении айнцев. Негодование это не имеет никакого основания – это ни что иное, как вздорные выдумки. Японцы совершенно не вмешиваются в дела, касающиеся их веры и обычая; не употребляют против них никаких насильственных мер. Айны работают для японцев по добровольному согласию... получают вместо денежной платы необходимые для них товары как то: рис, материи, табак, деревянную посуду, котлы и разные мелкие вещи... При выдаче, в присутствии всех чиновников, испытывается доброкачественность товара...

Результаты японского господства на Сахалине очевидны. Прежде существование айнов совершенно зависело от случайных обстоятельств... Все айны живут без нужды и большая часть даже довольно зажиточно»⁴⁹.

Нарисованная Брылкиным лубочная картинка – это не что иное, как результат новой политики губернаторства Хакодатэ («заботы об айнах»), которой мы касались в главе II. В то же время, несмотря на отмеченное выше стабильное продовольственное и товарное снабжение, врачебную помощь, обучение грамоте и т.д., Брылкин отмечает, что «айны не любят японцев и нетерпеливо ожидают освобождения из-под их ига. Причины этого понятны: айны, как и всякий другой народ, дорожат своей стариной и не хотят с нею расстаться»⁵⁰. Ученый видит причину также в следующем:

«Деспотизм господствующей нации, в какой бы форме он ни проявлялся, всегда имеет вредное влияние на нравственность покоренного племени. Обыкновенные следствия подобных отношений между двумя племенами суть: раболепие, двуличие, ложь, ябедничество, наушничество, искалательства, не всегда чистые, благосклонности

сильных, - все это уже привилось к южным айнам»⁵¹.

Брылкин пишет, что в одном из айнских селений он повстречался с представителями айнов района Тарайки, которые направлялись на переговоры о признании владычества японцев. Чиновник губернаторства Одаи Курата, организовавший предыдущим летом пробную рыбалку на побережье Тарайки, уговаривал айнов работать на японцев на тех же условиях, что и южные айны. Вот как пишет об этом Брылкин:

«Селение Тарайка, расположенное в 20 вер. от оз. Тарайки, на реке Сиське (Поронай – А.Т.), в настоящее время самое богатое из айнских селений на Сахалине. Обилие рыбы, лушного зверя ... доставляют тамошним жителям неистощимые средства к жизни и к торговле с гиллями и амурскими мангунами. Легко понять, что тарайским айно невыгодно подчиниться японцам и они решились отстаивать свою независимость. Но японцы, как умные дипломаты, не требовали от них полной покорности, но настояли только на том, чтобы они признали себя подданными Японии. Для утверждения этого владычества, ныне летом в Тарайке будет основано японское селение и для управления айнами будет послан чиновнику»⁵².

Айнская депутация просила у Брылкина помочь для защиты от японцев и совета.

«Но что мог я для них сделать! Поддерживать надежды на занятие Сахалина русскими я считал недобросовестным и потому ограничился советом послать депутатов в Николаевск, для выражения их чувств и просьб о содействии русских к освобождению их от японцев... Жаль, от души жаль, этот бедный народ! Существование южных айнов в настоящее время уже в очень сильной зависимости от японцев, и если Сахалин будет наконец в руках русских, то со стороны нашей должны быть сделаны пожертвования и приняты обдуманные меры, чтобы айно, лишенные материальной помощи со стороны японцев, не подверглись совершенной нищете, которая, при их врожденной беспечности, может иметь губительные и неисправимые последствия»⁵³.

В то время, когда Брылкин путешествовал по югу Сахалина, в русско-китайских отношениях произошло событие, поставившее точку в более чем полуторавековой истории амурского вопроса – 2 ноября 1860 г. в Пекине Н.П.Игнатьевым был заключен дополнительный Пекинский договор. Находясь в Китае с апреля 1859 г., Игнатьев умело играл роль посредника

между китайским правительством и союзническими войсками. По этому поводу П.И. Кабанов писал:

«Игнатьев повел сложную дипломатическую игру. Нужно было, во-первых, усыпить подозрения иностранцев относительно истинных намерений русского правительства, а во-вторых, добиться от китайцев если не доверия, то убежденности в том, что в переговорах с англо-французами они не смогут обойтись без посредничества русского посла. ... Для англичан и французов Игнатьев стремился сделаться необходимым советником и экспертом по китайским делам, убедив их в своей искренности и доброжелательности к общему делу союзников»⁵⁴.

Дипломатическая изворотливость Игнатьева принесла свои плоды: во время осады союзниками Пекина в октябре 1860 г. оставшийся в столице вместо бежавшего императора принц Гун обратился к русскому посланнику с просьбой о посредничестве; Игнатьев принял просьбу с условием, что требования русского посла в отношении Айгуньского договора, разграничения в Уссурийском крае, открытия сухопутной торговли и учреждения новых консульств будут удовлетворены⁵⁵. После подписания китайским правительством договоров с Англией и Францией начались русско-китайские переговоры, закончившиеся подписанием 2 ноября дополнительного Пекинского договора. Статья 1-ая договора гласила:

«В подтверждение и пояснение первой статьи договора, заключенного в городе Айгуне, 1858 года, Мая 16-го дня (Сянъ фын VIII года, IV луны, 21-го числа), и во исполнение девятой статьи договора, заключенного в том же году, Июня 1-го дня (V луны 3-го числа), в городе Тяньцзине, определяется: с сих пор Восточная граница между двумя Государствами, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, пойдет вниз по течению реки Амура до места слияния сей последней реки с рекой Усuri. Земли, лежащия по левому берегу (на Севере) реки Амура, принадлежат Российскому Государству, а земли, лежащия на правом берегу (на Юге), до устья реки Усuri, принадлежат Китайскому Государству. Далее от устья реки Уссури до озера Хинкай, граничная линия идет по рекам Уссури и Сунгача. Земли, лежащия по Восточному (правому) берегу сих рек, принадлежат Российскому Государству, а по Западному (левому), - Китайскому Государству. За тем граничная между двумя Государствами линия, от истока реки

Сун'гача, пересекает озеро Хинкай и идет к реке Бэлэн-хэ (Тур), от устья же сей последней, по горному хребту, к устью реки Хубиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекою Хуньчунь и морем до реки Ту-мынь-дзянь. Здесь также земли лежащия на Востоке принадлежат Российскому Государству, а на Западе Китайскому. Границная линия упирается в реку Ту-мынь-дзянь на двадцать Китайских верст (Ли), выше владения ея в море...»⁵⁶.

Итак, Уссурийский край и побережье материка до корейской границы становились полноправным владением России; Россия получала удобный выход к Тихому океану и незамерзающие гавани. В письме к командиру Тихоокеанской эскадры И.Ф.Лихачеву от 29 октября 1860 г. Муравьев, высоко оценивая результаты деятельности эскадры по занятию стратегических точек в южной части Приморья, писал:

«С величайшим удовольствием получил я известие о быстром и необыкновенно раннем занятии Вами весною нынешняго года Новгородской гавани в заливе Посьета. Совершив это важное дело, особенно при современных обстоятельствах и взаимных отношениях Европейцев на Тихом океане, Вы сделали важную услугу в вопросе нашего влияния на крайнем Востоке...

От души и искренне благодарю Вас за сообщение мне в письме Вашем от 15/27 Июня из Шанхая некоторых мыслей касательно вопроса о занятии южных гаваней Японского моря и связи Прибрежья этого с системою вод рр.Уссури и Амура. Начало этому делу теперь положено: гавани залив Петра Великого заняты, дорога от оз.Ханка к морю прорублена, - она свяжет приморские посты с сильными постами нашими на оз.Ханка, а заселение пограничной линии по Уссури до устьев ея состоящее в настоящее время до 600 семейств, в будущем году будет удвоено»⁵⁷.

Заключение русско-китайских договоров в середине XIX в. и установление русско-китайской границы, по мнению П.И. Кабанова, «не нанесло Китаю ни экономического, ни политического ущерба...Амурский вопрос – проблема взаимоотношений России с Китаем – никогда больше не ставился и не подвергался ревизии»⁵⁸. Такого же мнения придерживаются Е.Л. Беспрованных: «Установление русско-китайской границы на Дальнем Востоке не только разрешило вопрос о Приамурье, существовавший в течение более чем полутора веков, но и

создало прочную основу для дальнейшего обближения двух государств и ... в той же степени соответствовало национальным интересам китайского народа, что и русского», и В.С.Мясников: «Цинская империя фактически никогда не осуществляла здесь (в Приамурье) своей власти...По сути, маньчжуры уступили русским то, чем не владели сами, - край, о котором они имели лишь смутное представление»⁵⁹. В любом случае, заключенные с Китаем договоры значительно укрепили геополитические позиции России на Тихом океане. Как уже неоднократно подчеркивалось выше, одной из главных ключевых фигур дальневосточной политики являлся назначенный в 1847 г. на пост генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. В своей деятельности ему удалось в полной мере использовать в интересах России такие факторы, как возрастание активности европейских держав в этом регионе, с одной стороны, и ослабление Китая, с другой. Вся его деятельность на посту генерал-губернатора прошла под знаком противостояния устремлениям Англии в азиатско-тихоокеанском регионе, которая, по его мнению, стремилась взять под свой контроль не только Китай, но и устье Амура, побережье материка и Сахалин, чтобы таким образом блокировать выход России на Тихий океан. Насколько оправданы были опасения Муравьева в отношении планов Англии? На первый взгляд, вполне оправданы самим ходом событий, имевших место на Дальнем Востоке в середине 1850-х гг. в ходе Крымской войны: объединенная англо-французская эскадра атаковала Петропавловск, крейсировала в прибрежных морях, высаживала десанты и т.д. В то же время, необходимо иметь ввиду, что проигранная Россией на западе Крымская война была, по нашему мнению, на Дальнем Востоке выиграна, так как объективно способствовала дальнейшему укреплению позиций России в этом регионе. Без Крымской войны Муравьеву потребовалось бы значительно больше усилий и времени для решения амурского вопроса. Что касается угрозе Приамурью со стороны Англии, то по мнению американского исследователя Джона Эванса, Северо-Восточная Азия в целом и дельта Амура, в частности, были слишком далеки от основного направления британских интересов, поэтому Англия не выразила какого-либо протеста против действий России на Амуре⁶⁰. Теперь для России на Дальнем Востоке оставался нерешенным только сахалинский вопрос. Неопределенность ситуации на Сахалине не могла удовлетворять ни японскую, ни российскую сторону, вдобавок, японская сторона вполне осознавала, что в возникшей ситуации, когда, по выражению Муравьева, «люди

с юга могут передвигаться на север, а люди с севера – на юг», она рано или поздно вынуждена будут уступить свои позиции на Сахалине. Поэтому в 1860-е гг. дипломатическая инициатива по решению сахалинского вопроса полностью переходит к японской стороне. В этом процессе активную роль играло губернаторство Хакодатэ, в ведении которого находилось административное управление югом Сахалина. В соответствии с указом бакуфу от 24 марта 1861 г. в Европу направлялась правительенная миссия во главе с бывшим префектом губернаторства Хакодатэ Такэнути Ясунори (Симоноками), являвшимся главноуправляющим по международным делам и главноуправляющим Счетной палаты; среди прочих европейских столиц предусматривалось посещение Петербурга. Основной целью поездки было нанесение визита вежливости в те государства, с которыми Япония заключила двухсторонние договоры (за год до этого представительная правительенная миссия, в которой только чиновников было более ста человек, побывала в Америке, поэтому бакуфу сочло невежливым дальнейшее откладывание миссии в Европу); миссия должна была также довести до европейских правительств просьбу бакуфу об отсрочке открытия ряда японских портов⁶¹. Пользуясь этой возможностью, губернаторство Хакодатэ вышло в Совет старейшин с предложением наделить миссию полномочиями на ведение переговоров по Сахалину. Предложение было принято; в инструкции Совета старейшин Такэнути касательно пограничного размежевания на Сахалине от 13 октября 1861 г. указывалось на необходимость отстаивать разграничение на острове по 50-й параллели. В то же время, в дополнительной инструкции от 20 декабря отмечалась необходимость потребовать от российской стороны покинуть места, находящиеся южнее 50-й параллели; в случае отказа русских предлагалось оформить занимаемые там русскими участки как сданные в аренду японцами на год или большие. При отказе русских от проведения границы по 50-й параллели как крайний вариант разрешалось провести ее по этой параллели только на западном побережье, а на восточном ограничиться полуостровом Терления⁶².

Посетив Англию, Францию, Голландию и Пруссию, миссия Такэнути 14 июля 1862 г. прибыла в Петербург. 19 июля состоялась аудиенция у Александра II, а с 26 июля начались переговоры по границе на Сахалине с директором Азиатского департамента МИД России Н.П.Игнатьевым. Всего состоялось шесть встреч. Японская сторона, отстаивая японскую принадлежность Сахалина до 50 параллели, приводила традиционные аргументы, ранее

озвученные на переговорах в Эдо⁶³. Позиция российской стороны на переговорах также не выходила за рамки, очерченные еще Муравьевым, - принадлежность всего Сахалина России и проведение границы между двумя государствами по проливу Лаперуз. Вместе с тем, необходимо отметить, что японская сторона из произнесенной в ходе переговоров Игнатьевым фразы о том, что «российская сторона не может согласиться на размежевание по 50-й параллели, так как на 48-й параллели существуют российские посты и мы не можем отступить настолько далеко на север», сделала однозначный вывод о готовности российской стороны рассмотреть вариант разграничения по 48-й параллели. Исходя из этого, многие японские исследователи, в том числе Акидзуки Тосиюки, делают вывод о том, что в тот момент позиции Японии и России в территориальном разграничении на острове были как никогда близки⁶⁴. По нашему мнению, говорить об изменении позиции российской стороны в ходе переговоров каких-либо оснований не имеется.

По итогам переговоров был составлен совместный меморандум; сахалинскому вопросу был посвящен второй параграф, в котором говорилось: «Российское правительство принимает во внимание то, что переговоры по разграничению на острове не достигли результата. Однако в силу желания японского правительства решить этот вопрос сим заявляется, что военному губернатору Приморья П.В. Казакевичу, в чье ведение входит Сахалин, будут даны соответствующие полномочия...»⁶⁵. В первоначальном варианте было записано: «переговоры по разграничению на острове по 50-й параллели», но по просьбе японской стороны слова «по 50-й параллели» были сокращены. Такэноути и другие члены миссии посчитали, что фраза в данном виде может быть воспринята так, что переговоры именно по 50 –й параллели зашли в тупик⁶⁶.

Таким образом, главный и единственный результат переговоров Игнатьева – Такэноути состоял в согласии российской стороны на ведение переговоров на уровне военного губернатора Приморья, в чьем ведении находился Сахалин; соответствующие полномочия Казакевичу «войти в сношение с правительством его величества Тайкуна касательно вопросов, относящихся к острову Сахалину, вступать в переговоры с уполномоченными Японии, заключать с ними и подписывать всякие условия, постановления и договоры» были подтверждены Александром II 19 сентября⁶⁷. Японская сторона не воспользовалась этой

возможностью и не направила своих представителей в Николаевск – в стране крайне осложнилась внутриполитическая ситуация в связи с трансформацией движения за изгнание иностранцев в общенародное движение за свержение бакуфу и восстановление власти императора. В 1863 г. произошло столкновение войск княжества Сацума с английской эскадрой; в следующем году объединенная эскадра Англии, Франции, США и Нидерландов обстреляла порт Симоносеки в княжестве Тёсю; имели место столкновения правительственные армии с оппозиционными силами; в подобной обстановке сахалинский вопрос для бакуфу не входил в число первоочередных политических задач.

В январе 1865 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С.Корсаков подал на рассмотрение императора меморандум с названием «Обзор действия и настоящего положения дел относительно владения островом Сахалином», в котором отмечал, что японцы, затягивая переговоры, в то же время спешат с освоением Сахалина, стремясь поставить перед свершившимся фактом; Корсаков предлагал принять меры по укреплению русских позиций на юге острова⁶⁸. Рассмотрев меморандум, правительство направило Корсакову инструкцию, в которой указывалось на необходимость усиления позиций на острове и прежде всего Кусунайского поста. В августе того же года туда был направлен 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон под командованием подполковника В.П.Де-Витте, назначенного начальником Сахалинского отряда, объединившего команды всех русских постов на острове. (Де-Витте занимал эту должность до 1868 г., после чего ее занял майор Депрерадович)⁶⁹. Заметная активизация деятельности русских на Сахалине привела в замешательство японскую сторону, так как ей за прошедшие после визита Муравьева в Эдо годы так и не удалось создать эффективную систему пограничной охраны земель Эдзо, включая Сахалин. После ухода эскадры Муравьева из Эдо, 27 сентября 1859 г., Совет старейшин своим указом известил об отказе правительства от системы прямого управления землями Эдзо и передаче их северо-восточным княжествам (района Тохоку). Таким образом, бакуфу пыталось привлечь северо-восточные княжества - Акита, Сэндай, Сёнай и Айдзу - к пограничной охране Сахалина, в качестве поощрения за это предоставив им обширные земельные владения на Хоккайдо⁷⁰. Если на первом этапе прямого управления бакуфу землями Эдзо и Сахалином (1854 – 1859 г.) основной упор был сделан на оказание позитивного влияния на айнов и организацию казенных

рыбалок, то на данном этапе бакуфу сосредоточило усилия на военном аспекте, планируя организовать оборону острова объединенными усилиями северо-восточных княжеств. Получив в свое владения рыбалки и конторы по взиманию пошлинных сборов на Хоккайдо, княжества под самыми разными предлогами (необходимость отправки войск на борьбу с оппозицией, суровость сахалинского климата и др.) уклонялись от отправки военных отрядов на Сахалин⁷¹. Таким образом, к тому времени, как на Сахалин прибыл 4-й Восточно-Сибирский батальон, все японские вооруженные силы на острове состояли из нескольких десятков человек пограничной стражи из княжества Сёнай, размещавшихся в Западном Тоннае. Именно поэтому префект губернаторства Хакодатэ Коидэ Хидэсанэ (Яматоноками) предложил набрать солдат из числа местных жителей и организовать круглогодичную охрану Сахалина, создав своеобразные «военные поселения» из местных жителей; кроме пограничной службы, солдаты должны были заниматься рыболовством и трудиться на прокладке горных дорог. В 1866 г. чиновник из Кусюнкотана Могами Токунай (Кумасабуро) (внук известного путешественника, в эпоху бакумацу он был одним из важных чиновников на Сахалине – А.Т.) предложил план, предусматривающий отправку на Сахалин тысячи таких поселенцев⁷². В отличие от центрального правительства, которое все более втягивалось в борьбу с коалицией южных княжеств, губернаторство Хакодатэ по-прежнему настаивало на проведении переговоров с Россией с целью пограничного размежевания на Сахалине; так, префект Синдо Сёдзо направил в Совещание по иностранным делам меморандум, в котором предлагал отправить в Николаевск представителей с целью переговоров по Сахалину. Рассмотрев заявление Синдо, участники Совещания по иностранным делам согласились с его мнением и признали целесообразным установить границу на Сахалине по линии Кусюннай – Мануй. Это мнение поддержали члены Совета старейшин и отдали приказ префектам губернаторства Хакодатэ Коидэ Хидэсанэ (Яматоноками) и Ода Итидзо отправиться следующей весной в Николаевск для предварительных переговоров с российским губернатором. Однако когда Коидэ обратился к российскому консулу в Хакодатэ Е.К.Бюцову, выяснилось, что Казакевича в Николаевске уже нет, и что переговоры о границе могут иметь место только в Петербурге. Отправившись в Эдо, Коидэ и Ода представили в правительство документ, озаглавленный «Меморандум о перспективах границы на Северном Эдзо», в котором доказывали срочную необходимость

принятия императорским двором решения о границе на Сахалине. В документе говорилось, что еще не поздно произвести разграничение на острове; если же русские на него не согласятся, то можно заключить соглашение о совместном проживании, или же обменять Сахалин на острова от Урупа до Онекотана. Обсудив меморандум, Совет по иностранным делам пришел к выводу, что можно провести линию границы южнее, в Кусюнае; если русские не согласятся, то предложить им заключить соглашение о совместном проживании, после чего обратиться за посредничеством к послам Англии и Франции. Что касается обмена Сахалина на острова до Онекотана, то это было сочтено как неприемлемый вариант. Однако как раз в это время бакуфу проводило вторую по счету военную экспедицию против мятежного княжества Тёсю, и Коидэ из Эдо направляется в Осаку, где в то время находились члены Совета старейшин. 18 августа Коидэ получает назначение на пост руководителя миссии в Россию, а его заместителем назначается Исиакава Суруганоками. 20 августа о назначении был извещен Бюцов; после срочных приготовлений миссия 12 октября отправилась в путь из Иокогамы.

3.2 «Временное соглашение об острове Сахалин» и политика нового правительства Мэйдзи в сахалинском вопросе

Переговоры Коидэ и Исиакавы с директором Азиатского департамента МИД России П.Н.Стремноуховым, в результате которых было подписано «Временное соглашение об острове Сахалин», являются одним из важнейших этапов решения сахалинского вопроса. Переговоры проходили в Петербурге с 23 января по 18 марта 1867 г.; всего состоялось 9 раундов. Японской стороной на переговорах был поднят вопрос об имевшем место на Сахалине в феврале 1866 г. инциденте, связанном с задержанием в Кусунайском посту нескольких японских чиновников. Считая причиной произшедшего отсутствие границы на острове, Коидэ заявил, что в целях недопущения повторения подобных инцидентов необходимо провести разграничение на острове; граница, по его мнению, должна была на западном побережье начинаться от Усёро, затем идти по Приморскому и Камышевому хребтам до Тоско на восточном побережье⁷³. Данное заявление Коидэ, сделанное им в соответствии с инструкциями Совета по иностранным делам бакуфу, является отходом от позиции, которую

занимала японская сторона во время переговоров 1862 г. – территориального разграничения по 50-й параллели. Будучи в курсе переговоров Такэноути с Игнатьевым, Коидэ считал, что так как тогда российская сторона уже практически согласилась провести границу по 48-й параллели, то на этот раз существовала возможность провести границу на более выгодных для Японии условиях, чем 48-я параллель.

Подвергнув критике японскую сторону за невыполнение ею обещаний о продолжении переговоров с военным губернатором Приморья Казакевичем, Стремноухов вместе с тем подчеркнул, что, настаивая на проведении границы по проливу Лаперуза, российская сторона не только оставляет за японцами право вести рыболовство на Сахалине, но и готова уступить Японии Уруп с прилегающими островами. В случае, если Япония не примет это предложение, Сахалин по-прежнему останется в общем владении двух стран. Таким образом, впервые на переговорах российская сторона, претендуя на владение всем Сахалином, в то же время сделала предложение о территориальной компенсации в виде уступки Урупа с прилегающими островами. Подчеркивая, что граница между двумя странами естественным путем уже сложилась в Кусюннае, Коидэ пошел на уступку и предложил провести границу по линии Кусюнай – Мануй, т.е. 48-й параллели, ссылаясь на то, что во время предыдущих переговоров Игнатьев соглашался на этот вариант. Мы уже отмечали выше, что японской стороной был сделан вывод о готовности российской стороны рассмотреть вариант разграничения по 48-й параллели; отмечая ошибочность этого вывода, Стремноухов отметил, что в совместном меморандуме по переговорам с предыдущей миссией записано, что переговоры велись не конкретно о разграничении по 50-й параллели, а в целом о разделе острова, как и на этот раз⁷⁴. Исчерпав все аргументы, Коидэ обвинил российскую сторону в агрессивных планах: «Россия, захватив маньчжурские территории, собирается захватить Сахалин, подобно тому, как англичане поступили с Гонконгом; шаг за шагом она начнет вторжение и в земли Эдзо». Стремноухов резко возразил, заявив, что подобные высказывания выражают непочтение по отношению к российскому императору: «Услышанное нами здесь является выражением непочтительного отношения к Государю Императору, что нельзя оставить без внимания»⁷⁵. По мнению Акидзуки, позиция Коидэ на переговорах выглядела достаточно бездарной, а самому Коидэ недоставало дипломатических манер и остроумия; по всей видимости, отсутствие Коидэ

на последующих двух встречах по причине болезни связано с его нервным срывом на почве этой проблемы «непочтительного отношения»⁷⁶. Последним аргументом Коидэ на переговорах были «Предложения по временному соглашению касательно совместного проживания», составленные на голландском языке в соответствии с инструкциями Совета по иностранным делам. Японский вариант «совместного проживания», предусматривавший закрепление статуса-кво на острове, российской стороной принят не был⁷⁷.

18 марта 1867 г. было подписано «Временное соглашение об острове Сахалин», составленное на основе «Предложений по временному соглашению о совместном проживании» российской стороны. Интересно, что в японском тексте данного соглашения японское название Сахалина – Карафуто - написано слоговой азбукой катакана カラフト. Со второго года Мэдзи (1868 г.) для написания Карафуто стали применяться фонетически подобранные иероглифы 樺太 или 柏太; до этого обычно применялись иероглифы 唐太. Появление в тексте данного соглашения написания Карафуто слоговой азбукой катакана связано с тем, что во время переговоров в Петербурге в 1862 г. на вопрос Игнатьева о том, какими иероглифами пишется слово «Карафуто», японская сторона ответила, что слоговой азбукой. Японская сторона, по всей видимости, хотела избежать ассоциаций, связанных с Китаем. (В написании 唐太 первый иероглиф означает «Китай», т.е. дословно получается «китайский остров») «Временное соглашение» носило прелиминарный характер, а само слово «временное» означало период, который был необходим японскому правительству, чтобы рассмотреть аргументы российской стороны, изложенные в преамбуле, и сообщить о согласии или несогласии с ними. Содержание договора ниже следующее:

Временные правила

относительно

Острова Сахалина

Подписанные в С.Петербург 18 марта 1867 года (Кэйо 3го года 2го месяца
25 дня)

Прибывшие в С.Петербург Посланники Его Величества Тайкуна Японского

сообщили Министерству Иностранных Дел, что Японское Правительство, опасаясь недоразумений, которые могут возникнуть на Сахалине, вследствие общности владения этим островом и с целью скрепить еще более существующую между Россиею и Японией дружбу, желает определить границу на Сахалине, принимая в основание какой-либо естественный рубеж, гору или реку.

В происходивших по этому поводу совещаниях, Директор Азиатского Департамента, Тайный Советник Стремноухов заявил, что Русское Правительство не соглашается провести границу на самом острове Сахалине, вследствие соображений, содержание коих в подробности было изложено Посланникам Его Величества Тайкуна Японского. С тем вместе, движимое желанием прийти по Сахалинскому делу к взаимному дружественному соглашению, Русское Правительство сделало следующия предложения:

1. Постановить морской пролив, называемый Лаперузом, границею между Россиею и Японией, как самый естественный рубеж между двумя государствами, с тем, чтобы весь остров Сахалин остался во владении России.
2. Все принадлежащие в настоящее время Японцам на Сахалине рыбные промыслы и на будущее время оставить в их пользовании.
3. Уступить Японии в полное и бесспорное ея владение принадлежащий России остров Уруп, с соседними тремя островками, носящими названия: Чирпой, Брат Чирпоев и Бротон.
4. В случае невозможности прийти к соглашению по этим статьям, оставить Сахалин, по-прежнему, в общем владении.

Т.к. обе стороны не могли прийти между собою к соглашению по вышеизложенным предметам, то оставив остров Сахалин, по-прежнему, в общем владении, постановляются ныне, для спокойствия и согласия между обоюдными подданными, следующие временные правила:

Статья 1-ая.

Русские и Японцы должны поддерживать на Сахалине мирные и согласные отношения. Решение могущих возникнуть споров и недоразумений поручается местным начальникам. Если они не могут покончить дела, то оно разрешается ближайшими Губернаторами Русским и Японским.

Статья 2-ая.

В силу общности владения, Русские и Японцы могут свободно ходить и ездить по всему острову, селиться и возводить строения во всех местах, которые еще не заняты постройками, промышленными заведениями или садами.

Статья 3-ья.

Туземцам на острове предоставляется полная свобода, как по личным правам, так и по имуществу. Они могут, по свободному уговору, заниматься к Русским и Японцам. Если туземец задолжает Японцу или Русскому, деньгами или товаром, или стоит уже ныне в долгу, то для уплаты долга может, если пожелает, поступить на услужение на заранее определенное время.

Статья 4-ая.

Если, со временем, Японское Правительство изъявит соглашение на вышеизложенные предложения Русского Правительства, то, для переговоров об окончательном трактате, будут назначены ближайшие местные губернаторы.

Статья 5-ая

Вышеизложенные правила должны войти в силу, как только будут получены на острове Сахалине местными властями, то есть, не позже, как через шесть месяцев их подписания; все другие маловажные дела, которые не упомянуты в этих правилах, будут разрешаться местными обоюдными начальниками на тех же основаниях, как было до сих пор...

Санкт-Петербург, 18 марта 1867 года

Директор Азиятского Департамента Тайный Советник Стремноухов

Коидз Хидэсанэ (Яматоноками)

Исикава Тосимаса (Суруганоками)⁷⁸

Таким образом, подписав «Временное соглашение об острове Сахалин» и подтвердив тем самым неразделенность Сахалина между Японией и Россией («в общем владении»), стороны вместе с тем устанавливали принципы обеспечения «мирных и согласных отношений» на острове на основе равных прав в хозяйственном освоении острова (статья 2-я) и признания коренного населения острова свободным и в личном, и в имущественном плане (статья 3-я). Данное соглашение являлось тактической победой русской дипломатии, так как лишало японскую сторону такого традиционного аргумента в территориальном споре с Россией, как монопольное «покровительство» айнам и делало возможным беспрепятственное продвижение русских на юг острова; в связи с этим трудно согласиться со следующей оценкой Л.Н.Кутакова: «Соглашение 1867 г. можно расценивать только как значительную уступку царского правительства... Уступка России объяснялась тем, что внимание царской дипломатии, как и неоднократно в прошлом, было приковано к событиям в Европе»⁷⁹.

В июне 1867 г. бакуфу известило российское консульство в Хакодатэ о принятии «Временного соглашения»; 26 июля о заключении соглашения были извещены полномочные представители иностранных государств, аккредитованные в Японии⁸⁰. Получив известие о заключении соглашения, губернаторство Хакодатэ в связи с этим направило в июле на Сахалин разъяснения, в которых отмечалось, что так как в условиях совместного проживания теряет смысл деление факторий и рыбалок на правительственные и подрядные, необходимо придать им статус необлагаемых налогами, чтобы они могли противостоять продвижению русских; указывалось на необходимость завести на айнов, которые будут высказывать желание работать на японцев, книги учета и во избежание дальнейших конфликтов с русскими извещать российскую сторону о содержании этих книг⁸¹. Одобрав инициативу губернаторства, бакуфу в ноябре принял решение об активизации колонизации острова, для чего сняло ограничения на набор губернаторством Хакодатэ переселенцев разных сословий с Хонсю⁸². Как отмечает Акидзуки, обмен с русскими книгами учета айнов, придуманный чиновниками, на самом деле означал намерение разделить айнский народ между Японией и Россией и не вписывался в

рамки «Временного соглашения». Однако японские чиновники полагали, что благодарность айнов японцам за заботу о детях, престарелых и больных «глубже моря и выше гор», и что японцы выдержат конкуренцию с русскими в части оказания покровительства айнам⁸³. В июле в Кусюнкотан прибыл подполковник Де-Витте, который, осведомившись о том, дошло ли до японцев известие о заключении «Временного соглашения», собрал айнов и разъяснил им содержание соглашения. После этого японцы провели на своей стороне церемонию «омуся» и объяснили айнам, что те, кто желает и дальше принимать покровительство японцев, должны подать прошение местной японской администрации. В то же время японцы прекратили раздачу вещей айнам, орочам и гилякам района Тарайки, не работавшим на японских рыбаках, а также отменили «сантан – торговлю» с приплывавшими с материка «сантанцами». Отношения между айнами и японцами оставались практически неизменными вплоть до начала новой эры – Мэйдзи (1868 г.), но теперь они выглядели так, что айны по своему желанию нанимались на работу к японцам; японцы также не препятствовали меновой торговле айнов с русскими и гиляками⁸⁴. Российская сторона после заключения «Временного соглашения» также приняла меры по укреплению своих позиций на юге Сахалина: в соответствии с указанием генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова военному губернатору Приморской области И.Ф.Фурутельму было решено увеличить численность Сахалинского отряда до 300 человек и восстановить русский пост в заливе Анива. 20 июля 1867 г. на шхуне «Сахалин» в бухту Буссе была доставлена рота 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона в количестве 125 человек; с ними также прибыли 5 артиллеристов при 2-х орудиях⁸⁵. 29 июля в Тофуцу (бухте Буссе) был основан военный пост, названный Муравьевским, как и первый русский пост, основанный Невельским в заливе Анива. Начальником поста был подпоручик В.К.Шван. Находясь в Николаевске для принятия командования ротой, Шван получил от начальника Сахалинского отряда полковника Де-Витте инструкции, о которых он писал впоследствии следующее:

«Чтобы ограничить произвол Японцев в обращении с Аинцами и показать им, что Россия никогда не отказывалась от владения южной частью острова, предполагалось занять ротою, на первый раз, пункт на Южном Сахалине, во избежание открытого столкновения с Японцами, не в центре их населения, а в бухте Буссе... При всем этом я должен был

держать роту таким образом, чтобы всегда быть готовым встретить нечаянное нападение со стороны Японцев, считавшихся очень вероломными и способными, под видом дружбы и расположения к русским, ... произвести в ночное время нападение на роту»⁸⁶.

В один из первых дней после высадки роты в бухте Буссе к Швану прибыла представительная делегация японцев с целью выражения протеста против занятия земли, «давно уже занятой японцами»; российской стороной протест был отклонен и японской стороне было заявлено, что «земля эта принадлежит, по трактату, заключенному с Японцами, не одним Японцам, но и русским, а так как на берегах занятой нами бухты нет ни одного Японского здания, то русские вправе строиться на этих берегах и вообще пользоваться ими по своему усмотрению». Японская сторона сослалась на то, что о заключении «Временного соглашения» ей ничего не известно⁸⁷.

Место для поста, выбранное Де-Витте по карте еще в Николаевске, было, по выражению Швана, «единственно неудобным во всей бухте» и представляло собой болото в устье реки Тышкевича, которое предстояло осушить, прорыв дренажные канавы. Новый пост стал главным опорным пунктом русских на острове; до перевода в Корсаковский пост в Хаккотомари в 1872 г. здесь размещался штаб 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона. К концу 1867 г. русские посты на Сахалине находились в Дуз, Кусунае, бухте Буссе; силами отрядов 2-й роты было начато строительство постов в Найбучи и Мануз. В ноябре 1867 г. Де-Витте направляет в штаб войск Приморской области записку «О необходимости увеличения числа военных постов или селений в южной части Сахалина», в которой предлагает учредить дополнительные посты на южном, западном и восточном побережье острова (в Кусонкотане, Мауке и Тарайке), а также организовать крестьянское или казаческое заселение средней и южной части острова⁸⁸. В марте 1868 г. по распоряжению Де-Витте Шван выслал отряд в с.Чиписан (Чибэсяни), где было начато сооружение дома и склада⁸⁹. В целом русские силы на острове составляли около 300 солдат при четырех офицерах: капитане А.А.Чернове (начальник поста Дуз), подпоручиках В.Т.Фирсове (начальник поста Кусунай) и В.К.Шване (начальник Муравьевского поста), прапорщиках Н.А.Гарезине (начальник поста Найбучи) и А.В.Карпенко. К отряду были также прикомандированы два врача – М.М.Добротворский и М.К.Зражевский, а также священник С.Н.Казанский⁹⁰.

Осенью 1867 – весной 1868 гг. внутриполитическая борьба в Японии вступила в заключительную фазу: в результате дворцового переворота 9 декабря было объявлено о свержении бакуфу и восстановлении власти императора. В развернувшейся гражданской войне, получившей название «войны Босин» сторонники экс-сёгуна Ёсинобу (в основном северо-восточные княжества) еще продолжали оказывать сопротивление, но уже в марте – апреле 1868 г. началось формирование правительственные учреждений новой власти. 12 апреля было принято решение об учреждении административного органа земель Эдо – Хакодатского суда, переименованного вскоре в «Хакодатэфу» (Хакодатскую префектуру). Председателем суда (после переименования – губернатором) был назначен Симицутани Кинтару, один из высших сановников императорского двора (кугё). Префектными судьями (фухандзи) были назначены Иноэ Ивами и Мацуура Такэсиро, а властными судьями (кэнхандзи) – Окамото Кэнсукэ, Хори Сингоро и Санто Итиро. Мацуура Такэсиро был назначен префектным судьей (фухандзи) после отбытия группы из Киото, но по пути получил назначение в токийскую префектуру и в Хакодатэ не поехал. Новые назначены отплыли морем из Этидзэна и в конце «повторного» апреля прибыли в Хакодатэ, где приняли дела от заведующего канцелярией губернаторства Хакодатэ старого правительства Сугиура Макото. Новая администрация разместилась в крепости Горёкацу. Префектура Хакодатэ отвечала также и за административную политику на Сахалине; ответственным за Сахалин был назначен Окамото Кэнсукэ, один из немногих в Японии чиновников, имевший опыт работы на Сахалине по линии губернаторства Хакодатэ, создатель патриотического общества «Хокумонся» (Северных ворот). Еще в 1865 г. Окамото на айнской лодке первым из японцев обогнул мыс Елизаветы⁹¹. Получив назначение в качестве главного администратора Сахалина, Окамото во главе отряда из 80 подчиненных и 200 переселенцев в конце июня 1868 г. прибывает в Кусунокотан. Переселенцев Окамото собрал по Хакодатэ, пообещав им по прибытии на место помочь в обустройстве. В основном это были бедняки без средств к существованию, бывшие солдаты сёгуна и «прочие бесполезные в Японии лица»⁹². В конце мая капитан английского судна, зафрахтованного японским правительством для перевозки переселенцев на Сахалин, Дж. Вилл, записал в своем дневнике: «Они были жалки и скорее напоминали каторжан, а не переселенцев...Похоже было, что официальные власти никак не готовились к их прибытию.

Люди были размещены в болотистом овраге в ветхих лачугах из досок и соломенных матов. Зловония и вонь от спившей сельди явились причиной малярии. Пока мы стояли в бухте, за три недели треть прибывших переселенцев заболела и поумирала»⁹³.

Прибыв в Кусонкотан и приняв дела у чиновника старого губернаторства Хакодатэ Хасэгава Синносукэ, Окамото открывает административную контору нового правительства (когисё) и объявляет о восстановлении власти императора. На места (Чибэсяни, Восточный Тоннай, Сакаэхама, Сираараоро (Сираура), Сирануси, Западный Тоннай (Маока), Кусоннай и Усёро) были направлены представители новой власти. С самого начала новой командой был взят курс на непризнание заключенного бакуфу «Временного соглашения по Сахалину», о чем было заявлено российским представителям на местах - майору Ф.М. Депрерадовичу, исполнявшему обязанности командира Муравьевского поста, а также командиру Кусунайского поста подпоручику В.Т.Фирсову⁹⁴. 26 мая 1869 г. Окамото, отвечая на письмо Депрерадовича, писавшего, что «на Сахалине три хозяина – ваша страна, наша страна и туземцы», заявляет, что «Коидэ Хидэсанэ приезжал в вашу страну и вел переговоры, но об этом нашему императорскому двору ничего не ведомо», поэтому при освоении пустующих земель необходимо заранее извещать японских чиновников и получать их разрешение. По этому поводу Депрерадович заявил, что даже при смене власти договоры сохраняют свою силу⁹⁵.

Активизация японцев на юге Сахалина встревожила российскую сторону: генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков 7 ноября 1868 г. подает канцлеру А.М.Горчакову записку, касающуюся сахалинского вопроса; Горчаков 11 ноября 1868 г. приказывает управляющему морским министерством Н.К. Краббе направить на Сахалин военную эскадру: «Если мы не поспешим принять соответствующие меры, то при решительных и настойчивых действиях со стороны японского правительства весьма легко может случиться, что мы не только потеряем навсегда южную часть Сахалина, но постепенно будем вытеснены из острова...»⁹⁶. 17 декабря того же года Корсаков направляет непосредственно Александру II записку «Об обустройстве Амурского края». Записки Корсакова были рассмотрены правительственной комиссией и утверждены в апреле следующего года Особым совещанием по делам Приамурского края; в итоге было принято решение усилить войска на Сахалине еще на один батальон (примерно тысяча человек), направить на Дальний Восток 4 военных судна и

800 ссыльных на Сахалин, ассигновав на все мероприятия 64 тыс. рублей⁹⁷.

Подготовительная работа по подбору места для учреждения нового русского поста в заливе Анива была проведена Депрерадовичем и Шваном во время их путешествия из Муравьевского поста в Николаевск в декабре 1868 г., когда они по пути осматривали побережье залива Анива. Побывав в Кусюнкотане и осмотрев соседнюю с ним бухту, свободную от японских построек, они сделали вывод, что эта бухта – «единственное место, удобное для занятия его русским постом»⁹⁸. В конце января 1869 г. Депрерадович получает приказ генерал-губернатора об учреждении военных постов в Аккатувари, Мауке и Тарайке. В секретной инструкции от 16 февраля 1869 г. военного губернатора Приморской области И.В.Фуругельма, полученной Депрерадовичем, говорилось:

«...обращу Ваше внимание на необходимость не пропускать ни одного случая нарушения японцами наших прав без немедленного требования удовлетворения. Излишняя уступчивость японским властям, даже в мелочах, увеличивает их наглость и поведет к неумеренным требованиям, тогда как заявление, с первого же шага, что мы знаем свои права и не намерены допускать нарушение их, вероятно, будет иметь то же действие на японцев, как и на других людей, т.е. уважение этих прав; но я прошу Вас ни в коем случае ... не допускать до серьезных столкновений и кровавых развязок; как ни счастливо окончились бы для нас подобные столкновения, они в настоящее время не могут быть выгодны для России»⁹⁹.

Прибыв в Николаевск, Шван (Депрерадович остался в Дээ) приступил к приему и подготовке к отправке на Сахалин 3-й роты 4-го Восточно-Сибирского батальона; непосредственно перед отправкой роты на Сахалин пришло распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова отправить туда еще одну роту и взвод горной артиллерии. В итоге 10 июня 1869 г. на транспорте «Маньчжур» из Николаевска в бухту Буссе были направлены всего примерно 200 солдат 3-й и 4-й рот 4-го Восточно-Сибирского батальона с вооружением, запасами провизии и других материалов¹⁰⁰. Туда же на винтовой шхуне «Америка» прибыл и сам военный губернатор Фуругельм; он приказал Депрерадовичу, повышенному в должности до командира Сахалинского отряда, выдвинуться в выбранную ранее им и Шваном бухту Хаккотомари и учредить там военный пост.

Об активизации деятельности русских на юге Сахалина практически сразу же стало известно английскому консулу в Хакодатэ Р. Юсдэну от У. К. Вильсона, капитана английского брига «Джолли», зафрахтованного российскими властями для перевозки продовольствия из Николаевска в бухту Буссе. По сообщению английского капитана, русские собирались высаживаться в бухте Лососей, для чего туда был направлен транспорт «Маньчжур»; по словам сопровождавшего груз русского офицера, у японцев на Сахалине не было военных сил, поэтому Россия не признавала прав японцев даже на часть острова; если японцы будут воевать за Сахалин, то русские заберут Эдзо, так как им нужен порт Хакодатэ. По словам другого офицера (капитана порта), Сахалин был уступлен японцами за несколько Курильских островов, но так как они все никак с острова не уходят, то будут выгнаны силой. Сообщение капитана было передано консулом английскому полномочному представителю в Иокогаме Г.С. Парксу, который информировал об этом японское правительство¹⁰¹.

13 июля (24 июня по японскому календарю) 1869 г. транспорт «Маньчжур» доставил в Хаккотомари отряд (полуроту) под командованием Депрерадовича; описание высадки приводится в воспоминаниях Швана:

«Не прошло и двадцати минут после отдания якоря, как все эти суда (гребные шлюпки «Маньчжура» - А.Т.) отвалили от «Манчжура» и стали приближаться к берегу той местности, которая нами была выбрана под пост, стоявшая тут толпа Аинцев и Японцев, смотревших на судно, видя приближение вооруженных солдат, сейчас же разсыпалась в разные стороны и, таким образом, первая высадка была сделана без всякого препятствия. Заняв цепью местность сзади японских сараев, мы могли свободно складывать тут выгружаемые вещи... Чтобы успокоить Японцев, Депрерадович послал к ним переводчика Решетникова сказать, что русские их рыбного промысла не тронут, а займут в силу трактата, не занятые Японскими постройками, скаты окружающих гор...»¹⁰².

Учрежденный в Хаккотомари новый пост в честь генерал-губернатора Восточной Сибири был назван Корсаковским; туда впоследствии был перенесен штаб 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона и направлено 640 солдат (3 пехотных роты и артиллерийская батарея (Восточно-Сибирской артиллерийской бригады), а также 120 каторжных ссыльных. Таким образом, пост стал самым большим по масштабам на Сахалине (См. Приложение 2. Рис.24).

Русские посты также были основаны в Пороантомари, Чибэяни, Маока, Сисука по соседству с японскими рыбаками. Как писал М.И.Венюков, «роты, в свою очередь, разбиты на множество мелких команд, например семь, девять и есть посты, где находится всего по два солдата, только для того, чтобы показывать японцам присутствие русских в данной местности»¹⁰³.

На следующий день после высадки в Хаккотомари русских Окамото, узнав об их намерении учредить там пост, заявил протест Депрерадовичу, ссылаясь на то, что в бухте находится японская рыбалка и айнское кладбище¹⁰⁴. Строительство поста шло «под аккомпанемент» практически ежедневных японских протестов¹⁰⁵; Окамото воспринял высадку русских в соседней с Кусонкотаном бухте как акт неприкрытой агрессии со стороны России против издавна принадлежащих Японии земель. Считая в условиях отсутствия на острове японских вооруженных сил сопротивление русским бессмысленным, Окамото в конце июня покинул Сахалин и отправился в столицу, чтобы убедить правительство в необходимости направить на остров войска. В то время в Хакодатэ только что закончились сражения между правительственныеми войсками и отрядами войск экс-сёгуна, возглавляемыми Эномото Такэаки; сотрудники префектуры во время боевых действий спасались бегством в Аомори. Ко времени прибытия Окамото в Хакодатэ префектура была расформирована и все сотрудники, в том числе и сам Окамото, оказались уволенными. Новым генерал-губернатором по освоению Эдзо правительство назначило князя из Сага Набэсима Наомаса. Окамото поспешил в столицу, как раз, когда он прибыл туда, вместо префектуры Хакодатэ было учреждено Колонизационное бюро (8 июля); генерал-губернатором Колонизационного бюро был назначен Набэсима Наомаса, а сам Окамото был назначен чиновником этого бюро¹⁰⁶. Северный Эдзо (Сахалин) был переименован в Карапфуто и включен в систему административного подчинения Колонизационного бюро Хоккайдо¹⁰⁷. Доложив 24 июля Набэсима Наомаса, а также Ивакура Томоми, Окубо Тосимити и другим членам правительства о высадке русских войск в бухте Лососей, Окамото призвал к отправке японских войск на Сахалин. На тот момент в новом японском правительстве еще не было выработано единой позиции в отношении признания договоров, заключенных бакуфу. На ее формирование значительное влияние оказал английский полномочный представитель Г.С. Паркс. Гарри Паркс находился в Японии с 1865 по 1883 г.; пользовался большой популярностью среди английских торговцев и специалистов,

работавших в Японии по приглашению правительства Мэйдзи («о-ятои»)¹⁰⁸. Его антироссийская позиция оказала сильное влияние на формирование у правительства Мэйдзи образа России как серьезной угрозы для Японии с севера. 1 августа состоялась встреча Паркса с заместителем министра Тэрасима Мунэнори, на которой он, сообщив об отправке русскими на Сахалин ссыльных преступников из Сибири и коснувшись высадки русских войск на юге острова, подчеркнул, что существует опасность не только потери всего Сахалина, но и непосредственно Эдзо, поэтому в качестве срочной меры необходимо усиление японских позиций в заливе Анива. На вопрос Тэрасима о том, существуют ли прецеденты совместного владения какой-либо территорией двумя государствами, Паркс ответил отрицательно и привел пример того, как находившиеся некоторое время в совместном владении России и Цин пограничные земли стали полностью русскими. Паркс отметил, что по законам международного права никто не может запретить русским занять места на Сахалине, которыми никто не владеет¹⁰⁹.

Не без влияния Паркса японское правительство приняло решение о соблюдении заключенных бакуфу с иностранными государствами договоров и соглашений; соответствующая инструкция на этот счет была дана министром иностранных дел Сава Нобуёси направлявшимся на Сахалин вместе с Окамото помощником министра иностранных дел Маруяма Сакура и Танимото Митиюки. В инструкции особенно подчеркивалось: при переговорах с русскими высказывать твердую приверженность положениям Симодского договора и заключенного Коидз в Петербурге «Временного соглашения», а также заинтересованность японской стороны в установлении добрососедских отношений¹¹⁰.

9 августа 1869 г. в Токио состоялось совещание ведущих политиков правительства Мэйдзи: Ивакура, Набэсима, Сава, Окубо, Тэрасима, Окума с Паркском. Темой встречи являлось обсуждение японской политики в отношении России. Японская сторона считала первоочередной задачей укрепление своих позиций в заливе Анива; по ее мнению, только после этого можно было обратить внимание на развитие севера Хоккайдо (Соя). Паркс, критикуя японскую позицию, заявил, что «на Сахалине уже слишком поздно предпринимать какие-либо меры», так как Россия сосредоточила там войска в количестве более 1200 человек, поэтому для Японии самой важной задачей является укрепление обороны Хоккайдо. В ходе

беседы японская сторона заявила о планах направить на Сахалин в ближайшее время не менее полутора тысяч переселенцев, на что Паркс заявил, что это означает не что иное, как «поднести огонь к бочке с порохом»¹¹¹. В определенной степени мнение Паркса оказало отрезвляющее влияние на сторонников отправки войск на Сахалин (Набэсима, Окубо, Кидо); 13 августа Ивакура сообщил Парксу о том, что принято решение войска туда не отправлять. 10 сентября Окамото, Маруяма и Танимото в сопровождении группы сотрудников МИДа, а также 300 крестьян, набранных в Токио, на английском судне «Янцзы» отправились на Сахалин¹¹². У Л.Н.Кутакова отмечено, что на «Янцзы» на Сахалин было доставлено также 350 японских солдат, что не соответствует действительности¹¹³.

Таким образом, несмотря на просьбы Окамото об отправке на Сахалин военных отрядов, японское правительство решило ограничиться направлением туда переселенцев, рассчитывая таким образом укрепить свои позиции на острове. Как отмечал А.Лишин:

«...в Токио курс, ведущий к разрыву с Россией, не признавался отвечающим международной обстановке, и там считали более целесообразным придерживаться примирительной политики. Поэтому совет, данный в августе 1869 года английским посланником товарищу министра иностранных дел Тэрасима, не доводить дела до военного столкновения с Россией, находился в полном соответствии с точкой зрения, преобладавшей в правительственные кругах Японии»¹¹⁴.

Тем не менее, противостояние в японском правительстве по сахалинскому вопросу привело к отставке с поста генерал-губернатора Колонизационного бюро Набэсима Наомаса, сторонника отправки войск на Сахалин, и назначению 24 августа на этот пост Хигасикудзэ Мититоми, поддержанного Ито Хиробуми и Окума Сигэнобу, заместителями министра финансов, как и Паркс, считавшими, что Япония не сможет противостоять России в борьбе за Сахалин. В то же время, при поддержке Ивакура Томоми на Сахалин во главе группы чиновников МИДа был направлен Маруяма Сакура, единомышленник Окамото в сахалинском вопросе¹¹⁵.

Новый генерал-губернатор Колонизационного бюро Хигасикудзэ 1 сентября 1869 г. направляет в правительство «Меморандум о Хоккайдо (так в июле по предложению Мацуура Такэсира переименовали Эдзо – А.Т.) и Карафuto», в котором отмечалась необходимость поддержания мирных отношений с Россией на Сахалине, но в то же время подчеркивалось, что

«если Россия на Карафuto вдруг начнет насильственные действия, мы не сможем на них ответить, так как у нас там нет войск; хотелось бы, чтобы правительство было готово к подобному варианту развития событий». В связи с этим предлагалось закупить для налаживания регулярной связи между Хакодатэ и Сахалином два парусных судна и две паровые шхуны, на которых можно было бы в случае необходимости отправлять на Сахалин переселенцев и войска, а также построить в Кусюнкотане порт¹¹⁶. Через три дня от имени правого министра Сандзё Санэтоми был издан «Наказ по освоению Хоккайдо и Карафuto», в котором подчеркивалась стратегическая важность для империи «форпоста северных ворот»; отдельно отмечалась необходимость проявлять терпение по отношению к действиям русских на Карафuto, какими бы «наглыми и вызывающими» они не были; все их неправомерные действия предлагалось обжаловать путем переговоров с русским консульством¹¹⁷. В свою очередь, МИД Японии, призывая Колонизационное бюро к проведению взвешенной политики на Карафuto, подчеркнул, что вооруженное противостояние там с русскими будет ни чем иным, как «добавить дров в огонь и попасться на их удочку»¹¹⁸.

Таким образом, уже в первый год существования нового правительства Мэйдзи среди высших чиновников и политиков наметились расхождения в подходе к решению сахалинского вопроса: если Ивакура Томоми, Набэсима Наомаса, Окубо Тосимити и ряд других политиков под влиянием Окамото Кэнсукэ одно время склонялись к отправке вооруженных сил на Сахалин, то Ито Хиробуми, Окума Сигэнобу (министрство финансов), а также руководство МИД (Сава Нобуёси, Тэрасима Мунэнори) занимали осторожную позицию, считая, что Япония должна поддерживать с Россией на Сахалине добрососедские отношения, придерживаясь положений Симодского договора и «Временного соглашения». Позднее эта позиция трансформируется в «теорию отказа от Сахалина», единоличное авторство которой ошибочно, по нашему мнению, приписывается Курода Киётаака.

Несомненно, что позиция сторонников «взвешенного» подхода в определенной степени была близка позиции, которую отстаивал английский полномочный представитель Г.С. Паркс. Ему требовалась информация «из первых рук» о ситуации на юге Сахалина, поэтому в сентябре 1869 г. он поручает командующему Китайско-японской эскадры Г. Кеппелю направить в залив Анива военный корабль для изучения ситуации на месте. В октябре корабль

«Корморант», на борту которого находился секретарь английского представительства Джон О'Дрисколль, покидает Хакодатэ и берет курс на Сахалин. По итогам поездки на Сахалин О'Дрисколль составляет подробный отчет – ценное свидетельство очевидца, побывавшего на юге Сахалина в начале заключительной фазы «совместного проживания» там русских и японцев. Описывая в докладе положение японцев на Сахалине, О'Дрисколль подчеркивал, что на западном побережье острова единственным важным пунктом, которым они там владеют, является Ниси (Западный) Тоннай, куда во время путины приезжают 40 японских рыбаков и надзирателей; несмотря на совместное наличие месторождений угля, японцы не предпринимают попыток к его разработке, ссылаясь на невозможность прокладки дорог к шахтам.

Самыми важными пунктами японцев на Сахалине являются поселения Кусонкотан и Чибэсяни в заливе Анива. О'Дрисколль пишет, что в Кусонкотане царила печать запустения, половина домов была брошена, а японских жителей было всего 47 человек, из них 8-9 чиновников. Вместе с капитаном Денисоном О'Дрисколль нанес визит главному японскому начальнику (имя его не указывается, но, по всей видимости, это был Окамото – А.Т.). По словам японского начальника, русских на острове уже было не менее 3 тысяч, в то время как японцев не более 300 человек; в ближайшем будущем неминуема катастрофа – полная аннексия Сахалина русскими. Побывав в селении Чибэсяни, где проживало 28 японцев, О'Дрисколль отметил, что это единственное место, где японцы пытались наладить разработку угля и добыли его от 6 до 7 тонн. По замечанию О'Дрисколля, запустение примитивных японских поселений, которые посетил «Корморант», контрастировало с оживлением, царившим в бурно растущих русских поселениях: русские уже полностью владели тремя четвертями острова, а в оставшейся части день ото дня укрепляли свои позиции. Побывав в русском посту в Хаккотомари, англичанин, анализируя причины, по которым русские выбрали для своего поста место по соседству с японским селением, пришел к выводу, что бухта Хаккотомари во всем заливе Анива являлась единственным пригодным местом для якорной стоянки на сравнительно близком расстоянии от берега, в то время, как бухта Буссе была недоступна для судов с осадкой больше 10 футов; на выбор места повлияли также соображения стратегического характера – стремление поставить под свой контроль японские поселения в

заливе Анива. От взгляда О'Дрисколля не ускользнул и тот факт, что в Хаккотомари русскими устроен базовый склад, все русские суда обязательно туда заходят, и с них выгружается большое количество продовольствия.

О'Дрисколль посетил также Муравьевский пост, описывая добрые строения поста, он подчеркивал, что «воздух там был пропитан военным духом». В посту англичанин беседовал с Депрерадовичем, причем последний «с энтузиазмом принял обсуждать вопрос занятия Сахалина», подчеркивая, что японцы не смогли освоить богатейшие ресурсы острова, и что занятие его русскими будет выгодно для всех. Коснувшись активизации деятельности русских на Сахалине, Депрерадович подчеркнул, что она не выходит за рамки «Временного соглашения»; граница между Японией и Россией, по его мнению, должна проходить по проливу Лаперуза, и раздел острова между двумя странами или совместное владение им невозможно. Климат Сахалина, по словам русского, был слишком суров для японцев, так, прошлой весной в соседнее селение Чибэсяни прибыло 40 японских переселенцев, из которых 16 за год умерло. Из собственных наблюдений и бесед с представителями японской стороны секретарь английского представительства делает вывод, что в связи с увеличением численности русских войск в Анивском заливе можно предполагать какие-либо действия с их стороны; маловероятно, по его мнению, чтобы в подобном случае японцы смогли бы оказать какое-либо сопротивление. Описывая отношения между русскими и японцами, О'Дрисколль пишет, что обе стороны по мере возможности стараются избежать общения, игнорируя друг друга. Представители обеих сторон не ограничены в передвижениях по острову, но, в то время, как русские постоянно перемещаются между своими постами, японцы стараются не покидать своих поселений. При учреждении новых постов русские стараются приблизить их максимально к японским поселениям, но при этом твердо придерживаются принципов двухстороннего договора и не вмешиваются в дела японцев. После Сахалина «Корморант» посетил также Уруп, Итуруп и Кунашир, но англичане ограничились только беглым осмотром островов с корабля и нигде не высаживались. По итогам поездки секретарь английского представительства заключает: «можно предполагать, что все замыслы, которые есть у России в данной части света, могут быть с большей степенью вероятности направлены на Сахалин, а не на острова Итуруп и Кунашир, не представляющие большую ценность»¹¹⁹.

Из полученных от О'Дрисколля сведений Паркс сделал вывод, что в условиях, когда Россия установила практически полный контроль над Сахалином, планы японской стороны по наращиванию колонизации юга острова могут в итоге привести к конфликту, чем воспользуется российская сторона для расширения сферы своего влияния. Об этом Паркс говорил 23 октября на встрече с Ивакура Томоми: «Меня сильно беспокоит, что уже в скором времени большая часть Сахалина будет принадлежать России, и на одного японца будет приходиться по 10 русских; у русских в 100 раз больше сил, поэтому направление вами туда людей будет подобно разведению костра рядом с бочкой с порохом»¹²⁰. 25 октября Паркс, знакомя министра иностранных дел Сава Нобуёси с результатами поездки О'Дрисколля на Сахалин, подчеркнул: «мне кажется более целесообразным сосредоточить усилия на освоении Хоккайдо, чем направлять на Карафуто людские, финансовые и материальные ресурсы»¹²¹.

Аналогичную позицию занимал и полномочный представитель Франции граф Монблан; в письме от 10 октября 1869 г., адресованном Сава Нобуёси, Монблан, подчеркивая активное военное строительство в Николаевске и расширение военного присутствия русских на Сахалине, предостерегает, что целью России является полная аннексия Сахалина, затем Корейского королевства, и что объектом русской агрессии могут также оказаться берега Японии вплоть до Нагасаки. Монблан отмечает, что «события вокруг Сахалина касаются не только Японии, но и европейских стран»; что Японии поможет только посредничество Англии и Франции в решении этого вопроса¹²².

Таким образом, сахалинский вопрос выходил за рамки двухсторонних отношений и приобретал международный резонанс. Представитель Англии Паркс, опасаясь, что противостояние России и Японии на Сахалине может привести к вооруженному конфликту, которым Россия может воспользоваться для экспансии на Хоккайдо, на встречах с ведущими политиками правительства Мэйдзи пытался убедить их в нецелесообразности дальнейшего освоения Сахалина, оказывая тем самым определенное влияние на формирование «теории отказа от Сахалина».

Вернувшись на Сахалин с солидным подкреплением в лице Маруяма и других чиновников МИДа, Окамото переходит в «дипломатическое» наступление на Депрерадовича, в письменных обращениях обвиняя российскую сторону в нарушении положений договора и

«Временного соглашения» и требуя прекращения строительства поста. В свою очередь, Депрерадович, отвергая обвинения в свой адрес, писал Окамото:

«На письмо Ваше от 26 августа японского стиля честь имею уведомить, что Правительство наше, никогда не имело в виду, нарушения дружественных с Японией отношений, что напротив все инструкции и предписания мною полученные, составлены в самом умеренном и миролюбивом смысле.

Я же со своей стороны буду стараться, дабы мелкие недоразумения между нами были разрешены по общему с вами совещанию.

Препятствовать заселению острова Вашими крестьянами я решительно не вправе и никогда ничего подобного в виду не имел...

За этим прошу верить, что я со своей стороны, буду нерушимо держаться статей существующего между нами трактата»¹²³.

В октябре Депрерадович отправил японской стороне еще одно письмо, в котором отмечал, что строительство поста в незанятой японцами местности является естественным правом, оговоренным «Временным соглашением»:

«...Насколько японцам необходима южная часть Сахалина настолько может быть и наше Императорское правительство, считает обладание ею полезным для России.

Без всякого вмешательства иностранных держав, а только в силу временных Правил, заключенных в Петербурге в 1867 году, с Вашим Правительством, остров признан в неразделенном пользовании и мы имеем право селиться в местах не занятых Японским Правительством...».

Что касается складированных на берегу строительных материалов и продовольствия, то Депрерадович пишет, что они не мешают японскому рыбному промыслу, так как в настоящее время не сезон:

«Наше дерево для построек, провиант и различные предметы, временно сложены на берегу, мы Вас в настоящее время стеснять не можем, ибо рыбных ловель Вами не производится»¹²⁴.

1 октября (по европейскому календарю 4 ноября) 1869 г. Маруяма и Танимото направляют в МИД подробный отчет о ситуации на юге Сахалина. Описывая скромные успехи

сельскохозяйственной колонизации юга острова, чиновники подчеркивали, что крестьяне-переселенцы выращивают различные овощные культуры, что климат острова вполне подходит также для выращивания злаковых культур. Остров богат рыбными и минеральными ресурсами; их освоение при условии достаточного финансирования и наличия рабочих рук принесет большую выгоду Японской империи.

Значительная часть отчета посвящена отношениям с Россией. По тональности эта часть контрастирует с предыдущей и наполнена «патриотическим» гневом к «русским варварам». Авторы с литературным пафосом писали: «Они (русские – А.Т.) пасут коров и лошадей на наших могилах и устроили сортир прямо под нашими окнами». Разоблачая «агрессивную сущность» России, чиновники подчеркивали, что неудача России в ее экспансионистских замыслах в Европе, на пути которых встали Англия и Франция, способствовала переориентации ее политики на азиатский континент, где жертвами ее агрессии стало Приамурье; на очереди Корея и Китай. Об агрессивных устремлениях России свидетельствует и Цусимский инцидент 1861 г. Россия продала Америке Аляску и на вырученные деньги расширяет свою экспансию на Сахалине, Курилах; в опасности также и Хоккайдо.

В сложившихся условиях главной и срочной задачей Маруяма и Танимото считали направление на Сахалин переселенцев из числа пленных солдат армии бакуфу, бродяг и нищих, буддийских монахов и прочего «гулящего сброда»; государство, по их мнению, тем самым достигает две цели: общество освобождается от ненужных элементов, а на Сахалине создается барьер для вытеснения русских с острова. Для защиты Хоккайдо и Сахалина чиновники предлагали создать систему военных поселений; поселенцы в свободное от военных занятий время должны были заниматься сельским хозяйством. (Позднее это предложение будет воплощено на Хоккайдо в виде системы «тондэнхэй» (военных поселенцев)).

В экономической части отчета авторы выступали за отмену традиционной подрядной системы (рыбопромышленники Датэ, Сухара и др.), предлагая взамен разрешить на Сахалине коммерческую деятельность торговцев с Хонсю; активизация торговли, по их мнению, позволила бы восполнить недостаток казенных средств на освоение Сахалина. Вывод чиновников МИД однозначный: продолжать колонизацию Сахалина, иначе в противном случае

Япония «станет посмешищем всего мира»¹²⁵.

В январе 1870 г. в Хаккотомари произошел инцидент, связанный с задержанием и заключением под стражу нескольких сотрудников японского МИДа, пытавшихся помешать строительству причала¹²⁶. Они были освобождены на следующий день, успев за ночь пребывания под стражей в бане написать по короткому стиху «хайку» патриотического содержания¹²⁷. В связи с происшедшим Депрерадович выразил письменный протест японской стороне, отметив, что вернувшись из служебной поездки в Николаевск, он

«получил донесение Есаула Pruittовых, о беспорядках, произведенных некоторыми из Ваших подчиненных, при устройстве нами пристани в посту Корсаков. Из донесения видно, что несколько вооруженных японцев, вознамерились прекратить насильственным образом предпринятыя нами работы и что при этом Вашими чиновниками не было принято равно никаких мер, к прекращению такого предприятия, или другими словами поступок этот, был как бы одобряем старшими японскими офицерами.

Такой образ действий нисколько не соответствует неоднократно заявленному Вами желанию сохранять и поддерживать дружественные с нами отношения...»¹²⁸.

Инцидент произвел удручающее впечатление на японскую сторону; Маруяма, посчитав, что лимит дипломатических переговоров с русскими исчерпан, вместе с Танимото и большей частью сотрудников МИДа, включая шестерых выпущенных на свободу, в марте покидает Сахалин и отправляется в столицу за поддержкой. В это время начальник Колонизационного бюро Хигасикудзэ Мититоми провел реорганизацию, в результате которой было организовано «Колонизационное бюро Карафuto» под административным руководством МИДа (февраль – август 1870 г.). По мнению Фумото Синъити, Хигасикудзэ, не видя перспективы освоения Сахалина, выделением Сахалина из Колонизационного бюро в отдельную административную структуру пытался направить все финансирование только на Хоккайдо¹²⁹. Находясь в столице, Маруяма проводит активную деятельность, популяризируя в правительстве свою идею об объединении Сахалина и Хоккайдо и об учреждении в Сисука (Поронайске) «Колонизационного бюро Карафuto». Тем не менее, ответственным за Сахалин в ранге заместителя начальника Колонизационного бюро 9 мая 1870 г. назначается не Маруяма, а высший чиновник военного министерства Курода Киётака, сторонник сохранения статуса-кво на Сахалине. В сентябре 1870

г. Курода посетил Сахалин, где встречался с представителями российской стороны, в частности, с заместителем начальника Сахалинского отряда майором И.Д.Сверчковым и начальником Корсаковского поста капитаном К.В.Тяжеловым¹³⁰. В результате инспекционной поездки Курода пришел к выводу о трудности удержания Сахалина в своих руках; в январе 1871 г. он предоставил в правительство свое ставшее известным предложение об отказе от Сахалина, предусматривавшее вместо растраты сил в борьбе с Россией за «бесполезные земли» отказаться от Сахалина и сосредоточить все усилия на освоении Хоккайдо¹³¹.

Таким образом, к началу 1870-х гг. для самых реалистичных политиков правительства Мэйдзи становилось все более очевидным, что в конкуренции за Сахалин с Россией у Японии практически нет никаких шансов. Тем не менее, в условиях националистического подъема, охватившего страну после Реставрации Мэйдзи, была достаточно высокой вероятность вооруженного русско-японского конфликта на острове даже по самому мельчайшему поводу, ряд из которых был описан выше. Деятели типа Сайго Такамори и Окамото Кэнсукэ считали, что только отправка правительственные войск может остановить экспансию России. Эти люди не отдавали себе отчета, насколько нереалистичную позицию в силу разницы потенциала России и Японии они занимали. Ошибочные действия могли привести к вооруженному конфликту на Сахалине. В литературе советского периода, посвященной данной проблематике, была принята традиционная точка зрения, по которой Англия, Франция и США в рамках своей антирусской политики оказывали давление на правительство Мэйдзи, с тем, чтобы не допустить закрепления России на юге Сахалина и использовать его для своих военно-стратегических целей и экономической эксплуатации природных богатств. В японской литературе считается, что, наоборот, дипломатические представители европейских стран и США подталкивали японское правительство к отказу от Сахалина, так как опасались, что в результате вооруженного столкновения Японии с Россией последняя еще дальше продвинется на юг¹³². Несомненно, что в то время США с известным опасением наблюдали за упрочением российской позиции на Дальнем Востоке. Так, полномочный представитель Пруссии в Вашингтоне Курд фон Шлёзер в сообщении, адресованном канцлеру Отто фон Бисмарку, передает содержание беседы с госсекретарем Фишем об отношениях европейских стран с Японией:

«Только одна страна была обойдена молчанием, – госсекретарь, говоря о Японии, никогда не упоминал о России. Соединенные Штаты считали Японию чем-то вроде своего приданка. И хотя японцы чувствовали себя достаточно уверенными в том плане, что в рано или поздно им удастся нейтрализовать влияние всех остальных европейских держав в Японии, в отношении азиатского соседства России они испытывали какой-то тайный страх, поэтому русская колонизация Амура и их поселения на Сахалине ложились темным пятном на мечты американских политиков в отношении Японии»¹³³.

Прусский представитель в Токио Макс фон Брандт сообщал, что русские относят твердость японской позиции за счет закулисных происков европейских держав, хотя, по его мнению, более правдоподобны другие причины:

«Здесь в Эдо опасаются, что за «сахалинским вопросом» может последовать «вопрос Эдзо»; вполне возможно, что они не так уж далеки от истины; можно также допустить, что затягивая решение первого вопроса, они (японцы) пытаются выиграть время и обеспечить средства для заселения Эдзо, что может сделать его менее уязвимым для атаки»¹³⁴.

Прусский представитель не был далек от истины: по предложению Курода в 1871 г. был принят 10-летний план освоения Хоккайдо, на реализацию которого правительством было выделено 10 млн. иен¹³⁵. В знак протesta против курса Курода Окамото в конце 1870 г. подал прошение об отставке и покинул Сахалин. Выбрав в качестве приоритетного направления освоение Хоккайдо, японское правительство тем не менее приняло решение обратиться к США за посредничеством при решении сахалинского вопроса. В октябре 1869 г. Японию посетил бывший госсекретарь США Вильям Сэвард; японская сторона обратилась к нему с вопросом о возможном американском посредничестве. За два года до этого сам Сэвард был одним из главных участников покупки Аляски, поэтому он порекомендовал японцам изучить возможность покупки у России северной части Сахалина¹³⁶. 3 февраля 1870 г. в Токио состоялась встреча заместителя министра иностранных дел Тэрасима Мунэнори с американским полномочным представителем Чарльзом Де Лонгом; на встрече присутствовали также заместитель министра финансов Окума Сигэнобу и сотрудник того же министерства Ито Хиробуми. Японская сторона, обрисовав трудности совместного проживания с русскими на Сахалине, обратилась с просьбой

об американском посредничестве; Де Лонг дал предварительное согласие при условии предоставления ему необходимой информации по сахалинскому вопросу и переговорах с российской стороной¹³⁷. 14 февраля (по европейскому календарю 15 марта) 1870 г., представив Де Лонгу некоторые документы, включая японские предложения о пограничном размежевании по 50-й параллели, японское правительство официально обратилось к американскому с просьбой о посредничестве, содержавшей следующие японские условия для переговоров с Россией:

1. Часть острова Сахалин севернее 50-й параллели принадлежит России, а южнее – Японии.
2. Порт Кусюнкотан (Анива) принадлежит Японии, его статус равен статусу открытых для иностранцев портов внутри Японии.
3. Жители острова платят налоги той стране, которая владеет соответствующей частью острова.
4. Оборона порта Кусюнкотан является обязанностью Японии¹³⁸.

В ответном письме от 18 марта Де Лонг подчеркивал, что для обращения к президенту США за посредничеством между Японией и Россией по установлению границы на Сахалине на основании статьи «Японо-американского договора о дружбе и торговле» требуется подробная информация о существе конфликта между двумя сторонами (во втором параграфе договора было записано, что американский президент выступит посредником при возникновении конфликтов между Японией и какой-либо европейской державой – А.Т.)¹³⁹. 28 августа японское правительство направило Де Лонгу подборку документов по сахалинскому вопросу, включая подробное описание имевших ранее переговоров с российской стороной¹⁴⁰. Извещая японскую сторону о получении документов, в письме от 19 сентября Де Лонг подчеркивал, что теперь он убедился в том, что японское правительство предоставило в его распоряжение всю имевшуюся у них информацию, которую он, в свою очередь, немедленно предоставит в распоряжение американского правительства¹⁴¹.

Обратившись к Де Лонгу с просьбой о посредничестве американского президента, японское правительство в то же время пыталось прозондировать возможную реакцию на это российской стороны. 3 ноября (по европейскому календарю 24 декабря) в представительстве

Пруссии состоялась встреча государственного советника Соэдзима Танэоми с полномочным представителем России в Китае Е.К.Бюзовым. На встрече присутствовал также заместитель министра иностранных дел Тэрасима Мунэнори. Проинформировав Бюцова об обращении к американскому правительству с просьбой о посредничестве и о том, что ответ пока не получен, Соэдзима заявил, что японское правительство, тем не менее, очень надеется на возможность прямых переговоров с Россией¹⁴². Сославшись на то, что данный вопрос находится вне его непосредственной компетенции, Бюцов сказал, что, по его личному мнению, японская сторона должна вести переговоры о границе на Сахалине не с Америкой, а с Россией, страной, с которой у Японии заключено соответствующее соглашение по данному поводу, и что для японской стороны предпочтительнее направить представителя для переговоров в Николаевск¹⁴³. На следующий же день Тэрасима встретился с Де Лонгом и проинформировал его о переговорах с Бюзовым, упомянув о совете последнего направить представителя в Николаевск. В связи с открывшейся возможностью прямых переговоров японская сторона отозвала свою просьбу об американском посредничестве¹⁴⁴. Как отмечал Ленсен, Де Лонг, узнав о том, что японская сторона начала прямые переговоры с русскими, был рад «умыть руки», не видя перспективы дальнейшего посредничества¹⁴⁵. Что касается японской стороны, то исходя из того, что при малейшем намеке Бюцова на возможность переговоров Соэдзима оперативно аннулировал просьбу о посредничестве, можно предположить, что она с самого начала рассматривала вариант с посредничеством как способ оказания воздействия на российских представителей. Это подчеркивает и Акидзуки: «Обратившись к Америке за посредничеством, японское правительство в то же время не ждало от де Лонга слишком много и планировало прямые переговоры с Россией, что можно предположить из меморандума МИДа, направленного в правительственную администрацию 24 мая 1870 года»¹⁴⁶.

8 ноября (по европейскому календарю 29 декабря) заместитель министра иностранных дел Тэрасима Мунэнори информирует английского посланника Паркса о решении японского правительства направить представителей в Россию на переговоры по сахалинскому вопросу, а также об отзыве своей просьбы об американском посредничестве¹⁴⁷. 15 ноября (по европейскому календарю 5 января 1871 г.) японский МИД запрашивает мнение Кабинета

министров (Дадзёкан) о направлении весной в Николаевск или в Посьетский залив (Владивосток) своих представителей¹⁴⁸. Через несколько дней решение на уровне правительства было принято; 26 ноября (по европейскому календарю 16 января 1871 г.) российскому консулу в Хакодатэ А.Е.Оларовскому из МИД Японии было направлено письмо, в котором сообщалось о желании японской стороны направить в апреле – мае 1871 г. своих полномочных представителей во Владивосток и выражалась просьба предоставить русского лоцмана для корабля, на котором планировала отбыть делегация¹⁴⁹. В ответном письме от 2 февраля 1871 г. Оларовский информировал японскую сторону, что направил соответствующее сообщение по этому поводу Горчакову, но что, по его мнению, российское правительство не примет идею раздела острова Сахалин, так как сахалинский вопрос уже решен в 1867 г. в результате заключения «Временного соглашения». По мнению консула, положительные результаты предстоящих переговоров могли быть достигнуты только при согласии Японии уступить России Сахалин в обмен на что-нибудь равнозначное¹⁵⁰.

Правительственным указом от 13 мая (по европейскому календарю 30 июня) 1871 г. главой миссии во Владивосток был назначен государственный советник Соэдзима Танэоми. В правительственной инструкции Соэдзима отмечалось, что разграничение на острове Сахалин является срочной задачей, иначе существует опасность потерять сложившиеся между Японией и Россией отношения доверительности и дружбы¹⁵¹. Не дожидаясь ответа из Петербурга, японская миссия прибыла в Хакодатэ, чтобы оттуда отправиться во Владивосток. Однако миссии так и не удалось покинуть Японию, так как в конце июня от Оларовского стало известно, что военный губернатор Приморской области контр-адмирал А.Е.Кроун, имевший полномочия на ведение переговоров с японской стороной, находится в столице, и что на Дальнем Востоке в настоящее время нет представителей, которые имели бы полномочия на переговоры¹⁵². Вполне вероятно, что это был тактический ход российской стороны, так как еще в мае особым совещанием по делам Приамурского края было принято решение отложить переговоры о Сахалине до следующего года, поручив их ведение назначенному поверенным в делах в Японии Е.К.Бюзову¹⁵³. 1 июля (по европейскому календарю 16 августа) Оларовский официально известил японскую сторону о том, что полномочным представителем российской стороны на переговорах назначен Бюзов¹⁵⁴. Из российского МИД в адрес министра

иностранных дел Сава по этому поводу было направлено следующее письмо:

«В письме 11-й луны 3-го года Мейдзи Ваше Превосходительство изволили уведомить, что Ваше Правительство намеревается отправить в Посыт уполномоченного для переговоров по Сахалинскому делу, и вместе с тем просите сообщить Вам не встречается ли к тому препятствий с нашей стороны.

Из предшествующей по этому делу переписки между обоими Правительствами Вам известно, что Россия постоянно выражала желание прийти к скорейшему окончанию вопроса о Сахалине, и потому заявление Ваше о намерении отправить уполномоченных в Посыт для переговоров вполне соответствует предположениям Императорского Правительства. С таковою целью и был уже назначен, по воле Государя Императора Командир портов в Восточном океане Контр-Адмирал Кроун. К сожалению, ...он ранее осени не может быть на Восточном прибрежье Сибири. В силу этих обстоятельств, наше Правительство вынуждено изменить ныне предположение о переговорах по Сахалинскому делу в Посыте, и поручить эти переговоры назначенному по воле Государя Императора и согласно заявленному Вашим Правительством желанию, представителю нашему в Вашей столице Статскому Советнику и Кавалеру Бюцову.

... Ему поручается, по прибытии к своему посту, начать с лицами уполномоченными Вашим Правительством, переговоры по Сахалинскому делу...»¹⁵⁵.

9 ноября МИД Японии через российское консульство в Хакодатэ известил МИД России, что принимает к сведению обстоятельства, по которым переговоры с Кроуном в Посыте не состоялись, и выразил надежду, что переговоры с назначенным полномочным представителем Бюзовым будут плодотворными¹⁵⁶.

Переговоры полномочного представителя и генерального консула России Бюцова с новым министром иностранных дел Создзима Танэоми проводились в Токио в июне – июле 1872 г. В ходе переговоров японская сторона предлагала различные варианты решения сахалинского вопроса: от покупки Сахалина Россией до покупки его Японией за 2 млн. иен¹⁵⁷. Так как полномочия Бюцова не выходили за рамки «Временного соглашения», то на время, необходимое на запрос и получение ответа из Петербурга, переговоры были прерваны¹⁵⁸. Впоследствии по инициативе японской стороны на обсуждение был также вынесен вопрос о

возможности транзита японских войск по территории России в случае войны с Кореей; таким образом Япония пыталась обеспечить нейтралитет России в случае высадки японских войск на Корейском полуострове. Предложение было отвергнуто российской стороной¹⁵⁹. Согласно японским источникам, в начале 1873 г. Бюцов сообщил японской стороне, что он получил из Петербурга инструкции, в которых говорилось, что предложенный Создзимой вариант с покупкой или продажей Сахалина не может быть принят, так как остров нужен России для ссылки каторжников¹⁶⁰. У Файнберг и Кутакова отмечено, что в ходе переговоров именно японская сторона, а не российская в качестве аргумента о необходимости владения островом приводила аргумент об использовании острова как ссылки¹⁶¹. На этих переговорах речь зашла и о компенсации Японии в случае ее отказа от Сахалина. Впоследствии в частной беседе с английским посланником Паркском Создзима сообщил, что Бюцов якобы предложил Японии все Курилы за исключением Шумшу и Парамушира, а также гарантировал права японцев на рыбные промыслы на Сахалине¹⁶². Переговоры прерывались в связи с визитом Создзима в Китай, затем из-за пожара на японской рыбалке в Корсаковском посту, в итоге осенью 1873 г. были вообще приостановлены, так как Создзима был понижен в должности, а Бюцов покинул Японию в связи с назначением посланником в Китай; но так или иначе, они послужили краеугольным камнем Петербургского договора 1875 г. (в японском варианте «Договора об обмене Сахалина на Курильские острова»).

В инструкции МИД России от 29 января 1874 г. новому поверенному в делах в Японии К.В.Струве отмечалось, что разграничение Сахалина не сможет предотвратить конфликты с японцами: «Поэтому единственный исход дела, который Вы постоянно должны иметь в виду, - уступка нам всего острова, географическое положение которого делает обладание им вопросом первостепенной важности для будущего развития нашего Восточного Сибирского прибрежья»¹⁶³.

Таким образом, несмотря на то, что переговоры Бюцова и Создзима завершились безрезультатно, они являлись важным показателем того, что к 1874 г. в японском правительстве приходят к пониманию, что дальнейшая японская колонизация Сахалина бессмысленна, и что единственный путь решения сахалинской проблемы – это отказ от острова при условии получения за это соответствующей компенсации; воплощение в жизнь

варианта обмена с компенсацией было поручено Эномото Такэаки, о чём пойдет речь ниже.

3.3 Хозяйственная деятельность русских и японцев на юге Сахалина в конце 1860-х – начале 1870-х гг.

Как отмечалось выше, новая японская администрация во главе с Окамото Кэнсуке считала, что в сложившихся условиях смешанного проживания с русскими на Сахалине главной и срочной задачей является расширение масштабов японского присутствия; именно переселенцы, по ее мнению, явились бы своеобразным «барьером» для вытеснения русских с острова. С этой целью на Сахалин направлялись переселенцы: в 1868 г. - 200 чел., в 1869 г. - 300 чел. и в 1871 г. - более 200 чел. Все переселенцы на Сахалин получали теплую одежду, крестьяне – землю, сельхозинвентарь и семена; те, кто заявлял готовность остаться на острове, пожизненно освобождались от налогов, те, кто приезжал на заработки, освобождались от налогов на 3 года. Большая часть переселенцев оседала в окрестностях Кусюнкотана по побережью залива Анива, но из-за тяжелых климатических условий освоение земельных угодий продвигалось медленно. За 1870 - 1873 гг. было освоено 21 тё (1 тё – 9917 м² – А.Т.), т.е. не более 20 га ; за несколько лет только немногим крестьянам удалось встать на ноги. В цитированном выше отчете сотрудников МИД Маруяма и Танимото за октябрь 1869 г. упоминалось, что крестьяне-переселенцы выращивают различные овощные культуры. Это был, пожалуй, единственный успех «проекта» Окамото. Из-за сурового климата и нестабильности обстановки в условиях соседства с русскими многие переселенцы, ссылаясь на болезни, покидали остров навсегда или же не возвращались из временных поездок на родину¹⁶⁴.

Таким образом, несмотря на оптимистические ожидания администрации, успехи сельскохозяйственной колонизации юга острова были более чем скромными. Политический характер японской колонизации Сахалина подчеркивал М.И.Венюков:

«Главная цель, для которой японцы в прежнее время водворялись на Сахалине и еще более приезжали туда на лето, состояла в рыбной ловле и в торговле с айнами; в последние годы они преследуют и другую, не экономическую, а уже политическую цель: усиление японского влияния на острове параллельно с русским. Для этого они следят за

ходом русской колонизации, и как только замечают, что русские хотят возвращаться в какой-либо местности, являются туда с собственными колонистами»¹⁶⁵.

Не лучше обстояли дела с крестьянской колонизацией острова и у российской стороны. Первая попытка была предпринята еще в 1862 г., когда с целью занятия сельским хозяйством на остров прислали 8 вышедших на поселение каторжан. Им были предоставлены земельные участки рядом с Дуйским постом. Из них только половина осталась на земле, и к 1864 г. им удалось освоить земельные угодья. В первый год был получен хороший урожай, но год от года почва скучела, урожай уменьшалась. В январе 1869 г. побывавший в тех местах В.К.Шван писал: «Проезжая ту падь, в которой теперь стоит Александровский пост, мы видели только несколько гиляцких юрт и деревянный небольшой домик на горе, где помещались несколько ссыльных; местность эта называлась тогда фермой и была занята огородами дуйских команд»¹⁶⁶. Вторая попытка заставить ссыльнопоселенцев заняться сельским хозяйством была осуществлена в 1869 г., когда на Сахалин прибыла большая партия ссыльнокаторжан. Из них по приказу генерал-губернатора 400 человек были оставлены в Дуз для работы на угольной копи, а 100 человек должны были заняться сельским хозяйством. Было создано Александровское хозяйство, где ссыльные трудились на строительстве домов и хозяйственных построек, прокладке дорог, вели мелиоративные работы. В 1870 г. был проведен первый сев; но полученный урожай был весьма скромным. В 1871 г. там побывал член комиссии В.И.Власова врач Т.М.Августинович; он писал, что «для казенных посевов и огородов разкорчевано около 24 десятин по правому берегу р.Дуз. Как поселенцами на возделываемой ими земле в слободке Александровке, так и на ферме Дуз, засевается рожь, ячмень, овес и ярица; а из огородных овощей – картофель, броква и капуста»¹⁶⁷. Вполне удачным был опыт «подсобных» хозяйств военных постов. К 1872 г. практически на всех постах солдаты выращивали картофель, капусту и другие овощные культуры. Имелись небольшие посевы зерновых культур, содержался домашний скот. Так, в Муравьевском посту содержалось 194 головы, а в Корсаковском 302 головы домашнего скота¹⁶⁸.

Наряду с попыткой развивать сельское хозяйство острова силами солдат и ссыльнопоселенцев созданный при Главном управлении Восточной Сибири комитет под председательством Б.К.Кукеля принял решение о проведении эксперимента по свободному

крестьянскому заселению острова. В докладе комитета от 11 октября 1868 г. отмечалось:

«Необходимо в будущем же 1869 г. переселить и водворить на остров Сахалин в местах, имеющих более важное значение по отношению к туземному населению, по крайней мере, на первый раз 25 русских семей»¹⁶⁹.

Еще летом того года на юге Сахалина в Муравьевском посту побывали представители крестьян-переселенцев; о них пишет в своих воспоминаниях Шван:

«С Майором Депрерадовичем в этот раз пришли в Муравьевский пост два крестьянина-переселенца, посланные односельчанами для осмотра и выбора места на Сахалине для селения; один из них был малоросс, ... Черниговской или Полтавской губернии, а другой чуть ли не из Томской губернии; прия в Муравьевский пост, оба они высказали, что до сего времени им понравились только места по р. Такой, но, к несчастью, места эти лежат внутри острова, им же хотелось поселиться ближе к морскому берегу, чтобы, как они выражались, чаще видеть русский народ и иметь сбыт своих произведений... После трех недельных путешествий, решили наконец посоветовать своим товарищам селиться по р. Такой. Депрерадович же обещал им, что дорога оттуда к берегам будет непременно сделана»¹⁷⁰.

Переселенцам предоставлялись значительные льготы: освобождение от уплаты податей на 20 лет, от рекрутского набора; для закупки скота и сельскохозяйственных орудий выделялись необходимые средства; расчет стоимости переселения одной семьи составил в среднем тысячу рублей¹⁷¹. Среди крестьян – переселенцев, выразивших желание переселиться на Сахалин, были выходцы из Енисейской, Иркутской, Полтавской и Черниговских губерний; всего 21 семья общим числом 119 человек¹⁷². 25 августа 1869 г. на транспорте «Маньчжур» переселенцы были доставлены в Муравьевский пост, откуда в сентябре их перевезли в Корсаковский пост; по поводу их прибытия и перехода в Такойскую долину Шван писал:

«В том же 1869 г. прибыла к нам, в конце Июля, партия переселенцев, на половину хохлов, а на половину русских; отправить ее прямо в долину «Такой» по той дороге, которая существовала, не было никакой возможности, почему они и были остановлены в п. Корсаковом, пока посланный на дорогу портупей-юнкер Дьяконов с партией рабочих успел приспособить ее к проходу переселенческих лавозок... В Сентябре под его

наблюдением (Дьяконова – А.Т.) и в сопровождении солдат, для оказания помощи в трудных местах, были отправлены туда переселенцы, которые в две недели едва могли дотащиться до избранного ими места, потеряв дорогой несколько голов скота от изнурения...»¹⁷³.

В Такойской долине переселенцами были основаны селения Воскресенское, Станционное и Ново-Александровское. Изнурительное путешествие, трудности и лишения на новом месте только в первые месяцы 1870 г. унесли жизни 13 переселенцев¹⁷⁴. Весной 1870 г. переселенцев посетил Шван:

«...я нашел их вполне почти обстроившимися, поля были засеяны и, как мне казалось, переселенцы были довольны своими местами, только жаловались на невозможность по существующим дорогам проехать в пост Корсаков, хотя бы верхом, для необходимых в сельском быту покупок и сбыта масла, яиц и других продуктов...»¹⁷⁵.

Непривычные климатические условия, вызванные тайфунами наводнения и, как следствие, гибель урожая, оторванность от военных постов, игравших роль рынка сбыта для крестьян, и ряд других факторов привел к переселению такойских крестьян в Чеписань и другие места; в 1885 г. 40 семей уехали в Южно-Уссурийский край. Оставшиеся переселенцы почти забросили земледелие и занимались охотой и рыбной ловлей, что оказалось прибыльнее, чем сельское хозяйство. Как отмечает Шаброва, «Судьба такойских крестьян оказалась во многом трагичной. Вольная колонизация острова изначально была обречена на провал... Не было составлено долгосрочной программы развития сельского хозяйства на Сахалине. Все мероприятия проводились в спешке и непродуманно...»¹⁷⁶.

Именно нежелание царского правительства пойти на значительные финансовые затраты и отсутствие у него продуманных организационных мероприятий тормозили свободное заселение Сахалина; постепенно в правительстве пришли к выводу о том, что в силу особого географического положения и сурового климата острова более предпочтительной является принудительная колонизация¹⁷⁷. В определенной степени на данный вывод повлияли результаты работы летом 1869 г. на Сахалине правительственной комиссии во главе с генерал-адъютантом И.Г.Сколковым, заключившей, что «по своим орографическим и климатическим условиям Сахалин никогда не будет богатой земледельческой колонией, и

потому для осиротелых средств жизни всегда будут заключаться в горном, а со временем и заводском труде». К аналогичным выводам пришли землемер А.И.Корзун, побывавший на острове осенью того же года («Хлебопашество на Сахалине может быть только необходимым и выгодным в том случае, если разовьется на Сахалине горная промышленность»), а также горный инженер И.А.Лопатин, изучавший Сахалин в 1867 – 1868 г., подчеркивавший, что «...нельзя рассчитывать на сплочение земледельческих населений в большие села на Сахалине – стране с узкими горными долинами»¹⁷⁸.

В 1871 г. на Сахалине работала комиссия Главного тюремного управления Министерства внутренних дел под руководством В.И.Власова, которая направила в правительство предложение доставлять ссыльно-каторжных на Сахалин из европейской части страны морским путем. Данное предложение было реализовано в 1879 г., когда впервые из Одессы на Дальний Восток отправился пароход «Общества Добровольного флота» с 600-ми каторжанами на борту¹⁷⁹. В состав комиссии Власова входил также агроном М. С. Мицуль, который сделал очень оптимистичный вывод о пригодности для ведения сельского хозяйства не только земель на юге острова, но и в центре. По подсчетам Мицуля, в этих районах сельским хозяйством могли заниматься как минимум 25-30 тыс. человек. Комиссия подготовила предложения по сельскохозяйственной колонизации, однако, несмотря на помощь довольствием, инструментами, скотом и семенами вышедшими на поселение каторжанам, во многом мечтам Мицуля о создании здесь «цветущего сельскохозяйственного оазиса» так и не суждено было сбыться.

В отличие от сельского хозяйства, наличие на Сахалине богатых запасов угля обеспечивало перспективу развития на острове угольной промышленности; как отмечал надворный советник Я.Н.Бутковский, «...Сахалину предназначено природою, удовлетворять потребностям прибрежий Тихого Океана...Правительство наше попало на весьма практическую мысль, применив ссыльно-каторжный труд, к разработке каменноугольных залежей Сахалина»¹⁸⁰. Разработка угольных запасов на Сахалине началась в Дуз горным инженером штабс-капитаном А.А. Носовым еще в конце 1850-х, а уже с начала 1860-х г. стали использовать труд каторжан и ссыльных. Первая партия ссыльно-каторжан (80 человек) была доставлена сюда еще в 1861 г.¹⁸¹. В 1862 г. на ломке угля и подсобных работах трудилось

300-400 ссылочных. С 1858 по 1875 гг. в Дуз было добыто 3 млн. пудов угля¹⁸². Разработка угля велась примитивным способом. Так, упоминавшаяся выше комиссия генерал-адъютанта Сколкова установила, что методы эксплуатации уже имеющихся на острове рудников являются хищническими, не налажено хранение и сбыт угля. Этнограф А. Д. Брылкин, побывавший на Сахалине в составе экспедиции Ф. Б. Шмидта, направленной Русским Географическим обществом для изучения Приамурья и Сахалина, в своих «Письмах с Сахалина» оставил живописную зарисовку одной из первых разработок угля на западном побережье острова:

«... прошедшим летом основана частная каменноугольная ломка от купца Баурова. Содержание угля очень богатое и качество его очень хорошее; с 1 августа по 1 января, 30 рабочими, добыто угля более 65,000 пудов. Это дельное предприятие, к сожалению, приведено в исполнение с чисто русской небрежностью; поверенный г. Баурова не только положительный невежда в этом деле, но и человек, обиженный Богом; рабочие не снабжены самым необходимым, как например, медикаментами; грязь, беспорядки, недостаток не только знания, даже общечеловеческой предусмотрительности бросаются в глаза на каждом шагу ... Предприятия такого рода очень выгодны, польза их несомненна; дай только Бог, чтобы их приводили в исполнение с толком»¹⁸³.

Вплоть до конца XIX в., когда в Приморской области началась разработка Сучанского месторождения, Сахалин являлся практически единственным угледобывающим районом Дальнего Востока. Остров стал первым объектом проникновения иностранного капитала в добывающую промышленность Дальнего Востока. С 1870 по 1872 гг. на острове вели разработку Сортунайского угольного месторождения американская компания «Олифант и Ко», которая привлекла для этого сто китайцев из Гонконга и отправила на шанхайский рынок более 2 тыс. тонн сахалинского угля¹⁸⁴. Однако в целом в 1860-70-е гг. российское правительство отклоняло предложения иностранных предпринимателей об участии в эксплуатации сахалинских запасов угля. По мнению генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта Н. П. Синельникова, стремление иностранных торговых домов получить доступ к сахалинскому каменному углю «легко может породить политический затруднения... немедленное занятие всех угольных местностей казною для снабжения углем торгового флота в Тихом океане, составляет самый существенный вопрос нашего обладания и

влияния на острове Сахалине...»¹⁸⁵. Боязнь российского правительства в отношении иностранного экономического проникновения на Сахалин отмечал американский исследователь Дж.Стефан¹⁸⁶. По мнению А.И.Костанова, деятельность иностранных предпринимателей на Сахалине в условиях совместного проживания была чревата политическими осложнениями: японская сторона также могла пойти на выдачу аналогичных разрешений тем же фирмам, что могло привести в итоге к ослаблению русского влияния на Сахалине. Именно поэтому в 1872 г. деятельность иностранных компаний на острове была запрещена, а разработка угольных месторождений должна была вестись только русскими предпринимателями¹⁸⁷.

В 1867 г. российское правительство направило на Сахалин горного инженера И.А.Лопатина из горного отделения Главного управления Восточной Сибири с целью изучения полезных ископаемых острова; в результате годичной экспедиции им были описаны новые угольные месторождения на Южном Сахалине. В августе 1868 г. из штаба войск Приморской области последовало указание Депрерадовичу принять меры «к занятию, по возможности, нашими постами богатейших пунктов, имеющих залежи каменного угля»¹⁸⁸. Стремление представителей российской стороны поставить под свой контроль месторождения угля на юге острова привело к конфликтам с представителями нового японского правительства во главе с Окамото Кэнсукэ, прибывшими на Сахалин летом 1868 г.

О накале страстей красноречиво свидетельствует переписка того времени между представителями местных японских и русских властей. Так, временно командующий отрядом на о-ве Сахалин батальонный командир И.Д.Сверчков в письме от 6 сентября 1870 г., адресованном Окамото Кэнсукэ, пишет:

«В местности Чипсани около озера носящего название Чипсанского, недалеко от нашего поста, нами открыт пласт каменного угля и поставлены знаки, о чем заявлено было Вам подполковником де Прерадовичем, что уголь этот принадлежит русскому правительству, но Вы распорядились вопреки этого заявления и всякого права, приказать разрабатывать означенный пласт... Покорнейше Вас прошу от имени Правительства, ныне же оставить разработку найденного нами и принадлежащего Русскому Правительству пласти каменного угля, во избежание серьезных столкновений

на которые Вы постоянно напрашиваетесь нарушая общий мир»¹⁸⁹.

В свою очередь, японская сторона настаивала, что месторождения угля на юге острова в Отёбока, Наяси, Сацукотане, Оттиси, Райтисика хорошо известны еще со времен бакуфу, и право их разработки принадлежит японской стороне¹⁹⁰. Добыв в Чибэсяни несколько тонн угля, о чем уже шла речь выше в докладе секретаря английского представительства Джона О'Дрисколля, посетившего те места в сентябре 1869 г., японская сторона пыталась использовать его в качестве топлива для парохода, зашедшего в Кусюнкотан, но качество угля было плохим и в итоге его выбросили.

Таким образом, в 1860-х гг. на Сахалине российской стороной были заложены основы угольной промышленности, опиравшейся в основном на использование труда каторжан и ссыльных; что касается усилий японской стороны, то дальше экспериментальной ломки угля в Чибэсяни и выражения протестов российской стороне дело не пошло.

Тем не менее, на Сахалине существовала одна сфера хозяйственной деятельности, в которой японцы в те годы сохраняли практически полную монополию – рыбные промыслы. Выше мы подчеркивали, что еще в годы прямого управления бакуфу землями Эдзо и Сахалином (1854 – 1868 гг.) японской стороной были предприняты усилия по организации казенных рыбалок. В марте 1870 г. Колонизационное бюро приняло решение возобновить деятельность казенных рыбалок на Сахалине в Сакаэхама, Западном и Восточном Сираоро; на должность главного управляющего был назначен рыбопромышленник Ямада Сахэй. Но уже в октябре рыбалки были закрыты, так как выяснилось, что полученная прибыль не смогла даже частично компенсировать понесенные затраты. На следующий год они снова были открыты по соображениям политического характера. Дело в том, что доставшаяся в наследство от феодального правительства церемония вассальной зависимости айнов «омуся», по всей видимости, была расценена чиновниками правительства Мэйдзи как несоответствующая установкам нового времени и отменена в сентябре 1870 г., поэтому предоставление айнам работы на рыбалках наряду с раздачей продовольствия должно было продемонстрировать заботу японского правительства о туземцах¹⁹¹. То, что в деятельности казенных рыбалок именно политические соображения (удержание контроля над айнами и сохранение таким образом стратегических позиций на юге острова) играли главную роль, подтверждают

финансовые итоги деятельности ряда рыбалок. Так, в казенную рыбалку Западный Сиароро за два года (1870-1871 гг.) было вложено 5 тыс. 187 иен, а прибыли было получено 2 тыс. 298 иен, т.е. убыток составил 2 тыс. 889 иен. В казенную рыбалку Саказхама за три года (1870-1872 гг.) было вложено 10 тыс. 204 иены, получено прибыли 5 тыс. 86 иен, убыток составил 5 тыс. 118 иен. В целом сумма убытков казенных рыбалок на Сахалине в годы деятельности Колонизационного бюро составила 20 тыс. 242 иены¹⁹². Что касается рыбалок частных рыбопромышленников, то, как и во времена бакуфу, лидерами являлись два дома рыбопромышленников - Датэ и Сухара. В первые годы Мэйдзи (1868- 1875 гг.) японские частные рыбопромышленники, имевшие промыслы на Сахалине, вложили в них 617 тыс. 595 иен и понесли убытки на 209 тыс. 927 иен, причем убытки пионеров японских рыбных промыслов на острове Датэ и Сухара были на порядок меньше, чем у основных конкурентов. О масштабах японского рыболовства свидетельствует также количество рыболовных судов, обслуживавших промыслы: на восточном побережье – 182 судна, на западном – 111. По Като, общее количество казенных рыболовных судов в годы Мэйдзи на Сахалине было равно 311¹⁹³. Неясно, входили ли в общее количество маломерные суда прибрежного флота (кунгасы и прочее) или только рыболовецкие и грузовые шхуны, приходившие на путину из Японии.

Основу японской рыбной промышленности на Сахалине составлял промысел сельди; в основном сельдь шла на производство сельдянного тута, отправляемого в Японию для использования в качестве удобрения на поля. Только в 1872 г. в Японию было вывезено 10 тыс. 587 кою (1 кою рыбопродукции равен 150 кг – А.Т.) сельдянного тута на 25 тыс. 257 иен, а также жира сельди – 2 тыс. 26 кою на 615 иен; всего же рыбной и морепродукции было вывезено 17 тыс. 718 кою на 44 тыс. 180 иен¹⁹⁴. Так как основной промысел сельди производился в заливе Анива, то именно там была сосредоточена большая часть японских сельдеварочных заводов, подробное описание одного из которых оставил Депрерадович:

«Прибрежье местности, предназначенной под завод, совершенно плотно утрамбовывается, затем во всю длину прибрежья выкапываются квадратные ямы, ... в ямах же устанавливаются каменные печи, в которые вмазываются чугунные котлы емкостью до 15-ти ведер; число таких печей на больших заводах ... доходит иногда до 90... самое производство состоит в следующем: в котлы... накладывается селедка, здесь

вываривается, а затем переваливается в находящийся по соседству деревянный ящик и, с помощью ворота, прессуется; селедочный жир стекает ... в общий деревянный резервуар. Рыбные остатки, сбитые после прессовки почти в кубическую форму, вываливают на соломенные цыновки, разбивают ... просушивают на солнце, затем упаковывают в кули и отправляют в Японию для удобрения рисовых плантаций»¹⁹⁵.

Сельдь, по выражению Депрерадовича, «рыбная порода, составляющая предмет промышленности японцев и доставляющая туземцу главное материальное обеспечение», подходила к берегам в 20-х числах апреля и вторично в середине мая; для ее ловли использовались невода длиной до 250-ти сажень с пристегивающейся к нему мотней:

«Самый невод после каждой тони на берег не вытаскивается, но от него отстегивается только наполнившаяся селедкой мотня и немедленно же для следующей тони пристегивается новая. Мотня же, наполненная рыбой, удерживается на якоре при большом деревянном поплавке».

Депрерадович высоко оценил уровень мастерства японских рыбаков: «впрочем, по ловкости в рыболовстве японцы стоят, может быть, гораздо выше европейцев».

Вслед за сельдью в начале июня на Сахалине начался ход горбуши, являвшейся «одной из главных отраслей промышленности японцев и предметом заготовки из нея туземцами зимних запасов». Как отмечал Депрерадович, «Горбуша идет у японцев в посолку и отправляется в этом виде в Японию. Посолка производится у них точно такоже, как и у нас»¹⁹⁶. В 1872 г. в Японию было вывезено 5 тыс. 311 коку соленой горбуши на 13 тыс. 946 иен, а также соленой кеты – 710 коку на 2 тыс. 341 иену¹⁹⁷.

В условиях совместного проживания русские не считали рыбные ресурсы монопольно принадлежащими японской стороне, о чем было официально заявлено Депрерадовичем в уже цитированном выше письме Окамото Кэнсукэ от 20 октября 1869 г.:

«В производстве рыбных промыслов я вас стеснять не могу и не буду; но и вы со своей стороны должны помнить, что речки открыты для общего пользования русских, айно и японцев»¹⁹⁸.

Так как военные посты полностью зависели от завоза продовольствия из Николаевска и зачастую испытывали определенную его нехватку, то заготовленная на зиму соленая рыба

была для солдат одной из важных составляющих рациона и залогом выживания в суровых условиях сахалинской зимы. В связи с этим неоднократно возникали конфликты между российской и японской стороной, так как японцы во время хода лососевых перегораживали устье рек сетями, и рыба не поднималась на нерест вверх по реке. К числу подобных конфликтов относится и конфликт по поводу рыбного промысла на реке Найба, протекающей по Такойской долине. Чтобы дать возможность крестьянским переселенцам сделать запас рыбы на зиму, местные российские власти в 1871 г. обратились с просьбой к японской стороне о снятии японских неводов в устье в ночное время или на несколько дней во время хода рыбы; аналогичный вопрос возник и в следующем году, но стороны так и не смогли прийти к соглашению о сроках установки неводов¹⁹⁹.

Непосредственное отношение к японским рыбным промыслам на Сахалине имеет и возникший 26 марта 1873 г. пожар на складах японской рыбалки в Хаккотомари, воспринятый японцами как начало активных действий русских против японских владений на Сахалине. Японская сторона обвинила российскую в преднамеренном поджоге складированных дров, приготовленных для весеннего выплавления жира и отстоя из сельди. Еще раньше русские требовали убрать в другое место сельдеварочный завод, так как он мешал обзору, но, как отмечает Акидзуки, на самом деле они не могли вынести зловония, возникающего при вываривании сельди, поэтому стремились таким образом избавиться от неприятного соседства²⁰⁰.

Главный чиновник Колонизационного бюро в Кусюнкотане Хори Мотои обвинил командира Корсаковского поста капитана К. В. Тяжелова в том, что солдаты произвели поджог по его прямому указанию, но тот отверг обвинения, настаивая на непричастности русских солдат к пожару. В начале июня с первым же судном Хори послал отчет о произшедшем в Колонизационное бюро своему бывшему сослуживцу Хасэбэ, высказав просьбу направить на Сахалин 300 солдат для защиты местных туземцев²⁰¹.

3 августа в Кусюнкотан прибыл Ясуда Саданори из штаб-квартиры Колонизационного бюро; вместе с Хори он принял участие в переговорах с прибывшим из Муравьевского поста исполняющим обязанности командира батальона капитаном Чепурновым. Отвергнув обвинения японской стороны, Чепурнов заявил, что доля ответственности на плохом поведении

солдат, на которое жалуется японская сторона, лежит и на ней самой, так как именно японцы продают русским солдатам спиртные напитки²⁰². Дело в том, что в целях пресечения хулиганства в пьяном виде и других правонарушений со стороны солдат, командование батальона запретило торговлю спиртным у себя (так как «продажа эта (алкоголя) по нашим законам на о-ве Сахалине запрещена») и неоднократно просило японскую сторону предпринять такие же меры, потому что «нижние чины отряда покупают у торгующих японцев саго (саке), которой напиваясь, производят в пьяном виде в командах беспорядки»²⁰³. Ужесточение мер приводило к тому, что солдаты в поисках спиртного начиналиходить по домам японцев.

Стороны так и не пришли к единому мнению по поводу возникновения пожара и составили проект соглашения по предотвращению подобных инцидентов в будущем – «Условие на случай недоразумений между японцами и русскими»:

- «1. Не нарушать порядок, по которому запрещается русским входить к японцам и японцам к русским без нужды в жилые помещения или вообще стеснять людей и препятствовать при занятиях.
2. Если японцы у русских или русские у японцев будут делать воровство, насильную покупку, грабеж и т.д. доставлять их начальнику с которым и переговорить о виновности взяточника; если же будет совершено преступление с оружием в руках и в случае поимки преступный не сдается то не давая ему скрыться дать знать его начальнику.
3. Если в окрестностях, где находятся постройки или же в окрестностях расчищаемых придется что либо строить вновь и т.д. и для этого снести старое, или же занять места, занятые с прежних времен, тогда это делать не иначе как через подробные переговоры начальников обеих сторон.
4. Продажа русским японцами саке (род алкоголя) не будет когда нет письма о том начальника.
5. Наконец, не забывать изложенного в трактате, заключенном прежде обоими государствами; строго соблюдая вежливые сношения, обходясь друг с другом миролюбиво и кратко...»²⁰⁴.

Вернувшись с Сахалина, Ясуда предоставил Куроде план отказа от дальнейшего

освоения Сахалина: «Если пытаться сопротивляться, направив туда войска, то мы проиграем им в военном отношении и погубим свою страну; в то же время, у нас не хватит сил соревноваться с ними в освоении острова в ситуации совместного проживания»²⁰⁵.

Пожар в Хаккотомари и другие происшествия, произошедшие на юге Сахалина, стали предметом переписки между дипломатическими ведомствами двух стран. Так, в письме министру иностранных дел Соэдзима Танэоми от 8/20 августа 1873 г. Бюцов, отвергая причастность российской стороны к пожару, вместе с тем был вынужден отметить:

«Не могу скрыть от Вас того тяжелого впечатления, которое произвели на меня недавние происшествия на Сахалине, и как неприятна обязанность, налагаемая ими на меня, раскрыть моему Правительству обстоятельства, которые совершенно противоречат его ожиданиям на дружественные искрения отношения между Русскими и Японцами на Сахалине...»²⁰⁶.

В связи с просьбой МИД Японии направить на Сахалин для расследования пожара в Хаккотомари российского представителя Бюцов заявил, что «как ни желательно мне, чтобы было произведено новое следствие о бывших на Сахалине происшествиях, я не располагаю правом нарядить такое следствие», но он может командировать своего сотрудника для оказания содействия в общении с русскими чиновниками на острове. В итоге от российского представительства был командирован сотрудник представительства Ельницкий²⁰⁷.

Ельницкий и сотрудник японского МИДа Мицумото прибыли на Сахалин в октябре. Опрос японских свидетелей в Кусонкотане проводила японская сторона, а российских свидетелей в Корсаковском посту опрашивали два сотрудника российского военного суда. Опросы японских свидетелей перевели на русский язык и передали российской стороне²⁰⁸. В августе 1875 г. японской стороне была передана копия судебного решения суда Управления войск Приморской области по поводу солдат, обвинявшихся японской стороной в насилии во время пожара (речь шла о рядовом Павле Мальцеве и унтер-офицере Зосиме Шохиреве). В документе отмечалось, что из-за недостатка улик все обвиняемые признаны невиновными; ответственность командира Тяжелова вовсе не затрагивалась²⁰⁹.

По мнению Акидзуки, раздувание масштабов этого конфликта японской стороной было одним из звеньев в планах группировки Сайго Такамори оттеснить с политической арены

политическую группу, настаивающую на военной экспансии на Корейский полуостров, о чём пойдет речь ниже²¹⁰. За развитием конфликта также внимательно следило английское представительство; в начале сентября в Кусонкотане для сбора информации побывал английский военный корабль «Тэссо»²¹¹.

Пожар на японской рыбалке в Хаккотомари случился через месяц после того, как Курода Киётака выступал на слушаниях по сахалинскому вопросу в феврале 1873 г., призывая отказаться от дальнейшей колонизации Сахалина. Основное содержание его речи следующее:

«От залива Анива до Сисука на восточном побережье 94 ри, а до Усёро на западном побережье – 126 ри, население составляет 3 тыс. 73 человека, из них туземцев – 2 тыс. 124 человека. На освоение этих бескрайних пустынь нужны гигантские средства. В прошлом году нами на казенные расходы на Карагфуто было выделено 60 тыс. иен и 5 тыс. коку риса (1 коку риса – примерно 180 л – А.Т.); все средства без остатка израсходованы на выплату пособий чиновникам, финансовую помощь местным туземцам и транспортные расходы... В условиях сурового климата и каменистой почвы земледелие там невозможно. Рыболовство и охота не могут обеспечить всех необходимых для жизни средств. Все угольные месторождения мы потеряли. Нельзя исключить и того, что местные туземцы, получая от нас огромную финансовую помощь, в итоге станут независимыми от нас. По моему мнению, нет смысла вкладывать усилия в бесполезные земли, не ожидая получить от них выгоду; напротив, мы будем иметь здесь большие проблемы. Как говорят, если укусила гадюка, нужно срочно отрезать укушенную руку. Я считаю, что у нас нет другого выхода, кроме отказа от этих земель. Стиснув зубы, нужно отказаться от Карагфуто и сконцентрировать все усилия на освоении Хоккайдо; именно это будет способствовать превращению нашей страны в процветающую и сильную державу...»²¹².

Всего же за первые годы Мэйдзи на колонизацию Сахалина японским правительством было затрачено 700 тыс. иен, что сопоставимо с суммой, вложенной в тот же период японскими частными рыбопромышленниками в сахалинские промыслы (617 тыс. 595 иен)²¹³.

Таким образом, руководство Колонизационного бюро после нескольких лет свободного соревнования с русскими в условиях совместного проживания, обусловленного Симодским

договором и «Временным соглашением об острове Сахалин», сделало вывод о бесперспективности дальнейшего освоения Сахалина, считая необходимым сосредоточить все ресурсы для освоения Хоккайдо.

О масштабах японского присутствия на юге Сахалина свидетельствуют данные Таблицы №1 (См. Приложение 4). Из таблицы видно, что несмотря на усилия Колонизационного бюро по переселению (в 1868 – 1871 гг. на Сахалин прибыло 700 человек переселенцев), к категории постоянных жителей относилось всего 152 человека; 287 человек оставались в категории временных жителей, т.е. не имели своего жилья и работали по найму батраками и на рыбалках. Заметно также преобладание мужского населения. В то же время, количество русских на юге острова составляло 1 111 человек, из них 14 офицеров, 18 членов семей, рядового состава 794 человека, членов их семей 64 человека, 5 врачей и фельдшеров, 1 священник, 8 неработающих, 150 крестьян, 116 ссыльных (включая жен и детей)²¹⁴. Таким образом, самой многочисленной категорией населения на юге острова были русские солдаты.

В марте 1874 г. Колонизационное бюро обнародовало распоряжение, по которому «постоянным жителям Карафуто, а также временными жителям из числа наемных работников и батраков, желающим уехать с Карафуто, будет произведена выплата подъемных и оплата проезда в соответствии с перечнем». Постоянные жители мужского пола старше 15 лет получали по 15 иен, наемные работники и батраки – по 10 иен, женщины и дети первой и второй категории – по 10 и 7 иен соответственно; собственная недвижимость переселенцев выкупалась бюро, семьи обеспечивались продовольствием до отъезда с Карафуто, транспортные расходы до Хакодатэ или Отару также возмещались. В апреле того же года Колонизационное бюро приняло решение переселенцев, изъявивших желание после переезда поселиться на Хоккайдо, взять на полугодовое продовольственное обеспечение. В сентябре с Сахалина выехало 458 человек, т.е. практически все японские жители за исключением чиновников. Из них в Хакодатэ выехало 364 человека, в Отару – 86 человек, Токио – 3 человека, Намбу – 4 человека и Саппоро – 1 человек. Одновременно с этим к осени были закрыты казенные рыбалки, местные представительства Колонизационного бюро и конторы по взиманию пошлинных сборов; таким образом, еще за полгода до прибытия в Петербург чрезвычайного и полномочного посланника Эномото Такэаки для ведения переговоров по

сахалинскому вопросу японская сторона фактически уступала юг острова в безраздельное владение России²¹⁵.

3.4. Дипломатическая миссия Эномото Такэаки и заключение Петербургского договора

Сахалинский вопрос первых лет Мэйдзи тесно связан с корейским вопросом; ряд ведущих японских политиков нового правительства Мэйдзи – государственный советник Сайго Такамори, а также Создзима, Это, Итагаки – выступал за военную экспедицию на Корейский полуостров. Противостояние «ястребов» с противниками военной экспедиции (Ивакура, Окубо, Ито, Кидо и др.) осенью 1873 г. завершилось поражением сторонников военной экспедиции в Корею и отставками или понижением в должностях основных ее участников; в качестве предлога в борьбе с противостоящей группировкой группа Ивакура использовала сахалинский вопрос. Дело в том, что противники военной экспедиции в Корею не были против агрессии как таковой; они расходились с «ястребами» только в тактическом вопросе, так как считали, что перед началом экспансии на Корейский полуостров Япония должна прежде всего решить сахалинский вопрос, обезопасив тем самым свои северные границы.

На совещании в правительстве 31 декабря 1873 г. было принято решение направить миссию в Россию; по рекомендации государственного советника Окубо и начальника Колонизационного бюро Курода Киётака в качестве главы миссии на переговоры по Сахалину правительство 10 января 1874 г. назначает Эномото Такэаки, чиновника Колонизационного бюро. Наряду с назначением чрезвычайным и полномочным посланником Эномото присваивается также звание вице-адмирала для придания ему большего веса на переговорах, так как «за границей военный чин произведет большее впечатление». По замечанию Акидзуки, с учетом того, что Эномото когда-то возглавил беглую эскадру сторонников бакуфу, которая оккупировала Хоккайдо, что он фактически создал правительство, боровшееся с новым правительством Японии, вполне может статься, что он заслужил это звание²¹⁶.

5 марта 1874 г. глава правительства Сандзё Санэтоми вручил Эномото правительственный инструкцию на переговоры, состоявшую из 12-ти параграфов. В 1-м

параграфе инструкции отмечалось, что необходимо провести пограничное размежевание с Россией, чтобы покончить с ситуацией совместного проживания на Сахалине. Во 2-м и 3-м параграфах отмечалось, что Япония, владея практически половиной Сахалина и уступая ее России, должна получить взамен все Курильские острова севернее Урупа. В 6-м и 7-м параграфах указывалось на необходимость получить согласие России на открытие японского консульства в Кусюнкотане, а также обеспечение доступа японских торговцев в четыре российских порта – Анива, Владивосток, Петербург и Посыт. В 8-м параграфе говорилось о получении прав на промысел китов вдоль побережья «Маньчжурии». Параграфы 9 и 10 предусматривали взаимную компенсацию за оставляемую казенную и частную недвижимость. В 11-м параграфе айнам Курил и Сахалина предоставлялось право на выбор страны проживания. 12-й параграф, разбитый на 4 подпункта, предусматривал вечное освобождение от налогов частных лиц, занимавшихся рыбными промыслами, сельским хозяйством или лесным промыслом и уже пользовавшихся льготами до подписания договора²¹⁷. Из содержания последнего параграфа вполне очевидно стремление японского правительства обеспечить для японских рыбопромышленников режим наибольшего благоприятствования в рыбном промысле на Сахалине. Таким образом, правительенная инструкция Эномото является документальным свидетельством того, что к весне 1874 г., потерпев неудачу в колонизации Сахалина, в японском правительстве приходят к пониманию того, что единственный путь решения сахалинской проблемы – это уступка острова в полное владение России при условии получения за это соответствующей компенсации в виде всех Курильских островов севернее Урупа, а также сохранения японских рыбных промыслов на Сахалине.

После 3-месячного путешествия Эномото 10 июня 1874 г. прибывает в Петербург. На встрече с директором Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремноуховым 22 июня Эномото довел до сведения российской стороны, что имеет также полномочия на заключение договора о границе на Сахалине. Российской стороной было заявлено, что для продолжения переговоров, начатых Бюцовым, в Японию отправился новый поверенный в делах К.В. Струве. В итоге был достигнут компромисс: было решено, что основную часть переговоров по Сахалину российская сторона будет проводить с Эномото в Петербурге, а Струве в Токио с японской стороной обсудит конкретные детали.

20 августа, еще до начала официальных переговоров по территориальному вопросу, Эномото во время встречи с заместителем директора Азиатского департамента бароном Остенсакеном потребовал от российской стороны предоставить ему информацию о результатах судебных разбирательств, в частности, о пожаре на японской рыбалке в Хаккотомари и об убийствах японских подданных (в результате разбойных нападений беглых каторжников в первые годы Мэйдзи погибли 5 японцев и одна айнская женщина)²¹⁸. По мнению Акидзуки, Эномото постановкой этого вопроса хотел поставить в затруднительное положение российскую сторону; имея на руках инструкцию об отказе от Сахалина, он намеревался добиться от российской стороны максимальных уступок²¹⁹. Тактика Эномото напоминает действия Путятиня во время переговоров в Симода; имея инструкции на установлении границы на Курилах по линии Уруп - Итуруп, Путятин приберегал этот козырь до последнего, выдвигая претензии на Итуруп. Поэтому информация в российских газетах о том, что японцы начали эвакуацию с Сахалина, была принята Эномото за попытку его дезориентировать и помешать тем самым ведению переговоров. Узнав из японских газет, что информация соответствует действительности, Эномото в отчете министру иностранных дел Тэрасима от 11 января 1875 г. с возмущением пишет, что «так как прошлой осенью основная часть японских жителей по приказу правительства покинула Карафuto, и там осталось всего лишь 12 чиновников и небольшое количество рыбаков, получается, что японское правительство тем самым отказывается от Сахалина, что противоречит позиции, занимаемой мною здесь на переговорах; впредь полагал бы до окончания переговоров соблюдать все меры, чтобы не допустить отрицательного влияния на переговоры»²²⁰. Таким образом, очевидная несогласованность действий японского правительства, в инструкции которого отмечалась необходимость обеспечить права проживавших на Сахалине японских жителей, с действиями Колонизационного бюро, начавшим эвакуацию с острова этих самых жителей еще до начала переговоров в Петербурге, затруднила позицию Эномото на переговорах.

Находясь в Петербурге, Эномото активно собирал сведения касательно политики России в отношении Японии в целом и по Сахалину в частности. Сбор подобной информации стал возможен только благодаря тому, что в японском представительстве работали самые авторитетные в то время в Японии знатоки русского языка: Итикава Бункити, Ниси Токудзиро и

Сига Тикатомо. Кроме этого, врачом при японском представительстве служил некий М. Помпэ, голландец, который был преподавателем Эномото в военно-морской школе в Нагасаки; их знакомство продолжилось, когда Эномото учился в Голландии. Помпэ фактически выполнял роль советника Эномото, его обширные связи в русской столице помогали в сборе информации²²¹. Возможности Помпэ в сборе информации можно проиллюстрировать следующим примером: в ходе переговоров Эномото держался настолько уверенно, предлагая самые разные варианты территориального разграничения, не предусматривающие полный отказ Японии от Сахалина, что российская сторона, теряясь в догадках по поводу инструкции японского правительства, которой Эномото руководствовался, направила указание посланнику в Токио Струве раздобыть сведения об этом. Эномото через Помпэ удалось получить текст секретной телеграммы и отправить ее министру иностранных дел Тэрасима²²².

2 января 1875 г. на 5-м раунде переговоров Эномото предложил в случае отказа Японии от Сахалина при определении равнозначной замены учитывать объем продукции, получаемой японцами на острове, а также стоимость земли. По его мнению, в качестве компенсации можно было рассматривать передачу Россией Японии в вечное владение Урупа с тремя прилегающими небольшими островами, а также уступку части русских военных кораблей. На вопрос Стремноухова, сколько кораблей хотела бы получить Япония, Эномото ответил, что на данном этапе его интересует позиция российского правительства в этом вопросе в принципе. Экспромт Эномото с военными кораблями, не предусмотренный в правительственной инструкции, по мнению Акидзуки, можно объяснить тем, что еще во время конфликта по поводу военной экспедиции в Корею, разгоревшегося в октябре 1873 г., на запрос главы правительства Сандзё Санэтоми глава военно-морского ведомства Кацууми выступил против экспедиции, сославшись на нехватку кораблей; по всей видимости, Эномото посчитал, что суда могут понадобиться во время планируемой военной экспедиции на Корейский полуостров²²³. Стремноухов, взяв инициативу в свои руки, заявил, что российское правительство готово в качестве компенсации за Сахалин уступить Японии часть Курильских островов от Урупа до Онекотана включительно. Эномото возразил, что подобный вариант не является равнозначной заменой Сахалину, так как ежегодно японские рыбаки вывозят оттуда продукции 300 тыс. пудов; кроме того, японцы там владеют 6-ю месторождениями угля. Интересно, что касаясь

угольных запасов на Сахалине, Эномото ссыпался на опубликованные в российской печати сведения, в частности, работы М.И.Венюкова²²⁴.

На 6-м раунде переговоров (4-го марта) Эномото заявил, что получил телеграмму с инструкцией вести переговоры об уступке Сахалина и получении в качестве компенсации всех Курильских островов. Ужесточение позиции Эномото, по мнению Акидзуки, было связано с отказом российской стороны передать Японии военные корабли, поэтому Эномото в соответствии с инструкцией стал требовать все Курилы²²⁵. Стремноухов отклонил это требование, объяснив, что Четвертый Курильский пролив (между Парамуширом и Онекотаном) используют российские суда, и морское ведомство не согласится на его уступку, так как в противном случае получится, что для того, чтобы попасть из Тихого океана к дальневосточным берегам страны, российские корабли должны будут проходить по японским проливам (исключение составляет Цусимский пролив), что чревато осложнениями в военное время.

Затем стороны перешли к рассмотрению вопросов имущественной компенсации, налоговых льгот; такие предложения Эномото, как приданье Кусюнкотану статуса «porto-franxo», учреждение там японского консульства и право добычи китов вдоль побережья Приморья были отклонены российской стороной. И наоборот, предложение Эномото предоставить айнам Курил и Сахалина право самим решать, оставаться ли им на прежнем месте или переезжать, возражений с российской стороны не вызвало²²⁶.

На 7-м раунде переговоров (24 марта) Стремноухов предъявил японской стороне одобренный императором проект договора, попросив Эномото подтвердить его полномочия на подписание договора телеграфом²²⁷. Русский проект договора предусматривал в качестве компенсации за Сахалин передачу Японии всех 18-ти Курильских островов от Шумшу и Парамушира до Урупа включительно; суда под японским флагом, заходящие в Кусюнкотан (или Корсаков), на 10 лет освобождались от портовых сборов; практически все другие японские требования в общих чертах были также удовлетворены. Как отмечал Кутаков, «Учитывая возрастающее влияние националистических агрессивных кругов в Японии, а также опасаясь вмешательства в переговоры Англии и США в условиях назревавшего военного конфликта в Европе и на Ближнем Востоке, русское правительство поспешило пойти на новые большие уступки... Царская дипломатия торопилась с осуществлением соглашения»²²⁸. 19 апреля на имя

Эномото поступила телеграмма от министра иностранных дел Тэрасима следующего содержания:

«Настоящим подтверждаются полномочия чрезвычайного и полномочного посланника вице-адмирала Эномото Такэаки по заключению договора касательно территориального разграничения на Сахалине в соответствии с нашим указом».

Вместе с тем от имени Сандзё Санэтоми была также подтверждена правительенная инструкция из 12-ти параграфов»²²⁹.

На 8 – 10 раундах стороны обсуждали технические вопросы; в том числе уточнялись формулировки договора²³⁰. Петербургский договор (в японском варианте «Договор об обмене Сахалина на Курильские острова») был заключен 25 апреля 1875 г. (по европейскому календарю 7 мая); с японской стороны его подписал чрезвычайный и полномочный посланник Эномото Такэаки, а с российской - канцлер и министр иностранных дел А.М. Горчаков. Содержание важнейших статей договора следующее:

«Статья Первая

Его Величество Император Японский... уступает Его Величеству Императору Всероссийскому часть территории острова Сахалина (Крафто), которую он ныне владеет..., так что отныне означенный остров Сахалин (Крафто) весь вполне будет принадлежать Российской империи, и пограничная черта между империями Российской и Японской будет проходить в этих водах через Лаперузов пролив.

Статья Вторая

Взамен уступки России прав на остров Сахалин..., Его Величество Император Всероссийский уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими, которыми он ныне владеет..., так что отныне сказанная группа Курильских островов будет принадлежать к Японской империи. Эта группа заключает в себе нижеозначенные 18 островов., так что пограничная черта между империями Российской и Японской в этих водах будет проходить через пролив, находящийся между мысом Лопаткою полуострова Камчатки и островом Шумшу...

Статья Шестая

В уважение выгод, проистекающих от уступки острова Сахалина, Его Величество Император Всероссийский предоставляет:

- 1) японским судам право посещать порт Карсакова... без платежа всяких портовых и таможенных пошлин, в продолжение десятилетнего срока...
- 2) японским судам и купцам, для судоходства и торговли в портах Охотского моря и Камчатки, а также для рыбной ловли в этих водах и вдоль берегов, те же права и преимущества, которыми пользуются в Российской империи суда и купцы наиболее благоприятствуемых наций...»²³¹.

Таким образом, Япония, отказываясь от своих прав на Сахалин, взамен получала 18 Курильских островов от Урупа до Шумшу включительно. Иными словами, Россия и Япония, рассмотрев в течение 20 лет различные варианты территориального размежевания, прибегли к весьма нестандартному решению – обмену находившихся на значительном удалении друг от друга территорий; причем, строго говоря, исходя из того, что Сахалин находился в совместном владении двух стран, Япония уступала не Южный Сахалин как таковой, а свою часть прав на него. Именно это дало возможность Кутакову оценить Петербургский договор следующим образом:

«Таким образом, используя слабость царской России на Дальнем Востоке и на Тихом океане, учитывая ее занятость европейскими делами, а также зная о нежелании России иметь новое столкновение с Англией в Средней Азии, японское правительство добилось отторжения от России и передачи ему Курильских островов за отказ от совершенно несостоятельных претензий Японии на южную часть Сахалина. Со своей стороны, опасаясь конфликта с Японией накануне войны на Балканах и вмешательства в этот конфликт западных держав, царизм пошел на максимальные уступки Японии»²³².

В действительности южная часть острова находилась в совместном владении двух стран, а не была единоличной собственностью России, как утверждает Кутаков. Японская сторона, как это видно из инструкции японского правительства Эномото, равнозначной территориальной заменой Сахалину считала русскую часть Курильских островов, которую она и получила полностью. Предусмотренный договором широкий спектр прав для японской стороны - право для японских судов в течение 10 лет посещать порт Кусюнкотан (Корсаков) без уплаты

портовых сборов и таможенных пошлин, согласие России на открытие японского консульства в Корсакове, предоставление режима наибольшего благоприятствования японским рыбопромышленникам вдоль побережья Охотского моря и Камчатки, компенсация государственного имущества обеих стран и неприкосновенность имущества лиц, остающихся на территории, отходящей к соседней стране, свобода промыслов (Статьи 4-я, 5-я и 6-я) – свидетельствует, что Россия, обеспечив за собой стратегическое владение Сахалином, вовсе не ставила своей целью вытеснение японцев из экономической сферы, что дало возможность японской стороне сохранять практически монопольную позицию в рыбной промышленности острова в течение последующих 30 лет.

В 3-й статье приложения (в оригинале на французском языке называется Declaration) говорилось, что касательно представителей коренных народов, проживающих на обмениваемых территориях, переговоры будут проводиться в Токио²³³. 22 августа в Токио Струве и Тэрасима подписали дополнительное «Приложение», состоявшее из 6-ти статей, предусматривавших пожизненное освобождение от налогов подданных России и Японии в случае их дальнейшего проживания на обмениваемой территории, а также выдачу им соответствующих документов, подтверждающих владение недвижимостью и другой собственностью. Гарантировалась также свобода вероисповедания (Статьи 1-3). О коренном населении обмениваемых территорий говорилось в 4-й статье «Приложения», согласно которой все коренное население, остававшееся на своей земле, становилось подданными нового государства – владельца территории; для лиц, пожелавших остаться подданными предыдущего государства, предусматривался 3-летний период, в течение которого они могли переселиться на территорию этого государства. Статья 5-я гарантировала свободу вероисповедания представителям коренных народов Сахалина и Курил²³⁴. В тот же день состоялся обмен ратификационными грамотами договора.

Официальный Токио позитивно оценил заключение договора. Известный политический деятель Мэйдзи Окума Сигэнобу по поводу заключения договора заявил, что «отношения между Японией и Россией стали очень дружественными после обмена Курильских островов и Сахалина». По случаю ратификации договора император Мэйдзи пожаловал русскому посланнику К.В. Струве орден, какого не было ни у кого из иностранных представителей в то

время. Через много лет японский представитель на Гаагской конференции писал по поводу этого договора: «Если потеря Сахалина и была прискорбной, то мы по крайней мере имели утешение, что договор 1875 года был заключен в духе полного равенства и на условиях, вполне почетных для Японии...»²³⁵.

Вполне положительно оценили заключение договора и представители европейских стран в Японии. О первой реакции зарубежных представителей на подписание договора писал 28 мая 1875 г. барон фон Гоглебен, прусский представитель в Японии:

«Несколько дней назад местные дипломатические круги были удивлены телеграммой из Лондона, извещавшей о том, что часть Сахалина, до сих пор принадлежавшая Японии, была определенно уступлена России. После того, как данный вопрос дебатировался в течение стольких лет, а переговоры по нему неоднократно заходили в тупик, все были поражены тем, что вопрос был решен в Петербурге так быстро, что никто об этом и не знал. Английский посланник, имевший привычку с особой тщательностью следить за всеми деталями отношений Японии с Россией, похоже, был удивлен больше всех; он утешается тем, что считает, что вопрос был решен также и в обход местных русских представителей»²³⁶.

Позитивная оценка договора западными странами объясняется их опасением, что в результате войны с Японией Россия усилит свои позиции в Азии.

Российская сторона положительно оценила заключение этого договора. Заместитель начальника департамента Азии МИД России Остенсакен в беседе с советником Эномото Помпэ отметил, что после решения проблемы Сахалина российское правительство в дальнейшем будет углублять дружеские отношения с Японией. В отчете МИД России Александру II за 1875 г. по поводу завершения многолетних переговоров с Японией о Сахалине отмечалось: «Таким образом, долголетнее стремление русской политики увенчалось успехом. Сахалин перестал быть предметом и целью внешней политики нашей, а сделался отныне одной из богатых областей русского государства... Можно надеяться, что после такого миролюбивого разрешения вопроса о Сахалине устанавливаются самые дружественные отношения, так как с переходом Сахалина в исключительное владение России устранился главный повод к столкновениям»²³⁷. Побывавший на острове через 15 лет после заключения договора А.П.Чехов оценивал его

следующим образом:

«Несомненно, что право первого исследования принадлежит японцам, и японцы первые заняли Южный Сахалин. Но все-таки в своей щедрости мы, кажется, хватили через край; можно было бы «из уважения», как говорят мужики, отдать японцам пять – шесть Курильских островов, ближайших к Японии, а мы отдали 22 острова, которые, если верить японцам, приносят им теперь миллион ежегодного дохода»²³⁸.

В соответствии с 3-м параграфом стороны пришли к выводу о том, что комиссия, состоящая из уполномоченных представителей обеих стран, должна будет, разделившись на две части, провести на Сахалине и Северных Курилах церемонии передачи территории²³⁹. Для участия в церемонии российская сторона направила в Токио двух военных – полковника Генерального штаба Барабаша и Соловьева, а также титулярного советника Матюнина; японская сторона командировала сотрудников Колонизационного бюро Хасэбэ и Токито. 28 августа 1875 г. на российском военном судне «Всадник» уполномоченные направились из Иокогамы в Хакодатэ, где разделились на две группы: Хасэбэ, Барабаш и Соловьев отправились на «Всаднике» на Сахалин, а Токито и Матюнин – на японском военном судне «Ниссин» на Северные Курилы. Сахалинская группа прибыла в Кусюнкотан (Корсаков) 9 сентября, после чего отправилась по восточному побережью до Сисука, по пути обследуя японские строения. 18 сентября они вернулись в Кусюнкотан, где на следующий день и состоялась церемония передачи Сахалина; был спущен японский флаг и поднят русский, 21 раз прозвучал орудийный салют²⁴⁰. Хасэбэ и Барабаш составили и подписали акт следующего содержания:

«Мы нижеподписавшиеся Комиссар Российского Императорского Правительства и Комиссар Японского Императорского Правительства составили сей акт в удостоверение того, что 7/19 Сентября 1875 года, в селении Кусюн-Котан в заливе Анива совершена нами, на основании трактата, заключенного 25 Апреля 1875 года в С.Петербургге между Россией и Японией, формальная передача Российскому Императорскому Правительству принадлежавшей Японии части Острова Сахалина.

С. Кусюн – Котан. 7/19 Сентября 1875 года

Комиссар от Российского Императорского Правительства Генерального Штаба
Полковник Барабаш»²⁴¹.

Затем Барабаш и Хасэбэ обьехали западное побережье до Усёро; Барабаш составил несколько детальных описей, в частности, описание жилых и производственных строений, магазинов, складов, описание дорожно-транспортной сети и заготовленных лесоматериалов. На основании этих описей им была составлена итоговая «Ведомость» следующего содержания:

«Во что оценено все вообще принадлежавшее Японскому Правительству и
принятое от Японских Комисаров имущество на О-ве Сахалине...

Строения, сооружения, лесоматериал – 74. 671 иен 91 сэн.

12/24 Сентября 1875 года. С.Усёро»²⁴².

В письме от 13/25 июня 1876 г. Струве информировал Тэрасиму:

«Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, для сведения Вашего Правительства, что следовавшие на основании Сахалинского трактата от моего Правительства в уплату Вашему 74, 671 иен 91 сэн, составившие по расчету 112 754 руб. 59 коп. за строения и имущество, принятые русскими Комиссарами от Японских на острове Сахалине осенью минувшего года, были переданы 14 Апреля сего года ...

Посланнику Вашему при Высочайшем Дворе, Вице – Адмиралу Эномото Такеаке»²⁴³.

Во время совместной с Барабашем поездки Хасэбэ составил подробную описание рыбалок частных японских рыбопромышленников на Сахалине; всего в опись была включена 41 рыбалка²⁴⁴. В отчете Хасэбэ о передаче Сахалина было отмечено, что во время поездки до айнов было доведено содержание договора, и что 841 человек выразили пожелание переселиться в уезд Соя на Хоккайдо²⁴⁵. Выше мы отмечали, что еще в марте 1874 г. Колонизационное бюро приняло решение об эвакуации японцев с Карафuto; вместе с тем, был также составлен план по переселению сахалинских айнов, работавших на японских рыбалках, на север Хоккайдо. Несмотря на положение 4-й статьи «Приложения», предусматривавшее для коренного населения обмениваемых территорий 3-х летний срок для выбора подданства, Колонизационное бюро приняло решение провести переселение айнов на Хоккайдо в сентябре 1875 г. одновременно с передачей Сахалина России. По поводу переселения айнов на Хоккайдо Оларовский сообщал в Токио Струве:

«Не могу умолчать о способе, который был употреблен японцами для переманивания айнов на Эзо: они уговаривали и спаивали последних, и потом, пользуясь влиянием на

айнов нескольких объявившихся айнов, они уговаривали их переехать на мыс Сою, крайняя оконечность острова Эзо. Нужно отдать справедливость айнам, что не более 600 или 700 человек поддались обещаниям японцев; большая же часть отказалась от переселения. Переселившиеся айну все принадлежат Южному Сахалину, с Северного же Сахалина и из внутренней части острова все айны без исключения отказались от переселения»²⁴⁶.

Впоследствии сахалинские айны с рыбалок Датэ и Сухара в районе Соя были по приказу начальника Колонизационного бюро Курода Киётака насильственно переселены в долину реки Исикири в местечко Цусикири; планами бюро предусматривалось, что айны будут заниматься сельским хозяйством. Воесторонние усилия чиновников бюро по привитию айнам навыков в ведении сельского хозяйства и созданию экономической основы для их жизни на новом месте без учета традиционной среды обитания и рода занятий успеха не имели; вдобавок, после насильственного переселения все мероприятия японских властей воспринимались айнами как принудительные и насильственные²⁴⁷. Вспышки холеры, разразившаяся в 1886 - 1887 гг. эпидемия оспы унесли жизни практически половины сахалинских айнов – примерно 400 человек. Оставшиеся в живых айны переселились на рыбалки на побережье, а с началом 1890-х гг. под предлогом сезонной работы на рыбных промыслах и посещения могил предков многие из них вернулись на Сахалин. После русско-японской войны и остававшиеся на Хоккайдо практически все «исикири-айны» вернулись на Сахалин. На переселение 840 айнов на Хоккайдо и обустройство на новом месте японским правительством было затрачено примерно 100 тысяч иен государственных средств²⁴⁸. Касаясь судьбы «исикири-айнов», Акидзуки писал:

«При рассмотрении сахалинского вопроса нельзя забывать о трагедии коренных жителей тех мест – сахалинских айнов. Япония обосновывала японскую принадлежность Южного Сахалина именно тем, что там проживали айны, которых Япония считала принадлежащими себе. Айны были порабощены японцами, эксплуатирующими их на рыбных промыслах, их жизненный уклад был разрушен. Айны были использованы японцами в их споре с русскими как «живая изгородь»; их выселили на Хоккайдо, и из 841 айна после русско-японской войны на родину вернулась только половина. После Второй мировой войны подавляющее большинство сахалинских айнов

вместе с японцами покинули Сахалин, чтобы никогда уже туда не вернуться»²⁴⁹.

Положения, в котором оказались к началу XX в. среди других представителей коренных народов острова сахалинские айны, касается в своем очерке «Остров Сахалин» известный ученый П.Ю. Шмидт:

«С занятием японцами и русскими лучших рыболовных мест, с уменьшением запасов лососевых, благодаря интенсивному и нерациональному лову, - инородцы лишились, если не вполне, то в значительной степени, своего главного источника существования – рыбы. Бессовестная эксплуатация их доверчивости и неопытности со стороны как японцев, так и русских, появление новых сообразований в виде табаку и водки, наконец, проникновение новых болезней, - были были дальнейшими последствиями их соприкосновения с цивилизацией, подорвавшими и их здоровье, и их материальное благосостояние. ... вымирание инородцев признается официально «общим» и вполне естественным законом...»²⁵⁰.

Для передачи Северных Курил Японии туда направились уполномоченные Матюнин и Токито. 5 сентября 1875 г. они из Хакодатэ на японском судне направились в Петропавловск-Камчатский. Дело в том, что российские дипломатические представители не располагали какой-либо достоверной информацией о жителях Северных Курил. Еще до отъезда уполномоченных Струве писал Тэрасиме:

«...По неимению верных сведений о тех немногих русских жителях, которые, как я имел случай Вам сообщить, года два тому назад переехали будто бы на Курильские острова для зверинаго и рыбного промысла, я указал Г.Матюнину, которому предстоит сдать эти острова Японскому Комиссару, заехать сначала, если возможно, в Петропавловск, где он может собрать сведения о жителях на Курилах...»²⁵¹.

По этому поводу Струве запрашивает Петербург:

«Имею честь покорнейше просить снабдить меня указаниями на счет, следует ли считать жителями островов тех Алеутов, которые для зверинаго промысла приезжают на Курильские острова и быть может находятся там уже год или два.

Вопрос этот особенно интересует Японское Правительство...»²⁵².

Японскую сторону вопрос о том, есть ли на Курилах русские или нет, действительно, весьма

интересовал, так как на постоянных русских жителей в случае их проживания там должны были распространяться все льготы и привилегии, зафиксированные в Петербургском договоре. Выяснение этого вопроса было поручено также находившемуся в Петербурге Эномото. 3 сентября в адрес Тэрасими поступила телеграмма из японского представительства в российской столице:

«Российское правительство заверяет, что там, по сведениям министерства внутренних дел, нет русских жителей»²⁵³.

Отсутствие у официальных представителей достоверной информации о жителях Северных Курил вполне объяснимо: дело в том, что после продажи Аляски США и упразднения Российско-Американской компании в 1867 г. Северные Курилы структурно вошли в состав Приморской области; их снабжение и эксплуатация природных ресурсов были поручены купцу Филиппеусу, с которым был подписан соответствующий контракт до 1872 г. Филиппеус, приобретший все имущество РАК на Командорских и Курильских островах, становился фактически их монопольным владельцем. В феврале 1871 г., несмотря на попытки Филиппеуса продлить контракт, право на снабжение и эксплуатацию природных богатств Курильских и Командорских островов получила американская компания «Гутчинсон, Кооль и К°». В 1874 г. был образован своеобразный русско-американский синдикат, так как русский купец был принят в состав учредителей²⁵⁴. В связи с отсутствием официальных представителей на островах еще в 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С.Корсаков поручил военному губернатору Приморской области направить на Командоры и Курилы по одному «вахтеру», т.е. представителю российскихластей. На Шумшу был назначен унтер-офицер Усов, который пробыл на острове до 1870 г., после чего был переведен на остров Медный и практически сразу же отстранен от должности, так как пытался совместить государственную службу с деятельностью в качестве приказчика Филиппеуса²⁵⁵. Таким образом, ко времени заключения Петербургского договора представителей российскихластей на Курильских островах не было, и во Владивостоке и Иркутске не было достоверной информации о положении там.

18 сентября 1875 г. в сопровождении российского военного корабля «Гайдамак» японский военный корабль «Ниссин» направился на Северные Курилы, но в районе Шумшу попал в шторм и получил повреждения; поэтому уполномоченные Матюнин и Токито смогли

высадиться только на Симушире. Прибыв в Нэмуро, они пересели на другое судно и вновь направились на Северные Курилы, где 22 сентября на Шумшу состоялась церемония передачи северной части отходящих к Японии островов, был спущен русский и поднят японский флаг. Такая же церемония была проведена 24 сентября на Урупе. Коренным жителям островов объяснено содержание дополнительных статей договора; Токито от имени японского правительства гарантировал снабжение продуктами и необходимыми товарами²⁵⁶. По сведениям Матюнина, в то время на Северных Курилах проживало 89 алеутов (переселенных РАК в 1830-40 гг. с Аляски) и 72 курильца (курильских айнов)²⁵⁷. Таюке на Шумшу и Симушире проживали представители Филиппеуса, а на Урупе был американец с браконьерного зверобойного судна. В «Докладе по претензиям Филиппеуса и по переоселению Алеутов с Курильских островов» от 17 декабря 1876 г., представленном в Главное Управление Восточной Сибири, отмечалось, что алеуты Курильских островов в количестве 161 человек выразили желание переселиться в Россию, и что Матюнин обещал, что за ними будет прислано судно, но в навигацию 1876 г. это обещание исполнено не было²⁵⁸. Так как количество выразивших пожелание переселиться в Россию совпадает с общим количеством местных жителей, указанных Матюниным в отчете, то получается, что желание переселиться высказали не только алеуты, но и айны Шумшу или, по крайней мере, те из них, кто находился на острове во время посещения его Матюниным и Токито. Часть айнов в количестве примерно 25-30 человек находилась в то время на промыслах на отдаленных островах и не была указана в отчете.

В январе 1876 г. уступленные Японии Северные Курилы были включены в «Курильскую область» (Тисима коку) в составе Хоккайдо и подчинялись непосредственно Колонизационному бюро; в свою очередь, они были разделены на три уезда: Уруп, Симушир и Шумшу. Заведующим Курильской областью был назначен Хасэбэ, бывший японский уполномоченный по передаче Сахалина. Побывав на Курилах в июле 1876 г., Хасэбэ впоследствии информировал Струве, что на Урупе 50 жителей по-прежнему выражают желание выехать в Россию²⁵⁹.

Вопрос о вывозе местных жителей с Курильских островов стал темой оживленной переписки между Петербургом, Иркутском и Владивостоком. Высказывались самые различные точки зрения, в том числе и сомнения в необходимости переселения как такового. Так, в письме

председательствующего Совета Главного Управления Восточной Сибири генерала Шелашникова от 23 июня 1877 г. министру внутренних дел давалась следующая характеристика жителей Курильских островов:

«По сведениям, курильцы народ ленивый, предан пьянству, неспособен никакому труду, не задумывается пред убийством, будет бременем; перевозка и первоначальное поселение потребует больших затрат»²⁶⁰.

Тем не менее, в итоге было принято решение направить на Курилы клипер «Абрек»; властями Приморской области было дано указание командиру клипера перевезти курильцев на Камчатку или Южный Сахалин и предупредить их, чтобы они не рассчитывали на пособие от казны²⁶¹. Позиция властей выражалась в том, что так как никто не заставляет жителей насильно переселяться, то в пособиях они не нуждаются.

Осенью 1877 г. 83 жителя Северных Курил были доставлены в Петропавловск. Место назначения было выбрано самими жителями: на вопрос командира клипера о том, «желают ли они переездать и куда (жители Урупа) ответили единогласно, что желают в Камчатку, в Аниву же не хотят, так как там нет никакого промысла»²⁶². Ряд жителей, в частности, около 100 айнов Шумшу, не смогли переселиться, так как практически все находились на промыслах во время прихода судна. Их дальнейшей судьбе была посвящена докладная записка управляющего Командорскими островами кандидата естественных наук Гребницкого, направленная им генерал-губернатору Восточной Сибири. В записке ученый предлагал, чтобы

«...Окончательно вымирающее племя Курильцев, интересное для науки, было сохранено переселением в местность с соответствующими климатическими и промысловыми условиями...»

и подчеркивал, что

«Самое удобное место для их переселения – это остров Сахалин и именно зап. Анива и Терпения; - здесь есть все необходимое для жизни будущих переселенцев; - заливы изобилуют рыбой; на прибрежье лежат нерпы и сивучи, доставляющие инородцу пищу и одежду...».

Гребницкий также беспокоился и за судьбу доставленных в Петропавловск алеутов: несмотря на помощь частных лиц неводами, бочками и т.д. и выделенные из казны соль и порох,

переселенцы голодали; зимой 1877 г. умер каждый пятый переселенец. Выход из создавшегося положения ученый видел в их переселении на юго-восточное побережье Сахалина²⁶³.

Каких-либо перемен в жизни оставленных на Курилах айнов и переселенных на Камчатку алеутов обращения ученого не принесли: власти сочли вопрос полностью решенным. Касаясь эпопеи с переселением жителей Курил, военный губернатор Приморской области контр-адмирал Эрдман писал в ноябре 1879 г. генерал-губернатору Восточной Сибири:

«Я того убеждения, куда не поселить этих ленивых, неспособных и преданных пьянству людей, они везде будут бедствовать, если не найдется благодетеля, подобного Филиппеусу, который кормил, содержал и смотрел за ними...»²⁶⁴.

В 1878 г. истек определенный Петербургским договором 3-х- летний срок, и все оставшиеся на Северных Курилах айны стали подданными Японской империи. В 1882 г. Колонизационное бюро было ликвидировано, и Курильские острова перешли под юрисдикцию префектуры Нэмуро; в 1884 г. правительство направило на Северные Курилы группу чиновников, в составе которой был чиновник правительственной администрации Ясуба Ясукадзу, губернатор префектуры Нэмуро Юти Садамото и представитель МВД Ёсикава Акимаса, для изучения обстановки. Для того, чтобы добраться до места назначения, было зафрахтовано судно «Хакодатэ-мару» компании «Кюдо унсокайся». В состав группы входил Кодзима Куратаро, известный переводчик русского языка. В начале 1870-х гг. в детском возрасте Кодзима проживал на Южном Сахалине, где выучил русский язык. Став взрослым, он посвятил свою жизнь преподаванию русского языка в Хакодатэ и Токио, был внештатным корреспондентом газеты «Владивосток». Свои впечатления о поездке на Северные Курилы Кодзима описал в рукописном дневнике «Путешествие на Курильские острова», а также в заметке в газете «Владивосток»²⁶⁵.

«Хакодатэ-мару» прибыл на Шумшу 1 июля; на берег были выгружены подарки и продовольствие. По словам местного старшины Александра, в последние годы все айны Северных Курил собирались на этом острове, а другие острова остались безлюдными. Губернатор Нэмуро Юти высказал мысль о желательности переселения айнов на какой-нибудь остров поближе к Нэмуро, так как в силу отдаленности Шумшу его жителям «затруднительно оказывать необходимую помощь и покровительство». Айны собирались за один день, и 2 июля

«Хакодатэ-мару» покинул Шумшу, увозя с собой на Шикотан всех 97 айнов, проживавших на Северных Курилах (45 мужчин и 52 женщины)²⁶⁶. До 1892 г., когда на Северных Курилах начало свою деятельность общество «Хокогикай» (Патриотическое общество) во главе с капитаном Гундзи Сигэтада, острова были необитаемыми. Как и в случае с «исикари-айнами», смена привычной среды обитания и уклада жизни наряду с такими болезнями, как туберкулез и цинга, привели к значительному сокращению их численности и поставили на грани исчезновения как народности: за 15 лет после переселения из 97 человек умерло 63, т.е. более 60 процентов (за это же время родился 31 человек)²⁶⁷.

3.5. Юг Сахалина в составе Российской империи (1875 – 1905 гг.)

После заключения в 1875 г. Санкт-Петербургского договора весь Сахалин стал российским; остров продолжал структурно входить в состав Приморской области, но согласно временному положению о военном и гражданском управлении на нем было образовано два округа: южный и северный с центром в п.Корсаковском и п.Дуз соответственно. Округом управлял начальник; начальником округа Северного Сахалина назначался заведующий ссылынокаторжными в Дуз, а начальником округа Южного Сахалина – командир Восточно-Сибирского линейного батальона, дислоцированного в п.Корсаковском. В начале 1876 г. в Министерстве внутренних дел пришли к выводу, что «Сахалин, как островная местность, представляет все удобства к заведению на нем карательных учреждений...Устройство каторги на Сахалине потребует меньших расходов, чем в других местностях...»²⁶⁸. Образованный при МВД Комитет по вопросу об организации каторжных работ на Сахалине и о передаче Дуйских каменноугольных копей в арендное содержание надворному советнику Я. Н. Бутковскому на заседании 10/12 марта того же года постановил, что Сахалин пригоден «для устройства на нем каторжных работ, а также для поселения преступников по отбытии срока сих работ». С Бутковским был заключен контракт на аренду угольных копей на Сахалине²⁶⁹. Как уже подчеркивалось выше, вплоть до конца XIX в., до начала разработки Сучанского месторождения в Приморской области, Сахалин являлся практически единственным угледобывающим районом Дальнего Востока; до ликвидации каторги в 1906 г. в

каменноугольных копях использовался рабский труд ссыльно-каторжных. После Бутковского право на эксплуатацию копей в Дуз перешло обществу «Сахалин», управляющим которого был И. О. Маковский. В 1896 г. годовая производительность всех сахалинских шахт превысила 1,6 млн пудов, из них ссыльно-каторжными в рудниках общества «Сахалин» было добыто 363 тыс. 361 пуд, а на тюремных рудниках – 1 млн 282 тыс. 392 пуда. В 1897 г. было добыто 2,7 млн пудов, в 1900 г. – 3,1 млн пудов угля²⁷⁰. Известный ученый П.Ю. Шмидт в своем очерке «Остров Сахалин» писал:

«Несмотря на свои хорошие качества, уголь этот разрабатывается, однако, лишь в трех рудниках и добывается сравнительно в очень небольшом количестве; только за последнее время вывод его с Сахалина превысил два миллиона пудов – цифра, все же совершенно ничтожная по сравнению с тем, что Сахалин может дать. ... Для более значительного развития каменноугольного дела не хватает предприимчивости, не хватает рабочих рук и, главным образом, являются чрезвычайно неудобными условия доставки угля, так как на Сахалине нет ни одного порядочного порта, где бы пароходы могли спокойно грузиться»²⁷¹.

В 1881 г. на Сахалине была учреждена администрация по делам каторги, подчиненная военному губернатору Приморской области. В те годы на остров ежегодно направлялось от 500 до 600 ссыльно-каторжан. В связи с упразднением в 1883 г. Виленской каторги на Сахалинскую каторгу из Одессы морем на судах Добровольного флота отправлялось ежегодно более тысячи осужденных. С 1880 по 1900 г. на Сахалин прибыло 24 730 каторжан²⁷².

Присланные на остров осужденные помещались в 6 тюрем, находившихся в Корсакове, Дуз, Александровске, Рыковском, Дербинском, Оноре. Шмидт в своем очерке писал:

«Подобно тому, как в старину селения возникали вокруг княжьего дома и кремля, так на Сахалине все наиболее крупные его населенные пункты возникали вокруг тюрем. Что же такое представляет из себя сахалинская тюрьма? Мне пришлось их видеть несколько, и все они производили на меня крайне тяжелое впечатление своей запущенностью, антигигиеничностью обстановки, в которой приходится жить каторжным, и вообще примитивностью своего устройства»²⁷³.

Сроки заключения варьировались от 4-5 лет до пожизненных. Все каторжники делились на два

разряда: разряд «испытуемых» и разряд «исправляющихся». В разряд «испытуемых» попадали люди, приговоренные не менее как на 15 лет каторги. Бессрочные каторжники должны были пробыть в разряде «испытуемых» 8 лет, присужденные к работам не свыше 20 лет – 5 лет и присужденные к работам от 15 до 20 лет – 4 года. Остальные, как правило, сразу же зачислялись в разряд «исправляющихся». Во время испытательного срока «испытуемые» каторжники были закованы в ножные кандалы, летом им выбивали половину головы; все эти меры должны были предотвратить побеги. По окончании испытательного периода кандалы снимались, и каторжане переходили в категорию «исправляющихся», которым полагался ряд льгот: так, например, десять месяцев заключения у них считался за год. По отбытии срока заключения каторжане выходили на поселение²⁷⁴.

По сравнению с переселенческим движением роль колонизации Сахалина при помощи выходивших на поселение каторжан была невелика. Подневольный труд каторжан не был эффективным, а годы пребывания на каторге подрывали их здоровье, делали их неспособными к тяжелому физическому труду. Подавляющая часть поселенцев, посаженных на землю, не имела никаких навыков в ведении сельского хозяйства и просто ждала того времени, когда можно будет вернуться на материк. Бывшие каторжане зачастую вновь становились на путь преступления. Шмидт в «Острове Сахалине» приводит по этому поводу слова бывшего начальника Главного тюремного управления А.П.Саломона, инспектировавшего в 1899 г. сахалинские тюрьмы:

«Об исправительном значении каторги не может быть и речи. Напротив того, все, что мне пришлось узнать о внутренней жизни сахалинских тюрем, приводит меня к убеждению, что пребывание в этих тюрьмах безусловно гибельно не только для людей, нравственно неустойчивых, но и для тех, которых привело на каторгу несчастное стечние обстоятельств или преступление характера формального... Вред тюремной жизни усугубляется еще тем дурным примером, который подают арестантам иные из ближайших начальников – примером лжи, нечестности, казнокрадства и безнравственности»²⁷⁵.

В конечном итоге политика российского правительства, рассчитанная на то, что каторга и ссылка приведут к заселению и освоению территории Сахалина, закончилась полным

провалом. Как отметил Шмидт: «Наиболее рациональным, но, разумеется, и наиболее трудным способом вдохнуть в остров новую жизнь было бы полное упразднение на нем каторги»²⁷⁶. Каторга на Сахалине была официально отменена в 1906 г., уже после поражения в русско-японской войне и потери Южного Сахалина.

В 1884 г. Сахалин был выделен из состава Приморской области и стал самостоятельной административной единицей Приамурского генерал-губернаторства. По «Положению о преобразовании управления о.Сахалином», утвержденному 15 мая 1884 г., главное управление островом принадлежало Приамурскому генерал-губернатору, а местное – начальнику острова. На должность начальника назначались чиновники IV класса, соответствовавшего званию генерал-майора. Должность начальника острова приравнивалась к должности губернатора. (В 1894 г. вместо должности начальника о.Сахалина был учрежден пост военного губернатора острова). Остров был разделен на три административных округа: Александровский, Тымовский и Корсаковский, их общий годовой бюджет устанавливался в сумме 107 тыс. 500 рублей. Административным центром Сахалинской каторги был избран п.Александровский, основанный в 1881 г.

По состоянию на 1 января 1897 г. на Сахалине проживало 29 007 чел., из них мужчин 22 641 чел., женщин 6 366 чел. Представителей коренных народов острова насчитывалось 4 495 чел., из них айны составляли 1 399 чел. Из общего количества населения острова 20 080 чел. представляли различные категории ссыльных – от ссыльнокаторжных до поселенцев. Свободное население составляло 8 927 чел., т.е. не более 30% всего населения острова. В 1898 г. сельское население составляло 12 749 чел., количество «самостоятельных» хозяйств было равно 5 164. Общее количество сельскохозяйственных поселений насчитывало 114. За несколько лет количество сельского населения заметно сократилось: так, по данным 1901 г., на Сахалине насчитывалось 4 295 «самостоятельных» хозяйств, а по данным 1902 г., только около 10 тыс. жителей острова занимались сельским хозяйством. Невелика была и общая площадь обрабатываемых земель: согласно переписи 1897 г., она составляла 137,86 га, поголовье лошадей – 2745 голов, коров – 5499. В 1901 г. на все «самостоятельные» хозяйства приходилось всего 3 809 голов лошадей и скота, 57% этих хозяйств вообще не имели скота, т.е. обработка земли производилась исключительно руками человека. На каждое хозяйство в

среднем приходилось не более десятины с четвертью земли, в том числе пахотной – не более трех четвертей десятины²⁷.

Подобные весьма скромные масштабы сельского хозяйства, ненадежность в условиях сахалинского климата таких традиционных культур, как рожь и пшеница, и как следствие, частые неурожаи и угроза голода, примитивность инвентаря, отношение большинства ссыльнопоселенцев к сельскому хозяйству как к временному явлению и многие другие причины не позволили ему стать источником стабильного продуктового снабжения без необходимости завоза с материка. К отрицательным факторам, препятствовавшим развитию сельского хозяйства и других отраслей хозяйства, можно также отнести отсутствие надежной дорожной сети. Так, из 132 населенных пунктов острова в начале XX в. проезжими дорогами были соединены лишь 62, а до остальных можно было добраться таежными тропинками. Юг острова был практически отрезан от его северной части; Шмидт приводит анекдотический случай: несколько местных российских чиновников, которым необходимо было попасть из Мауки в пост Корсаковский, для того, чтобы не подвергаться трудностям кружного путешествия в сотню с лишним верст на лодках, лошадях и пешком через перевалы и тайгу, сели на японский пароход, который шел в Хакодатэ, где пересели на другой японский же пароход и с комфортом добрались до Корсаковского. У этого же автора мы находим поистине пророческие слова: «Бездорожье на Сахалине до сих пор прямо волиющее, и не подлежит сомнению, что нам придется еще за него горько поплатиться, когда Сахалин сделается театром войны»²⁸.

Подводя неутешительные итоги экономического развития острова, П.Ю. Шмидт весьма образно характеризовал состояние его рыбной отрасли:

«Единственною живою струею среди мутных волн сахалинской жизни является промысловое дело – эксплуатация морских промыслов, которые уже сами по себе могли бы обеспечить существование богатейшей промысловой колонии. Мы видели, однако, что и промысла находятся в печальном положении, - они были до сих пор в полной зависимости от японцев, и лишь несколько русских промышленников, работающих японскими рабочими и на японский рынок, благоденствуют и не могут нахвалиться промысловыми богатствами края»²⁹.

Ниже хотелось бы остановиться на состоянии рыбной отрасли острова в последней

четверти XIX в.

Статья 5 Договора 1875 г., рассматривавшегося в предыдущем параграфе, гарантировала имущество лиц, остававшихся на территории, отходящей к соседней стране, а также свободу промыслов. Предусмотренный статьей 6 договора широкий спектр прав для японской стороны - право для японских судов в течение 10 лет посещать порт Корсаков без уплаты портовых сборов и таможенных пошлин, предоставление режима наибольшего благоприятствования японским рыбопромышленникам вдоль побережья Охотского моря и Камчатки – позволил японским рыбопромышленникам сохранять практически монопольную позицию в рыбной промышленности острова в течение последующих 30 лет.

Что касается прав японцев на рыбный промысел на Сахалине, то они были признаны в полном объеме одинаково с российскими подданными только за теми японцами, которые оставались на Сахалине (приложение к договору) (пожизненный беспошлинный промысел), остальные же рыбопромышленники могли воспользоваться только 10-летним освобождением от уплаты таможенных пошлин в Корсакове. Однако уполномоченный Колонизационного бюро на Сахалине Хасэбэ приказал всем японцам, проживавшим на Сахалине, эвакуироваться, а также вынудил японцев, занимавшихся рыбным промыслом, подать ему «заявления об отказе от ведения рыбного промысла» и обещать не приезжать на Сахалин даже на сезонный рыбный промысел²⁸⁰. Таким образом, сотрудники Колонизационного бюро не только заставили японских переселенцев покинуть остров, но и вынудили частных рыбопромышленников прекратить свою деятельность, отказываясь тем самым от права на рыбные промыслы на Сахалине, согласие на которое Эномото получил от российской стороны на переговорах.

В то время рыбными промыслами на юге Сахалина занимались две крупных семьи подрядчиков с Хоккайдо, начавших свою деятельность еще в начале XIX в. – дома Датэ и Сухара; большая часть их наемных работников приходилась на местных айнов. В результате переговоров в Токио по настоянию министра иностранных дел Тэрасима в пятый параграф Приложения к договору с согласия российской стороны было записано, что остающиеся на острове на постоянное проживание рыбопромышленники, в число которых вошли и эти два дома, пожизненно освобождаются от уплаты налогов и могут продолжать вести рыбный промысел. Вдобавок, российский посланник Струве заявил, что «в случае смерти хозяина

российское правительство обязательно предоставит одинаковые условия и его наследникам», отметив тем самым наследственный характер этой привилегии²⁸¹. Однако для оформления права на постоянное проживание было необходимо получить от уполномоченного свидетельство о правомочности владения недвижимостью, о доходах (Приложение к договору, статья вторая). Поэтому японское правительство в инструкции своим уполномоченным указало на необходимость выдачи подобных справок желающим остаться на постоянное жительство. Но уполномоченный на Сахалине Хасэбэ, наоборот, подталкивал японских рыбопромышленников, чтобы они покинули Сахалин, поэтому он не выдавал необходимых документов; в результате количество японцев, пожелавших остаться на острове на постоянное жительство, права которых защищались договором, было равно нулю. Оба дома - и Датэ, и Сухара, чье имущество и рыбопромысловое оборудование оценивалось в 480 тысяч иен, - вынуждены были без компенсации с российской стороны покинуть Сахалин, получив от Колонизационного бюро по 20 тысяч иен каждый²⁸². Иными словами, признанное договором право японцев на рыбный промысел на Сахалине было аннулировано Колонизационным бюро, что практически сразу же вызвало среди рыбопромышленников движение за восстановление их прав на промысел на Сахалине; рыбопромышленники из Хакодатэ направились в столицу и подали петицию в правительство. Японское правительство 29 февраля 1876 г. опубликовало «Приложение к договору», а в правительственном указании №25 за 2 марта отмечалось, что те промышленники, кто владел на Карафuto рыбаками и желает продолжать их эксплуатацию, должны будут при поездках на Сахалин впредь оформлять «официальные разрешения на выход в море» (кокай косё)²⁸³. Написанные по требованию Колонизационного бюро «заявления об отказе от ведения рыбного промысла» становились недействительными, и рыбопромышленники могли снова вести промысел на Сахалине.

С 1876 г. по 1882 г. продолжался первый этап японского рыбного промысла на ставшем полностью русским Сахалине; его можно условно назвать периодом «беспошлинного рыбного промысла». В 1876 г. на Сахалине вели промысел 13 промышленников, японских рыбаков на 16 рыбаках насчитывалось 530 человек, было выработано 3 114 коку рыбопродукции на 20 784 иены (См. Таблицу 2 Приложение 4). Как и раньше, для изготовления вытяжки и другой продукции велась свободная заготовка древесины, выработанная продукция беспошлинно

вывозилась в Японию, что способствовало получению больших прибылей. На факты практически бесконтрольного хозяйствования японских промышленников на побережье Сахалина указывалось в рапорте командира 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона от 31 декабря 1878 г., поданном военному губернатору Приморской области:

«...Японцы стараются всеми силами внушить Айнам, что остров Сахалин принадлежит по прежнему Японии и что они, Айны, есть по прежнему подданные Японии. На этом основании Японцы заставляют Айнов насильно работать для себя уплачивая им рыбой той которая для их промысла ненужна и спаивая их сагой в тоже время перегораживают реки и тем подвергают Айнов голоду...»²⁸⁴.

В то же время сами российские местные власти ограничивались в те годы только подобной констатацией фактов нарушения со стороны японцев, ошибочно полагая, что на основании 1-й статьи 6-го параграфа Договора 1875 г. все японские промыслы на Сахалине на 10 лет освобождены от уплаты пошлин. Так, бывший начальник Южно-Сахалинского округа подполковник Сабо в докладе от 30 июня 1883 г., поданном начальному Главного тюремного управления, подчеркивал, что в свою бытность на Сахалине он был вынужден решать сложный вопрос, –

«Поддержать предприятие первого русского деятеля на Сахалине (Семенова, начавшего промысел морской капусты на западном побережье – А.Т.) и в то же время что бы не нарушить трактата заключенного с Японцами и вместе с сим не стеснить сих последних как имеющих право, на основании того же трактата, безпошлинного (подчеркнуто нами – А.Т.) производства лова рыбы...»²⁸⁵.

Но на самом деле среди японских рыбопромышленников не было ни одного, кто бы подпадал под пожизненное освобождение от уплаты пошлин на основании статей 1-й и 2-й «Приложения к договору», поэтому все промышленники должны были относиться к категории «новых рыбопромышленников», чья деятельность регулировалась на основании 2-й статьи 6-го параграфа договора. На несоответствие сложившейся на Сахалине ситуации положениям Петербургского договора первой обратила внимание российская миссия в Японии; в письме посланника Розена министру иностранных дел Тэрасима Мунэнори от 6/18 августа 1879 г. отмечалось:

«Вашему Превосходительству хорошо известно, что статья 5я трактата 1875 года как равно и пункт а) дополнительной к этому трактату статьи относятся лишь к таким Японским рыбопромышленникам, которые пожелают остаться на постоянное жительство в занимаемых ими .../т.е. во время заключения трактата/ местностях»²⁸⁶.

В подобных благоприятных условиях число японских рыбопромышленников, нанимаемых ими рыбаков и объем выработанной продукции неуклонно возрастал. Рекордным по объемам выработанной рыбопродукции был 1882 г.: промысел на Сахалине вели 22 японских рыбопромышленника, наняв более полутора тысяч рыбаков; объем выработанной рыбопродукции был равен 34 917 коку в стоимостном выражении 300 898 иен (См. Таблицу 2 Приложение 4).

Подобная ситуация беспошлинного рыбного промысла была крайне выгодна японским рыбопромышленникам. Так, в газете «Асано симбун» писалось о противостоянии Семенова и японских промышленников на западном побережье Сахалина. Фирма Семенова пыталась нанять на работу местных айнов, но они ушли на японские рыбалки. Лишившийся рабочих рук Семенов, в отличие от японцев, должен был уплачивать также все пошлины; рыбопромышленник потребовал ухода японцев с западного побережья²⁸⁷.

Начало второго этапа можно связать с направлением 20 ноября 1882 г. военным губернатором Приморской области генерал-майором Барановым циркуляра начальнику Южно - Сахалинского округа майору Янцевичу. В циркуляре подробно разъяснялись положения статей Петербургского договора и обращалось внимание на то, что беспошлинный лов рыбы могут вести только те, кто остался на постоянное жительство на Сахалине (а число таких, как мы отмечали выше, было равно нулю – А.Т.), а остальные на основании журнала Приморского Областного Совета от 18 октября 1879 г. за № 100, одобренного генерал-губернатором Восточной Сибири, должны были платить пошлины по 50 копеек с пуда и оформлять у начальника округа разрешения на промысел. За аренду земли под производственные помещения рыбалок также должна была взиматься пошлина в размере 1 рубля в год с десятины²⁸⁸.

Японские рыбопромышленники, поставленные перед необходимостью платить высокие экспортные пошлины, объединились в «Ассоциацию сезонных рыбопромышленников на

Сахалине» и апеллировали к своему правительству²⁸⁹. В августе 1883 г. японский вице-консул в Корсаковском посту Кудзэ обратился к начальнику Южно - Сахалинского округа с просьбой от имени рыбопромышленников об аренде сроком на 10 лет всего восточного побережья Сахалина с оплатой 3 тысяч мексиканских долларов ежегодно; в эту сумму включались также все пошлины²⁹⁰. Янцевич обещал сообщить о просьбе японской стороны вышестоящему начальству; реакция генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта Анучина была резко отрицательной:

«Предложения Японцев о рыбных ловлях на Сахалине для нас вредны и приняты быть недолжны...»²⁹¹.

С аналогичной просьбой обратилась к российскому правительству в январе 1884 г. японская миссия в Петербурге, включив при этом в указанную сумму и аренду залива Анива²⁹². В феврале миссия обратилась с новым предложением: отменить в качестве исключительной меры на один сезон полудное взимание пошлины, уплатив единовременно 3 тысячи мексиканских долларов, для того, чтобы «упомянутые рыбопромышленники, отправившись заблаговременно на о.Сахалин, могли и на нынешний год заниматься своими промыслами для обеспечения своего существования»²⁹³.

У российской стороны в отношении дипломатического «натиска» японцев существовало две точки зрения. Генерал-губернатор Восточной Сибири в подробном письме товарищу министра иностранных дел от 30 марта 1884 г., объясняя свою отрицательную позицию по поводу уступок японцам, писал:

«Японцы уже десятый год хищнически истребляют нашу рыбу в ущерб сильно каторжных населений и местного полудикаго населения...»²⁹⁴.

Иную позицию по этому вопросу занимал посланник Российской миссии в Токио А.П.Давыдов. В донесении в МИД от 3/15 мая 1884 г. он отмечал:

«Из собранных мною справок оказывается, что 50-ти-копеечная пошлина чрезмерна и что никакие арендаторы рыбных промыслов не будут в состоянии уплачивать ее...».

Критикуя решение Анучина об удалении японцев с Сахалина, Давыдов выражает надежду, что это решение не будет окончательным:

«Может быть, еще найдется средство достичь ... «упорядочения» (рыбных промыслов –

А.Т.), не отстраняя Японцев... Из всех иностранцев, с которыми нам приходится иметь дело на нашей восточной окраине ... Японцы единственные, которые для нас политически совершенно безопасны; они даже могут быть нам полезны, а потому следовало бы, по моему мнению, принять меру, наносящую столь чувствительный материальный ущерб, лишь в случае крайней необходимости и если нет другого средства оградить интересы инородцев и ссыльно-каторжных на Сахалине»²⁹⁵.

Политические соображения в итоге взяли верх; по новым «Временным правилам для производства морского рыбного промысла» на Сахалине и в Приморской области размер экспортной пошлины был снижен до 5 копеек за пуд продукции. Информируя о принятом решении Давыдова, Приамурский генерал-губернатор барон А.Н.Корф писал:

«При разрешении Японцам рыбного лова на означенном острове следует иметь в виду главным образом выгоды коренного населения – Гольдов, Гиляков и Аинов, ...затем доход казны от пошлины с рыбы и менее всего выгоды Японцев. Исходя из этого принципа, я еще прежде разрешил Японцам, не определив, однако, насколько времени, производить рыбный промысел, с платой по 5 коп. золотом с пуда...»²⁹⁶.

Японские рыбопромышленники были вполне удовлетворены новыми правилами и даже подали прошение через японского консула в Корсакове Кудзе начальнику о.Сахалина о желательности их действия на период свыше 10 лет. В ответе начальника о.Сахалина сообщалось, что японцы могут вести рыбный промысел в соответствии с новыми правилами с 1886 г. в течение 4-х лет. Конторы «Ассоциации сезонных рыбопромышленников на Сахалине» были открыты в Корсакове, Хакодатэ и Сисука (Поронайске). Все японские рыбаки, прибывающие на Сахалин, должны были руководствоваться «Правилами для сезонных рыбаков на Сахалине», составленными в 1886 г. японским консулом Кудзэ. Статья 1-я правил гласила, что перед началом промысла японские рыболовные суда должны были зайти в Корсаков, заплатить установленные пошлины и сборы, после чего получить от начальника Корсаковского порта лицензию на промысел. «Лица, не имеющие вышеупомянутой лицензии, к промыслу не допускаются. Груз и суда тех, кто проследовал прямо на рыболовный участок, не заходя в Корсаков, конфискуются российским правительством». В статье 2-й говорилось, что по прибытии на рыболовный участок рыбопромышленник был обязан предоставить свою

лицензию на промысел ближайшему представителю российских военных властей, а по окончании промысла вернуть ее через японского консула начальнику Корсаковского порта²⁹⁷.

В связи с истечением в 1889 г. срока действия предыдущих «Временных правил» российское правительство опубликовало «Временные правила для производства морского рыбного промысла в прибрежных водах Сахалина» на следующие 4 года. По этим правилам за соленую, сушеную рыбу, сушеную ламинарию и икорную продукцию иностранные подданные за пуд экспортirуемой продукции должны были выплачивать пошлину в размере 7 копеек (российские – 5 копеек); за жир сельди и трески – соответственно 16 (10) копеек и за соленое китовое мясо – соответственно 5 (3) копейки за пуд. Несмотря на некоторое увеличение пошлин по сравнению с предыдущим периодом, долгосрочный характер правил позволил японским промышленникам увеличить объем добываемой рыбы. Так, если по данным Российской стороны за пятилетие 1886 – 1890 гг. ими было добыто 154 790 ц рыбопродукции, то за 1891 – 1895 гг. они добыли около 200 тыс. ц, а в 1895 – 1900 гг. – 480 тыс. ц²⁹⁸. Вышеуказанные данные в целом совпадают с данными, приводимыми в ежегодных отчетах японского консульства в Корсаковском посту при пересчете с коку в центнеры: 1886 – 1890 гг. - 153 100 ц; 1891 – 1895 гг. – 198 177 ц; 1895 – 1900 гг. – 429 870 ц²⁹⁹. Пошлины, выплачиваемые японскими рыбопромышленниками, составляли большую часть всех пошлин, получаемых с рыбных промыслов. Так, в общей сумме пошлин, выплаченных за продукцию рыбных промыслов в 1897 г. – 49 918 руб. 34 коп., только 39 630 руб., или 80%, было выплачено японскими рыбопромышленниками за вывезенный в Японию тук. В 1903 г. в среднем каждый японский промышленник уплатил пошлины в сумме 898 руб. 72 коп.³⁰⁰.

Практически безраздельную монополию японских рыбопромышленников на рыбных промыслах Сахалина нарушил владивостокский купец Я.Л. Семенов, в 1878 г. получивший от генерал-губернатора Восточной Сибири П.А.Фредерикса право на 5-летнюю аренду рыболовных участков на западном побережье и наладивший промысел морской капусты ламинарии в районе Мауки (Холмска). Ежегодно «Семенов и К°» поставляла в Китай до 100 тыс. пудов морской капусты на 60 тыс. рублей. О деятельности фирмы подробно писали японские газеты того времени. Так, газета «Хакодатэ симбун», подводя итоги деятельности фирмы за 1879 г., писала, что «с прошлого года до марта нынешнего Семенов добыл примерно 15 тыс.

коку капусты, которая реализуется в Шанхае по цене 500 иен за 100 коку». (В то время капуста из Кусиро, продававшаяся на рынке Хакодатэ, стоила примерно от 430 до 680 иен – А.Т.). Газета подводит итог, сообщая, что с учетом затрат на доставку продукции в Шанхай, а также более низкого качества капусты из Мауки по сравнению с Кусиро, можно считать выручку Семенова достаточно удовлетворительной³⁰¹. Наряду с наймом на путину местных айнов фирма ежегодно завозила на Сахалин до 500 сезонных рабочих – китайцев, манчжур и корейцев. С 1890 г. фирма в соответствии с новыми «Временными правилами» была обязана нанимать на работу русских ссыльнопоселенцев. Объединив свой капитал с капиталом выходца из Шотландии Г.Ф.Демби и создав единую фирму «Семенов, Демби и Ко», Семенов в 1886 г. получает право на аренду участков на западном побережье острова и приступает к рыбному промыслу. Несмотря на высокое качество сахалинской сельди, возможности ее реализации в засоленном виде в Сибири и европейской части страны были невелики в силу неразвитости транспортной сети и отсюда в связи с высокими накладными расходами. Семенов принимает решение перерабатывать ее в сельдянной тук и поставлять в Японию, что, собственно говоря, и делали японцы все время своего рыболовства на Сахалине. К 1901 г. Семенов эксплуатировал на правах 10-летней аренды 21 рыболовный участок на западном побережье Сахалина. Причем из них основная их часть принадлежала к рыбалкам, освоенным еще японцами (См. Таблицу 3 Приложение 4).

В 1889 г. фирма вывезла с Сахалина 141,7 тыс. пудов морской капусты, 41,15 тыс. пудов сельдяного тука, 8,5 тыс. пудов кеты. К середине 1890-х гг. фирма стала ежегодно вывозить в Японию до 120 – 150 тыс. пудов сельдяного тука, 10 – 15 тыс. пудов лосося сухого посола и 2 – 4 тыс. пудов сухой трески³⁰². В 1903 г. фирма эксплуатировала на Сахалине 23 рыболовных участка, на которых трудилось 997 рыбаков и рабочих; общий объем продукции составил 371 тыс. пудов на сумму 500 тыс. иен. Основная часть продукции шла на экспорт – в Китай и Японию. Главным партнером фирмы на японском рынке являлась крупная корпорация «Мицуи буссан»³⁰³. По данным английского консульства в Хакодатэ, с пристальным вниманием следившим за рыбными промыслами на Сахалине, в 1895 г. с Сахалина в Японию всего (и японцами, и русскими) было экспортировано продукции рыбной промышленности на 500 тыс. долларов, из них на Хакодатэ приходится 294 тыс. 362 доллара, т.е. примерно 60%, а

остальная часть – на Отару, Ниигату и другие порты побережья Японского моря³⁰⁴.

С 1899 г. Семенов открывает в Хакодатэ свое представительство, целью которого была не только реализация продукции на японском рынке, но и найм японских рыбаков, закупка необходимого для промысла оборудования и материалов. По данным газеты «Отару симбун», фирма Семенова ежегодно нанимала по 1500-1600 человек, из них японцев – 350, русских – 40, айнов – 1000 (вместе со старицами и детьми), корейцев – 50, китайцев – 30 человек³⁰⁵.

С 1895 г. русские рыбопромышленники начали также промысел сельди в заливе Анива. На следующий год там эксплуатировалось уже 6-7 промысловых участков. Большая часть владельцев этих участков так или иначе зависела от японцев: японские кредиты, совместная эксплуатация участков или сдача в аренду японцам участков, оформленных на себя. Как заметил по этому поводу П.Ю. Шмидт:

«Надо сказать к тому же, что и русские участки являются такими только по имени и в силу того, что хозяин – арендатор русский, - все же остальное: рабочие, лодки, способы лова и приготовления рыбы, все предметы обихода, до последнего гвоздя и веревки, - все японское и привозится из Хакодатэ. В Японию же отправляются и все добывшие на Сахалине продукты, так как Япония является единственным возможным рынком сбыта для них»³⁰⁶.

Практически безраздельное господство японских рыбопромышленников в рыбной отрасли Сахалина вызывало беспокойство как русских рыбопромышленников, так и ученых. С анализом ситуации, сложившейся на рыбных промыслах Сахалина к концу 1890-х гг., выступил на общем собрании императорского Общества рыбоводства и рыболовства 7 марта 1898 г. пионер сельдяного промысла на Сахалине рыбопромышленник Г.А.Крамаренко. Оценивая деятельность японских рыбопромышленников, он отметил:

«Все японские промышленники, захватив в свои руки рыболовство в южном Сахалине, за исключением немногих участков, снятых купцом Семеновым и русскими мелкими рыбопромышленниками, - действуют за одно и стараются подавить всякое предприятие со стороны русских предпринимателей. Мелкий японский рыбопромышленник находится в лучших условиях и имеет возможность постепенно расширять свое дело

потому, что японцы действуют дружно и нанимают пароход сообща как для привоза на о.Сахалин рабочих и рыболовных принадлежностей, так и для отправки товаров в Японию...За право пользования рыбными богатствами русское правительство собирает вывозную поштину с японцев – по 7 к., а с русских – по 5 к. за пуд, причем общая сумма пошлин, поступающая от рыбных промыслов, равна приблизительно 40 т. рублям».

В то же время, несмотря на поддержку местной администрации, в частности военного губернатора о.Сахалина генерал-майора В.Д.Мерказина, -

«Недостаток средств у русских предпринимателей ставит их в зависимость от японцев, так как им приходится брать в кредит рыболовные снасти и другия принадлежности промыслового дела по сильно возвышенной цене. Разница в вывозной поштине для иностранцев и русских на 2 к. с пуда слишком ничтожна для того, чтобы дать возможность русским предпринимателям окрепнуть и стать в одинаковыя условия с японцами. Примером упорной борьбы, которую должен вынести русский рыбопромышленник, может служить мой личный опыт...».

Выход из создавшейся ситуации Крамаренко видел в том, чтобы «поощрять со стороны правительства вообще всех русских предпринимателей, которые способствуют развитию русской промышленности на Дальнем Востоке, и в особенности мелких», для чего, по его мнению, было необходимо: предоставление русским рыбопромышленникам преимущественного права на аренду рыболовных участков, освобождение русских мелких промышленников на некоторое время от уплаты пошлин за вывоз рыбных продуктов, предоставление кредитов, выдача долгосрочных ссуд и сдача рыболовных участков не на год, а на более продолжительный срок³⁰⁷.

Анализу ситуации на рыбных промыслах Южного Сахалина был посвящен доклад доктора Н.В.Кирилова, с которым он выступил на заседании Общества изучения Амурского края 2 ноября 1899 г. Подчеркнув, что за 12 лет объем добычи рыбы увеличился в 10 раз, ученый подверг критике основную отрасль рыбной промышленности Сахалина – переработку сельди в тук:

«Его производство разорительно, свидетельствует о несостоятельности метода утилизирования рыбных богатств...Интерес японцев готовить тук состоит в экономии

места и веса при транспортировке... Для наших государственных интересов должно быть все равно, какое употребление сделают из добытой рыбы; пусть даже ее в вакуум-аппарате в порошок обращают перед вывозом, - пошлина должна взиматься, разсчитывая с пуда свежей рыбы, как это предлагал в начале барон Корф».

По мнению Кирилова, государственный интерес в деле рыбных промыслов на Сахалине должен был состоять в привлечении к ним русского населения острова, чего в действительности практически не было, так как «русские предприниматели по неволе ведут дело по образцу фирмы гг. Семенова и Демби, т.е. японскими рабочими, потому что русские рабочие ими безусловно забракованы, как неспособные заменить японцев... Где же выход из подобного положения? Как создать на Сахалине русских рыбаков?». Выход ученый видит в организации системы рыбаков – кустарей, для чего считает необходимым расселить русских поселенцев по побережью острова, обеспечить рынок сбыта их продукции и оказывать им помочь мелким кредитом. Приведя в пример Хоккайдо и Ньюфаундленд, Кирилов делает оптимистический вывод: «Таков же, думается, должен быть и Сахалин в будущем»³⁰⁸.

К концу 1890-х гг. в общем количестве добытой на Сахалине рыбы доля, добываемая русскими рыбопромышленниками, неуклонно повышалась: так, если в 1898 г. ими было добыто 257 692 пуда (японцами - 459 641 пуд), то уже в 1899 г. они добыли 322 078 пудов (японцы - 746 118 пудов), а в 1900 г. – 633 084 пуда (японцы – 639 092 пуда)³⁰⁹. В 1902 г. общий объем рыбопродукции, произведенной русскими рыбопромышленниками, был равен 565 175 пудам; причем основную долю – 475 698 пудов или 84% - занимал сельдяной тук, поставляемый в Японию; на 55 рыбалках было занято 1 929 японских рабочих (См. Таблицу 3 Приложение 4). Большой потенциал рыбного промысла на Сахалине отмечал Шмидт:

«В общей сложности морских продуктов вывозится с Сахалина от одного до полутора миллиона пудов. При разумной эксплуатации, воды, окружающие Сахалин, могли бы дать во много раз более продуктов и, при соответственной обработке, продуктов, гораздо более ценных. Если бы сахалинскую сельдь солить обычным способом и лососевую рыбу также превращать в обычновенный соленый продукт или вывозить в замороженном виде, как недавно был сделан вполне успешный опыт одной немецкой фирмой на Амуре, то доход с промыслов, без сомнения, увеличился бы очень

значительно, и государство получало бы с них не 100,000 руб., как в настоящее время, а, быть может, не один миллион, и к тому же население Сибири и Европейской России было бы снабжено большим количеством дешевой и хорошей рыбы»³¹⁰.

Российское правительство в 1890-х – начале 1900-х гг. взяло курс на постепенное вытеснение японских рыбопромышленников из русских территориальных вод. 29 ноября 1901 г. были изданы «Временные правила для производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства», которые устанавливали приоритет российских подданных в ведении рыбных промыслов и значительно ограничивали масштабы японского рыболовства на российском Дальнем Востоке в целом и на Южном Сахалине в частности. Крупным русским рыбопромышленникам - фирме «Семенов, Демби и Ко» и Г.А. Крамаренко - правительство предоставило в аренду на 10 и 11 лет часть рыболовных участков, до этого эксплуатировавшихся японцами. В частности, Крамаренко получил в аренду сроком на 11 лет 4 рыбалки в заливе Терпения и 8 рыбалок в заливе Анива; причем в течение первых 6 лет он освобождался от выплаты пошлин³¹¹. В целом из 269 арендуемых японцами участков 145 было закрыто под предлогом «истощения рыбных ресурсов»³¹².

Российско-японское противостояние в рыбной отрасли Сахалина достигло своего апогея в 1902 г., когда японский парламент в ответ на ограничительные меры российского правительства принимает закон «О рыбопромысловых союзах в иностранных водах», по которому все японские рыбопромышленники, действовавшие на Сахалине, были объединены в «Сахалинский рыбопромысловый союз» (Сагарэн суйсан кумиай), а российская сторона теряла возможность найма японских рыбаков. В этот период увеличивается количество промысловых участков, оформленных японцами на российских подданных: в 1901 г. их было 56, в 1902 г. – 70, в 1903 г. 78, что было очень близко к количеству участков, оформленных непосредственно на японцев³¹³. В парламенте также обсуждался законопроект о значительном повышении пошлин на ввозимую рыбопродукцию. Японские рыбопромышленники требовали от своего правительства защиты своих экономических интересов; под их давлением японское правительство предложило российской стороне заключить двустороннее рыболовное соглашение, переговоры по которому были прерваны русско-японской войной. В течение 1904 и 1905 гг. японский промысел на Сахалине не велся. После оккупации Сахалина японской армией

и заключения Портсмутского мирного договора, по которому южная часть Сахалина отошла к Японии, ряд русских рыбопромышленников («Семенов, Дэмби и Ко», Билич и Крамаренко) пытались возобновить промысел на юге острова. В соответствии с «Временными правилами рыболовства на Карафуто», опубликованными министерством сухопутных войск Японии 7 августа 1905 г., все рыболовные участки сдавались с торгов на аукционе в аренду сроком на один год. «Правила» разрешали участие в аукционе русским, проживавшим на Карафуто и эксплуатировавшим ранее рыболовные участки по разрешению русской администрации. Новая японская администрация Карафуто выставила на торги в сентябре 1905 г. 226 рыболовных участков; на долю вышеупомянутых бывших русских арендаторов пришлось всего 37 участков³¹⁴. Потерпев убытки, бывшие арендаторы обратились в июле 1906 г. с петицией в администрацию Карафуто о восстановлении их прав; но японская администрация ее отклонила. После этого Дэмби на закулисных переговорах с высокопоставленными представителями японского правительства поднимает вопрос о компенсации за понесенные на Сахалине потери; японская сторона, стремясь «подстелить пиллюлю» накануне переговоров с российской стороной о заключении Рыболовной конвенции 1907 г., принимает решение о выплате русским рыбопромышленникам за потерю участков на юге Сахалина 1 млн. 200 тыс. иен³¹⁵.

Таким образом, 30 лет, прошедшие после заключения Петербургского договора, были периодом усиления роли японских рыбопромышленников в рыбной отрасли Сахалина; объем рыбной продукции, вывозимой в Японию, неуклонно увеличивался и в 1903 г. достиг рекордного за всю историю рыбного промысла на острове уровня – 113 942 коку, что в стоимостном выражении составляло 1 млн. 192 тыс. 404 иены (См. Таблицу 2 Приложение 4). Это наряду с рядом других факторов стало возможным из-за недооценки царским правительством потенциальных возможностей Сахалина: получив остров в безраздельное владение, на него стали смотреть как на идеальную пенитенциарную колонию, полагая, что каторга и ссылка приведут к заселению и освоению территории Сахалина; при этом рыбному промыслу не отводилось какой-либо существенной роли. Тем не менее, наиболее дальновидные представители местной администрации, промышленники и ученые призывали к созданию условий, необходимых для становления этой отрасли. Выход из сложившейся ситуации был найден в принятии мер протекционистского характера, которые, впрочем, не привели к

кардинальному изменению ситуации: немногочисленные русские рыбопромышленники, начавшие эксплуатацию рыбных богатств острова, оказались практически полностью зависимыми от динамично растущего японского рынка.

Примечания:

¹ Цит. по: Кабанов П.И. Амурский вопрос. – Благовещенск, 1959. – С.176-177

² Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Книга 2. – М., 1891. – С.148

³ Кабанов П.И. Указ. соч.- С.178-179

⁴ Evans John L. Russian Expansion on the Amur 1848-1860, the Push to the Pacific. - New York: The Edwin Mellen Press, 1999. – Р.120

⁵ Кабанов П.И. Указ. соч.- С.182

⁶ Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.152

⁷ Там же. С.155-156

⁸ Там же. С.200-201

⁹ Там же. С.156

¹⁰ Кабанов П.И. Указ. соч.- С.182

¹¹ Evans John L. Ibid. – Р.123

¹² Кабанов П.И. Указ. соч.- С.188

¹³ Романов Д.И. Присоединение Амура к России/Краеведческий бюллетень. - Ю.-Сахалинск, 2001. - №4. – С.63-67

¹⁴ Договоры России с Востоком, политические и торговые. - СПб, 1869. – С.252

¹⁵ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.- М., 1996.- С.278

¹⁶ Там же. С.253-259

¹⁷ Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.175

¹⁸ Беспрованных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в. - Хабаровск, 1986. – С. 266-267

- ¹⁹ Там же. С.177
- ²⁰ Там же. С.199, 180-181
- ²¹ Цит. по: Козюра А.В.Н.Н.Муравьев-Амурский и сахалинский вопрос (1848-1860 гг.)//Вестник международного центра азиатских исследований. – Иркутск, 1999. – С.120
- ²² Там же. С.202
- ²³ Там же. С.217
- ²⁴ Harrison John A. Japan's Northern Frontier. – Gainesville:University of Florida Press,1953. - P.41
- ²⁵ Harrison John A. Ibid. – P.49
- ²⁶ Цит. по: Козюра А.В. Указ. соч.- С.121
- ²⁷ Там же. Указ. соч.- Кн.1. - С.555
- ²⁸ Там же. Указ. соч.- Кн.2. - С.271
- ²⁹ Дай Ниппон комондзё – бакумацу гайкоку канкэй мондзё (Старые документы Великой Японии - Документы об отношениях с иностранными государствами в эпоху бакумацу). – Токио: издательство Токийского императорского университета,1910. – Т. 23. – С.320 – 321
- ³⁰ Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.268-270
- ³¹ Там же. С.272
- ³² Там же. Указ. соч.- Кн.1. - С.557- 558
- ³³ Новаковский С.И. Япония и Россия. - Токио, 1918. - С.197
- ³⁴ Бакумацу гайкоку...Указ.соch.- Т. 25. – С. 203. См. также Новаковский С.И. Указ.соch.- С.197
- ³⁵ Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.279
- ³⁶ Акидзуки Тосиюки. Нитиро канкэй то сахаринто (Японо-российские отношения и остров Сахалин). – Токио: Тикума сёбо, 1994. - С.141-142
- ³⁷ Бакумацу гайкоку...Указ.соch.- Т. 25. – С. 255-259
- ³⁸ Хокусуйёки канкэй сёроку (Выдержки из документов, посвященных северным пограничным землям). – Отдел рукописей городской библиотеки Хакодатэ. – Фонд 00250, оп.512, д.4001). См. также Бакумацу гайкоку...Указ.соch.- Т. 25. – С. 303-306
- ³⁹ Там же. С.375-376
- ⁴⁰ Lensen George A. The Russian Push Toward Japan. - New York: Octagon books,1971. - P.383 – 384

- ⁴¹ Там же. С.454
- ⁴² Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.276-277
- ⁴³ Там же. С.279
- ⁴⁴ СинХоккайдоси (Новая история Хоккайдо). – Саппоро: издание губернаторства Хоккайдо, 1970. – Т.2. – С.775
- ⁴⁵ Барсуков И. П. Указ. соч.- Кн.2. – С.280 – 281
- ⁴⁶ Костанов А.И. Освоение Сахалина русскими людьми. – Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство, Сахалинское отделение, 1991. – С.30
- ⁴⁷ Tilley Henry Arthur. Japan, the Amoor, and the Pacific; with notices of other places comprised in a voyage of circumnavigation in the Imperial Russian corvette "Rynda" in 1858-1860. - London, 1861. - Р.239
- ⁴⁸ Брылкин А. Д. Письма с Сахалина//Записки Сиб. Отд. Имп. Русс. Геогр. Об-ва. - Иркутск, 1864. – Кн.7. - С.20
- ⁴⁹ Там же. С.17-19
- ⁵⁰ Там же. С.19
- ⁵¹ Там же. С.35
- ⁵² Там же. С.36
- ⁵³ Там же. С.37
- ⁵⁴ Кабанов П.И. Указ. соч.- С.249
- ⁵⁵ Там же. С.251
- ⁵⁶ Договоры России с Востоком, ...Указ.соch. – С.259-260
- ⁵⁷ РГАВМФ, ф.16, оп.1, д.51, л. 1 – 2
- ⁵⁸ Кабанов П.И. Указ. соч.- С.254
- ⁵⁹ Беспрованных Е.Л. Указ. соч.- С. 278-279. См. также Мясников В.С. Указ. соч.- С.287
- ⁶⁰ Evans John L. Ibid. - Р. 183,186
- ⁶¹ Бакумацу Исин гайко сирё сюсэй (Сборник дипломатических документов эпохи бакумацу и исин). – Токио: Исинси гаккай (Ассоциация по изучению истории исин), 1978. – С.278
- ⁶² Карагуто гайран (Сборник документов по Карагуто). - 2-я часть. – 6-й год Мэйдзи. - Отдел рукописей губернской библиотеки Хоккайдо. – Н210.088 – Ка. – Свиток 12, 3-й документ. См.

- таюке Нитиро косёси (История русско-японских переговоров). – Токио: МИД, 1944. – С.85
- ⁶³ Карафуто кёкай данхан симацу. (Переговоры о границе на Карафуто). – 2-й год Бунку. – Отдел рукописей городской библиотеки Хакодатэ. – Фонд 00250, оп.310, д.3001
- ⁶⁴ Акидзуки Тосиюки. Указ.соч.- С.153 – 154. См. таюке Ясуока Акио. Бакумацу Исин-но рёдо-то гайко (Территория и дипломатия эпох бакумацу и исин). – Осака:Симбундо, 2002. – С.73
- ⁶⁵ Нитиро косёси...Указ. соч.- С.90
- ⁶⁶ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С.155
- ⁶⁷ Цит. по:Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения, 1697 – 1875. – М., 1960. – С.209 – 210
- ⁶⁸ Файнберг Э.Я. Указ. соч.- С. 211
- ⁶⁹ Костанов А.И. Указ. соч.- С.34
- ⁷⁰ Бакумацу гайкоку...Указ.соch.- Т. 27. – С. 285-288
- ⁷¹ Фумото Синъити. Бакумацуни окэрү Эдзоти сэйсаку-то карафуто мондай (Политика в отношении земель Эдзо в годы бакумацу и сахалинский вопрос)/Нихонси кэнрю (Исследования по истории Японии). - Токио, 1993. - № 371. – С.51
- ⁷² Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С.168
- ⁷³ Карафуто гайран (Сборник документов по Карафуто). - 2-я часть. – 6-й год Мэйдзи. - Отдел рукописей губернской библиотеки Хоккайдо. – Н210.088 – Ка. – Свиток 21, документ 2
- ⁷⁴ Карафуто гайран. Указ.соch.- Свиток 22, документ 5
- ⁷⁵ Карафуто гайран. Указ.соch.- Свиток 21, документ 3
- ⁷⁶ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С.175
- ⁷⁷ Нитиро косёси. Указ. соч.- С.99
- ⁷⁸ Тэймэй какоку дзёяку исан (Сборник договоров, заключенных с зарубежными странами). – Токио: Нихонкоку гаймусё кирокукёку (Бюро протоколов МИД Японии),1884. - С.615-619
- ⁷⁹ Кутаков Л.Н., Россия и Япония. – М.: Наука, 1988. – С.155
- ⁸⁰ Нитиро косёси. Указ.соch. – С.102
- ⁸¹ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С.178
- ⁸² Нитиро косёси. Указ.соch. – С.102
- ⁸³ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С.178 – 179

- ⁸⁴ Там же. С.179
- ⁸⁵ Шван В.К. Занятие Южного Сахалина//Тюремный вестник. – 1894. - №8. – С. 395
- ⁸⁶ Там же. С.394
- ⁸⁷ Там же. С.396-397
- ⁸⁸ Костанов А.И. Указ. соч.– С.35
- ⁸⁹ Шван В.К.Указ.соch.- С.397, 400
- ⁹⁰ Костанов А.И. Указ.соch. – С.38
- ⁹¹ Акидзуки Тосиоуки. Указ. соч.- С. 189
- ⁹² Там же.С. 189
- ⁹³ Will John.Trading under sail off Japan, 1860-99, Ed. By J. Lensen. – Tokyo: Sophia University Press, 1968. – Р.61
- ⁹⁴ Акидзуки Тосиоуки. Указ. соч.- С. 190
- ⁹⁵ Ниппон гайкомондзё (Дипломатические документы Японии). – Токио: МИД Японии, 1955. - Т. 2, ч.1. – С. 934
- ⁹⁶ Файнберг Э.Я. Указ.соch. – С.261
- ⁹⁷ Там же. С.260 – 261. См. также Кутаков Л.Н. Указ. соч. - С.167-168
- ⁹⁸ Шван В.К. Указ.соch. – С. 425
- ⁹⁹ Цит. по: Костанов А.И. Указ.соch. – С.38 – 39
- ¹⁰⁰ Там же. С.433
- ¹⁰¹ Гайкомондзё. Указ.соch. - Т. 2, ч.2. - С. 487-489
- ¹⁰² Шван В.К Указ.соch. – С. 433-434
- ¹⁰³ Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб, 1873. – С.60
- ¹⁰⁴ Гайкомондзё. Указ.соch. - Т. 2, ч.2. - С. 169- 171
- ¹⁰⁵ Там же. С. 179 – 252
- ¹⁰⁶ Акидзуки Тосиоуки. Указ. соч.- С. 192
- ¹⁰⁷ Нитиро косёси. Указ.соch. - С.115
- ¹⁰⁸ Nish Ian, Kibata Yoichi. The History of Anglo-Japanese Relations. – N.Y.: St.Martin's Press, 2000. – V.1, Р.111
- ¹⁰⁹ Гайкомондзё. Указ.соch. - Т. 2, ч.2. - С. 456 – 458

- ¹¹⁰ Там же. С. 463 – 464
- ¹¹¹ Там же. С. 465 – 478
- ¹¹² Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 193
- ¹¹³ Кутаков Л.Н. Указ. соч.- С.170. См. также Нитиро косёси.Указ. соч.- С.85
- ¹¹⁴ Лишин А. Русско-японские отношения после Симодского договора//Восточное обозрение. – ЮМЖД, 1941. – XI. – С.93
- ¹¹⁵ Фумото Синъити. Исин сэйфу-но хоппо сэйсацу (Северная политика нового правительства Мэйдзи)//Рэкисигацу кэнко (Исторические исследования). - Токио, 1999. - № 725. – С.19
- ¹¹⁶ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т. 2, ч.2. - С. 632 – 635
- ¹¹⁷ Там же. С. 641 – 642
- ¹¹⁸ Там же. С. 657 – 660
- ¹¹⁹ Там же. Т. 2, ч.3. - С. 197 – 222
- ¹²⁰ Там же. Т. 2, ч.3. - С. 163
- ¹²¹ Там же. С. 196
- ¹²² Там же. Т. 2, ч.3. - С. 70 – 73
- ¹²³ Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Мэйдзи сёнэн Карафуто канкэй росиаго мондзё (Документы на русском языке по Сахалину первых лет Мэйдзи). Док.– 4596 - 001 (См. Приложение 3)
- ¹²⁴ Там же. Док. 4595 - 002 (См. Приложение 3)
- ¹²⁵ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т. 2, ч.3. - С. 5 – 12
- ¹²⁶ Там же. Т.3. – С.94
- ¹²⁷ Там же. С. 95
- ¹²⁸ Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Док.– 4599 - 005 (См. Приложение 3)
- ¹²⁹ Фумото Синъити. Указ.соч. – С.24
- ¹³⁰ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.3. – С.123
- ¹³¹ Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 197
- ¹³² Файнберг Э.Я. Указ.соч. - С.265-270. См. также Кутаков Л.Н. Указ.соч. - С.169-175, Акидзуки Тосиоюки Указ.соч. - С.228
- ¹³³ Lensen George A. Ibid. - P. 442

- ¹³⁴ Там же. С. 442
- ¹³⁵ Фумото Синъити. Указ.соч. – С.26
- ¹³⁶ Lensen George A. Ibid.- P. 439
- ¹³⁷ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.3. – С.78
- ¹³⁸ Там же. С. 79 – 80
- ¹³⁹ Там же. С. 80 – 81
- ¹⁴⁰ Там же. С. 100 – 113
- ¹⁴¹ Там же. С. 116
- ¹⁴² Там же. С. 117
- ¹⁴³ Там же. С. 118
- ¹⁴⁴ Там же. С. 121
- ¹⁴⁵ Lensen George A. Ibid.- P. 440
- ¹⁴⁶ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С. 199
- ¹⁴⁷ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.3. – С.122
- ¹⁴⁸ Там же. С. 122
- ¹⁴⁹ Там же. С. 124
- ¹⁵⁰ Там же. С. 125
- ¹⁵¹ Там же. - Т.4.Ч.1. – С.351,353
- ¹⁵² Там же. С. 360
- ¹⁵³ Кутаков Л.Н. Указ. соч. - С.175-176
- ¹⁵⁴ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.4.Ч.1. – С.361
- ¹⁵⁵ Там же. С. 367-368
- ¹⁵⁶ Там же. С. 371
- ¹⁵⁷ Там же. - Т.5. – С.370
- ¹⁵⁸ Нитиро косёси. Указ.соч. – С.126. См. также Кутаков Л.Н. Указ. соч. - С.176-177)
- ¹⁵⁹ Кутаков Л.Н. Указ. соч. - С.178
- ¹⁶⁰ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.5. – С.370. См. также Нитиро косёси. Указ.соч. – С.127
- ¹⁶¹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. – С.275 – 276. См. также Кутаков Л.Н. Указ. соч. - С.177
- ¹⁶² Иси Ко. Мэйдзи сёки-но никон то хигаси адзия (Япония и Восточная Азия в начале эпохи

- Мэйдзи). – Иокогама: Юриндо, 1982. – С. 252
- ¹⁶³ Файнберг Э.Я. Указ. соч. – С. 280
- ¹⁶⁴ Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 214
- ¹⁶⁵ Венюков М.И. Указ.соch. - С.57
- ¹⁶⁶ Шван В.К. Указ.соч. - №9. – С. 432
- ¹⁶⁷ Августинович Т.М. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине//Всемирный путешественник. – Февраль 1874. – С.64
- ¹⁶⁸ Костанов А.И. Указ.соч. – С.126
- ¹⁶⁹ Цит. по: Костанов А.И. Указ.соч. – С.91
- ¹⁷⁰ Шван В.К. Указ.соч. - №8. – С. 404
- ¹⁷¹ Базалийская О.Т. Из истории заселения о.Сахалин во второй половине XIX века//Краеведческий бюллетень. - Ю.-Сахалинск, 1994. - №2. – С.133. См. также Шаброва Н.И.Такойские крестьяне//Вестник Сахалинского музея. - . Ю.-Сахалинск, 2001. - №8. – С.342-343
- ¹⁷² Шаброва Н.И. Указ.соч. – С.343
- ¹⁷³ Шван В.К. Указ.соч. - №9. – С. 435
- ¹⁷⁴ Шаброва Н.И. Указ.соч. – С.344
- ¹⁷⁵ Шван В.К. Указ.соч. - №9. – С. 435
- ¹⁷⁶ Шаброва Н.И. Указ.соч. – С.346 – 347
- ¹⁷⁷ Костанов А.И. Указ.соч. – С.92
- ¹⁷⁸ Там же. С.60, 78
- ¹⁷⁹ Костанов А.И. Указ.соч. – С.94
- ¹⁸⁰ Бутковский Я.Н. Сахалин и его значение. – СПб, 1873. – С.9-10
- ¹⁸¹ История ДВ СССР в эпоху феодализма и капитализма. - М.: Наука, 1991. - С. 237
- ¹⁸² Костанов А.И. Указ.соч. – С.104, 108
- ¹⁸³ Брылкин А. Д. Письма с Сахалина//Записки Сиб. Отд. Имп. Русс. Геогр. Об-ва. - Иркутск, 1864. - Кн.7. - С.38
- ¹⁸⁴ Костанов А.И. Указ.соч. – С.92
- ¹⁸⁵ Бутковский Я.Н. Указ.соч. – С.23

- ¹⁸⁶ Стефан Дж. Сахалин. История. Перевод на русский язык Переславцева В.В./Краеведческом бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1992. - № 1. - С.57
- ¹⁸⁷ Костанов А.И. Указ.соч. - С.107
- ¹⁸⁸ Там же. С.79
- ¹⁸⁹ Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Док.- 4604 - 008 (См. Приложение 3)
- ¹⁹⁰ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С. 204
- ¹⁹¹ Исторический архив Токийского университета, фонд «Гайхэн» (Дипломатический фонд), документ 174 «Мэйдзи ганнэн иго Карагуто-ни ойтэ родзин-но тамэ ни сингай-о укэтару тэммацу» (Об ущёбе, нанесенном русскими на Карагуто после первого года Мэйдзи)
- ¹⁹² Като Цуёси. Карагуто то гёё (Карагуто и рыбная промышленность). - Хакодатэ: Ассоциация рыбных промыслов ставными неводами Карагуто, 1931. - С.63
- ¹⁹³ Там же. С.64 - 66
- ¹⁹⁴ Там же. С.62
- ¹⁹⁵ Депрерадович Ф.М. Этнографический очерк Южного Сахалина//Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. - СПб, 1875. - Т.II, выпуск 1. - С.42-43
- ¹⁹⁶ Там же. С.43, 44, 47
- ¹⁹⁷ Като Цуёси. Указ.соч. - С.62
- ¹⁹⁸ Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Док.- 4595 - 002 (См. Приложение 3)
- ¹⁹⁹ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С. 205. См. также Като Цуёси. Указ.соч. - С.67
- ²⁰⁰ Там же. С. 211
- ²⁰¹ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.6. - С.341-342
- ²⁰² Там же. С.351
- ²⁰³ Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Док.- 4638 - 031, 4777- 167 (См. Приложение 3)
- ²⁰⁴ Там же. Док. - 4653 - 042 (См. Приложение 3). См. также Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.6. - С.353
- ²⁰⁵ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С. 212
- ²⁰⁶ Дипломатический архив МИД Японии, фонд 7, опись 1/3, дело 36-11 (Рококу райокан) (Дипломатическая переписка с дипломатической миссией России), л.без номера

- ²⁰⁷ Там же. Письмо Бюцова министру иностранных дел Соэдзима Танэоми от 11 сентября 1873 г., л. без номера
- ²⁰⁸ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.6. – С.359, 364 – 372
- ²⁰⁹ Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Док.- 4790 - 180 (См. Приложение 3)
- ²¹⁰ Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 213
- ²¹¹ Новая история Хоккайдо. Указ.соч. – Т.3. – С.272
- ²¹² Там же. С.268
- ²¹³ Такэути Умпэй. Хоккайдо сиё (История Хоккайдо). – Хакодатэ: издание городской библиотеки Хакодатэ, 1933. – С.474
- ²¹⁴ Новая история Хоккайдо. Указ.соч. – Т.3. – С.273
- ²¹⁵ Там же. С.274
- ²¹⁶ Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 232
- ²¹⁷ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.7. – С.420 – 421
- ²¹⁸ Исторический архив Токийского университета, фонд «Гайхэн» (Дипломатический фонд), документ 174 «Мэйдзи ганнэн иго Карафuto-ни ойтэ родзинно тамэ ни сингай-о укэтару тэммацу» (Об ущербе, нанесенном русскими на Карафuto после первого года Мэйдзи). См. также Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.7. – С.428 – 432
- ²¹⁹ Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 234
- ²²⁰ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 173
- ²²¹ Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 235
- ²²² Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.7. – С. 447-448
- ²²³ Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 236
- ²²⁴ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 175 – 176
- ²²⁵ Дипломатический архив МИД Японии, фонд 1, опись 4/1, дело 3 (Карафuto Тисима кокан иккэн фудзокусё (кокан симацу) (Приложения к переговорам об обмене Сахалина на Курильские острова), л.111240 – 111242. См. также Акидзуки Тосиоюки. Указ. соч.- С. 236
- ²²⁶ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 185 – 189
- ²²⁷ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 193
- ²²⁸ Кутаков Л.Н. Указ.соч. – С.182

- ²²⁹ Дипломатический архив МИД Японии, фонд 1, опись 4/1, дело 3, л.111169 – 111171, 111258-111259. См. также Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 203
- ²³⁰ Там же. Л.111252 – 111255
- ²³¹ Дипломатический архив МИД Японии, отдельный фонд Р №.6, оригинал «Договора об обмене Сахалина на Курильские острова». См. также Тэймэй каккоку дзёяку исан (Сборник договоров, заключенных с зарубежными странами). – Токио: Нихонкоку гаймусё кирокукёку (Бюро протоколов МИД Японии), 1884. - С. 629-640
- ²³² Кутаков Л.Н. Указ.соч. – С.185
- ²³³ Дипломатический архив МИД Японии, отдельный фонд Р №.6 - 2, оригинал приложения
- ²³⁴ Дипломатический архив МИД Японии, отдельный фонд Р №.6 - 6, оригинал дополнительного «Приложения». См. также Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 259-262
- ²³⁵ Lensen George A. Ibid. - Р. 445-446
- ²³⁶ Там же. С. 444
- ²³⁷ Файнберг Э.Я. Указ. соч.- С. 284
- ²³⁸ Чехов А.П. Остров Сахалин. Собрание Сочинений, т.10. - М.,1956. – С.228
- ²³⁹ Дипломатический архив МИД Японии, фонд 1, опись 4/1, дело 3 (356), л.110883
- ²⁴⁰ Там же. Фонд 1, опись 4/1, дело 3, л.111343 – 111345
- ²⁴¹ Там же. Фонд 1, опись 4/1, дело 3 (357), л.110965
- ²⁴² Там же. Л. 1110000 – 111015,110967 – 110978
- ²⁴³ Там же. Л. 111143
- ²⁴⁴ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 275-276
- ²⁴⁵ Дипломатический архив МИД Японии, фонд 1, опись 4/1, дело 3 (357), л.111344 – 111353. См. также Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 274
- ²⁴⁶ Файнберг Э.Я. Указ. соч.- С. 284
- ²⁴⁷ Такакура Синъитиро. Айну сэйсакуси. Симпан (История политики в отношении айнов. Новая редакция). – Токио: «Санъити сёбо», 1972. - С. 420-433
- ²⁴⁸ Там же.С.435
- ²⁴⁹ Акидзуки Тосиюки. Указ. соч.- С. 262

- ²⁵⁰ Шмидт П.Ю. Остров Сахалин//Русское богатство. - СПб, 1905. - №4. – С. 166-167
- ²⁵¹ Дипломатический архив МИД Японии, фонд 1, опись 4/1, дело 3 (356), л.110925 – 110926
- ²⁵² РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д.35, л.3
- ²⁵³ Гайкомондрё. Указ.соч. - Т.8. – С. 273
- ²⁵⁴ РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д.12, л.6-11, 45-46, 50-53 об., 174-177 об., 231-235, 335-346, 485-486 об.
- ²⁵⁵ Там же. Л.523-526
- ²⁵⁶ Гайкомондрё. Указ.соч. - Т.8. – С. 278-279
- ²⁵⁷ РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д.35, л.6
- ²⁵⁸ Там же. Ф.701, оп.1, д.45, л.4-5
- ²⁵⁹ Там же. Л.18-18 об.
- ²⁶⁰ Там же. Л.27
- ²⁶¹ Там же. Ф.701, оп.1, д.48, л.1
- ²⁶² Там же. Ф.701, оп.1, д.45, л.67 об.
- ²⁶³ Там же. Л.55 об. – 57, 93
- ²⁶⁴ Там же. Л.106 - 106 об.
- ²⁶⁵ Кодзима Куратаро. Мэйдзи дзюситинэн рокугацу Тисима рёкоки (Путешествие на Курильские острова в июне 17 года Мэйдзи). – Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. – Отдельный фонд 920 – Коj. См. также Заграничные известия. Газета «Владивосток», №42, 1884. – С.5-6
- ²⁶⁶ Заграничные известия. Газета «Владивосток», №42, 1884. – С.6
- ²⁶⁷ Тории Рюдзо. Тисима айну (Курильские айны). – Токио: «Ёсикава кобункан», 1903. – С.102-103
- ²⁶⁸ РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д.245, л.17-33 об.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 1, 5-16 об.
- ²⁷⁰ Сахалинский календарь на 1898 г. – п.Александровский, 1898. – С.32. См. также История Дальнего Востока ...Указ.соч. – С.253
- ²⁷¹ Шмидт П.Ю. Указ.соч. – С. 161
- ²⁷² История Дальнего Востока ...Указ.соч. – С.237
- ²⁷³ Шмидт П.Ю.Указ.соч.169-170

- ²⁷⁴ Дорошевич В. Сахалин (каторга). – Южно-Сахалинск: объединение «ЛИК», Сахалинское отделение ВФК, 1991. – С. 38–45
- ²⁷⁵ Шмидт П.Ю. Указ.соч. – С.174
- ²⁷⁶ Там же. С.184
- ²⁷⁷ Сахалинский календарь на 1898 г. – п.Александровский, 1898. – С.60, 83-88. См. также Шмидт П.Ю.Указ.соч. – С.179
- ²⁷⁸ Там же. С.172,177
- ²⁷⁹ Там же. С.182
- ²⁸⁰ Като Цуёси. Указ.соч. – С.74-76
- ²⁸¹ Гайкомондзё. Указ.соч. - Т.8. – С. 246-247
- ²⁸² Карагуто сисэй энкаку (История административного управления Карагуто).- Т.2. – Карагуто: издание Вакита Ёсиити, 1912. - С.122
- ²⁸³ Като Цуёси. Указ.соч. – С.77
- ²⁸⁴ РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д.54, л.8-8 об.
- ²⁸⁵ Там же. Л.34
- ²⁸⁶ Там же. Л.5 об. – 6 .
- ²⁸⁷ Газета «Асано симбун», 1879 г., июнь, №4-5
- ²⁸⁸ РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д.54, л.18-20
- ²⁸⁹ Като Цуёси. Указ.соч. – С.80
- ²⁹⁰ РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д.54, л.87
- ²⁹¹ Там же. Л.49
- ²⁹² Там же. Л.89 – 91
- ²⁹³ Там же. Л.92-94
- ²⁹⁴ Там же. Л.95
- ²⁹⁵ Там же. Л.148-150
- ²⁹⁶ Там же. Л.160-161
- ²⁹⁷ Дипломатический архив МИД Японии, фонд 3, опись 5, дело 8, документ 19, Рококурё Сагарэнто гёё хококу (Отчет о рыбных промыслах на российском Сахалине), лл.без номера

- ²⁹⁸ Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. – Владивосток «Дальнаука», 1994. – С.156
- ²⁹⁹ Дипломатический архив МИД Японии, фонд 3, опись 5 дело 8, документ 19, Рококурё Сагарэнто гёгё хококу (Отчет о рыбных промыслах на российском Сахалине), ежегодные отчеты консульства в Корсаковском посту, лл.без номера. См. также Таблицу 2
- ³⁰⁰ Сахалинский календарь на 1898 г. – п.Александровский, 1898. – С.121. См. также Карафуто тё сисэй 30 нэнси (30 лет управления Карафуто). - Тоёхара: издание губернаторства Карафуто, 1936. – С. 36
- ³⁰¹ Газета «Хакодатэ симбун», 1879 г., август, №12
- ³⁰² Карафуто тё... Указ.соч. – С.34
- ³⁰³ Аита Кинго. Хакодатэ ситан (Рассказы по истории Хакодатэ). - Хакодатэ, 1994. – С.56
- ³⁰⁴ Симицу Мэгуми. Хакодатэ-ни окэру росиядзин сёкай но кацудо (Деятельность русских торговых фирм в Хакодатэ)//Хакодатэ. – Хакодатэ:1995. - №21 – С.20
- ³⁰⁵ Газета «Отару симбун», 1896 г., 28 февраля
- ³⁰⁶ Шмидт П.Ю.Указ.соч. – С.157
- ³⁰⁷ Крамаренко Г.А. О рыбном промысле на р.Амур и о.Сахалин//Вестник рыбопромышленности. – СПб, 1898. - № 10. – С.473 – 475
- ³⁰⁸ Кирилов Н.В. Морские промыслы Южного Сахалина//Отчет Общества изучения Амурского края за 1898 г. – Владивосток типография Н.В.Ремезова, 1899. – С.16-30
- ³⁰⁹ Аита Кинго. Указ. соч. – С.35
- ³¹⁰ Шмидт П.Ю.Указ.соч. – С.159
- ³¹¹ Като Цүёси. Указ.соч. – С.113
- ³¹² Аита Кинго. Указ. соч.- С. 55
- ³¹³ Хакодатэ сиси (История города Хакодатэ). – Т.2. - Хакодатэ, 1990. – С.1147
- ³¹⁴ Като Цүёси. Указ.соч. – С.136 – 137, 141
- ³¹⁵ Симицу Мэгуми. Указ. соч. – С.28

Заключение

Изучение китайских письменных источников эпох Юань и Мин свидетельствует, что народы Нижнего Амура и Сахалина со второй половины XIII в. поэтапно были включены в систему «периферийных» народов и находились в сфере политического и культурного влияния Юаньской и Минской династий. В частности, опорной точкой господства Минского Китая над обширным регионом, в который входило Приамурье, Приморье и Сахалин, являлся управление области Нургань, находившейся на Нижнем Амуре. Дальнейшее изучение китайских письменных источников наряду с исследованием археологических памятников позволит создать более детальную картину культурных контактов народов Сахалина с материком.

В середине XVII в. в Китае началось правление маньчжурской династии Цин. В этот же период русские первопроходцы предприняли попытку присоединения и хозяйственного освоения Приамурья - региона, который Цинская империя включала в сферу своих стратегических интересов. Появление русских на Амуре было расценено Цинами как вторжение в сферу своих жизненно важных экономических (угроза меховой дани и торговле) и военно-стратегических (угроза территории собственно Маньчжурии) интересов. Первый этап в присоединении Приамурья, в котором превалировал военно-насильственный элемент, закончился для России неудачно; серия вооруженных столкновений русских и маньчжур заканчивается подписанием в 1689 г. Нерчинского договора и разграничением сфер влияния России и Цин. В соответствии с договором Цинская империя получала в свое владение Приамурье, тем самым было завершено формирование системы «номинального вассалитета», по которой народы Приамурья признали вассальную зависимость от Цин и приобрели статус «периферийных» народов («бианьминь»). В XVIII в. в цинскую систему «номинального вассалитета» были включены нивхи и часть айнов Сахалина. Могущество Цин, достигнув своего апогея к середине XVIII в., с началом следующего XIX в. идет на спад, что проявляется и в отношениях с народами Нижнего Приамурья и Сахалина. В определенном смысле, Сахалин – это своего рода индикатор общего состояния правящей в Китае императорской династии. В данной работе было проиллюстрировано на примере взаимоотношения народов Сахалина с Юань, Мин и Цин, что в период наивысшего могущества династии власть ее в виде господства над «периферийными» народами достигала Сахалина и

удерживалась на протяжении определенного исторического периода. По мере ослабления династии именно с Сахалина начался процесс отступления в исходную точку. Именно тем, что начало японской колонизации (имевшей ряд общих черт с китайским «номинальным вассалитетом») Сахалина в конце XVIII – начале XIX вв. совпало с ослаблением влияния Цин на остров, можно объяснить отсутствие попыток с цинской стороны воспрепятствовать этому, на некоторое время даже возникла ситуация «двоевластия», когда одни и те же айны старейшины находились в системе «номинального вассалитета» и Цин, и Японии.

После заключения Нерчинского договора продвижение русских в течение значительного исторического периода (более 160 лет) было направлено на северо-восток азиатского континента, Алеутский архипелаг, Аляску. Вместе с тем, движение русских с Камчатки на юг по Курильскому архипелагу вызвало беспокойство еще одного восточноазиатского государства – Японии. Японское правительство (бакуфу) до конца XVIII в. не проявляло большого интереса к своим северным границам, полностью порученным сравнительно небольшому пограничному княжеству Мацумаз. Продвижение русских по Курильскому архипелагу приводит к заметной активизации северной политики бакуфу, в результате чего японцы устанавливают свой административный контроль над Южными Курилами и крайним югом Сахалина.

Таким образом, в конце XVII в. на юге Дальнего Востока и в конце XVIII в. на островах Курильской гряды происходит разграничение между Россией и Цин с одной стороны, и Россией и Японией с другой. Причем, в первом случае разграничение было закреплено двусторонним договором после серии вооруженных столкновений, а во втором – произошло стихийно и мирным образом. Как и Цинская империя, бакуфу весьма болезненно реагировало на появление русских вблизи своих границ, потому что восприняло это как угрозу своим национальным интересам и вторжение в сферу своего влияния. Дело в том, что японское государство традиционно считало проживавших на Хоккайдо, Курилах и Сахалине айнов подвластным японскому императору народом и распространяло свой суверенитет на все земли, где проживали айны.

В России стратегическое положение Сахалина начало осознаваться только в начале XIX в. в связи с планами по основанию там базы русской торговли с азиатскими странами. В 1799 г. была создана обладавшая особыми привилегиями Российско-Американская компания (РАК), руководство которой в 1802 г. обратилось к Александру I с проектом кругосветной экспедиции в тихоокеанские владения России с целью снабжения колоний и организации торговли с Японией и

Китаем. В июле 1803 г. Александр I издает рескрипт о назначении камергера императорского двора Н.П.Резанова уполномоченным РАК в колониях и начальником кругосветной экспедиции.

Таким образом, в начале XIX в. geopolитическая ситуация вокруг Сахалина резко осложняется: влияние Цин на народы Сахалина слабеет; этим воспользовалась Япония, начав расширять сферу своего влияния на юге острова; на региональную политическую арену выходит Россия в лице частной Российско-Американской компании; именно интересами этой компании продиктовано направление в Японию миссии Резанова. Потерпев неудачу в открытии торговли с Японией мирным путем, Резанов выбирает силовые методы, которые японская сторона однозначно оценивает как агрессию России. В итоге, действия российской стороны приводят к активизации северной политики бакуфу и усилению японских позиций на юге Сахалина. Идя на поводу РАК, российское правительство в 1808 г. санкционирует основание сахалинской колонии в порту Анива. Осуществлению планов по колонизации Сахалина помешало пленение японцами Василия Головнина. После его освобождения из японского плена устанавливается своеобразный территориальный статус-кво: на Курильских островах фактическая граница между Японией и Россией проходит между островами Итуруп и Уруп, Россия не возобновляет попыток колонизации Сахалина, японское правительство, убедившись в отсутствии агрессивных намерений России в отношении острова, возвращает его под юрисдикцию княжества Мацуэ и забывает о его существовании. Повторно сахалинский вопрос возникает в середине XIX в. с теми же участниками, но в совершенно других исторических условиях, напрямую не связанных с событиями начала века.

Следующий этап территориального размежевания России с вышеупомянутыми государствами происходит в середине XIX в. В конце 1840-х – начале 1850-х гг. на фоне изменений в geopolитической ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе наблюдается резкая активизация в дальневосточной политике России; основным проводником этой новой политики являлся новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, опиравшийся на поддержку таких высокопоставленных лиц, как великий князь Константин Николаевич, министр внутренних дел Л.А.Перовский. В то же время опорой и непосредственными исполнителями планов Муравьева по закреплению России в устье Амура, по побережью Татарского пролива и на Сахалине были военные, в том числе морские офицеры во главе с Г.И.Невельским, входившие в состав Амурской экспедиции. «Патриотически настроенному» Муравьеву в правительстве

противостояла «группа Нессельроде» (канцлер К. В. Нессельроде, военный министр А.И.Чернышев, директор Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявин и др.), считавшая активную деятельность в Приамурье угрозой торгово-экономическим связям с Китаем. В отличие от «группы Нессельроде», Муравьев в условиях начинающейся Крымской войны считал срочной задачей проведение оборонных мероприятий на Дальнем Востоке. Полагая основной угрозой национальным интересам России в азиатско-тихоокеанском регионе действия Англии и ее союзницы Франции, царское правительство в то же время с беспокойством восприняло направление США в Тихий океан эскадр Перри и Рингольда; это было одной из причин, ускоривших отправку в Японию миссии Е.В. Путятину и принятие решения о превентивном занятии Сахалина. С учреждением в сентябре 1853 г. Муравьевского поста в заливе Анива возникает сахалинский вопрос; будучи производным от амурского вопроса, существовавшего между Россией и Китаем, он на долгие годы становится одним из главных вопросов двухсторонних отношений России с еще одной азиатской державой – Японией. По нашему мнению, спор о Сахалине между Россией и Японией в середине XIX в. имеет черты типичного конфликта по поводу колонии. Но с самого начала представители российской стороны или делали вид, или действительно не понимали, что японские рыбаки на юге Сахалина являлись колониальными владениями со всеми присущими им атрибутами: экономическое и внешнеэкономическое подчинение местных народов метрополии, наличие администрации, пограничной стражи (хоть и в ограниченном масштабе). Уникальность этого колониального спора в том, что стороны не прибегли к силовым аргументам, хотя Россия послала на остров военный отряд, а следующей весной сюда же были направлены войска княжества Мацумаз.

Муравьевский пост в заливе Анива просуществовал всего 8 месяцев и был снят в связи с угрозой нападения англо-французской эскадры. В Кусюнкотане был проведен уникальный исторический эксперимент: впервые русские и японцы оказались близкими соседями. После окончания Крымской войны эксперимент был продолжен обеими сторонами, правда, в разных измерениях: если российская сторона продолжила линию на наращивание военного присутствия на юге острова, доведя численность Сахалинского отряда до тысячи человек, то японская попыталась обеспечить себе выгодную позицию путем экономического освоения юга острова.

События Крымской войны, имевшие место в 1854-1855 гг. на дальневосточных окраинах России, несмотря на то, что носили локальный характер и не оказали какого-либо существенного

влияния на общий ход войны, в то же время продемонстрировали полную уязвимость опорных пунктов России на Тихом океане при условии отсутствия надежных коммуникаций с остальной частью страны и наглядно показали важность Амура как стратегической водной коммуникации. Сплавы по Амуру и организация опорных военных постов по его течению (Амурская линия) означали де-факто занятие Россией Амура еще до заключения соответствующего договора с Китаем. Военные действия союзников против России в тихоокеанском регионе наряду с успехами Муравьева в Приамурье в определенной степени способствовали переориентации дальневосточной политики России на азиатский континент, где открывались широкие перспективы хозяйственного освоения Приамурья. В связи с этим возрастила стратегическая роль Сахалина – «ключа» к Амуру. Правительство решило изъять остров из формального владения РАК. О необходимости передачи Сахалина в ведение правительства ходатайствовал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев.

Вместе с тем, заключение в 1855 г. русско-японского «Трактата о торговле и границах между Россией и Японией», оставлявшего Сахалин неразделенным между Россией и Японией, стало поворотной точкой в политике России и Японии в сахалинском вопросе. Реакцией бакуфу на заключение договора является провозглашение новой северной политики, первым этапом которой было введение прямого административного управления в землях Эдзо. В мае 1856 г. состоялась передача юга Сахалина княжеством Мацумэ губернаторству Хакодатэ. Были учреждены правительственные посты в Кусонкотане, Сирауси и Энрумокомафу (Маока). Еще одним важным направлением усиления японских позиций на острове была организация казенных рыбалок.

Сложившаяся к концу 1850-х гг. международная политическая ситуация на Дальнем Востоке в целом благоприятствовала достижению Россией ее внешнеполитических целей в отношениях с Китаем - восстание тайпинов, охватившее Цинскую империю с 1850 г., а также вторая «опиумная» война 1856 – 1860 гг. между Англией и Францией, с одной стороны, и Китаем, с другой, во многом ослабили возможность активного противодействия китайской стороны проводимой Россией политике в Приамурье. Заключение в 1858 г. Айгунского договора было большой дипломатической победой Муравьева – через восемь лет после начала занятия Приамурья де-факто Россия не только юридически закрепляла за собой левый берег Амура, но и, вдобавок, заявляла о своих правах на Уссурийский край. В этом плане, по нашему мнению,

Айгунский договор тождественен заключенному Путятиным в Симода договору с Японией: оба договора имели лишь прелиминарный характер, так как в обоих случаях, считая для себя вопрос в принципе решенным, но не имея возможности убедить противную сторону согласиться с предложенным ей вариантом, российские представители предпочли оставить окончательное юридическое оформление на будущее. По заключенному в 1860 г. дополнительному Пекинскому договору Уссурийский край и побережье материка до корейской границы становились полноправным владением России; Россия получала удобный выход к Тихому океану и незамерзающие гавани.

Заключение русско-китайских договоров в середине XIX в. и установление русско-китайской границы значительно укрепили geopolитические позиции России на Тихом океане. Теперь для России на Дальнем Востоке оставался нерешенным только сахалинский вопрос. Неопределенность ситуации на Сахалине не могла удовлетворять ни японскую, ни российскую сторону, вдобавок, японская сторона вполне осознавала, что в возникшей ситуации она рано или поздно вынуждена будет уступить свои позиции на Сахалине. Поэтому в 1860-е гг. дипломатическая инициатива по решению сахалинского вопроса полностью переходит к японской стороне. В этом процессе активную роль играло губернаторство Хакодатэ, в ведении которого находилось административное управление югом Сахалина.

Одним из важнейших этапов решения сахалинского вопроса является «Временное соглашение об острове Сахалин» 1867 г. Данное соглашение являлось тактической победой русской дипломатии, так как лишало японскую сторону такого традиционного аргумента в территориальном споре с Россией, как монопольное «покровительство» айнам и делало возможным беспрепятственное продвижение русских на юг острова.

С началом периода Мэйдзи сахалинский вопрос вышел за рамки двухсторонних отношений и приобрел международный резонанс. Представитель Англии Паркс, опасаясь, что противостояние России и Японии на Сахалине может привести к вооруженному конфликту, которым Россия может воспользоваться для экспансии на Хоккайдо, на встречах с ведущими политиками правительства Мэйдзи пытался убедить их в нецелесообразности дальнейшего освоения Сахалина, оказывая тем самым определенное влияние на формирование «теории отказа от Сахалина». Однако среди высших чиновников и политиков нового правительства Мэйдзи наметились расхождения в подходе к решению сахалинского вопроса: если Ивакура

Томоми, Набэсима Наомаса, Окубо Тосимити и ряд других политиков под влиянием Окамото Кэнсукэ одно время склонялись к отправке вооруженных сил на Сахалин, то Ито Хиробуми, Окума Сигэнобу (министерство финансов), а также руководство МИД (Сава Нобуёси, Тэрасима Мунэнори) занимали осторожную позицию, считая, что Япония должна поддерживать с Россией на Сахалине добрососедские отношения, придерживаясь положений Симодского договора и «Временного соглашения». Позднее эта позиция трансформируется в «теорию отказа от Сахалина», единоличное авторство которой ошибочно, по нашему мнению, приписывается Курода Киётака. Таким образом, к началу 1870-х гг. для самых реалистичных политиков правительства Мэйдзи становилось все более очевидным, что в конкуренции за Сахалин с Россией у Японии практически нет никаких шансов. Тем не менее, в условиях националистического подъема, охватившего страну после Реставрации Мэйдзи, была достаточно высокой вероятность вооруженного русско-японского конфликта на острове даже по самому мельчайшему поводу. В конце 1860 – начале 1870-х гг. правительство Мэйдзи предпринимает попытку колонизации южной части Сахалина.

Черту под совместным владением подвел Санкт-Петербургский договор 1875 г. Рассмотрев в течение 20 лет различные варианты территориального размежевания, Россия и Япония прибегли в Петербурге к весьма нестандартному решению – обмену находившихся на значительном удалении друг от друга территорий; причем, строго говоря, исходя из того, что Сахалин находился в совместном владении двух стран, Япония уступала не Южный Сахалин как таковой, а свою часть прав на него. Японская сторона равнозначной территориальной заменой Сахалину считала русскую часть Курильских островов, которую она и получила полностью. Предусмотренный договором широкий спектр прав для японской стороны – право для японских судов в течение 10 лет посещать порт Кусюнкотан (Корсаков) без уплаты портовых сборов и таможенных пошлин, согласие России на открытие японского консульства в Корсакове, предоставление режима наибольшего благоприятствования японским рыбопромышленникам вдоль побережья Охотского моря и Камчатки, компенсация государственного имущества обеих стран и неприкосновенность имущества лиц, остающихся на территории, отходящей к соседней стране, свобода промыслов – свидетельствует, что Россия, обеспечив за собой стратегическое владение Сахалином, вовсе не ставила своей целью вытеснение японцев из экономической сферы; это дало возможность японской стороне сохранять практически монопольную позицию в

рыбной промышленности острова в течение последующих 30 лет.

С началом русско-японской войны и первыми одержанными победами в японском правительстве вспомнили свои старые обиды на Россию по поводу Сахалина, посчитав, что наступил исторический момент отплатить за причиненные Россией унижения. Аналогичные настроения были и у части японского общества. В июле 1904 г. министр иностранных дел Японии Комура Дзютаро предоставил премьер-министру Кацура Таро меморандум касательно условий мирных переговоров с Россией. Касаясь целей войны, Комура наряду со стратегическими целями в Маньчжурии и Корее в 9-м пункте требований к России пишет о том, что «Россия обязана уступить Японии Сахалин с прилегающими островами»¹. В соответствии со «Стратегическим планом второго этапа войны», разработанным японским генштабом, было принято решение о мобилизации 13-й дивизии, которая должна была стать ядром сахалинского экспедиционного отряда². Однако план не был поддержан флотом, который ждал в Цусимском проливе подхода эскадры Рожественского. Ход всех дальнейших операций ставился в зависимость от Цусимского сражения. 17 июня 1905 г. император Мэйдзи утверждает сахалинскую операцию; вновь сформированной 13-й дивизии отдается приказ о выдвижении. План операции предусматривал высадку десанта в окрестностях Корсакова; при этом основные силы 13-й дивизии должны были быть высажены в окрестностях Александровска. Командир 13-й дивизии генерал-лейтенант Харагути Кэндзи был назначен командующим сахалинской десантной группировкой. В дивизию входили 25-я и 26-я пехотные бригады, артиллерийский и кавалерийский полки, вспомогательные и тыловые службы, а также флотилия из 22 транспортных судов. Всего численность десантной группировки достигла 14 тысяч человек. Для сопровождения десанта на Сахалин и его огневой поддержки с моря была также сформирована Северная эскадра в составе 3-й и 4-й эскадр во главе с вице-адмиралом Катаюка Ситиро, насчитывающая в своем составе 49 боевых кораблей разных классов, включая броненосцы и крейсеры³. Что касается русских сил на острове, то в распоряжении начальника острова генерал-лейтенанта М.Н.Ляпунова было свыше 6 тысяч солдат и дружинников, из них более 1100 – на Южном Сахалине⁴. На рассвете 7 июля 1905 г. в селе Мерея (сейчас местечко Пригородное в 15 км от Корсакова) и селе Савина ладь началась высадка японского десанта. Несмотря на сопротивление партизанских отрядов на юге Сахалина, местами продолжавшееся больше месяца, после капитуляции Ляпунова на севере к концу июля японские войска заняли весь остров. С высадкой японского десанта в Анивском

заливе начался новый этап в русско-японских отношениях на острове – XX в.

Таким образом, в начале XX в. Япония, став одним из полюсов многополярного мира, почувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы требовать свою долю сферы влияния и претендовать на силовое лидерство на Дальнем Востоке. В этом плане Сахалин, не являясь приоритетом японской политики, тем не менее на протяжении последних 200 лет находился в сфере японских интересов, в том числе экономических. Что касается России, то Япония никогда не была в центре российской внешней политики, а являлась одной из ее многих составляющих; Сахалин в этом плане занимал еще более скромное место. На решение России включить Сахалин в состав своей территории повлияли отнюдь не экономические соображения, а военно-политические интересы. Превентивное расширение своей территории «про запас», чтобы другие не успели захватить и не угрожали отсюда национальной безопасности, без определенной перспективы и отсутствия воли к ее надлежащему освоению в ближайшем будущем, - одна из многих причин, тормозивших освоение острова. Получив Сахалин в безраздельное владение в 1875 г., Россия успокоилась и, не будучи большим преувеличением сказать, забыла о его существовании. В любом случае, индифферентность царизма в политике по отношению к Японии, приведшая к русско-японской войне и поражению в ней, проявилась также в подобном отношении и к Сахалину, закономерным следствием чего и явилось отторжение его южной половины.

Что касается Японии, то она, избрав в качестве основы своей внешней политики вооруженную агрессию в отношении своих ближайших соседей, в годы гражданской войны в России предприняла попытку решить сахалинский вопрос окончательно в свою пользу: воспользовавшись в качестве предлога событиями в Николаевске 1920 г., японская армия оккупирует весь Северный Сахалин. В течение 5 лет японской оккупации идет интенсивное освоение природных ресурсов севера острова. Даже вернув после заключения в январе 1925 г. Пекинской конвенции Северный Сахалин СССР, Япония в течение последующих 20 лет в виде концессионных договоров на эксплуатацию нефтяных и угольных месторождений продолжает эксплуатацию этих ресурсов.

Тем временем на юге острова, ставшего японским, после непродолжительного 2-х летнего периода военной администрации в 1907 г. власть была передана в руки гражданской

администрации Южного Сахалина (губернаторство Карафуто), управлявшей японской частью острова вплоть до внедрения в 1938 г. административной системы военного времени. Японская официальная пропаганда тех лет любила подчеркивать успехи колонизации Карафуто на фоне бесхозяйственности русских, не сумевших придумать для освоения острова ничего лучшего, чем каторга. Несомненно, что определенные успехи в хозяйственном освоении Южного Сахалина за 40-летний период японской колонизации были. Оставляя за рамками данной работы их подробный анализ, хотелось бы только подчеркнуть, что несмотря на изменение статуса Южного Сахалина в сентябре 1942 г. с «гайти» (буквально: внешние земли, т.е. колония) на «найти» (внутренние земли, т.е. собственно Япония), экономика Карафуто была и оставалась типично колониальной, с концентрацией основных усилий в таких профильных отраслях, как лесная, целлюлозо-бумажная, угледобывающая и рыбная промышленность. Отдав на откуп частным корпорациям наиболее прибыльные отрасли, государство взяло на себя задачу по созданию транспортной инфраструктуры (железные и шоссейные дороги, портовые сооружения и т.д.), часть которой сохранилась до сих пор.

Итак, почувствовав себя достаточно сильной, чтобы попытаться переиграть в свою пользу уже решенный дипломатами территориальный спор на полях сражений, Япония создала опасный прецедент на будущее. В отличие от мирного решения спора, попытки «разрубить гордиев узел» при помощи войны делают участников на победителей и побежденных и оставляют у последних мечту о реванше. В 1945 г. стороны поменялись ролями; теперь уже Советский Союз чувствует себя достаточно уверенным для того, чтобы вернуться к спору почти полувековой давности. В самый разгар Второй мировой войны Сталин в качестве политического условия вступления в войну с Японией потребовал согласия союзников на возвращение Южного Сахалина и передачу Курильских островов, что и было зафиксировано в Ялтинском соглашении от 11 февраля 1945 г. Как и в русско-японскую войну, основные боевые действия развернулись в Северо-Восточном Китае, а локальная операция на Сахалине имела скорее цели политические. В ходе Южно-Сахалинской операции (11-25.08.1945 г.) советские войска из состава 2-го ДВФ во взаимодействии с кораблями и частями морской пехоты СТОФ, сломив оборону находившихся на острове японских войск и пограничных частей, освободили Южный Сахалин.

Таким образом, одна проблема, осложнявшая на протяжении многих десятилетий двусторонние отношения, была решена, в то же время породив побочный эффект – «проблему

северных территорий». Уже практически полвека японская сторона апеллирует к мировому сообществу, ссылаясь на «несправедливый» захват СССР Южных Курил; горы бумаги исписаны представителями обеих сторон в обоснование справедливости именно своей позиции, ведутся массированные кампании по обработке общественного мнения своей и других стран. Хочется выразить надежду, что заинтересованные стороны решат нынешнюю проблему, не прибегая к силовым аргументам XX в.

Примечания:

- ¹ Касима Сюносукэ. Нихон гайкоси, 7, Нитиро сэнсо (История японской дипломатии, т.7, Русско-японская война). – Токио: «Касима кэнкюдзё сюппанкай», 1970. – С. 300
- ² Хирацука Масао. Нитиро сэнсо (Русско-японская война). – Токио: «Кавадэ сёбо синся», 1999. – С.140
- ³ Ито Тэйсукэ. Карафuto сэнси (История войны на Сахалине). - Тоёхара, 1925. – С.38-39
- ⁴ Высоков М.С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. - Южно-Сахалинск, 1994. – С.68

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники:

- РГИА ДВ ф.701 (Главное Управление Восточной Сибири), оп.1, д.12
 ф.701(Главное Управление Восточной Сибири), оп.1, д.35
 Ф.701(Главное Управление Восточной Сибири), оп.1, д.45
 Ф.701(Главное Управление Восточной Сибири), оп.1, д.48
 ф.701(Главное Управление Восточной Сибири), оп.1, д.54
 ф.701(Главное Управление Восточной Сибири), оп.1, д.245
- РГА ВМФ ф.16 (Лихачев Иван Федорович, адмирал), оп.1, д.51
 ф.410 (Канцелярия Морского министерства), оп.2, д.170
 ф.410 (Канцелярия Морского министерства), оп.2, д.206
 ф.410 (Канцелярия Морского министерства), оп.2, д.922

Опубликованные источники:

- Августинович Т.М. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине//Всемирный путешественник – Февраль 1874
- Бантыш-Каменский Д.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. – Казань: типография Императорского университета, 1882
- Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Книга 2. – М., 1891
- Баснин В.Н. О посольстве в Китай графа Головкина/Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. - М., 1875. - №4
- Бошняк Н.К. Занятие части о-ва Сахалина и зимовка в Императорской Гавани//Морской обзорник. – 1859. – Т. 43. - №9
- Брылкин А.Д. Письма с Сахалина//Записки Сибирского отдела РГО. – Иркутск, 1864. - Кн. 7
- Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853 - 54 гг. - СПб, 1872
- Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1851 год. - СПб, 1852
- Договоры России с Востоком, политические и торговые. - СПб, 1869
- Дополнения к актам историческим. - СПб, 1848. - Т.2,3,4

Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году//Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1875. - Книга вторая Круzenштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежде» и «Неве». – СПб: Морская типография, 1810. – Ч. 2

Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849-1855 гг.. – М.: ОГИЗ, 1947

Путятин Е. В. Всеподданнейший отчет генерал - адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай, 1852 - 1855 год//Морской сборник. -1856. - №10

Рудановский Н.В. По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об Острове Сахалине и экспедиции 1853 года//Вестник Европы. - СПб, 1872. - Кн.8

Римский-Корсаков В.А. Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток»//Морской сборник. – 1858. – Т.35. - №5

Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. - М., 1969. - Т.1

Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. 1725-1727. - М., 1990. – Т.2

Сахалинский календарь на 1898 г. – п.Александровский, 1898

Шван В.К. Занятие Южного Сахалина//Тюремный вестник. – 1894. - №8

Якоби И.В. Начертание к двойственному умножению польз с расширением пределов от стороны Китая//Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1858. - №4

Историческая литература:

Русская дореволюционная:

Арсеньев Ю. В. О происхождении "Сказания о великой реке Амуре"// Известия РГО.- СПб., 1882.- Т. XVIII. Вып. 4

Баласагло А.П. Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина//Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1875. – Кн. 2

Бутковский Я.Н. Сахалин и его значение. – СПб, 1873

- Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии». - Хабаровск, 1970
- Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб, 1873
- Депрерадович Ф.М. Этнографический очерк Южного Сахалина//Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. – СПб, 1875. – Т.II, вып. 1
- Дорошевич В. Сахалин (каторга). – Южно-Сахалинск: объединение «ЛИК», Сахалинское отделение ВФК, 1991
- Кирилов Н.В. Морские промыслы Южного Сахалина//Отчет Общества изучения Амурского края за 1898 г. – Владивосток: типография Н.В.Ремезова, 1899
- Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. - Казань, 1857
- Крамаренко Г.А. О рыбном промысле на р.Амур и о.Сахалин//Вестник рыбопромышленности. – СПб, 1898. - № 10
- Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч.I.– СПб: типография Императорской Академии Наук, 1860. – С.169-170
- Пилсудский Б.О. Аборигены о.Сахалина//Живая старина. - С.-Петербург, 1909. - Выпуски II-III
- Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к материкову Азии и России. - Иокогама, 1909. - Т.2
- Полонский А. Курилы//Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. - СПб, 1871. - Т.4
- Романов Д.И. Присоединение Амура к России//Краеведческий бюллетень. - Ю.-Сахалинск, 2001. - №3
- Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании и действий ее до настоящего времени.- СПб, 1861. - Ч.1
- Чехов А.П. Остров Сахалин. Собрание Сочинений, т.10. - М.,1956
- Шмидт П.Ю. Остров Сахалин//Русское богатство. - СПб, 1905. - №4

Русская эмиграция:

- Лишин А. Русско-японские отношения после Симодского договора//Восточное обозрение. – ЮМЖД, 1941. – XI. – С.93
- Новаковский С.И. Япония и Россия. - Токио, 1918

Советская:

- Алексеев А.И. Освоение русскими Дальнего Востока и Русской Америки. – М., 1982
- Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской. – М.: Наука, 1984
- Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849-1855 гг. – М.: Мысль, 1974
- Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии в 60-е годы XVIII – середина XIX в. - М.: АН СССР, 1956
- Беспрованных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в.- Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986
- Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725- 1765 гг.», М.:АН СССР,1960
- Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам/сб. статей по истории Дальнего Востока. – М.: издательство АН СССР, 1958
- История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма/под ред. Крушанова А.И. - М.: «Наука», 1991
- Кабанов П.И. Амурский вопрос. – Благовещенск,1959
- Кутаков Л.Н. Россия и Япония. – М., 1988
- Мелихов Г.И. Маньчжуры на Северо-Востоке» (XVII в.). – М.: «Наука»,1974
- Окунь С.Б. Российско-Американская компания. – М.-Л.: ГСЭИ, 1939
- Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. - Южно-Сахалинск, 1959
- Полевой Б.П. Отождествление статей петрашевца А.П.Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847 г.)//История СССР. -1961. - №1
- Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения, 1697 – 1875. – М., 1960

Постсоветская:

- Артемьев А.Р. История и археология Албазинского острога/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1995. – Т.2
- Артемьев А.Р. Некоторые итоги археологических исследований буддийских храмов XV в. в низовьях Амура//Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Материалы международной научной конференции. – Владивосток: ДВО РАН, 2001

- Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII века/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН, 1998. – Т.3
- Артемьев А.Р. Секретная Нерчинская экспедиция 1753-1765 гг. и археологическое изучение Нерчинска//Вестник ДВО РАН, 1996. - №2
- Артемьев А.Р. Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г./ Межвузовский сборник научных трудов «Сибирь в XVII – XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999-2000 гг.». – Новосибирск Новосибирский госуниверситет, 2002
- Артемьев А.Р. Формирование geopolитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в. – 1860 г.)// Русская Америка и Дальний Восток (конец XVII в. – 1867 г.). К 200-летию образования Российско – Американской компании. – Владивосток, 2001
- Базалийская О.Т. Из истории заселения о.Сахалин во второй половине XIX века//Краеведческий бюллетень. - Ю.-Сахалинск, 1994. - №2
- Василевский А.А. и др. Сахарин Сирауси додзё-но кэнкю» (Исследования земляной крепости Сирауси на Сахалине) Сб. докл. 68-го симпозиума Японской археологической ассоциации. – Токио: муниципальный университет Токио, 25-26 мая 2002
- Василевский А.А. Происхождение и родство островных народов Восточной Азии//Краеведческий бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1995. - №3
- Василевский А.А. Заметки о до- иprotoистории острова Сахалин//Краеведческий бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1996. - №1
- Высоков М.С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. - Южно-Сахалинск, 1994
- Козюра А.В. Н.Н.Муравьев-Амурский и сахалинский вопрос (1848-1860 гг.)//Вестник международного центра азиатских исследований. – Иркутск, 1999
- Костанов А.И. Освоение Сахалина русскими людьми. – Южно-Сахалинск Дальневосточное книжное издательство, Сахалинское отделение, 1991
- Мамай А.С. Споры в русском правительстве по амурскому вопросу (1848-1854 гг.)//Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 1996. - №3
- Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. – Владивосток

«Дальнаука», 1994

Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.- М., 1996

Полевой Б.П. Известная челобитная С.В.Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1995. – Т.2

Самарин И.А., Шубина О.А. Современное состояние городища Сирануси//Вестник Сахалинского музея. - Южно-Сахалинск, 1997. - №4

Самарин И.А. Где и когда был поставлен Ильинский пост на Сахалине?//Краеведческий бюллетень. – Ю.-Сахалинск, 2001. - №3

Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII - XX вв.

Колебания численности и их причины// электронный журнал «Сибирская земляка»,
http://www.zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml

Тураев В.А. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. /Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. – Владивосток ДВО РАН,1995. – Т.2

Черевю К.Е. Зарождение русско-японских отношений XVII-XIX века. – М.: «Наука», 1999

Шаброва Н.И. Такойские крестьяне//Вестник Сахалинского музея. - Ю.-Сахалинск, 2001. - №8

Периодическая печать:

Газета «Владивосток», №42, 1884

На иностранных языках:

Неопубликованные источники:

На немецком языке:

Музей Зибольда в Нагасаки, коллекция Константина фон Бранденштайн-Цеппелина, л.80342-80364

На японском языке:

Дипломатический архив МИД Японии

Ф. 1(Политика), оп. 4/1, д. 3

Ф. 1(Политика), оп. 4/1, д. 3 (356)

Ф. 1(Политика), оп. 4/1, д. 3 (357)

Ф. 3(Торговля), оп. 5, д. 8

Ф. 7 (Дипломатическая переписка), оп. 1/3, д. 36-11

отдельный фонд Р №.6

Исторический архив Токийского университета, ф. «Гайхэн» (Дипломатический фонд), док. 174

Карафуто гайран (Сборник документов по Карафуто). - 2-я часть. - 6-й год Мэйдзи. - Отдел рукописей губернской библиотеки Хоккайдо. - Ф.Н210.088 – Ка

Карафуто кёкай данхан симацу (Переговоры о границе на Карафуто). - 2-й год Бунку. - Отдел рукописей городской библиотеки Хакодатэ. - Ф. 00250, оп.310, д.3001

Кодзима Куратаро. Мэйдзи дзюситинэн рокугацу Тисима рёкоки (Путешествие на Курильские острова в июне 17 года Мэйдзи). - Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. - Отдельный фонд 920 – Коj

Мацумаэ Хиронага. Отдел рукописей городской библиотеки Хакодатэ, Мацумазси (Описание Мацумаз), Ф. 0008-1121-5073, рукопись

Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Фонд «Мэйдзи сёнэн Карафуто канкэй росиаго мондё » (Документы на русском языке по Сахалину первых лет Мэйдзи),
Док.: 4596 – 001, 4595 – 002, 4599 – 005, 4604 – 008, 4638 – 031, 4777- 167, 4790 - 180

Хокусуйкёки канкэй сёроку (Выдержки из документов, посвященных северным пограничным землям). - Отдел рукописей городской библиотеки Хакодатэ. - Ф. 00250, оп.512, д.4001

Опубликованные источники:

На китайском языке:

Дамин хуй ден. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Вэнъхай», 1964. - Т.107

Дамин итунчики. - Тайвань, Тайпей: издательство «Тайлянгофэн», 66-й год Китайской республики (1977). - Т.89

Лядунь«жи/об.«Дифанлэй-Лядунь Цоншу» (6). - Тайвань, Тайпей: издательство «Уивэнь Уиншугуань». - Т.9

Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 26

Мин Ин цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй:

издательство «Чжунвэнь». – Т. 186

Мин Сюань цзун шилу Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпей: издательство «Чжунвэнь». – Т. 35

Ту Ю. Тун Дянь. - Тайвань, Тайпей: издательство «Гутай Вэнхуашиу», 1977. – Т.2

Цинши Даден скойлу//ксилографический сборник «Гочао вэнлэй». - Тайвань, Тайпей: издательство «Шаньуинь шугуань», 1979

Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. – Т.1

На японском языке:

Айну дзёдзиси Ю-кара Сю (Айнский эпический сборник «Юкара»). - Токио, 1959. - Т.1

Бакумацу Исин гайко сирё сюсэй (Сборник дипломатических документов эпохи бакумацу и исин). – Токио: Исинси гаккай (Ассоциация по изучению истории исин), 1978

ДайНиппон комондзё – бакумацу гайкоу канкэй мондзё (Старые документы Великой Японии - Документы об отношениях с иностранными государствами в эпоху бакумацу). – Токио: издательство архива исторических документов Токийского университета, 1916. - Т.8. - С. 64

Дзокугун сёрайдзю (Дополнение к серии исторических материалов). – Токио: издание «Дзокугун сёрайдзю кансэйся», 1903. - Т.3

Мамия Риндзо. Мамия Риндзо дзюцу – Мураками Тэйсукэ хэн «Хокуи бункай ёва» («Рассказы о границах земель северных варваров», изложенные Мамия Риндзо и составленные Мураками Тэйсукэ). – Токио: Тоё бунко, 484, 1989

Мамия Риндзо. Тодацу тихо кико (Путешествие по Восточной Татарии). - Токио: Тоё бунко, 484, 1989. – Ч. 2

Мацуура Такэсиро. Айну дзинбууси (Айнские портреты). – Токио: издательство «Хэйбонся», 2002

Мацуура Такэсиро. Сайко Эдзо никки (Записки о повторном посещении Эдзо)/Санко Эдзо никки (Записки о трех посещениях Эдзо). – Токио: «Ёсикава кобункан», 1971. - Т.2

Мацуура Такэсиро. Мацуура Такэсиро сэнсю 1 (Избранные произведения Мацуура Такэсиро). – Саппоро: издательский центр Хоккайдо, 1998. - Т.1

Ниппон гайкомондзё (Дипломатические документы Японии). – Токио: МИД Японии, 1955

Тэймэй каккоу дзёяку исан (Сборник договоров, заключенных с зарубежными странами). – Токио: Нихонкоу гаймусё кирокукёку (Бюро протоколов МИД Японии), 1884

Хокумон сосё. - Токио, 1944.- Т.1, 3, 5

На английском языке:

Tilley Henry Arthur. Japan, the Amoor, and the Pacific; with notices of other places comprised in a voyage of circumnavigation in the Imperial Russian corvette "Rynda" in 1858-1860. - London, 1861.
- P.239

Will John.Trading under sail off Japan, 1860-99, Ed. By J. Lensen. - Tokyo: Sophia University Press, 1968. - P.61

Историческая литература

На японском языке:

Аита Кинго. Хакодатэ ситан (Рассказы по истории Хакодатэ). - Хакодатэ, 1994

Акидзуки Тосиюки. Нихон хоппэн-но танкэн то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). - Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

Акидзуки Тосиюки. Нитиро канкай то сахаринто (Японо-российские отношения и остров Сахалин).
- Токио: издательство «Тикума сёбо», 1994

Вада Сэй. Тодай-но тохокудзиасёкуку» (Страны Северо-Восточной Азии в эпоху Тан/Тоаси кэню (Мансюхэн) (Исследования по истории Восточной Азии, маньчжурская часть). - Токио: издательство «Тё бунко», 1955

Вада Сэй. Сина-но кисай-ни араварэрү Кокурюю карюики-но гэндзюмин (Коренные народы Нижнего Амура в китайских источниках)/Тоаси ронсо (Сборник по истории Восточной Азии).
- Токио: издательство «Сэйкацуся», 1942

Вада Сэй. Минё-но Мансю кэйряку (Управление Маньчжурией в начальный период Мин)/Тоаси кэню (Мансюхэн) (Исследования по истории Восточной Азии, маньчжурская часть). - Токио: издательство «Тё бунко», 1955

Ёсида Канэти. Киндай росин канкайси (История российско-китайских отношений в новое время).
- Токио: издательство Кондо, 1974

Икэгами Дзиро. Карагутону Наёро мондзё-но мансюбун (маньчжурский текст документов из Наёро)/сб. «Хоппо бунка кэню» (Исследования северных культур). - 1968. - №3

- Исии Ко. Мэйдзи сёкино никон то хигаси адзия (Япония и Восточная Азия в начале эпохи Мэйдзи). – Иокогама: Юриндо, 1982
- Ито Тэйсукэ. Карафуто сэнси (История войны на Сахалине). - Тоёхара, 1925
- Карафуто сисэй энкаку (История административного управления Карафуто).- Т.2. – Карафуто: издание Вакита Ёсими, 1912
- Касима Сюносукэ. Нихон гайкоси, 7, Нитиро сэнсо (История японской дипломатии, т.7, Русско-японская война). – Токио: «Касима кэнкюдзё сюппанкай», 1970
- Като Цүёси. Карафуто то гёгё (Карафуто и рыбная промышленность). – Хакодатэ: Ассоциация рыбных промыслов ставными неводами Карафуто, 1931
- Кацу Кайсю. Кайкоку кигэн 3 (История открытия страны, 3)//Собр. Соч. Кацу Кайсю, т.3. –Токио: Кэйсо сёбо, 1979
- Кикути Тосихико. Хокутаадзина кодай бунка-но кэнкю (Исследования древних культур Северо-Восточной Азии). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1995
- Корияма Ёсимицу. Бакумацу нитироканкэйси кэнкю (Исследования по истории японо-российских отношений в эпоху бакумацу). – Токио: издательство «Кокусё канкокай», 1980
- Найто Конан (Торадзиро). Полн. собр. соч. – Токио: издательство «Тикума сёбо», 1970. - Т.7
- Накамура Кадзуюки. Кита кара но моко сюрай (Монгольское нашествие с севера)//Сирой куни-но ута. - Сэндай, 2000. - №4
- Накамура Кадзуюки. 13-16 сэйки-но каннихонкай тики-то айну (Регион Японского моря в 13-16 веках и айны)/Тюсэй коин-ни окэрү хигаси адзия-но кокусай канкэй (Международные отношения в Восточной Азии в позднем средневековье). – Токио: издательство Ямакава, 1997
- Накамура Кадзуюки. Айну-но тинмоку коэки-ни цуйтэ (Об айнской «молчаливой» торговле)/ Сб. 16-го симпозиума по культуре северных народов. – Абасири, 2002
- Накамура Кадзуюки. Кита-но «Вакотэки- дзёкё» то соно какудай (Северные «вако» (пираты) и расширение сферы их деятельности)/об. «Кита-но найкай сёкай» (Мир северного внутреннего моря). – Токио: издательство Ямакава, 1999
- Осада Нацуки. Полн. собр. соч. – Киото: издательство «Наканисия сюппан», 2001. – Т.1
- Сасаки Сиро. Хоппо кара кита коэкимин (Торговый народ, пришедший с севера). – Токио: NHK books 772, 1996

Симицу Мэгуми. Хакодатэ-ни окэру росиядзин сёкай но кацудо (Деятельность русских торговых фирм в Хакодатэ)/Хакодатэ. – Хакодатэ:1995. - №21

СинХоккайдоси (Новая история Хоккайдо). – Саппоро: издание губернаторства Хоккайдо, 1970. – Т.2

Сиратори Куракити. Тодзизай-но карафутото-ни цуйте (Об острове Сахалин в эпоху Тан)/об.соч. Сиратори Куракити. – Токио: издательство «Иванами сётэн», 1970

Такакура Синъитиро. Хоккайдоси (История Хоккайдо). – Саппоро: издательско-плановый центр Хоккайдо,1995. - Т.1

Такакура Синъитиро. Айну сэйсакуси. Симпан (История политики в отношении айнов. Новая редакция). – Токио: «Санъити сёбо», 1972

Такэути Умпэй. Хоккайдо сиё (История Хоккайдо). – Хакодатэ: издание городской библиотеки Хакодатэ, 1933. – С.474

Тории Рюдзо. Тисима айну (Курильские айны). – Токио: «Ёсикава кобункан», 1903

Тории Рюдзо. Нурукантосико (Размышления о правительственном посте Нургань), полн. собр. соч. Тории Рюдзо. - Токио: издательство Асахи симбунся,1976. - Т. 6

Хакодатэ сиси (История города Хакодатэ). - Хакодатэ, 1990. – Т.2.

Хираакава Ёсинага, Я마다 Горо. О современном состоянии земляной крепости Сирануси. Перевод на русский язык С.Ч.Лим/Вестник Сахалинского музея. - Южно-Сахалинск, 1997. - №4

Хираока Масахидэ. Нитиро коёсиба (История японо-русских переговоров). – Токио: Тикума сёбо,1944

Хирацука Масао. Нитиро сэнсо (Русско-японская война). – Токио: «Кавадэ сёбо синся», 1999

Хора Томио. Карафутоси кэнрю – карафуто то сантан (Исследования по истории Сахал ина – Сахалин и Сантан). – Токио: издательство «Синдзюся», 1956

Хора Томио. Мамия Риндзо. – Токио: «Ёсикава кобункан»,1960

Фумото Синъити. Бакумацу-ни окэру Эдзоти дзёти катэй-то карафуто мондай (Процесс введения в землях Эдзо прямого управления в годы бакумацу и сахалинский вопрос)/Рэкисигаку кэнрю (Исторические исследования). - Токио, 1995. - № 671

Фумото Синъити. Бакумацу-ни окэру Эдзоти сэйсаку-то карафуто мондай (Политика в отношении земель Эдзо в годы бакумацу и сахалинский вопрос)/Нихонси кэнрю

(Исследования по истории Японии). - Токио, 1993. - № 371

Фумото Синъити. Исин сэйфу-но хоппо сэйсаку (Северная политика нового правительства Мэйдзи)//Рэксисигаку кэнкю (Исторические исследования). - Токио, 1999. - № 725

Эмори Сусуму. Айну-но рэкиси (История айну)//Хоккайдо-но хитобито 2 (Люди Хоккайдо - 2). - Токио: издательство «Сансайдо», 1987

Эмори Сусуму. Айны: прошлое и настоящее. Доклад на международной конференции (июнь 1996 г., Владивосток), посвященной 25-летию института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. - Перевод наш

Эмори Сусуму. Айну миндзоку то Андоси (Айнский народ и Андо). Сб. симп. «Цугару Андо и северные земли». - Токио: издательство «Кавадэ сёбо синся», 1995

Ясуока Акио. Бакумацу Исин-но рёдо-то гайко (Территория и дипломатия эпохи бакумацу и исин). - Осака: Симбундо, 2002

Периодическая печать:

Газета «Асано симбун», 1879 г., июнь, №4-5

Газета «Хакодатэ симбун», 1879 г., август, №12

Газета «Отару симбун», 1896 г., 28 февраля

Газета «Иомиури симбун», вечерний выпуск. - 24 сентября 2002 г.- №45433

На китайском языке:

Ван Дэхуо. О торговле в местности Саньсин в эпоху Цин», перевод и примечания А.Л.Ивалиева/Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII –XIX вв. - Владивосток ДВО РАН,1997. - Т. 3

Сюн Мэнсян. Сицзиньчжи цзи. - Пекин: издательство «Бэйцзин гуцзи», 1983

На английском языке:

Bassin Mark. Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. - Cambridge, 1999

Evans John L. Russian Expansion on the Amur 1848-1860, the Push to the Pacific. - New York: The Edwin Mellen Press, 1999

Harrison John A. Japan's Northern Frontier. - Gainesville: University of Florida Press, 1953

Lensen George A. The Russian Push Toward Japan. - New York: Octagon books, 1971

Nish Ian, Kibata Yoichi. The History of Anglo-Japanese Relations. - N.Y.: St.Martin's Press, 2000. - V.1

Ravenstein E.G. The Russians on the Amur; its discovery, conquest, and colonization. - London, 1861

Иностранная литература:

(на русском языке)

Лаперуз Ж.Ф. Путешествие Лаперуза в Южном и Северном Тихом океане. Пер. с франц./Краеведческий бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1994. - №4

Стефан Дж. Сахалин. История. Перевод на русский язык Переславцева В.В./Краеведческом бюллетень. - Южно-Сахалинск, 1992. - № 1. - С.57

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Тексты китайских и японских источников с расставленными знаками
пунктуации и переводом на русский язык

1. Ту Ю. Тун Дянь. - Тайвань, Тайpei: издательство «Гутай Вэнхуаши», 1977. - Т.2

唐·杜佑著. 通典 (下) - 台北 : 国泰文化事業有限公司、中華民国六十六年、頁 1737-1738

流鬼

流鬼在北海之北，北至夜叉國，餘三面皆抵大海，南去莫設靺鞨船行十五日。無城郭，依海島散居，掘地深數尺，兩邊斜豎木，構為屋。人皆皮服，又狗毛雜麻為布而衣之，婦人冬衣豕鹿皮，夏衣魚皮，制與獠同。多沮澤，有鹽魚之利。地氣沴寒，早霜雪，每堅冰之後，以木廣六寸，長七尺，施繫其上，以踐層冰，逐及奔獸。俗多狗。勝兵萬餘人。無相敬之禮、官僚之法。不識四時節序。有他盜入境，乃相呼召。弓長四尺餘，箭與中國同，以骨石為鏃。樂有歌舞。死解封樹，哭之三年，無餘服制。靺鞨有乘海至其國貿易，陳國家之盛業，於是其君長孟蚌遣其子可也余志，以唐貞觀十四年，三譯而來朝貢。初至靺鞨，不解乘馬，上即顛墜。

«К северу от Северного моря есть страна Люгуй; еще севернее лежит страна Еча (демонов). С трех сторон Люгуй окружен Большим морем; до страны Мушэ може плыть морем на юг 15 дней. Крепостей у них нет; люди живут разрознено на многих островах. Жилища устраивают так: выкапывают землю на несколько чи (1 чи – примерно 30 см – А.Т.) и с двух сторон настилают накатом крышу из бревен. Все носят одежду из меха, а также из полотна, сотканного из смеси собачьего меха и конопли; женщины зимой носят одежду из свиных и оленьих шкур. Летом носят одежду из рыбьей кожи, ее шьют так же, как ляо. Много болотистых равнин и топей. Рыбу засаливают. Рано наступают холода, и часто бывают сильные морозы и снег. Как только лед везде замерзает, по нему передвигаются на деревянных дощечках шириной 6 цунь (примерно 18 см – А.Т.) и длиной 7 чи (210 см – А.Т.), преследуя бегущих животных. Держат много собак. У них 10 тысяч боеспособных воинов. Они

невоспитаны и не почитают друг друга; у них нет административного управления. Они не различают времен года. Когда к ним вторгается чужой с целью грабежа, созывают всех (на помощь). Используют луки длиной в 4 чи; стрелы похожи на китайские, наконечники делают из кости и камня. Любят петь и танцевать. Умершему вспарывают живот, кладут на дерево. Траур длится 3 года; особых различий при этом в одежде нет. Есть мохэ, которые переправляются через море и торгуют с этой страной; активная торговля со страной Чин; король этой страны Мэнлан направил в нашу страну своего сына Кэуэючжи, который в 14-м году Чжэнъгуань танского летоисчисления (640 г. - А.Т.) прибыл с данью к императорскому двору, сменив в пути 3-х переводчиков. Он впервые прибыл в земли мохэ. Посланник люгуй не знал, как ездить на лошади; как только он сел на лошадь, то тут же упал с нее».

2. Вада Сэй. Сина-но кисай-ни араварэру Кокурюко карюики-но гэндзюмин (Коренные народы Нижнего Амура в китайских источниках)//Тоаси ронсо (Сборник по истории Восточной Азии). – Токио: издательство «Сэйкацуся», 1942. - С.463

「流鬼去京師萬五千里、直黑水靺鞨東北、少海之北、三面皆阻海、其北莫知所窮、人依嶼散居、多沮澤、有魚鹽之利、地蚤寒、多霜雪、以木廣六寸長七尺、系其上、以踐冰、遂走獸、土多狗、以皮爲裘、俗被髮、粟似莠而小、無蔬蓏它穀、勝兵萬人、南與莫曳「皆」靺鞨隣、東南航海十五日行乃至、貞觀十四年、其王遣子可也余莫「貢？」貂皮、更三譯而來朝、授騎都尉遣之。」

«Племена «люгуй» живут в 15 тысячах ли от столицы Китая, к северо-востоку от «хэйшуй мохэ» и на север от Малого моря. Страна окружена морем с трех сторон, на север простирается до бесконечности. Люди живут разрознено на многих островах. Много болотистых равнин и топей. Рыбу засаливают. Рано наступают холода, и часто бывают сильные морозы и снег. Люди перемещаются по льду на деревянных дощечках шириной 6 цунь (примерно 18 см) и длиной 7 чи (210 см),

преследуя бегущих животных. Страна богата собаками; из их меха делают одежду. Люди носят длинные волосы. Просо там больше похоже на сорную траву, только еще меньше; нет овощей, фруктов, зерновых. У них 10 тысяч боеспособных воинов. До соседней с ними страны Мой (Чжие) мохэ, расположенной к югу, плыть морем на юго-восток 15 дней. В 14-ом году Чжэнътуань король направил своего сына Кэуэю с (данью?) соболями к императорскому двору; по пути он сменил 3-х переводчиков. Ему было пожалован титул «чжи ду вэй» (офицера столичной кавалерии).,

3. Кикути Тосихико. Хокутоадзия кодай бунка-но кэнкю (Исследования древних культур Северо-Восточной Азии). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1995. – С.163

「金之壤地封疆、東極吉里迷、兀的改、諸野人之境」

«На крайнем востоке империя Цзинь граничит с гилеми, удигай и другими ежэнь».

4. Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. – Т.1. – Ч.1 (книги 1-12). – С.100

元史、「明」宋濂等撰、中華書局

「征骨嵬、先是、吉里迷内附、言其国東有骨嵬、亦里于兩部、歲来侵疆、故往征之。」

«Покорили куе. Подчиненные нами раньше гилеми жаловались, что жившие к востоку от их страны куе и илию вторгались к ним каждый год, поэтому отправились их покорять».

5. Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. – Т.1. – Ч.1 (книги 1-12). – С.106

「骨嵬国人、襲殺吉里迷部兵。勅以官栗及弓甲給之。」

«Напали куе и убили воинов гилеми. Император повелел оказать гилеми помочь продовольствием и оружием».

6. Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. - Т.1. - Ч.1 (книги 1-12). - С. 151

「征東招討使塔匪刺、請征骨嵬部，不充。」

«Ташиала из Восточной экспедиционной армии просил разрешение покорить куе; экспедиция не увенчалась успехом».

7. Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. - Т.1. - Ч. 2 (книги 13-26). - С.255

「免徵骨嵬軍賦。」

«Куи освобождены от воинской повинности».

8. Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. - Т.1. - Ч. 2 (книги 13-26). - С.269

「征東招討司兵以兵征骨嵬。」

«Отправлена карательная экспедиция в страну куе».

9. Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. - Т.1. - Ч. 2 (книги 13-26). - С.273

「以楊兀魯帶，征骨嵬招討使，佩二珠虎符。」

«Янлудай назначен командиром карательной экспедиции против куе, ему пожалован отличительный знак тигра с двумя жемчужинами».

10. Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. - Т.1. - Ч. 2 (книги 13-26). - С.280

詔征東招討使塔塔兒帶，楊兀魯帶以万人征骨嵬、因授楊兀魯帶三珠虎符、征東宣慰使都元帥」

«По указу императора Татардай и Янлудай во главе 10-тысячного войска выступили в карательную экспедицию против куе; Янлудаю был пожалован

отличительный знак тигра с тремя жемчужинами, и он был произведен в маршалы».

11. Юань ши/ в редакции Сун Ляо. - Пекин: издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1976. - Т.1. - Ч. 2 (книги 13-26). - С.292

「遣塔塔兒帶，楊兀魯帶以万人、船千艘征骨嵬」

«Во главе 10-тысячного войска на тысяче кораблей Татардай и Янлудай выступили против куе».

12. Цзинши Даден сюйлу//ксилографический сборник «Гочао вэнлэй». - Тайвань, Тайпей: издательство «Шанъуинь шугуань», 1979. - С. 452

至年十年征東招討使塔匣刺呈、前以海勢風浪難渡、征伐不到角/得因・吉烈迷、嵬骨等地。去年征行、至弩兒哥地、問得兀的哥人獻薛称欲征骨嵬、必聚兵、候冬月賽哥小海渡口結凍、冰上方可前去、先征角/得因・吉烈迷、方到骨嵬界伝伝。」

«Ташиала из Восточной экспедиционной армии в качестве причины неуспеха военной экспедиции 1273 г. в земли тайин, гилеми и куе называет невозможность переправиться туда из-за разбушевавшейся морской стихии. Когда в прошлом году он посетил Нургань, то человек по имени Имусе из народности утэко заявил, что если они хотят воевать с куе, то им нужно собрать войско и ждать, пока в зимние месяцы не замерзнет пролив Сайко, после чего переправиться по льду. Сначала нужно покорить тайин и гилеми, а после этого попасть в земли куе».

13. Цзинши Даден сюйлу//ксилографический сборник «Гочао вэнлэй». - Тайвань, Тайпей: издательство «Шанъуинь шугуань», 1979. - С. 452

「大德元年五月、骨嵬賊瓦英、乘吉烈迷所造黃窯兒舡過海。至只里馬訾子作亂。八月、吉里迷人奴馬失吉過海、至為子砦、遇內豁田/童人、言

吉烈迷人牙乞木称、骨嵬賊与不忽思等、欲以今年比海凍、過果夥欲虜掠打鷹人、乞討之。

既而遼陽省咨、三月五日、吉烈迷百戶兀勸吉等來歸、給魚糧網扇、存恤位坐、移文管兀者吉烈迷萬戶府收官。六月五日、官軍敗賊於吸刺豁田/童。七月八日、骨嵬賊玉不廉古、自果夥過海、入拂里河、官軍敗之。」
 «В мае 1297 г. разбойники куе во главе с Уайном сели в лодки «фанвори», которые делают гилеми, переправились через море, высадились у мыса Чилима и стали разбойничать. В августе гиляк Нумашэкие переправился через море и высадился у мыса Уэйи, где встретился с людьми нэйхотон. Он рассказал, что гилеми по имени Иакиэм говорил о том, что разбойники куе во главе с Пуфусу нынешней зимой, когда замерзнет море, собираются переправиться от Куофуо и напасть на сокольничих. Нумашэкие умолял, что нужно будет на них напасть.

О данной ситуации уже доложено на усмотрение в Ляоянь.

5 марта прибыл Укэнкиэ с людьми из стодворки гилеми; было велено им выдать рыбу, продукты, сеть и веер; он был пожалован должностью; документ об этом направлен в 10-тысячедворку удзи-гилеми.

5 июня правительственные войска разгромили разбойников у Хизи хотона. 8 июля разбойники куе во главе с Юпурэнку от Куофуо переправились через море, дошли до реки Фули, где их и разгромили правительственные войска».

14. Цзинши Даден сюйлу//ксиологический сборник «Гочао вэнлэй». - Тайвань, Тайpei: издательство «Шанъуинь шугуань», 1979. - С. 452

「至大元年、吉烈迷百戶乞失乃言、骨嵬玉善奴欲降、遣大河沙者至訥里干。又吉烈迷人多伸奴・亦吉奴來言、玉善奴・瓦英等乞降、持刀甲与頭目皮先吉、且言、每年貢異皮、以夏間答刺不魚出時回還伝伝。」

«В 1308 г. Кизшэкэнай из стодворки гилеми передал, что вождь куе Иушенну согласен на капитуляцию и направил в Нургань своего послы Тайхоса. Прибыли гилеми Тоошэнну и Иакиайну и сообщили, что Иушенну и Уайн просят о

капитуляции. Они принесли мечи и доспехи, отдали их старейшине Пишэнкие и пообещали, что каждый год будут платить дань ценностями мехами...».

15. Сюн Мэнсян. Сицзинъчжи цзи. – Пекин: издательство «Бэйцзин гуци», 1983- С. 233

熊夢祥「析津志輯佚」北京古籍出版社 1983年

「銀鼠〔和林朔北者爲精、產山石諱中。初生赤毛青、經雪則白。愈經年深雪者愈奇、遼東骨嵬「嵬骨」多之。有野人於海上山藪中鋪設以易中國之物、彼此俱不相見、此風俗也。此鼠大小長短不等、腹下微黃。…諸鼠惟銀鼠爲上、尾後尖上黑。〕

«(Горностай) очень ценится в Каракоруме и на севере (Китая). Он водится в горных расселинах. У детенышей мех бурый с голубым отливом; на снегу он становится белым. Особенно ценятся взрослые зверьки с чистым белым мехом; их много водится на далеком востоке в землях куз. Ежень устраивают на острове и в зарослях место для торговли, где меняют китайские товары; при этом куз и ежень непосредственно не встречаются, - таков обычай. Зверьки по размеру неодинаковы, подбрюшье у них слегка с желтизной. ... Больше всего ценятся зверьки, у которых кончик хвоста черного цвета».

16. Дамин хуй ден. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Вэнхай», 1964. – Т.107. – Глава 7. - С. 1606

大明会典、卷一百七 七、文海出版社発行

〈東北夷〉永樂元年。野人頭目来朝。

«Первый год Юнло. С данью пожаловали старейшины ежень».

17. Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». – Т. 26. – Глава 3. – С.0479/1092
明太宗實錄、卷二六 三、中央研究院歷史言語研究所校印 中文出版社

「忽刺溫等處女真野人頭目把刺答哈來朝、置奴兒干衛、以把刺答哈・阿刺孫等四人爲指揮同知、古驥等爲千戶所鎮撫、賜誥印冠帶襲衣及鈔幣有差。」

«С данью ко двору императора из места Хуцывэн появился старейшина нучжэнь ежэнь по имени Бацыдаха; было решено основать в Нургани сторожевой пост и назначить туда четырех человек - Бацыдаху, Ецысуну и других управляющими. Гулуй и другие были назначены управлять тысячедворкой. Им всем соответственно рангу были пожалованы печати, короны, пояса, парадные халаты и деньги».

18. Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т.30. - Глава 9. - С.0550/1110

「黑龍江等處女真野人歹寅加等來朝、云々」

«С данью ко двору императора из места Хэйлунцзян появился старейшина нучжэнь ежэнь по имени Дайиньцзяя».

19. Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 90. - Глава 3. - С.1190/1270

「奴兒干韃靼頭目忽刺冬奴等六十五人來朝、置伏里其・乞勒尼二衛・敷答河千戶所、命忽刺冬奴等爲指揮千百戶、賜誥印冠帶襲衣及鈔幣有差。」

«С данью ко двору императора появился старейшина нурганьских татар Хуцыдунну и другие 65 человек; были организованы новые сторожевые посты Фуличи и Чжилени, а также тысячедворка Футахэ. Хуцыдунну был назначен управлять тысячедворкой; всем соответственно рангу были пожалованы печати, короны, пояса, парадные халаты и деньги».

20. Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 91. - Глава1. - С.1194/1271

「設奴兒干指揮使司。初頭目忽刺冬奴等來朝、已立衛、至是、復奏其地衝要、宜立元帥府、故置都司。以東寧衛指揮康旺爲指揮同知、千戶王肇舟等爲都指揮僉事、統屬其衆、歲貢海青等物、仍設狗站遞送。」

«Основано управление области Нургань дусы. Когда с данью ко двору императора появлялся старейшина Хуцыдунну, он докладывал императору, что Нургань занимает стратегическое положение, и здесь должна быть Ставка. Именно поэтому здесь основали дусы. Управляющим дусы был назначен Кан Ван, до этого бывший начальником сторожевого поста Дуннин; начальник тысячедворки Ван Чжаочжоу был назначен советником; им было поручено управлять народом этой местности. Ежегодно они должны делать подношения соколами и другими вещами, создать ямскую службу на собачьих упряжках и отправлять подношения».

21. Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. -

Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 110. - Глава 2. - С.1412/1325

「乞列迷頭目干塔奴等來朝、設喜申衛、以干塔奴爲指揮僉事、云々」

«С данью ко двору императора появился старейшина гилеми Гандану; он был назначен начальником сторожевого поста Сишэнь».

22. Текст приводится по: Найто Конан (Торадзиро). Полное собрание сочинений. -

Токио: «Тикума сёбо», 1970. Т.7. - С.583

「永樂九年春、特遣內官亦失哈等、率官軍一千餘人・巨船二十五艘、復至其國、開設奴兒干都司、... 十年冬、復命內官亦失哈等、載至其國、自海西抵奴兒干、及海外苦夷諸民、賜男婦以衣服器用、給以穀米、宴以酒食...」

«Весной 9-го года Юнло чрезвычайный посланник Ишиха во главе правительенного войска из тысячи человек на 25-ти кораблях прибыл в эту страну и основал Нургань дусы. ... Зимой 10-го года Ишиха всех жителей этой

страны с запада от Нургани до людей куе за морем одаривал одеждой и полезными вещами, облагодетельствовал продуктами, угощал вином...».

23. Мин Ин цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 186. - Глава 4. - С.3718/3301
 明英宗實錄、卷一八六 四、中央研究院歷史言語研究所校印 中文出版社
 「亦失哈本海西人」
 «Ишиха по национальности был чжурчжэнем».
24. Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 156.- Глава 2. - С.1795/1421
 「命遼東都司、以兵三百往奴兒干都司護印、先嘗與兵二百、至是、都指揮同知康旺請益、故有是命、且勅旺、踰二年遣還」
 «в Нургань по запросу Кан Вана было направлено сначала 200, а затем 300 солдат сроком на 2 года».
25. Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 155. - Глава1. - С.1787/1419
 「奴兒干都司都指揮同知康旺等來朝、貢貂鼠皮等物賜賚有差。」
 «нурганьский наместник Кан Ван в сопровождении местных старейшин нанес визит к императорскому двору; была уплачена дань мехами, взамен им велено было выдать богатые подарки».
26. Мин Тай цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 242. Глава1. - С.2291/1545
 「奴兒干等處都指揮王肇舟等...五百六十五人來朝、貢馬賜宴及鈔幣有差。」
 «к императорскому двору явились нурганьский наместник Ван Чжаочжоу с

сопровождающими и другие , всего 565 человек».

27. Мин Сюань цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 35. - Глава 2. - С.0877/1912
 明宣宗實錄、卷三五 二、中央研究院歷史言語研究所校印 中文出版社
 「命都指揮康旺·王肇舟·佟答刺哈、往奴兒干之地、建立奴兒干都指揮使司、并賜都司銀印一·經歷司銀印」
 «Наместникам Кан Вану, Ван Чжаочжоу и Тондалахе приказано отправиться в Нургань и восстановить там управление области. Им вручена серебряная печать поста и серебряная печать для регистрации».
28. Мин Сюань цзун шилу/Институт истории и лингвистики Академии наук Тайваня. - Тайвань, Тайпэй: издательство «Чжунвэнь». - Т. 69. - Глава1. - С.1615-16/2096
 「勅遺都指揮康旺·王肇舟·佟答刺哈、仍往奴兒干都司、撫恤軍民。又
 勅諭奴兒干·海東·囊阿里·吉列迷·恨古河·黑龍江·松華江·阿速江
 等處野人頭目哥奉阿·囊哈奴等、令皆受節制」
 «По императорскому указу наместникам Кан Вану, Ван Чжаочжоу и Тондалахе приказано отправиться в Нургань и принять меры к успокоению правительственные войск и местного населения. Таюже старейшинам варваров Чжэфене, Нанхану и другим с Нургани, Сахалина, Нангели, Гилеми, Негды, Амура, Сунгари, Уссури и других мест был объявлен императорский указ, и они обязались повиноваться».
29. Текст приводится по: Найто Конан (Торадзиго). Полное собрание сочинений. - Токио: «Тикума сёбо», 1970. Т.7. - С.585
 「...七年、上命太監亦失哈、同都指揮康政、率官軍二千・巨舡五十口至、
 民皆如故、獨永寧寺口口、基址有焉、伝々」
 «В 7-м году (Сюаньдэ) тайцзян Ишиха во главе правительенного войска из 2-х тысяч человек на 50-ти кораблях прибыл в эту страну и восстановил храм

Вечного спокойствия ...».

30. Текст приводится по: Найто Конан (Торадзиро). Полное собрание сочинений. - Токио: «Тикума сёбо», 1970. Т.7. - С.585

「惟奴兒干國口口」之表、道万餘里、人有口口口野人吉列迷苦夷口」

«До этой страны Нургани...пути 10 тысяч ли. Есть дикие (чжурчжэни), гилеми, куе...».

31. Дамин итунчжи. - Тайвань, Тайпей: издательство «Тайлянгофэн», 66-й год Китайской республики (1977). - Т.89

「大明一統志」、卷八九、外夷、女直、頁 5488,) 台聯國風出版社、

「臘肭臍」 морской котик

32. Дамин итунчжи. - Тайвань, Тайпей: издательство «Тайлянгофэн», 66-й год Китайской республики (1977). - Т.89

「苦兀在奴兒干海東。人身多毛、戴熊皮、衣花布。親死、剗腸胃、曝乾負之、飲食必祭、三年後棄之。」)

«Куе живут к востоку от Нургани за морем. Тело их покрыто волосами, на голове они носят мех медведя, одеваются в одежду из растений. Когда умирают родители, из тела умершего вынимают внутренности, высушив его, несут на себе; при еде обязательно поминают; через три года его выбрасывают».

33. Лядуньчжи/сб.«Дифанлэй-Лядунь Цоншу» (6). - Тайвань, Тайпей: издательство «Уивэнь Уиншугуань». - Т.9. - С.5

「遼東志」、卷九、外志、頁 5, 「地方類・遼東叢書（六）藝文印書館印行
「苦兀在奴兒干海東。身多毛、頭帶熊皮、身衣花布。持木弓矢尺餘、塗毒於鏃、中必死。器械堅利。父母死、剗去腸胃、屍體曝乾、出入負之、飲食必祭、居處不敢對、約至三年然後棄之。」

«Куе живут к востоку от Нургани за морем. Тело их покрыто волосами, на

голове они носят повязки из меха медведя, одеваются в одежду из растений. Вооружены деревянными луками, стрелы длиной в чи, наконечники обмазывают ядом, при попадании жертва умирает. Оружие у них острое. Когда умирают родители, из тела умершего вынимают внутренности; высушив его, при переездах несут на себе; при еде обязательно поминают; в жилищах на него не смотрят; через три года его выбрасывают».

34. Ляодуньчжи/сб.«Дифанлэй-Ляодунь Цоншу» (6). - Тайвань, Тайпей: издательство «Уивэнь Уиншугуань». - Т.9. – С.5

吉里迷隣苦兀。地男少女多、女始生、男不問老少、先以狗爲定、年及十歲即娶、多至十者有之、中國人至相交、饋之豔妻、去則歸之。

«Чилими (гилеми) живут по соседству с куе. У них больше женщин, чем мужчин. Когда рождается девочка, ее обручают с мужчиной, без разницы, старым или молодым. За это (мужчина) заранее платит собаками. Девочки выходят замуж по достижении десяти лет. Есть те, у кого по десять жен. Если человек из Поднебесной империи сходится близко с этими людьми, ему дарят красивую жену. Когда он уезжает домой, жена возвращается к прежнему мужу...».

35. Ляодуньчжи/сб.«Дифанлэй-Ляодунь Цоншу» (6). - Тайвань, Тайпей: издательство «Уивэнь Уиншугуань». - Т.9. – С.5

乞列迷有四種、性奸貪、居草舍、捕魚爲食、不櫛沐、着直筒衣、暑用魚皮、寒用狗皮。腥穢不可近、以溺盥洗。父子不親、夫婦無別。父母疾、遠構草庵處之、待其自死。不識五穀六畜、惟狗至多、牽拽扒犁。男耳重珠、項鐵圈、以有無知貧富。婚姻若娶其婦、則婦以下皆隨爲妾。男女老死、剗其腹焚之、以灰骨夾於木植之。溺死者以魚叉叉其屍、裹以海豹皮埋之、日變海豹矣。熊虎傷死者、裸躡其屍、作熊虎勢、令人射中、帶矢埋之、日變熊虎矣。物產則有海青、皂鵰、白兔、黑兔、黑狐、貂鼠。今皆入貢。

«Есть четыре племени чилеми. По натуре они вероломны и жадны. Они живут в

шалаших и для пропитания ловят рыбу. Они никогда не моются. Летом они носят одежду из рыбьей кожи, а зимой – из собачьего меха. Из-за грязи и зловония к ним невозможно приблизиться. Умываются они мочой. Родители и дети не любят друг друга. Мужья и жены не уважают друг друга. Когда родители заболевают, для них в отдалении строят шалаш, где их бросают в одиночестве умирать. Им неизвестны пять зерновых культур и шесть домашних животных. Но зато у них очень много собак. Собак запрягают в упряжки «пали». Уши мужчин украшены серьгами, на шею вешают железные кольца. Наличие или отсутствие этих украшений свидетельствует о том, здоров их обладатель или нет. Если мужчина женится на женщине, все ее младшие сестры также становятся его женами. Когда мужчина или женщина стареет и умирает, внутренности из тела вынимают, а само тело сжигают. Пепел и кости помещают на посаженное дерево. Если человек утонул, его тело протыкают острогой, заворачивают в шкуру тюленя и закапывают в землю. Существует поверие, что человек таким образом превращается в тюленя. Если человек ранен или убит медведем или тигром, тело не накрывают, а придают ему положение ползущего тигра или медведя; в тело пускают стрелу. Тело хоронят со стрелой в нем. Существует поверие, что убитый таким образом перевоплотился в медведя или тигра. Место славится голубыми и черными соколами, белыми и черными зайцами, чернобурыми лисицами и куницами. Все чилеми в настоящее время платят дань императору».

36. Дзокугун сёрудзю (Дополнение к серии исторических материалов). – Токио: «Дзокугун сёрудзю кансайся», 1903. – Т.3. - Свиток 73, раздел синтоистских храмов, хроника «Сува Даймё Дзинъэкотоба». – С. 511

<諏訪大明神絵詞>

「蝦夷が千島と云へるは、我が國の東北に當て大海の中央にあり、日本の本、唐子、渡党、この三類各三百三十三島に群居せり。今二島は渡党に混ず。その内に宇曾利鶴子別と萬堂宇満伊犬などと云う小島どもあり。この種類は多く、奥州津軽外が浜に往来交易す。…日本の本、唐子の二類は、その他外国に連なりて、形相夜叉のごとく、変化無窮なり。人倫、禽獸魚肉などを食して、五穀の農耕を知らず、九訳を重ねとも語話通じがたし。渡党は和國の人に相類せり。但し髭しゅ多くして、遍身に毛を

生ぜり。その語、人里野なりと云えども大半は相通ず。」

«К северо-востоку от нашей страны есть варварская страна тысячи островов (Эдзо-га Тисима); она расположена посередине большого моря. Три народа: хи-но мото, карако, ватарито, живут там каждый на 333 островах. Сейчас на двух островах ватарито смешаны с другими. На том острове есть маленькие острова под названием Усорикэси и Матомайну. Там много типов людей, они приезжают торговать в страну Оу в Цугару в место Сото-га хама. ... Земли двух народов - хи-но мото и карако граничат с другими странами. Они бескрайни и однообразны, как страна Еча (демонов). Люди в тех землях едят мясо животных и рыбу, не выращивают пять злаков. Говорят на таком непонятном языке, что даже не понять при помощи девяти переводчиков. Ватарито внешне очень похожи на японцев, но на голове и теле у них пышная растительность. Язык грубый, но в основном понятен».

Приложение 2.

Рис. 1. Река Амур и остров Сахалин на карте императора Канси. 1717 г.

Источник: Акидзуки Тосиюки. Нихон хоппэн-но танкэн то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

Рис. 2. Маньчжурский пост Делен

Источник: Мамия Риндзо. Тодасу тихо кико (Путешествие по Восточной Татарии)

Рукопись. Хранится в Северном архиве библиотеки университета Хоккайдо

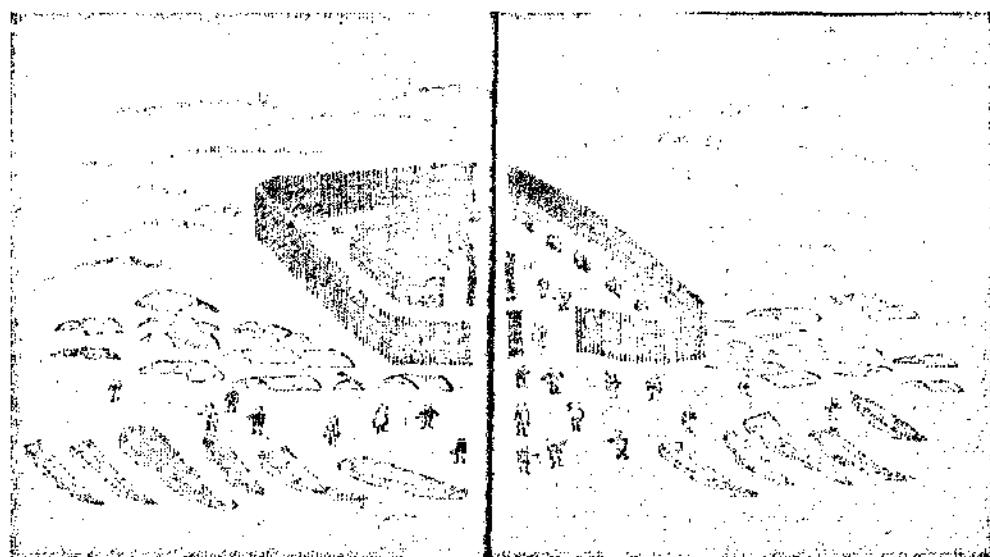

Рис. 3. Маньчжурский пост Делен

Источник: Мамия Риндзо. Тодасу тихо кико (Путешествие по Восточной Татарии)

Рукопись. Хранится в Северном архиве библиотеки университета Хоккайдо

Рис. 4. Маньчжурский пост Делен

Источник: Мамия Риндзо. Тодацу тихо кико (Путешествие по Восточной Татарии)

Рукопись. Хранится в Северном архиве библиотеки университета Хоккайдо

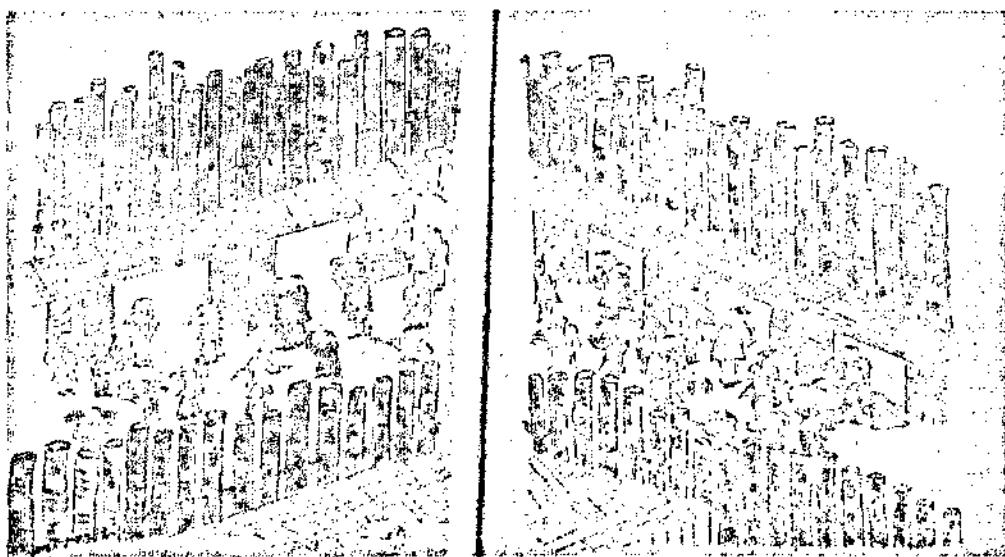

Рис. 5. Маньчжурский пост Делен

Источник: Мамия Риндзо. Тодацу тихо кико (Путешествие по Восточной Татарии)

Рукопись. Хранится в Северном архиве библиотеки университета Хоккайдо

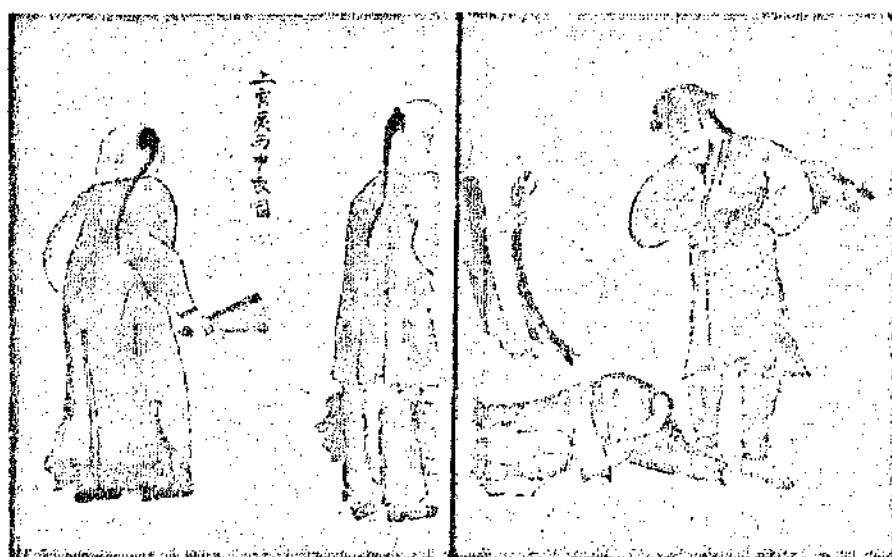
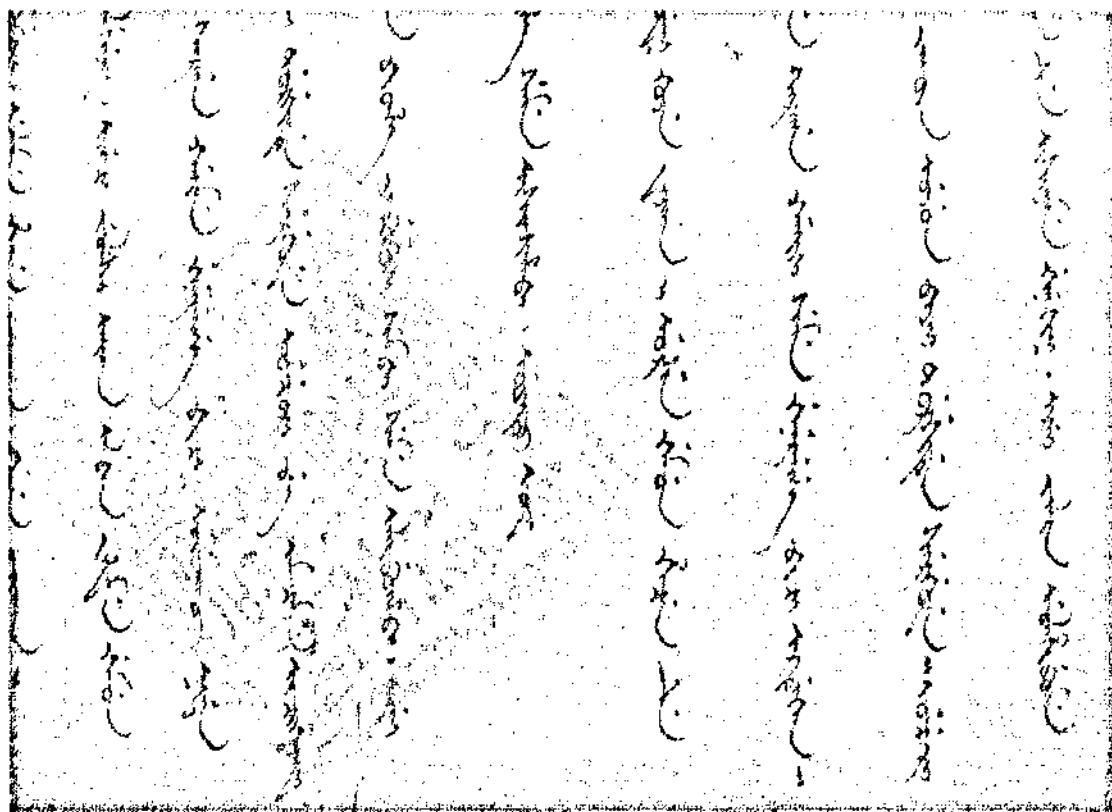

Рис.6. Маньчжурский документ из Наёро

Источник: Оригинал. Хранится в Северном архиве библиотеки университета Хоккайдо

**Рис.7. Оплот японцев на крайнем юге Сахалина в конце XVII – начале XIX в.
– Сирануси.**

Источник: Оригинал. Хранится в Отделе рукописей городской библиотеки Хакодатэ.

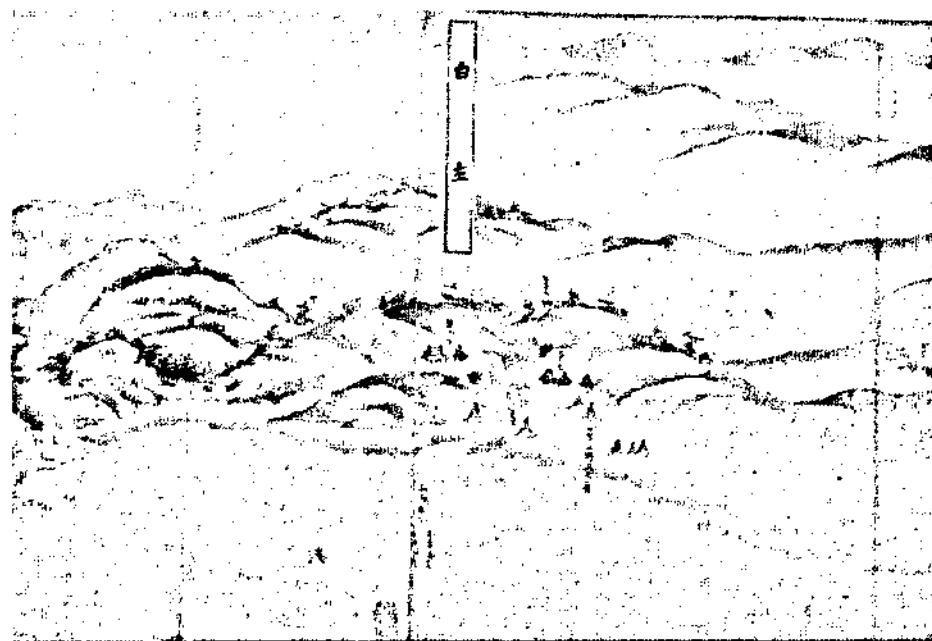

Рис.8. Айское селение Кусюннай на западном побережье Сахалина

Источник: Оригинал. Хранится в Отделе рукописей городской библиотеки Хакодатэ.

Рис.9. «Общая карта Японии годов Сёхо». 1644 г.

Источник: Акидзуки Тосиюки. Нихон хоппэн-но танъэн то тидзу-но рэкин (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

Фрагмент «Общей карты Японии годов Сёхо», на котором изображен север Хонсю, Хоккайдо и Сахалин.

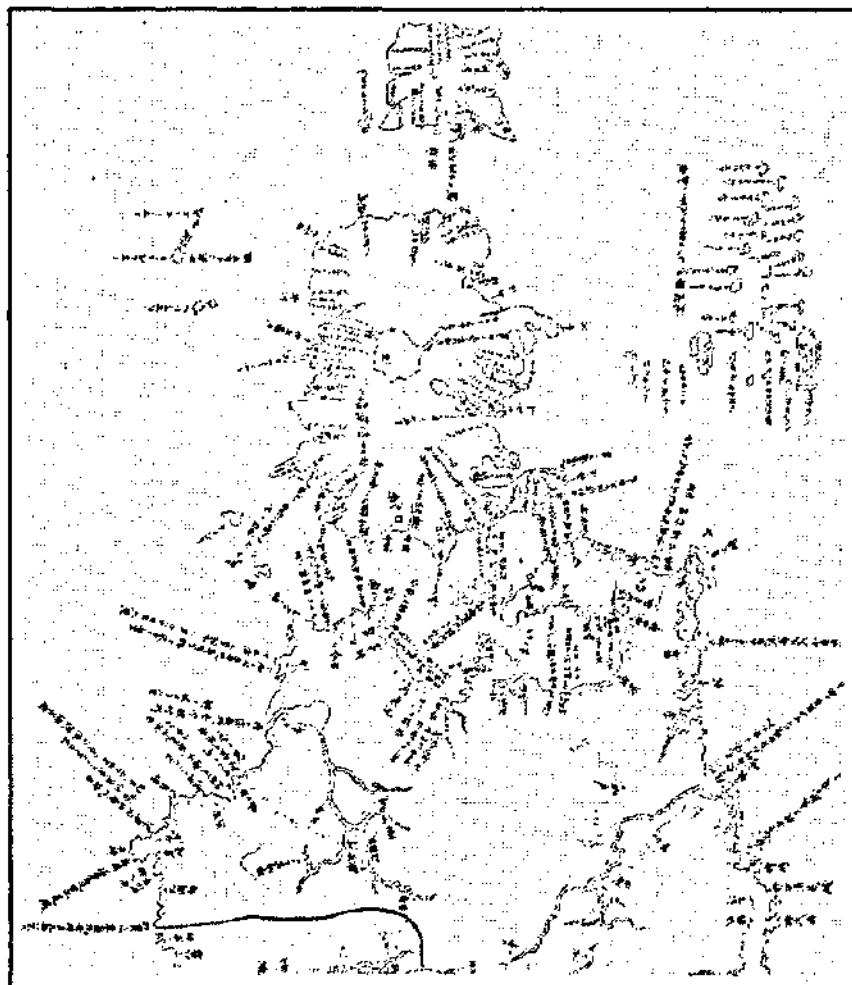

Рис.10. «Общая карта земель Эдзо», составленная экспедицией бакуфу. 1786 г.

Источник: Рукописная копия. Хранится в Северном архиве Хоккайдского университета

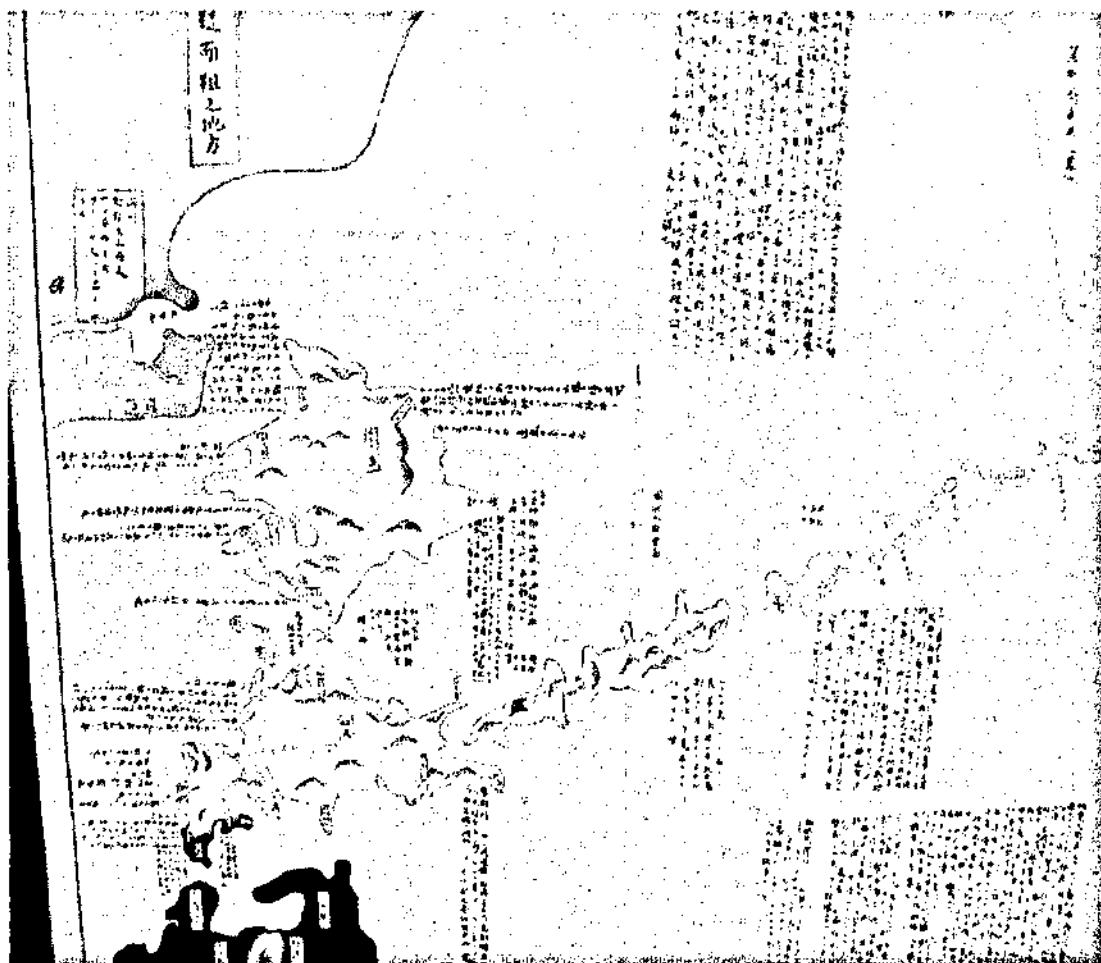

Рис.11. Карта земель Эдзо и Мацумаз, Нагакубо Сэкисуй. 1795 г.

Источник: Акидзуки Тосиоки. Нихон хоппэн-но танъон то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

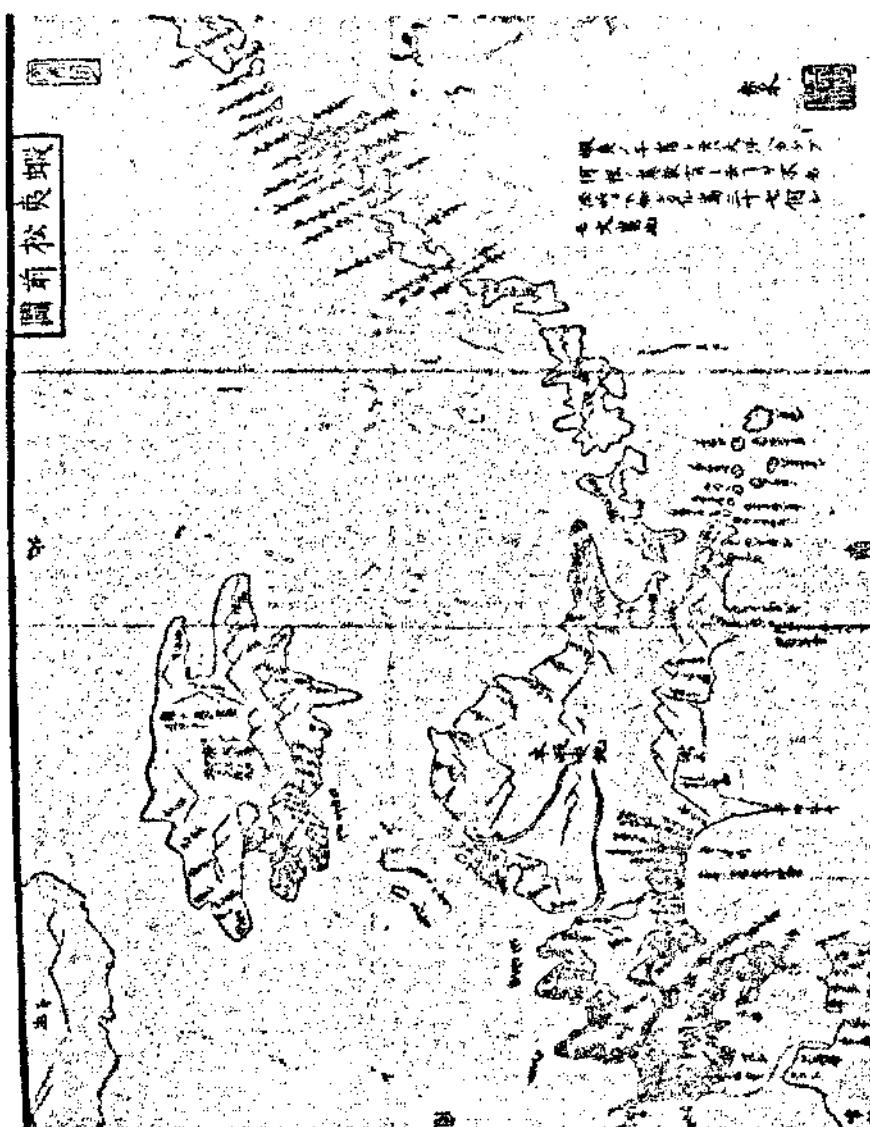

Рис.12. Могами Токунай, «Новая карта окрестных с Эдо земель». 1790 г.

Источник: Акидзуки Тосиоуки. Нихон хоплэн-но танъен то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

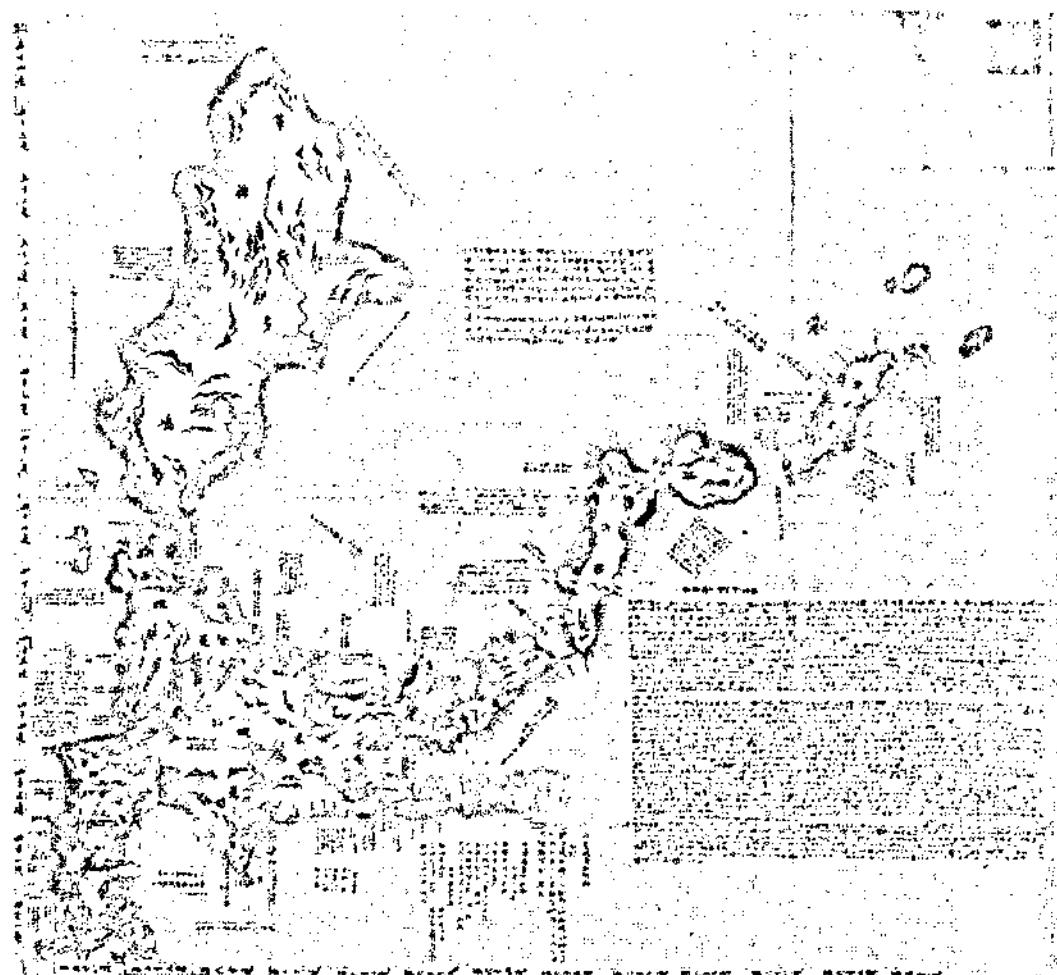

Рис.13. «Карта острова Каракуто», Такахаси Сэйдзэмон. 1790 г.

Источник: Акидзуки Тосиоюки. Нихон хоппэн-но таниэн то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

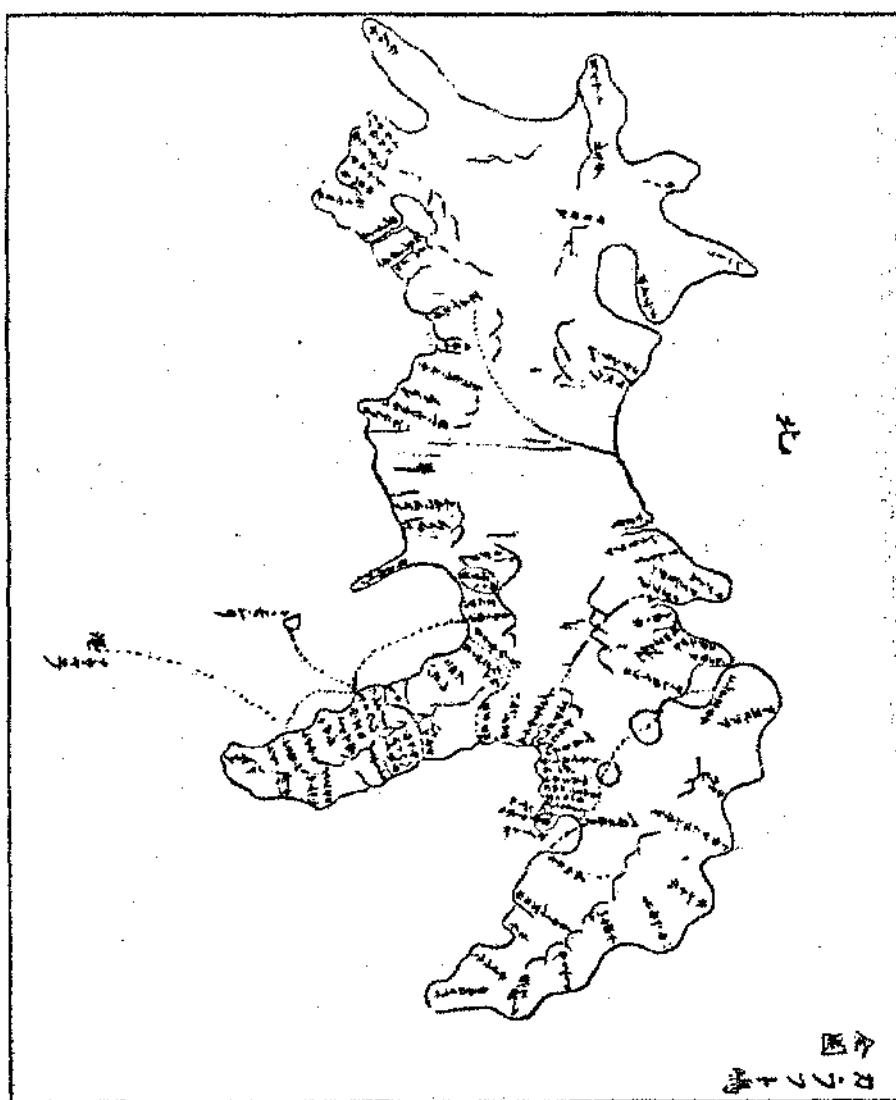

Рис.14. «Карта острова Карафуто», Такахаси и Накамура. 1801 г.

Источник: Акидзуки Тосиюки. Нихон хоппэн-но таниён то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

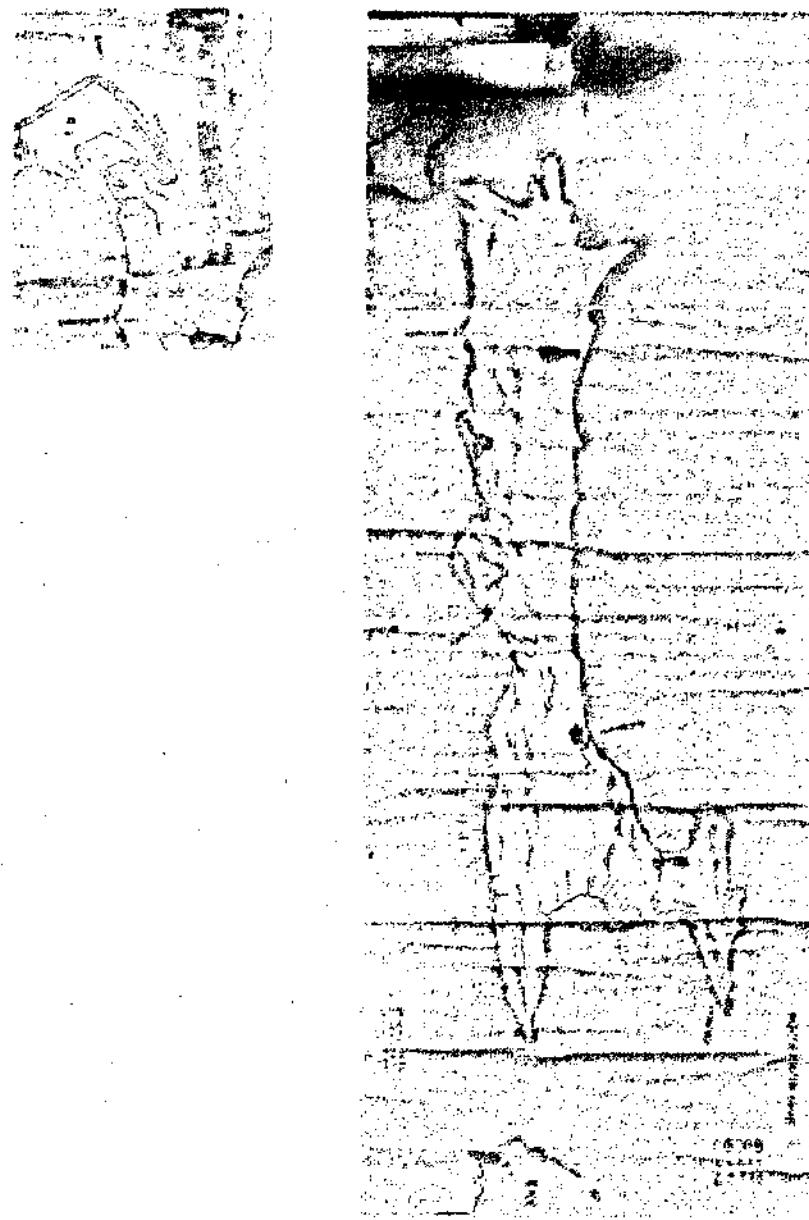

Рис.15. Кондо Дзюдзо, «Карта земель Эдзо». 1802 г.

Источник: Рукописная копия. Хранится в Северном архиве Хоккайдского университета

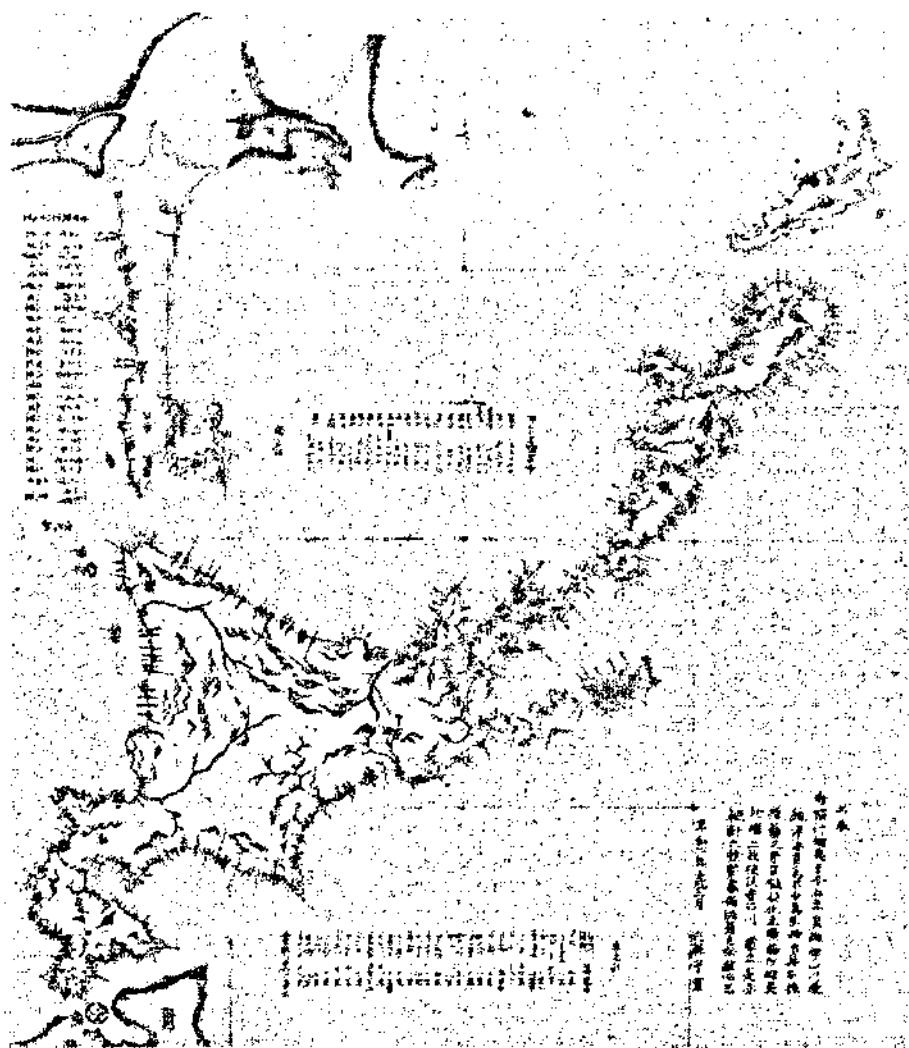

Рис.16. Сахалин на карте Мамия и Мацуда. 1808 г.

Источник: Акидзуки Тосиуки. Нихон хоппэн-но танъэн то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

Рис.17. Карта устья Амура и Сахалина, Мамия Риндзо. 1810 г.

Источник: Акидзуки Тосиоюки. Нихон хоппэн-но таниэн то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

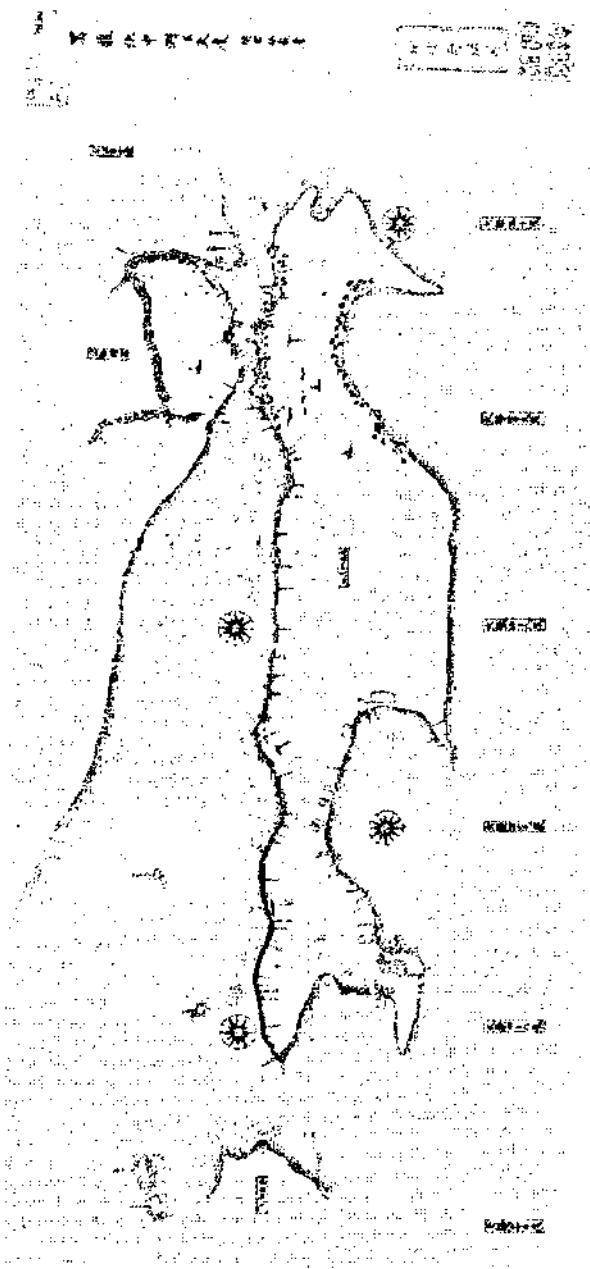

Рис. 18. «Краткая карта окрестностей Японии», Такахаси Кагэясу. 1809 г.

Источник: Акидзуки Тосиюки. Нихон хоппэн-но танъэн то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

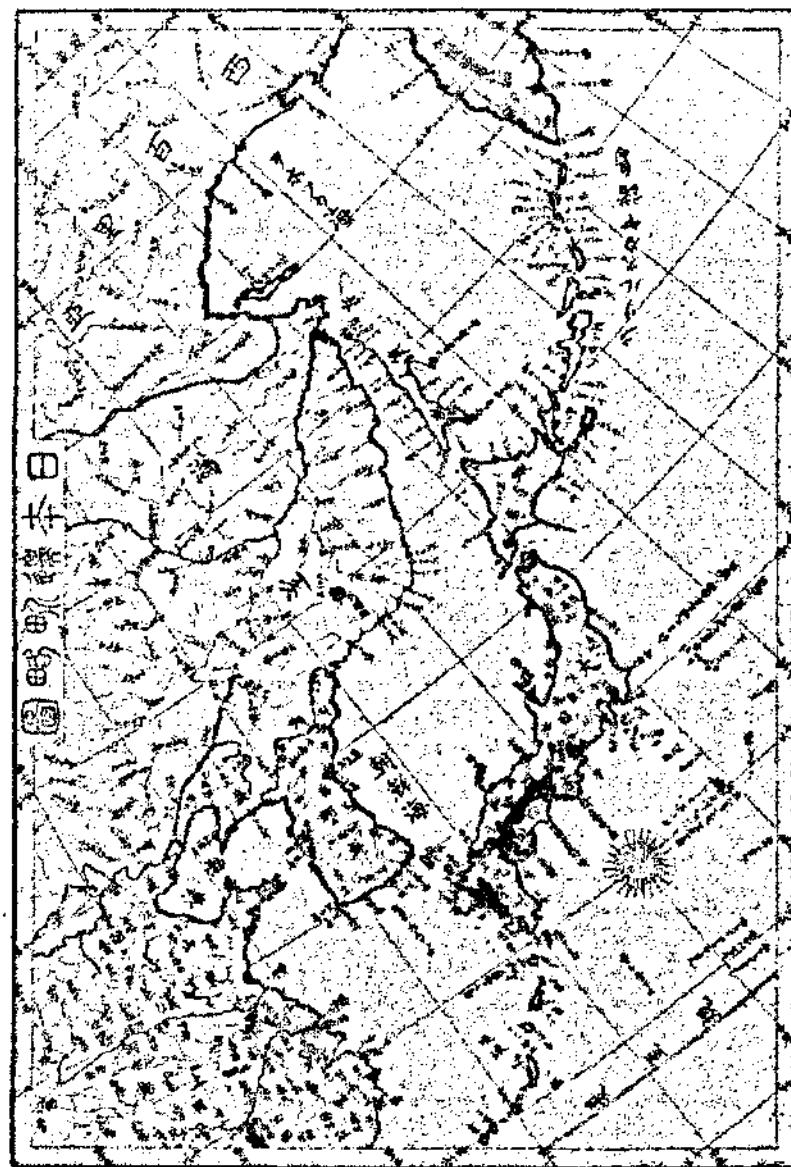

Рис.19. Копия послания Хвостова на французском языке

Источник: Оригинал. Хранится в Отделе рукописей городской библиотеки Хакодатэ.

Au Gouverneur de Shido-mura

La République de la Russie et l'empereur le plus éclairé des Barbares
s'engagent d'arrêter et de promouvoir pour le grand bonheur des deux Etats
de cette écurie l'affection, pour que il fut entre eux une amitié pure et
fraternelle; mais le regard que on lui a fait offrant pour le réflexion
et l'entendre du Commerce des Japonais dans les îles Amakusa et
Sachalin qui dépendent de l'Empire Russe, ont fait enfin ces deux
départies d'entre elles mêmes qui sont évidemment que les deux Etats possèdent
l'un et l'autre la domination au Commerce de l'Asie jusqu'à que ill se part
marchandise et marchandise d'ouvrage ou boulanger que les Japonais emploient
dans leur commerce des Barbares ayant circulé cette fois et plus de
domination l'empereur de l'Asie ont vu leur déshonneur leur grande force
celles que leurs Etats du développement toujours été installés et que un jour sera
au déshonneur du gouvernement de l'Asie pour faire perdre ces terres;

Рис. 20. Японское поселение Кусюнкотан в заливе Анива

Источник: Оригинал. Хранится в Отделе рукописей городской библиотеки Хакодатэ.

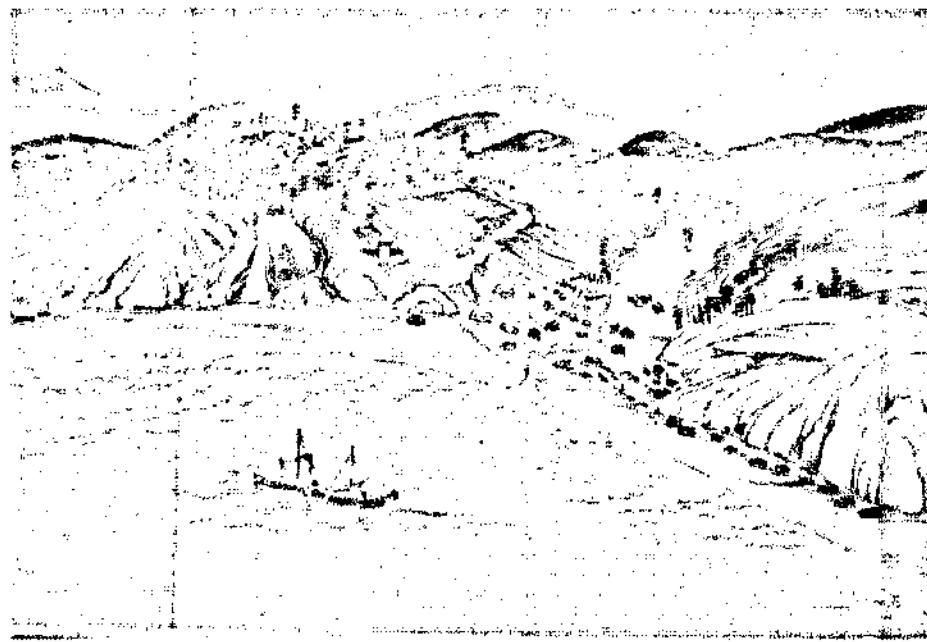

Рис. 21. Муравьевский пост в заливе Анива, 1853 г.

Источник: ДайНиппон комондзё – бакумасу гайкоку канкэй мондзё (Старые документы Великой Японии - Документы об отношениях с иностранными государствами в эпоху бакумацу). – Токио: издательство архива исторических документов Токийского университета, 1916

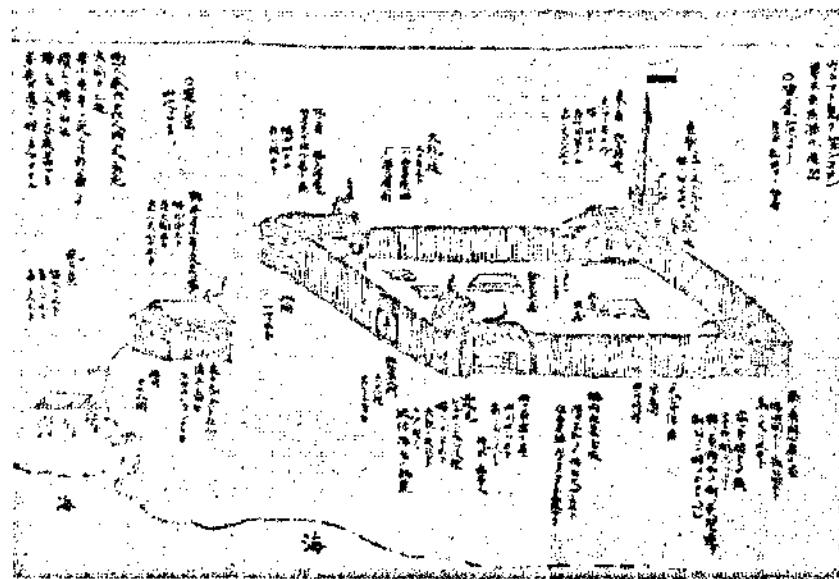

Рис. 22.Муравьевский пост в заливе Анива. Реконструкция.

Источник: Оригинал. Хранится в Корсаковском краеведческом музее.

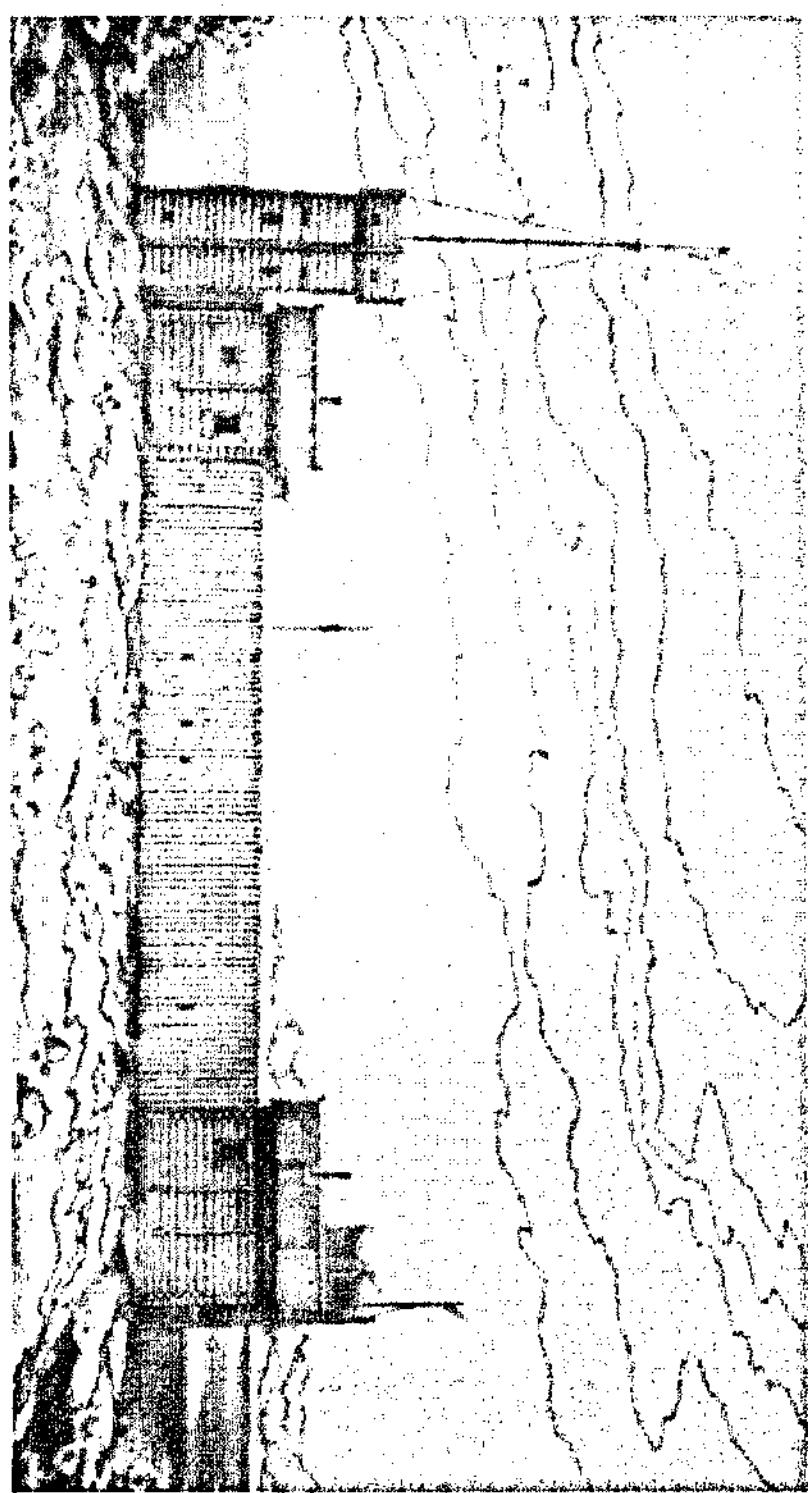

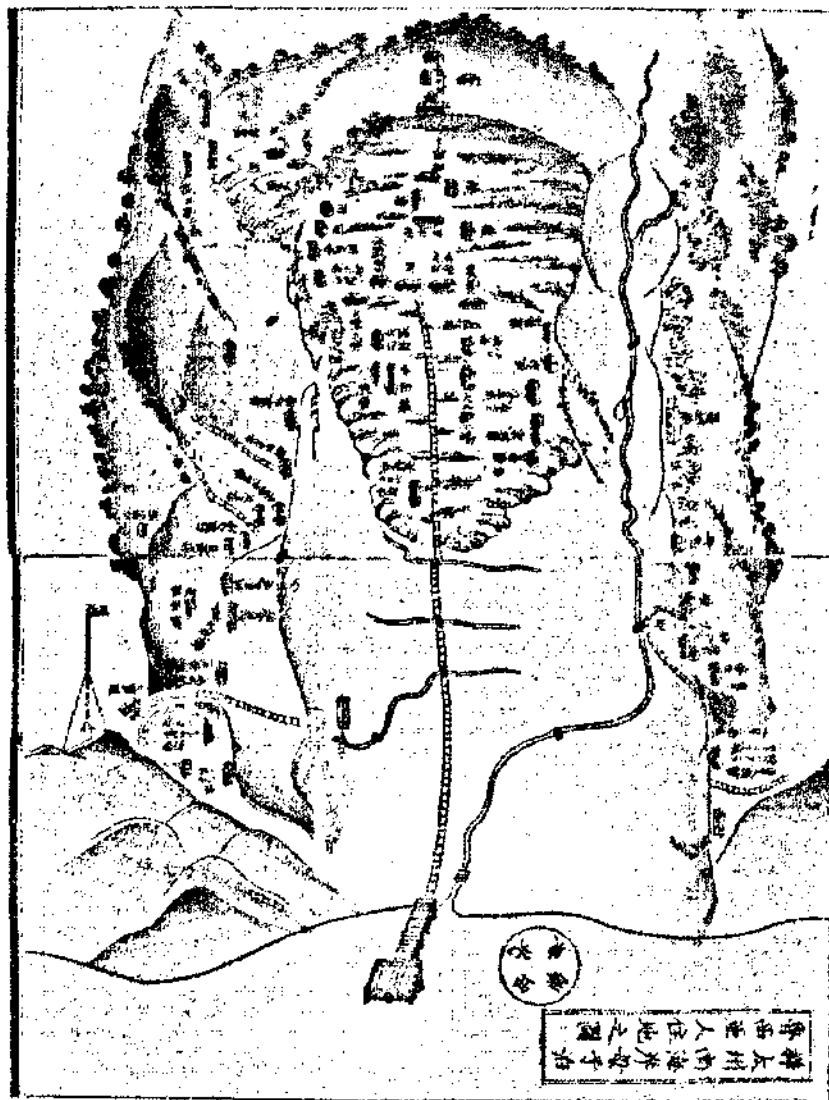
Рис. 23. Японский и русский посты в Кусуннае, 1857 год. Из дневника Мекада.

Источник: Акидзуки Тосиюки. Нихон хоппэн-но танкэн то тидзу-но рэкиси
(История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). —
Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

Рис.24. Кусюнкотан, русский Корсаковский пост в Хаккотомари, 1872 г.

Источник: Акидзуки Тосиоуки. Нихон хоппэн-но танъен то тидзу-но рэкиси (История исследований и картографии северо-западной части Тихого океана). – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1999

Приложение 3

**Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Фонд «Мэйдзи сёнэн
Карафуто канкэй росиаго мондзё» (Документы на русском языке по Сахалину
первых лет Мэйдзи)**

Док.- 4596 - 001

Начальнику японских поселений на острове Сахалине

На письмо Ваше от 26 августа японского стиля честь имею уведомить, что Правительство наше, никогда не имело в виду, нарушения дружественных с Японией отношений, что напротив все инструкции и предписания мною полученные, составлены в самом умеренном и миролюбивом смысле. Я же со своей стороны буду стараться, дабы мелкие недоразумения между нами были разрешены по общему с вами совещанию. Препятствовать заселению острова Вашиими крестьянами я решительно не вправе и никогда ничего подобного в виду не имел. О прибытии Вашем с господами Маруяма... я действительно имел уведомление от консула. О своих предприятиях и действиях на острове я не прочь Вам сообщать; впрочем, я так поступал и прежде.

До сведения моего дошло, что американское парусное судно, приходившее в прошедшем году в Кусун – Котан с грузом провианта, распространяло слухи о предстоящей войне с Японией. Прошу Вас покорно сообщать Вашему Правительству в Эдо, о несостоятельности подобных слухов. За этим прошу верить, что я со своей стороны, буду нерушимо держаться статей существующего между нами трактата.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении

Подполковник де Прерадович

Командующий отрядом на острове Сахалине

№217

Док. 4595 - 002

Начальствующему японскими поселениями на острове Сахалине

На письмо ваше ко мне от 21 сентября настоящего года имею честь уведомить что:

- 1) Русское Императорское Правительство, никогда не было и не имело бы быть под

попечительством иностранных держав;

- 2) Насколько японцам необходима южная часть Сахалина настолько может быть и наше Императорское правительство, считает обладание ею полезным для России;
- 3) Без всякого вмешательства иностранных держав, а только в силу временных Правил, заключенных в Петербурге в 1867 году, с Вашим Правительством, остров признан в неразделенном пользовании и мы имеем право селиться в местах не занятых Японским Правительством;
- 4) Нет письма ко мне Гон Ханзи, на которое не последовал бы с моей стороны ответ, только должен сказать, что некоторые с его стороны требования, буквально без всяких изменений повторялись по нескольку раз в год; В следствие чего я не считал лишним, возобновить мои ответы, и согласился на личные объяснения, но г-н Гон Ханзи на это не соизволил.
- 5) В долине Хаяка Томари, занято японцами одно только прибрежье, местность же которую я занимаю, от Японских построек свободна. Вот именно в силу этого обстоятельства, я и считаю себя вправе воздвигать на ней дома, рубить (бревна) деревья, и косить траву. Айских же могил мы не разрывали и напротив того я стараюсь их оградить. Если же действительно понечаянности и случилось что уронили несколько айских памятников, то это во всяком случае без моего веления и сделаны распоряжения, дабы ничего подобного впредь не повторялось.
- 6) Ограничивать меня числом домов которые я воздвигаю, Вы решительно не вправе, я поставлю их столько того требует необходимость.
Особенно мне странно Ваше требование относительно поста Кусуннай, где нет даже и присутствия японских заведений.
- 7) В производстве рыбных промыслов я Вас стеснять не могу и не буду; но и Вы со своей стороны должны помнить, что реки открыты для общего пользования русских айно и японцев. И наконец:
- 8) Наше дерево для построек, провиант и различные предметы, временно сложены на берегу, мы Вас в настоящее время стеснять не можем, ибо рыбных ловель Вами не производится.

С открытием же весны, я готов возобновить по этому поводу переговоры, и поступить по общему согласию и конечно дружественным образом. В местности Хаяка Томари равно как и в остальных занимаемых нами местах, мы составляем военные посты содержим в

различных пунктах месторасположения постов караулы. После 9 часов вечера, час пробитья вечерней зари, начиная с меня, никто без спроса не пропускается. 17 числа настоящего месяца заметил я несколько японцев, спускавшихся к нашим постройкам. Желая знать цель подобного посещения, я отправился к ним при двух своих офицерах и отрикнул их по айнски, не получая же ответа приказал удалиться, и затем пришел с конвоем с Кусюн Котана, и потребовал объяснений, у мне знакомых и подведомственных Вам чиновникам. Вследствие всего вышесказанного прошу Вас впредь во избежание несчастной случайности, в ночное время японцы проходили своим паюхаузам в Хахака Томари, не иначе как с переводчиком русского языка.

Подполковник де Прерадович

Док.- 4597 - 003

Заведующему японскими поселениями на острове Сахалине

№ 17 от 15 января 1870 г. п.Корсаков

Отъезжая на самое короткое время и по делам службы в город Николаевск, долгом считаю предупредить Вас Милостивый Государь, что общее командование отрядом, поручается капитану артиллерии Бочкареву, к которому и обращаться в случаях особенной важности. На разрешение же частных и маловажных недоразумений, в местности Хахка Томари, уполномачивается мною командующий 4-й ротой капитан Липинин:

Все требования Ваши как относительно проведения дороги, так и рыбных ловель, очистки берега, ломки каменного угля и так далее будут представлены на усмотрение Губернатора Приморской области.

Подполковник де Прерадович

Док.- 4598 - 004

№52

Начальнику японских поселений на острове Сахалине г-ну Окамото Кенске

Пребыв настоящего в пост Корсаков (Хаккотомари) и вступив в командование отрядом ... в случаях особенной важности обращаться лично ко мне.

Выражая признательность за сделанный мне подарок, прошу принять на память, .. часы.

С совершенным уважением имею честь быть Ваш покорный слуга

27 марта 1870 г.

в посту Корсаков ф. де Прерадович

Док.- 4599 - 005

№56 мая 1870 г. пост Муравьевский

Заведующему японскими поселениями на острове Сахалине

Отъезжая по делам службы в город Николаевск, я предупредил Вас Милостивый Государь, что командование отрядом, передаю командующему 4-м Восточно-Сибирским линейным батальоном есаулу Прутовых, к которому и просил Вас обращаться, в случае каких-либо недоразумений.

Прибыв обратно на остров и вступив в командование отрядом, я получил донесение Есаула Прутовых, о беспорядках, произведенных некоторыми из Ваших подчиненных, при устройстве нами пристани в посту Корсаков. Из донесения видно, что несколько вооруженных японцев, вознамерились прекратить насильственным образом предприняться наши работы и что при этом Вашими чиновниками не было принято равно никаких мер, к прекращению такого предприятия, или другими словами поступок этот, был как бы одобряем старшими японскими офицерами.

Такой образ действий несколько не соответствует неоднократно заявленному Вами желанию сохранять и поддерживать дружественные с нами отношения, и побуждает меня просить Вас разъяснений на каком основании допущены были Вами подобного рода беспорядки.

Подполковник де Прерадович

Док.- 4600 - 006

Милостивый Государь Господин Оотаке Тайму

Рыбная яма у пристани препятствовала к свободному проезду, и так, как в настоящее время у Вас нет рыбной ловли, то я приказал зарять яму, только одну, остальные ямы я не буду трогать, на будущую весну, если эта яма для Вашей рыбной ловли понадобится, то тогда можно будет вновь вырыть или сделать.

Прошу дать мне ответ.

Капитан Константин Васильевич Тяжелов

12 августа 1870 г.

п. Корсаков

Док-4604-008

Милостивый Государь!

В местности Чипсани около озера носящего название Чиписанского, недалеко от нашего поста, нами открыт пласт каменного угля и поставлены знаки, о чем заявлено было Вам подполковником де Прерадовичем, что уголь этот принадлежит русскому правительству, но Вы распорядились вопреки этого заявления и всякого права, приказать разрабатывать означенный пласт.

Я полагаю Вам известны условия обоих правительств, и они до сих пор не нарушены, а мы только исполнители их распоряжений; почему я покорнейше Вас прошу от имени Правительства, ныне же оставить разработку найденного нами и принадлежащего Русскому Правительству пласти каменного угля, во избежание серьезных столкновений на которые Вы постоянно напрашиваетесь нарушая общий мир. Поверьте, Милостивый Государь, что если Вы будете продолжать так действовать, то я вынужден буду, донеся Правительству, принять меры более серьезные против нарушения обоюдных прав и заставить Вас уважать их в других.

Мы не позволяем себе разрабатывать из Ваших пластов, на которых поставлены Ваши знаки и, не позволим ломать найденные и занятые нами.

Если Вы не распорядитесь нынче же снять Ваших рабочих с Чиписанского пласти каменного угля; я по данному мне праву сниму их силой, отобрав и все выломанное количество угля.

Мне известно, что рабочие Ваши перешли от поставленных нами знаков то есть от начала пласти к его середине, и продолжают работать; имейте ввиду, что знаки поставленные у начала пласти, показывают о занятии его на всем пространстве, в котором он залегает.

6 сентября 1870 г.

Временно командующий отрядом на острове Сахалине

Войсковой Старшина Сверчков

пост Муравьевский

Док.- 4617 - 014

Начальнику японских селений на острове Сахалине

Милостивый Государь

Господин Хосебе

Данным считаю уведомить Вас что июля 21 дня с.г. прибыл начальник русского населения острова Сахалина и военного отряда господин подполковник Федор Михайлович де Прерадович.

С полным к вам уважением имею честь быть готовый к Вашим услугам

И. Сверчков

Июля 22 дня 1871 года

п.Корсаков

Док.- 4638 – 031

4-й Восточно-сибирский линейный батальон

часть строевая

февраля 27 дня 1873 года

№137

пост Муравьевский на о.Сахалин

Начальнику японских поселений на острове Сахалине

Японцы живущие в посту Чиписани и на Джонке которая зимует в бухте Буссе занимаются продажей алкоголя и саги нижним чинам командуемого мною батальона, вследствии чего являются постоянные жалобы на неуплату денег и другие недоразумения. В видах также того, что продажа эта по нашим законам на о-ве Сахалине запрещена я прошу Вас Милостивый Государь сделать со своей стороны зависящее распоряжение, о запрещении продажи спирту и саги нижним воинским чинам.

О сделанном по сему распоряжении прошу поставить меня уведомлением.

Временно Командующий батальоном капитан Чипурин

батальонный адъютант подпоручик Корнев

Док. - 4653 - 042

Условие на случай недоразумений между японцами и русскими

Временно командующим русским отрядом на о-ве Сахалин капитаном Чепурновым и японским чиновником кайтакукан Хори и для сохранения дружбы заключено нижеследующее:

- 1) Не нарушать порядок, по которому запрещается русским входить к японцам и японцам к русским без нужды в жилые помещения или вообще стеснять людей и препятствовать при занятиях.
- 2) Если японцы у русских или русские у японцев будут делать воровство, насильную покупку, грабеж и т.д. ставлять их начальнику с которым и переговорить о виновности взятчика; если же будет совершено преступление с оружием в руках и в случае поимки преступный не сдается то не давая ему скрыться дать знать его начальнику.
- 3) Если в окрестностях, где находятся постройки или же в окрестностях расчищаемых придется что либо строить вновь и т.д. и для этого снести старое, или же занять места, занятые с прежних времен, тогда это делать не иначе как через подробные переговоры начальников обеих сторон.
- 4) Продажа русским японцами саке (род алкоголя) не будет когда нет письма о том начальника
- 5) Наконец, не забывать изложенного в трактате, заключенном прежде обоими государствами; строго соблюдая вежливые сношения, обходясь друг с другом миролюбиво и кратко.
- 6) Вышеизложенное заключено между начальниками, временно служащими на о-ве Сахалин а потому в случае перевода или временной отлучки в другое место одного из начальников, - непременно сие передавать следующему за ним лицу; когда новое лицо не соглашается в чем-либо из пунктов тогда снова это будет переменено по обоюдному переговору.

Для удостоверения сего на временном порядке написанном в японском и русском языках начальники обеих сторон подписываются с приложением печати

августа 1873 года

капитан Чепурнов

Док.- 4777-167

Временно командующего отрядом на о-ве Сахалин

№94 30 июня 1875 года

п.Корсаков

Весьма нужное

Начальнику японских поселений на острове Сахалине

Нижние чины командаляемого отряда покупают у ваших торгующих японцев саги, которой напиваясь, производят в пьяном виде в командах беспорядки, вследствие чего прошу вас не найдете ли возможность строго запретить вашим торгующим японцам продажу саги нижним чинам, которые будут приходить без записи своих начальников. О том, какое будет сделано Вами распоряжение, прошу меня уведомить.

Временно командующий отрядом майор Рябиков

Док- 4785 - 175

Командующий отрядом на о-ве Сахалин

№120 27 июля 1875 года

п.Корсаковский

Начальнику японских поселений на острове Сахалине

Препровождая к Вам при сем айно, который был вчера задержан в п. Корсаковском, с двумя токарями саги, которую он нес для продажи солдатам. Этот айно был послан продавать солдатам саги одним из торгующих в Кусун-Котане японцев. Вы окажете мне большую дружбу, если прикажете этого айно примерно наказать, чтобы это наказание видели и другие айно. Также прикажите, разузнать кто из торгующих японцев несмотря на то что еще Г. Хосебе было строго приказано не продавать никому саги, позволил себе продавать саги солдатам.

Пьянство между солдатами я очень строго преследую, предавая пьяниц военному суду. Это необходимо здесь на острове, потому что от пьянства всегда происходят разные дурные поступки, драки, грабежи, убийства.

Покорнейше Вас прошу самым строгим образом запретить продажу саги всем решительно солдатам без всякого исключения и также русским матросам с приходящими сюда судов, потом частным лицам, поселенцам, крестьянам, с. каторжным и всем прочим. За приходящими в Кусун-Котан солдатами прошу Вас приказать Вашей полиции иметь надзор и о таких которые будут там худо себя вести сейчас же прикажите давать мне знать. Кроме того прикажите полиции иметь надзор за переводчиком моим Решетниковым который более других любит пить

японское саги и очень часто без надобности ходит в Кусун-Котан.

С чувством глубокого уважения и дружбы имею честь быть всегда готовым к услугам Майор Рябиков

Док.-4790 - 180

Восточный Сибирский военный округ

Управление войск Приморской области

Отделение судное

11 июля 1875 года

№ 4760

г. Николаевск на р. Амуре

Командиру 4-го Восточно-Сибирского Линейного Батальона

По рассмотрению представленного ко мне при рапорте учрежденной при вверенном Вам батальоне военно-судной комиссии, от 7 июня сего года за № 6 военно-судного дела о рядовом того же батальона Павле Малыцеве и унтер-офицере Зосиме Шохиреве, - оказались они: по обстоятельствам дела и по свидетельским показаниям, хотя не ознавшимися, но навлекающими на себя сильное подозрение, в намерении летом, 1873 года, во время бывшего уже пожара поджечь принадлежащие японцам: первым дрова, а последним сарай, в чем однакож, к положительному обвинению их обоих, ни каких неоспоримых по делу доказательств вовсе не открыто, точно так же как и о том, какими именно русскими солдатами, как показывают японцы и некоторые русские свидетели, были наносимы некоторым японцам во время пожара побои и кем из русских же были брошены в огонь огнегасительные японские бронзбойты; а потому, что по этим двум последним обстоятельствам, оба эти нижние чины, подлежат к оставлению их от всякой ответственности свободными; но как относительно унтер-офицера Шохира, подпоручик Карленко показал, что этот нижний чин, будучи в пьяном виде действительно просил у него Карленки разрешения поджечь не горевший еще японский сарай, а между тем этот унтер-офицер Шохирев за увольнением его неизвестно куда именно в бессрочный отпуск, оставлен военным судом без обсуждения, то и следует уже учредить этот суд над ним по указанию 266, 281, 349 и по применению ко 2-му пункту 367 ст. II книги V части уст.

Воен. уголов. Изд. 1859 года, на месте теперешнего проживания его

По послужному списку, рядовой Мальцев показан: от роду 25 лет, из крестьян Томской губернии, Кайлинской волости, в службе по набору, с 16 февраля 1871 года женат, неграмотен, под судом не был, штрафам не подвергался и нашивки не имеет.

На основании всего здесь изложенного я определяю: рядового Мальцева, по обстоятельству и намерении им поджечь летом 1873 года на О-ве Сахалине принадлежащие японцам дрова, оставить в подозрении без внесения подсудности сей в штрафную графу послужного списка его и в ротный штрафной журнал, а по всем прочим обвинениям от подозрения освободить; для обсуждения же унтер-офицера Шохирева подлинное дело, - отослать к тому местному начальству в ведении коего он проживает в настоящее время, а о решении сем объявить тому из японских начальников, который покажется еще проживающим в наличности на о-ве Сахалине.

Прошу Ваше Высокоблагородие это мое решение привести в надлежащее исполнение и об исполнении оного мне донести.

Приложение 4
Таблицы

Таблица № 1
Японское и айнское население юга Сахалина (август 1873 г.)

Постоянные жители			Временные жители			Сезонные рабочие			Айны		
Мужчины	Женщины	Итого	Мужчины	Женщины	Итого	Мужчины	Женщины	Итого	Мужчины	Женщины	Итого
100	52	152	231	56	287	114	4	118	1206	1166	2372

Примечание: 1. Таблица составлена нами на основании сводной таблицы статистического сборника Колонизационного бюро; Новая история Хоккайдо. Указ.соч. – Т.3. – С.273
2. Чиновники и члены их семей не включены; их было немногим более 100 чел.

Таблица № 2
Японское рыболовство на Сахалине в российский период (1876 - 1903 гг)

год	Количество рыбопромышленников	Количество промысловых участков	Количество рыбаков	Объем рыбопродукции	
				В коку	В иенах
1876	13	16	530	3 114	20 784
1877	13	22	586	10 696	52 424
1878	17	22	614	8 034	46 886
1879	17	27	944	18 344	117 467
1880	25	26	1 121	23 967	199 015
1881	28	30	1 455	23 420	207 590
1882	22	30	1 580	34 917	300 898
1883	19	12	1 546	20 433	85 006
1884	10	12	475	3 029	12 115
1885	6	9	470	6 693	30 119
1886	12	17	606	9 581	42 158
1887	12	24	919	21 800	122 078
1888	12	28	1 127	23 566	134 125
1889	16	44	1 245	27 804	188 569
1890	15	41	1 318	19 316	105 528
1891	17	51	1 423	11 127	65 995
1892	18	59	1 495	26 308	150 086
1893	21	64	1 572	28 807	182 495
1894	20	71	1 967	31 884	241 744
1895	20	84	2 157	33 992	330 070

1896	25	116	2 787	41 635	584 618
1897	36	158	3 858	59 476	797 745
1898	44	192	4 424	50 510	689 133
1899	52	222	4 346	77 602	1 097 333
1900	38	126	2 917	57 357	796 185
1901	37	117	3 487	68 670	808 930
1902	35	107	3 704	84 584	846 139
1903	30	99	3 931	113 942	1 192 404

Примечания: 1. таблица составлена Нагано Ямию на основании отчетов японского консульства в Корсакове; Хакодатэ сиси (История города Хакодатэ). – Т.2. - Хакодатэ, 1990. – С.1145

2. 1 коку рыбопродукции равен 150 кг.

Таблица № 3
Рыбалки русских рыбопромышленников на Сахалине и объем произведенной на них в 1902 г. продукции

Рыбопромышленник	Рыболовный участок	Количество японских рыбаков	Объем продукции (пудов)
Семенов	Акибуси Аракунай Бонкотан Кумэкумай Маука Оходомари Пироцуэ Понтомари Поротомари Ракумака Сунмарситомари Такомбо Токотан Томаринокси Томарипо Томумай Тэмтомари Урантомари Уэнтомари Цунайкису Чисинайбо	850	сельд. тук 224 175 горбуша 2 288 капуста 45 750
Билич	Томариоро Томарипо Осоиконтомари Чихоманайбу Сираороро Комосирарабо Ниои Усутомунай Уцусуро	450	сельд. тук 150 975

	Экунтомари Орокэси		
Крамаренко	5 рыбалок в бассейне реки Поронай Восточная падь Совиная падь Водопад Первая падь Первая, вторая губа Буссе Риматомари	323	сельд. тук 32 510 кета 8 948 горбуша 23 812 рыбий жир 325
Трошин	Красино Найбо	90	сельд. тук 23 562 рыбий жир 914
Плетнев	Пороантомари первая Раккусэчинуй	85	сельд. тук 12 110 горбуша 3 203
Сукиннов	Вторая падь Третья губа	50	сельд. тук 12 095 горбуша 2 287 рыбий жир 120
Никоненко	Пороантомари вторая	46	сельд. тук 11 217
Савельев	Оманбэцу малый Карантинный	35	сельд. тук 6 054 горбуша 1 830
Итого	55 рыбалок	1 929	сельд. тук 475 698 горбуша 33 420 кета 8 948 рыбий жир 1 359 капуста 45 750

Примечания: таблица составлена Симидзу Мэгуми на основании архивных данных МИД Японии и помещена в краеведческом журнале «Хакодатэ», №21, март 1995 г., стр. 26